А.И.Юдин

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ СТОЯНКА И НЕОЛИТ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Педагогический институт Саратовского государственного университета
им. Н.Г.Чернышевского
Научно-Производственный центр по историко-культурному наследию

А.И.Юдин

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ СТОЯНКА И НЕОЛИТ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004

УДК 930.26 (470.44/.47)"6347"
ББК 63.4(235.54)
Ю16

Юдин А.И.
Ю16 Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 200 с.: ил.
ISBN 5-292-03198-4

В монографии впервые в полном объеме рассмотрены материалы Варфоломеевской стоянки – уникального культурного явления для степей Юго-Восточной Европы. На основании культурных горизонтов Варфоломеевки определено культурно-хронологическое положение других стоянок степного Поволжья и охарактеризована орловская неолитическая культура: время ее существования, территория, генезис материального комплекса, погребальный обряд, искусство и вопросы хозяйственной деятельности.

Ил. 95. Табл. 17. Библиогр.: 176 назв.

Научный редактор

Кандидат исторических наук, профессор *А.А.Выборнов*

Рецензенты:

Кандидат исторических наук *Е.В.Козин*
Кандидат исторических наук *А.В.Балановский*

УДК 930.26 (470.44/.47)"6347"
ББК 63.4(235.54)

ISBN 5-292-03198-4

© Юдин А.И., 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие……. 4

ГЛАВА 1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ....6
1. Физико-географическая характеристика региона…….6
2. История изучения памятников позднего каменного века степного Поволжья……..8

ГЛАВА 2. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ СТОЯНКА – ОПОРНЫЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ……..12
1. Стратиграфия и планиграфия культурного слоя и жилые постройки стоянки……14
1.1. Стратиграфия и планиграфия культурного слоя……14
1.2. Жилые постройки стоянки……..18
2. Керамика стоянки……23
2.1. Керамика нижнего слоя……. 23
2.2. Керамика слоя 2 Б…….. 30
2.3. Керамика слоя 2 А……..40
2.4. Керамика верхнего слоя…… 61
3. Каменные орудия и изделия……...65
3.1. Каменные орудия и изделия нижнего слоя……. 66
3.2. Каменные орудия и изделия из слоя 2 Б…….. 68
3.3. Каменные орудия и изделия из слоя 2 А……. 75
3.4. Каменные орудия и изделия верхнего слоя……82
4. Орудия и изделия из кости……85
5. Эволюция культурного комплекса стоянки. Исследования однослойного участка……105
6. Погребения на территории стоянки……117
7. Неолитическое искусство населения Варфоломеевской стоянки……..120

ГЛАВА 3. ОРЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, ЕЕ ХРОНОЛОГИЯ И СООТНОШЕНИЕ С КУЛЬТУРАМИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ…….. 130
1. Неолитические памятники степного Поволжья……..130
2. Орловская неолитическая культура…….. 138
3. Истоки сложения неолита степного Поволжья……140
4. Хронология памятников орловской культуры……. 145
5. Место орловской культуры в системе неолита Юго-Восточной Европы. Культурные контакты и связи……151
6. Хозяйство населения орловской культуры……...162
7. О хронологическом соотношении орловской и прикаспийской раннеэнеолитической культуры……169

Заключение……...175
Список литературы……178
Список сокращений……183
Приложение ……184
Summary……196

ПРЕДИСЛОВИЕ

Долгое время неолит степного Поволжья был известен исключительно по одному достоверно неолитическому комплексу с сохранившимся и исследованным культурным слоем – стоянке Орловка. Остальные памятники по большому счету не имели принципиального значения в понимании местного неолита, так как они или не содержали керамику (дюнные стоянки), или включали смешанные и разновременные материалы. Только с открытием и исследованием Варфоломеевской стоянки появилась возможность охарактеризовать степной неолит Поволжья, определить его хронологические рамки и место в культурной картине неолитической эпохи степей Юго-Восточной Европы.

Поэтому одна из основных задач данной работы – введение в научный оборот материалов уникального для Восточной Европы памятника археологии – Варфоломеевской стоянки, так как только на их основе можно поставить и решить ряд проблем древнейшей истории региона.

За годы, прошедшие с момента открытия и исследования Варфоломеевской стоянки, она стала одним из реперных памятников Нижневолжского региона и утвердилась в этом качестве в системе неолита Юго-Восточной Европы (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988; Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998; Anthony D.W., Brown D.R., 1991, p. 35; Vasiliev I., Vybornov A., 1998). Это также вызывает настоятельную необходимость максимально полной публикации материалов, часть которых уже введена в научный оборот ранее (Юдин А.И.: 1988, 1991, 1995, 1998а, 1998 б, 1999, 2000а, 2000б, 2003а).

Многослойная Варфоломеевская стоянка исследовалась автором в 1987-1990 и 1996 гг. Четыре разновременных и насыщенных находками слоя стоянки, остатки жилищ, погребения и культовые комплексы на одном памятнике позволяют проследить культурное развитие местного населения на протяжении более тысячи лет − от среднего неолита до раннего энеолита.

С изучением Варфоломеевской стоянки, аналогов которой в степной зоне Поволжья нет, появилась возможность определить культурную и хронологическую принадлежность подавляющей массы материалов, происходящих с развеянных и разрушенных стоянок, а также сделать существенные дополнения в культурно-хронологической характеристике небольшой группы памятников с сохранившимся культурным слоем из числа опубликованных и вновь выявленных.

Варфоломеевская стоянка – один из немногих поселенческих памятников степного Поволжья, подвергшийся комплексному изучению специалистами различных естественно-научных дисциплин. На памятнике было выполнено геологическое описание культурного слоя с подстилающими горизонтами и произведена привязка к литологическим слоям реперных памятников региона. В лабораториях Института археологии РАН и НИИ Геологии Саратовского госуниверситета сделаны палинологические определения. В трех лабораториях (Москва, Санкт-Петербург и Киев) по углю, ракушке и погребенной почве определен абсолютный возраст культурных слоев стоянки. Также выполнены палеозоологические определения, трасологический и палеомагнитный анализы, электроразведка культурного слоя.

Комплексная обработка материалов стоянки позволила получить данные о возрасте стоянки, палеоклимате на всем протяжении ее существования, хозяйстве населения и технологии домашних производств. В настоящее время Варфоломеевская стоянка является одним из наиболее изученных памятников степного Поволжья для неолитического времени, несмотря на относительно небольшую вскрытую площадь. В данной работе основное внимание уделяется материалам этой стоянки, благодаря которым можно определить культурно-

хронологическое место других, менее выразительных памятников неолитической эпохи, и охарактеризовать новую (орловскую) неолитическую культуру степного Поволжья.

Кроме того, материалы Варфоломеевки и других неолитических стоянок степного Поволжья позволяют поставить вопрос о культурной преемственности между орловским неолитическим и прикаспийским раннеэнеолитическим населением рассматриваемой территории.

Структура работы определяется задачей возможно более полного представления материалов Варфоломеевской стоянки – вторая глава книги полностью отведена описанию Варфоломеевской стоянки. В первой главе дается краткая природно-географическая характеристика региона и приводится краткая история изучения неолитических памятников степного Поволжья. Последняя глава посвящена характеристике орловской неолитической культуры, ее хронологии и взаимосвязям с другими культурами сопредельных регионов.

Ввиду уникальности керамического комплекса Варфоломеевской стоянки он представлен с максимальной подробностью. Это самая полная в регионе коллекция керамики, показывающая ее генезис на протяжении большей части неолитической эпохи, и поэтому основное внимание уделено эволюции ее форм и орнаментов по культурно-хронологическим горизонтам. При этом из типолого-статистического анализа были исключены фрагменты, стратиграфическое положение которых могло истолковываться неоднозначно.

Для упрощения восприятия информация, качественно описывающая керамику, сведена в табл. 1 – 8. По аналогичной методике с точной стратиграфической привязкой была проанализирована и коллекция каменных орудий, также показавшая эволюционный характер развития каменного технокомплекса.

Геологические условия залегания культурного слоя способствовали хорошей сохранности костных остатков животных, орудий и изделий из кости. На стоянке получена самая крупная в Нижнем Поволжье коллекция костяных изделий. Изучение этой коллекции позволило не только определить характер значительной части домашних производств, в процессе которых широко использовались орудия из кости, но и рассмотреть ряд проблем, касающихся уровня развития культуры и искусства неолитического человека Варфоломеевской стоянки.

Неолитические культуры чаще всего рассматриваются в трехступенчатой периодизации: ранний, развитой и поздний этапы. Но в данном конкретном случае более корректно говорить о раннем, среднем и позднем этапах неолита, так как результаты раскопок памятников во всех нижневолжских регионах свидетельствуют о том, что максимальный уровень развития археологических культур приходится на поздний этап неолита. Это особенно справедливо для орловской культуры, несомненный расцвет которой приходится на ее завершающий период, что наглядно проявляется на Варфоломеевской стоянке.

Время позднего неолита здесь отмечается резким увеличением площади памятника и максимальными по мощности культурными отложениями. В материальном выражении расцвет культуры проявился в увеличении до максимального значения вариантов форм керамической посуды и орнаментальных композиций. Расширился номенклатурный список орудий из камня и кости. Костяные орудия начинают украшаться сложным орнаментом, появляются многочисленные костяные поделки и мелкая скульптурная пластика. Расцвет культуры на позднем этапе был вызван ее внутренним развитием, совпавшим с благоприятными климатическими условиями и зарождением производящего хозяйства. Поэтому в данном случае культуру следует разбивать на периоды, следуя хронологическим признакам (ранний, средний и поздний этапы), так как качественные определения (ранний, развитой и поздний) здесь не будут соотноситься с фактическим материалом.

Автор выражает глубокую благодарность всем специалистам, результаты исследований которых использованы в данной работе: Д.Я.Телегину (Институт археологии НАН Украины), Е.А.Спиридоновой (Институт археологии РАН), Ю.А.Лаврушину (Геологический институт РАН), И.Е.Кузьминой (Зоологический институт РАН), А.К.Каспарову (Зоологический институт РАН), В.В.Килейникову (Воронежский государственный педагогический университет), А.В.Шадрухину (НИИ Геологии Саратовского госуниверситета); коллегам, посещавшим Варфоломеевскую стоянку в процессе ее раскопок: Н.Л.Моргуновой (Оренбургский государственный педагогический университет), Е.Н.Черных, С.Н.Кузьминых (Институт археологии РАН), И.Б.Васильеву, А.А.Выборнову, Е.В.Козину и П.П.Барынкину (Самарский государственный педагогический университет) − за помощь и консультации, которые не остались незамеченными, а также своим саратовским коллегам, помогавшим мне в исследовании Варфоломеевской стоянки: И.И.Дремову, А.Э.Бейербаху, В.В.Тихонову, В.В.Филипченко, С.И.Четверикову. Особую признательность выражаю коллеге В.Б.Воробьеву и всем студентам Саратовского госуниверситета, чьим трудом получены материалы в полевых сезонах 1987-90 гг.

Глава 1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

1. Физико-географическая характеристика региона

Рассматриваемый регион – степное Поволжье – является северной частью Нижнего Поволжья. Степное Поволжье разделено Волгой на две резко различающиеся части: низменное Сыртовое Заволжье в Левобережье и Приволжскую возвышенность на правом берегу. По принятому физико-географическому районированию степная зона Нижнего Поволжья включает западную часть заволжской степной провинции на Левобережье Волги и восточную часть нижнедонской провинции на Правобережье. По современному административно-территориальному делению степная зона охватывает все Саратовское Заволжье, заволжские районы к югу от г.Самары и северную половину Волгоградского Правобережья. На юго-западе степной зоны в пределы Волгоградской области заходят части среднего и нижнего течения р. Дона и Придонской равнины.

Сыртовое Заволжье орошается притоками Волги (Иргизы, Караманы, Еруслан) и реками бессточного Камыш-Самарского бассейна (Узени), а Приволжская возвышенность – в основном притоками Дона (Хопер, Медведица, Иловля). Для правобережной степи характерны изрезанные балками и оврагами мягковолнистые, иногда холмистые водоразделы высотой до 200-250 метров. Степное Заволжье, где расположена большая часть рассматриваемых памятников, имеет более спокойный рельеф. Степное Заволжье занимает юго-восточную часть Русской равнины, включая Сыртовую равнину, Приволжскую песчаную гряду, южные и юго-восточные склоны возвышенности Общий Сырт. В природно-географическом отношении Сыртовая равнина и Приволжская песчаная гряда выделяются в степную провинцию Низкое Заволжье, а Общий Сырт - в степную провинцию Высокое Заволжье. Низкое и Высокое Заволжье обладают рядом сходных физико-географических черт, позволяющих рассматривать их как единую страну.

Сыртовая равнина расположена между Приволжской возвышенностью и Общим Сыртом на протяжении 175 км. С севера она ограничена долиной р. Самары, а на юге равнина пологим уступом переходит в Прикаспийскую низменность. Протяженность Сыртовой равнины вдоль Волги − 350 км. В пределы Низкого Заволжья также включают Приволжскую песчаную гряду, вытянувшуюся узкой полосой вдоль левого берега Волги по Прикаспийской низменности от устья р.Еруслан до 49 градусов с.ш. Общая площадь Сыртовой равнины и Приволжской песчаной гряды − свыше 73 тыс. кв. км. Сложена Сыртовая равнина мощными песчано-глинистыми толщами акчагыльского времени, перекрытыми сыртовыми отложениями. Почвообразующими здесь являются желто-бурые карбонатные и лессовидные суглинки и глины и перекрывающий их в виде плаща делювий. На востоке в Сыртовую равнину вклиниваются отроги Общего Сырта.

Основные долины речной сети заложились в третичное время, но формирование современного облика речной гидросистемы происходит в позднем плейстоцене и голоцене. Западная половина Сыртовой равнины представляет собой древнюю долину Волги с серией четвертичных и современных пойменных террас, верхняя из которых поднимается до 100-120 м над Волгой. По направлению к Прикаспийской низменности высота террас быстро уменьшается. В долинах рек Волжского бассейна в зависимости от их возраста имеется от 1 до 3-4 террас. Рельеф Низкого Заволжья спокой-

ный. Широкие долины рек расчленяют поверхность на междуречные увалы или сырты. Поверхность увалов слабоволнистая (Лесостепь..., 1986, с.271-272; Юго-Восток ..., 1971, с.335; Шабанов М.А., 1959, с.178; Он же, 1964, с.3-4).

К востоку от Сыртовой равнины начинается возвышенность Общий Сырт. Южные и юго-восточные склоны западной части этой возвышенности составляют степную провинцию Высокое Заволжье. Для рельефа характерны узкие асимметричные сырты и очень широкие речные долины с маловодными в настоящее время реками. В ряде мест на возвышенных участках рельефа (с отметками около 200 м абсолютной высоты) встречаются глыбы железистого красно-бурого конгломерата, а также грубые желтовато-зеленоватые косослоистые пески с глыбами светло-серых и белых окварцованных песчаников. По характеру рельефа западная часть Общего Сырта отличается от Сыртовой равнины большей изрезанностью долинами рек и оврагами (Лесостепь…, 1956, с. 255; Васильев Ю.М., 1961, с. 23).

Характерной особенностью Высокого и Низкого Заволжья является то обстоятельство, что почти все расчленяющие их реки, относящиеся к бассейнам Волги и Урала, имеют широтное направление течения. Исключение составляют протекающие по волго-уральскому водоразделу реки. Большой и Малый Узени, относящиеся к бессточному Камыш-Самарскому бассейну, верхние течения которых проходят в продольном, близком к субмеридиональному направлению. Рек в степном Заволжье мало. Общая черта речной сети − исключительная маловодность. Даже наиболее крупные реки − Большой и Малый Иргизы, Большой и Малый Караманы, Большой и Малый Узени, Еруслан и Камелик не имеют постоянного водостока. Климат континентальный и засушливый, особенно в Высоком Заволжье, что определяется его расположением на южных и юго-восточных склонах Общего Сырта и близостью полупустынь Казахстана.

Континентальный климат с суровыми зимами и засушливым летом обусловили в Заволжье безлесность водораздельных пространств. Высокое и Низкое Заволжье − наиболее безлесные провинции степной зоны Русской равнины. Еще одна характерная особенность − эти две провинции занимают самое северное положение среди других, и в результате ландшафтного сдвига степному Заволжью почти на всем его протяжении на Правобережье Волги соответствует лесостепь.

Современные степные ландшафты в Заволжье начинают формироваться вслед за последним, осташковским, оледенением. Климатические изменения на протяжении голоцена практически не отражались на северной границе рассматриваемого региона. В засушливый суббореальный период сдвиг зон к северу не превышал ранга почвенной зоны, что не приводило к заметным сдвигам природных зон к северу. Более заметно колебания климата отражались на южной границе степной зоны, где изменение природных условий оказывалось существенным для ведения хозяйственной деятельности древнего населения (Иванов И.В., 1983, с. 33,39-40).

Ю.А. Лаврушин и Е.А. Спиридонова на стратиграфических разрезах Варфоломеевской стоянки провели детальное геолого-палинологическое изучение, способствующее обоснованию возраста культурных слоев, отложившихся в неолите и на рубеже нео-энеолитической эпохи. Аналогичные работы на этом памятнике были выполнены А.В. Шадрухиным, полученные данные проконтролированы радиоуглеродным и палеомагнитным методами, что позволяет рассматривать Варфоломеевскую стоянку как определенный стратотип.

В результате проделанных работ стало возможным составить достаточно четкое представление о природных особенностях среды обитания древнего человека на протяжении среднего и позднего неолита в степном Заволжье.

Нижний (третий) культурный горизонт Варфоломеевской стоянки имеет радиокарбонный возраст около 7 тыс. лет назад. Человек в это время обитал в условиях полупустыни, где господствовали злаково-полынные группировки с локально засоленными участками, на которых были широко представлены сообщества маревых.

Древний человек второго культурного горизонта обитал в условиях полынно-злаковой степи с большей задернованностью, которая способствовала большей биологической продуктивности степи. Тем не менее природная обстановка в это время не оставалась постоянной − примерно в средней части горизонта был отмечен интервал с большей аридизацией климата, вызвавшей появление марево-полынных растительных сообществ. Таким образом, для горизонта 2 Б отмечается следующая смена палеоландшафтов: полынно-злаковая степь − марево-полынная полупустыня − полынно-злаковая степь.

Древнее население стоянки в период формирования культурного горизонта 2А существовало в достаточно сложной и неоднородной природной обстановке оптимума тепла атлантики голоцена. Начало формирования слоя связано с широким развитием настоящих злаковых степей с локально засоленными участками почвы. Позднее получила распространение настоящая злаковая степь, которая могла сформироваться в условиях не только теплого, но и более влажного климата. Это время позднего неолита явилось наиболее благоприятным для населения стоянки, что видно даже по мощности культурного слоя, площади его распространения и насыщенности артефактами. Аналогичная картина наблюдалась и на других изученных памятниках нижневолжского региона этого времени, расположенных южнее, в Северном При-

каспии (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999, с. 27-29).

Вторая половина времени существования древнего человека культурного горизонта 2А была связана со значительной аридизацией климата. На смену злаковым степям в районе сформировались последовательно: злаково-маревые, маревые и марево-полынные сообщества. Подобная смена растительных сообществ позволяет говорить о смене степных ландшафтов на полупустынные и даже пустынные в раннеэнеолитическое время.

2. История изучения памятников позднего каменного века степного Поволжья

Исследования неолитических памятников степного Поволжья не имеют такой богатой истории, как раскопки и изучение более поздних памятников региона. Подавляющее большинство материалов получено за последние три десятилетия, хотя эпизодические исследования нижневолжского неолита были начаты еще в дореволюционное время. Они связаны с деятельностью Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). С 1908 года Н.А.Димо проводил первые разведки на дюнных стоянках в Камышинском, Балашовском и других правобережных уездах Саратовской губернии (Зайковский Б.В., 1913, с. 187-213). В 1912 году в музей СУАК стали поступать находки каменных изделий от членов СУАК П.Н. Шишкина, Ф.Д. Охлябинина и С.А. Щеглова, собранные на дюнах Заволжья, в Новоузенском уезде Самарской губернии (ныне Саратовское Заволжье). Это коллекции кремневых изделий с дюны Прапорский Бугор на р. Саратовке севернее г. Покровска и из урочища Подстепное в том же районе. Аналогичный материал был найден Ф.Д. Охлябининым в 1913 году у с. Тонкошуровка на р. Б. Караман.

Расцвет археологической и краеведческой деятельности, связанный в первую очередь с именем П.С. Рыкова и его учеников, начался в Саратовском крае в первое послереволюционное десятилетие. Планомерные археологические исследования сказались и в накоплении новых данных о памятниках нео-энеолитической эпохи. П.С. Рыков в 1924 году обнаружил дюнную стоянку у с. Салтово на р. Еруслан, а в 1926 году Т.М. Минаева и П.Д. Рау на р. Торгун у хут. Крахмал и у хут. Шульц открыли два памятника с каменным инвентарем. Наиболее интересные находки с большинства перечисленных памятников и нескольких дюнных стоянок по левому берегу Волги были опубликованы Т.М. Минаевой (Минаева Т.М., 1929). Последовавшие в 30-х годах политические репрессии отрицательно сказались на развитии археологии в Саратовском крае, и дальнейшее изучение памятников неолитического времени было продолжено только после Отечественной войны.

В послевоенные годы основное внимание исследователей привлекли памятники эпохи бронзы и их соотношение с предшествующими и последующими культурными образованиями, но сведения о неолитических стоянках постепенно продолжали накапливаться. В 1945 году на левом берегу Волги, в Духовницком районе, на старичных дюнах И.В. Синицын открыл две стоянки (Синицын И.В., 1946, с. 9-10). В 1955 году Т.Б. Попова при раскопках срубного поселения Быково I встретила слой с кремневыми орудиями (Попова Т.Б., 1960).

Остальные заволжские памятники неолитического времени стали известны в результате полевых исследований в 80-90-е гг. археологических экспедиций Саратовского госуниверситета (Юдин А.И., 1989а). Территория Заволжья, как и всего степного Поволжья, исследована пока неравномерно. Перечисленные памятники далеко не равнозначны как источники и условно разделены на три типа: дюнные стоянки, местонахождения, стоянки с сохранившимся культурным слоем.

1. Дюнные стоянки. Содержат разновременный материал. Находки неолитического и энеолитического времени отчленяются от позднейших, но разделить их между собой значительно труднее: многие категории каменных орудий и изделий не претерпевали изменений на протяжении этих двух эпох, а керамика в песчаных дюнах сохраняется очень плохо из-за большой примеси толченой ракушки, придающей ей рыхлость. Дюнные стоянки приурочены к песчаным выходам в речных долинах, по берегам рек или старичных озер, иногда на значительном удалении от современного русла реки.

2. Местонахождения. В процессе разведок не всегда есть возможность выяснить наличие культурного слоя на месте сбора находок. Такие памятники отнесены к местонахождениям. Подъемный материал на местонахождениях зачастую тоже разновременен, но, в отличие от дюнных стоянок, его значительно меньше. В некоторых случаях местонахождения дают одновременный комплекс находок, который поддается культурной и хронологической идентификации.

3. Стоянки с сохранившимся культурным слоем. Культурный слой неолитического времени в Заволжье часто перекрывается более поздними напластованиями. Основное внимание в данной работе уделено памятникам третьего типа.

В первые десятилетия после открытия неолитических стоянок накопленный материал практически не подвергался теоретическому осмыслению, кроме констатации факта наличия стоянок. Нео-энеолитические комплексы Нижнего Поволжья впервые были выделены Т.М.Минаевой из

смешанных и разновременных коллекций дюнных стоянок, и это вызвало оправданную осторожность в их хронологическом определении (Минаева Т.М., 1929, с. 26). Итоги изучения самых ранних памятников в довоенные годы подведены П.С. Рыковым. Он указал на несомненное существование в Нижнем Поволжье мезолитического ("эпипалеолитического") и неолитического населения и пришел к следующим выводам: во-первых, нижневолжский неолит будет коренным образом отличаться от лесного неолита Верхней Волги и Оки, относительно хорошо известного к тому времени, и, во-вторых, некоторые категории каменных микролитических орудий на территории Нижнего Поволжья существуют весьма продолжительное время, от позднего мезолита до ранней бронзы (Рыков П.С., 1936, с. 7-9).

И.В.Синицын, продолживший изучение ранних памятников, обратил внимание на значительное сходство кремневых изделий на территории Заволжья, Северного Прикаспия и Западного Казахстана и синхронизировал материалы дюнных стоянок с кельтеминарской культурой (Синицын И.В., 1950, с. 104). Но поскольку все находки были представлены подъемным материалом, в исключительно редких случаях содержавшим раннюю керамику, вопрос о времени существования комплексов каменных орудий, и в частности микролитов, оставался открытым. В 1954 году при исследовании кургана 9 Бережновского второго могильника встретились ямные погребения с кремневыми изделиями, что и послужило причиной отнесения И.В.Синицыным большей части дюнных стоянок к ямному времени (Синицын И.В., 1960а, с. 10).

Это привело к парадоксальной ситуации, подмеченной Г.Н.Матюшиным. В то время как на Дону, Средней Волге и Урале был открыт и изучен ряд неолитических стоянок, в Нижнем Поволжье ранние поселенческие памятники относили к древнеямной эпохе. Г.Н.Матюшин проанализировал часть археологических коллекций Нижнего Поволжья и показал невозможность включения их в ямную культуру. В степном Заволжье ко времени раннего неолита им отнесены сборы с дюны Прапорский Бугор (Матюшин Г.Н., 1968, с. 240).

Однако, несмотря на постепенное накопление материалов по позднему каменному веку, создание цельной картины неолитического времени без исследования памятников с сохранившимся культурным слоем было невозможным. Одним из первых таких памятников стала стоянка Орловка в Волгоградском Правобережье, исследованная В.И.Мамонтовым в 1968 году. На стоянке впервые была получена керамика в комплексе с каменными орудиями. Но источниковедческая база неолита Нижнего Поволжья была еще настолько мала, что ближайшие аналогии (и как оказалось позднее, вполне оправданные) обнаружились только в неолите Южного Урала (Мамонтов В.И., 1974).

Немногочисленные неолитические памятники степного Правобережья систематизированы В.И.Ереминым (Еремин В.И., 1977). К наиболее ранним из известных на данной территории он отнес стоянки Орловка, Качалино, Рахинка и синхронизировал их с поздненеолитическими могильниками Приазовья.

В степном Заволжье в 1985 году был открыт эталонный памятник степного поволжского неолита − Варфоломеевская стоянка. Находки на стоянке позволили провести культурно-хронологическую привязку малоинформативных материалов дюнных стоянок и местонахождений степной зоны к культурным слоям Варфоломеевки, что, вместе с материалами стоянки Орловка, дало возможность говорить о новой археологической культуре – орловской (Юдин А.И., 1995).

Материалы нижневолжского степного неолита пока не являлись предметом специального изучения из-за недостаточной полноты источников и лишь изредка привлекались в качестве аналогий при рассмотрении частных или общих вопросов этого периода на сопредельных территориях. Даже в сводных работах последних лет археологическая карта степной зоны Поволжья отличается отсутствием памятников, за исключением Варфоломеевской и Орловской стоянок (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988).

Генезис древнего населения степного Поволжья находился в тесной взаимосвязи с культурными процессами сопредельных регионов, в первую очередь с полупустынными районами Нижнего Поволжья − Северного и Северо-Западного Прикаспия и южными районами лесостепного Поволжья. В этих регионах открыто и изучено значительное количество неолитических памятников, историография которых к настоящему времени весьма обширна. Решение многих вопросов эволюции неолитических памятников непосредственно связано с проблемами неолита степного Поволжья.

Первые итоги многолетних полевых исследований в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии подведены в работе И.Б. Васильева и А.А. Выборнова "Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы" (1986, с. 3-20).

В своих более ранних работах авторы обосновали выделение памятников тентексорского типа, относящихся к позднему неолиту. Анализ керамического комплекса стоянки Тентексор позволил им утверждать, что описанная ранее А.Н. Мелентьевым сероглазовская неолитическая культура и материалы стоянки Тентексор идентичны, но плоскодонность керамики и характер кремневого инвентаря говорят о поздненеолитическом возрасте памятников, а не о ранненеолитическом, как считал А.Н. Мелентьев (1975, 1978).

В названной работе авторы предложили рассматривать неолит Северного Прикаспия в рамках новой джангарско-тентексорской культуры, где

эталонным памятником для раннего этапа является стоянка Джангар на Правобережье, а стоянка Тентексор − для позднего этапа на Левобережье. Все выводы данной работы относятся к пустынным и полупустынным районам Нижнего Поволжья, то есть непосредственно примыкают с юга к рассматриваемому автором данной работы региону.

Нео-энеолитическое время более северных, лесостепных районов Поволжья и Волго-Уральского междуречья подробно рассмотрено Н.Л.Моргуновой в ряде работ (1980, 1984*а*, 1995). По материалам региона выделена волго-уральская неолитическая культура с тремя этапами развития. К раннему этапу отнесены памятники елшанского типа с шиподонной керамикой. Второй этап характеризуется накольчато-прочерченной керамикой, а третий − гребенчато-накольчатой.

Неолит Северо-Западного Прикаспия рассматривается в работах П.М. Кольцова (1984, 1987, 1987а,1988, 1989, 1990, 1990а). Им обосновано существование джангарской неолитической культуры и ее три этапа: ранний (стоянки типа Ту-Бузгу-Худук 1), средний − два нижних слоя стоянки Джангар и поздний − верхний слой Джангара. Джангарская культура рассматривается как составная часть североприкаспийской культурно-исторической области; ее хронологические рамки − от середины VI тыс. до н.э. до начала IV тыс. до н.э.

К проблемам неолита Поволжья неоднократно обращался Д.Я. Телегин. Сначала им был выделен орловский тип памятников (Телегін Д.Я., 1981), а затем нижневолжские памятники рассмотрены в системе всего неолита юга Европейской части страны. Памятники Нижней Волги помещены в днепро-волжскую культурную общность, включающую культуры днепро-донецкой этнокультурной общности Украины, ракушечноярскую и среднедонскую культуры Подонья, сероглазовскую, волгоуральскую и самарскую культуры Поволжья. Неолитические памятники степной и полупустынной зон Нижнего Поволжья объединены в сероглазовскую культуру с тремя этапами: ранним джангарским, средним тентексорским и поздним орловским (Телегин Д.Я., 1988, с. 33-56).

В.П.Третьяков отмечал своеобразие неолита Нижней Волги. По его мнению, немногочисленные памятники нижневолжского региона в культурном плане отличаются как от днепро-донецких, так и от южноуральских древностей (Третьяков В.П., 1974).

За последнее десятилетие круг источников по неолиту и энеолиту Поволжья расширяется после очередного полевого сезона настолько, что в сложившиеся схемы постоянно вносятся коррективы. В последней обобщающей работе по неолиту Поволжья И.Б.Васильев и А.А.Выборнов рассматривают памятники елшанского типа как особую культурную группу, явившуюся одним из компонентов сложения средневолжской культуры лесостепного Поволжья. Характер культуры синкретичен, она постоянно испытывала культурное воздействие лесного населения с севера и степного – с юга, что наиболее ярко отразилось в облике керамики. Намечены три этапа развития культуры и два территориальных варианта − сурско-мокшанский на Правобережье и самарско-токский в Заволжье. В принципиально ином плане группируются памятники степной и полупустынной зон. Все они объединены в нижневолжскую культурную область, включающую каиршакско-тентексорскую и джангарско-варфоломеевскую культуры. Каиршакско-тентексорская культура на раннем этапе представлена памятниками типа Кугат 4 и Кулагайси, на среднем − памятниками каиршакского типа, на позднем − тентексорского. Джангарско-варфоломеевская культура также разделена на три этапа: ранний − памятники типа Ту-Бузгу-Худук, средний − нижние слои Джангара и поздний − верхний слой Джангара и Варфоломеевка с Орловкой (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988).

За прошедшие годы точка зрения авторов не претерпела существенных изменений. Неолитические памятники Нижнего Поволжья объединяются в каиршакско-тентексорскую и джангаро-варфоломеевскую культуры в рамках нижневолжской культурно-исторической области. В целях терминологического упрощения предлагается именовать культуры каиршакской и джангарской или орловской. Особо подчеркивается, что памятники этих культур нельзя рассматривать в качестве одной сероглазовской культуры, так как различия между ними существенны, и в дальнейшем все равно произойдет их расчленение, как это было с днепро-донецкой культурой (Vasiliev I., Vybornov A., 1998., Выборнов А.А., 2000, с. 26-28).

Несколько иной точки зрения на неолит Северного Прикаспия придерживается Е.В.Козин. Несмотря на констатацию значительных отличий между памятниками каиршакского и тентексорского типов, объясняющихся значительным хронологическим разрывом, он обосновывает генетическую преемственность каиршакских и тентексорских стоянок в рамках сероглазовской культуры, где ранний неолит представлен памятниками типа Кугат, средний неолит – каиршакскими памятниками и поздний − тентексорскими. Хронологические разрывы между культурными типами памятников были вызваны периодическим резким ухудшением природно-климатических условий, которые вынуждали население перемещаться на окраины Прикаспийской низменности (Козин Е.В., 2002).

Высказывалось даже мнение, что неолитический комплекс Варфоломеевской стоянки (слой 3) культурно и типологически тождествен прикаспийскому (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998, с. 71). Объяснение этому авторы видят именно в том, что в интервале между отложениями комплексов Каир-Шак и Тентексор, вызванном неблагоприятными экологическими условиями, население пере-

мещалось на периферию Прикаспийской низменности, где и находилась Варфоломеевская стоянка (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998, с. 80).

Некоторые частные вопросы историографии сопредельных регионов рассматриваются в последующих главах работы.

Стоит особо остановится на одном из вопросов, связанном с критикой выдвинутых положений об этнокультурной истории Нижнего Поволжья. Имеется в виду замечание Г.Н.Матюшина о неразработанности хронологической схемы нео-энеолитического времени для памятников Северного Прикаспия, указывается на поздний возраст Варфоломеевской стоянки (Матюшин Г.Н., 1996, с. 106). Это, вероятно, объясняется тем, что автор оперировал некалиброванными датами слоя 2А, относящегося к тому же к позднейшему периоду неолита.

Однако к тому времени уже была выстроена довольно убедительная схема развития неолита и энеолита Северного Прикаспия, Нижнего и Среднего Поволжья, лишенная тех противоречий, о которых говорит Г.Н.Матюшин, и подкрепленная затем с помощью междисциплинарных и естественно-научных исследований. Разумеется, она еще далека от совершенства, но вряд ли может быть отвергнута без серьезной аргументации, хотя бы на уровне уже проделанных работ рядом исследователей.

Наиболее детально проанализировал критические замечания А.А.Выборнов и показал, что оснований для подобных утверждений нет (Выборнов А.А., 1997, с. 3-10). А.А.Выборнов еще раз возвращается к доказательству тезиса о культурном единстве каиршакских и тентексорских памятников, рассматривая первые как развитой этап культуры, а вторые – как поздний. В качестве доказательства непрерывного развития одной каиршакско-тентексорской культуры он приводит материалы Варфоломеевской стоянки, где самые ранние и позднейшие находки также имеют значительные различия, вызванные эволюционными изменениями орловской культуры.

Для памятников региона характерна определенная полилинейность в развитии нео-энеолитических культур, но это отмечается все же в основном на переходных этапах, и памятники неолитические и энеолитические в Нижнем Поволжье никогда полностью синхронны не были.

Аналогичная картина отмечена для всех сопредельных регионов, параллельное существование памятников, которые мы относим к разным эпохам, даже вызвало появление таких понятий, как “пережиточно неолитическая” и “пережиточно энеолитическая” культуры.

Впрочем, и само понятие “археологическая культура” достаточно условно, что особенно хорошо видно на примере неолитических культур Нижней Волги, когда одни и те же памятники объединяются в археологические культуры по-разному: джангарско-варфоломеевская, каиршак-тентексорская, каиршакско-орловская, орловская, джангарская, сероглазовская. Выделение нижневолжской культурной общности в какой-то степени снимает эти противоречия (Юдин А.И., 2003б, с. 33-36). Более того, высказываются даже мнения об условности разделения культурно-исторического процесса на эпохи по технологическим признакам (камень, бронза, железо) в связи с параллельным существованием культур, принадлежащих к разным эпохам (Трифонов В.А., 2001, с. 81-82). Вероятно, по этой же причине в последние годы исследователи стали все большее внимание уделять не построениям схем, хотя и основанных на конкретном археологическом материале, но все же в достаточной степени абстрактных, а изучению собственно человека и условий его существования.

Как видно из вышесказанного, единой точки зрения на культурно-историческое развитие памятников неолита в сопредельных степному Поволжью регионах пока нет − на одном и том же материале исследователи зачастую приходят к совершенно разным выводам.

Глава 2. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ СТОЯНКА – ОПОРНЫЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Неолит степного Поволжья до недавнего времени был практически неизвестен, за исключением нескольких разновременных и почти не исследованных раскопками стоянок (Мамонтов В.И., 1974; Третьяков В.П., 1974; Еремин В.И., 1977; Телегін Д.Я., 1981).

Наиболее представительная часть материалов неолитического времени происходит с многослойной Варфоломеевской стоянки в степном Заволжье, исследовавшейся в 1987-1990 и 1996 гг., в результате чего было вскрыто свыше 400 кв. м культурного слоя по южной границе памятника. Четыре культурно-хронологических слоя стоянки с остатками многочисленных жилищ, неолитические погребения и жертвенники, представительные комплексы керамики и каменных орудий предоставили уникальную возможность проследить культурную эволюцию поволжского населения на протяжении более тысячи лет — от среднего неолита до раннего энеолита и определить или уточнить культурно-хронологические позиции известных ранее стоянок.

В результате комплексной обработки материалов получены данные о возрасте стоянки, палеоклимате на всем протяжении ее существования, хозяйстве населения, технологии домашних производств. В настоящее время Варфоломеевская стоянка является одним из наиболее изученных неолитических памятников степного Поволжья, несмотря на относительно небольшую вскрытую площадь.

Варфоломеевская стоянка находится в Новоузенском районе Саратовской области, в 6 км к юго-востоку от с.Лохмотовка, на левом берегу р.Малый Узень (рис. 1, *1*; 2). В настоящее время на этом участке реки создано Варфоломеевское водохранилище. От с.Лохмотовки вниз по течению р.М.Узень к речной долине примыкает группа крупных лиманов, расположенных на пониженных приречных частях и соединенных с рекой протоками. В устье одной из таких проток и расположена стоянка.

Варфоломеевская стоянка открыта В.Б.Воробьевым в 1985 году в ходе работ по составлению археологической карты района. Им было заложено несколько шурфов на памятнике с целью выяснения мощности культурного слоя и границ его распространения (Воробьев В.Б., 1987, с. 172). В 1987 - 1990 гг. и 1996 г. автором производились раскопки стоянки, в результате которых было исследовано свыше 400 кв. м культурного слоя по юго-западной границе памятника.

Культурный слой прослеживается на протяжении 100 м вдоль берега Варфоломеевского водохранилища. Эта юго-западная часть стоянки подвергается интенсивному размыву во время весенних половодий. По берегу водохранилища проходит лишь южная окраина памятника, сама же стоянка располагалась вдоль протоки на протяжении 350 м. В настоящее время протока искусственно заглублена и используется как водосборный канал в оросительной системе. По краям протоки насыпаны валы высотой до 1,5 м из грунта, поднятого с ее дна. Вал, проходящий вдоль правого берега, перекрывает культурный слой.

В 100-120 м к северу от берега водохранилища и параллельно ему стоянку пересекает грейдер, при отсыпке которого был уничтожен культурный слой по его сторонам. Поверхность стоянки задернована. Северная и западная границы памятника определены по подъемному материалу и шурфам В.Б.Воробьева. Культурный слой стоянки простирается вглубь от протоки на 100-120 м у ее устья и на 60-80 м на северной окраине. В северной части стоянки, в 20 м от протоки, в более позднее время насыпан курган диаметром 21 м и высотой 0,6 м. На вершине кургана установлен геодезический знак, а вокруг насыпи сохранился заплывший ров шириной до 6 м (рис. 2).

По сведениям, полученным от местных жителей, берега реки до сооружения Варфоломеевского водохранилища были пологими, но на месте стоянки в прибрежной части встречалось большое количество костей животных. После подъема уровня воды все прибрежные пойменные понижения были затоплены, и началось интенсивное размывание края надпойменной террасы, в результате чего была уничтожена как минимум двадцатиметровая полоса культурного слоя, прилегающая к берегу реки.

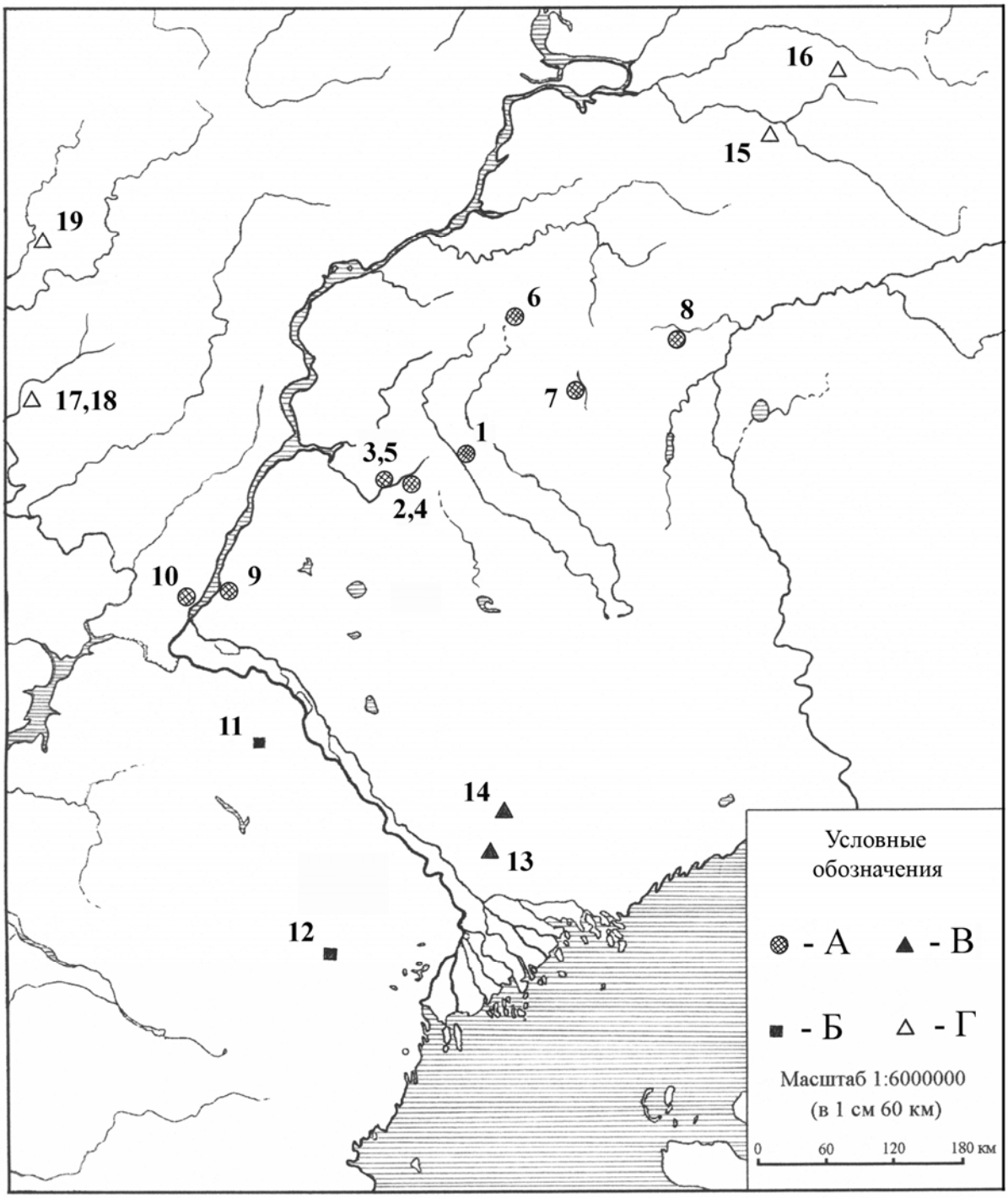

Рис. 1. Неолитические памятники степного Поволжья: *1* – Варфоломеевская, *2* – Кумыска, *3* – Савинка, *4* – Максимовка, *5* – Борсы, *6* – Кушумская, *7* – Бубенцы, *8* – Вавилово 2, *9* – Рахинка, *10* – Орловка, *11* – Джангар, *12* – Ту-Бузгу-Худук 1 и 2, *13* – Каир-Шак III, *14* – Тентексор, *15* – Виловатовская, *16* – Ивановская, *17* – Козлиновское, *18* – Староанненское, *19* – Шапкино VI; А – орловская культура, Б – джангарская культура, В – сероглазовская культура, Г– стоянки неолитических культур лесостепи

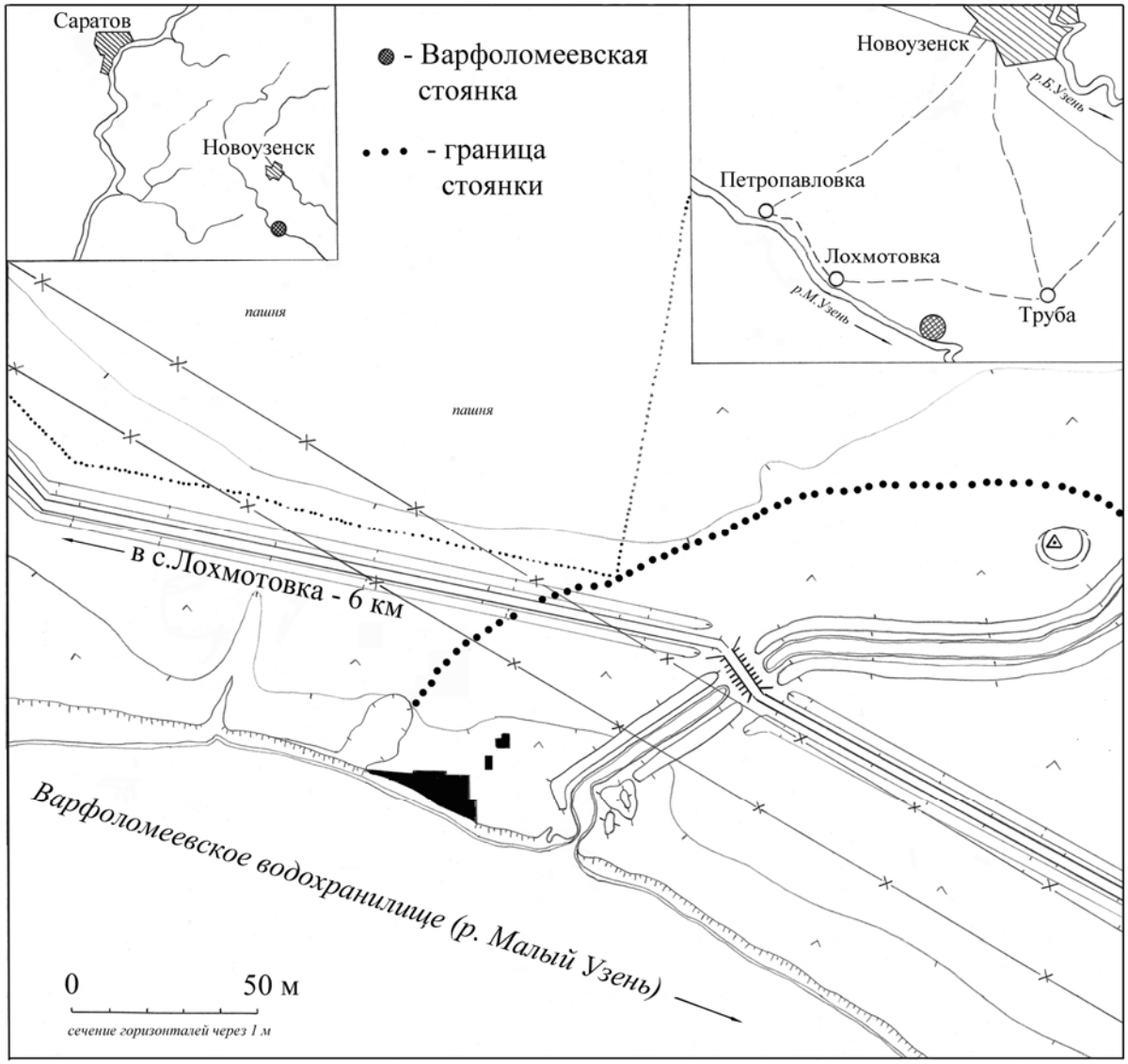

Рис. 2. Варфоломеевская стоянка. План и схема расположения стоянки

1. Стратиграфия и планиграфия культурного слоя и жилые постройки стоянки

1.1. Стратиграфия и планиграфия культурного слоя

Культурные напластования Варфоломеевской стоянки, достигающие толщины 2,2 м на восточном участке раскопа, неоднородны по всей площади (рис. 3; 4). Стратиграфически выделяются четыре литологических слоя: верхний (первый), два средних (2 А и 2 Б) и нижний (третий). На исследованном раскопками участке, прилегающем к водохранилищу, наблюдалась следующая картина.

Нижний (третий) слой залегал только в восточной половине раскопа, причем на участках, прилегающих к берегу, он почти полностью уничтожен котлованами жилищ, спущенных из пласта 2 А. Лучше всего нижний слой сохранился в северо-восточном углу раскопа. Здесь он достигает толщины 0,7 м, в западном направлении он постепенно утончается и выклинивается. Слой переработан слабо и имеет светло-желтый цвет, почти не

отличающийся от подстилающей его материковой глины. Кроме обычных находок – обломков костей животных, фрагментов керамики и каменных орудий, слой включает примесь золы и мелких угольков, что позволяет отчленить его от материковой глины на участках межжилищных пространств. По дну жилищ слой отделяется от материка тонкой прослойкой красной охры.

Граница между нижним и средним 2 Б слоями четкая – слой 2 Б имеет значительно более темный цвет из-за примеси гумуса, а на многих участках эти слои разделены хорошо читаемой в бровках прослойкой охры, которая также посыпалась по дну жилищ слоя 2Б. По мнению Ю.А.Лаврушина, осматривавшего памятник, существовал хронологический разрыв между формированием нижнего и среднего слоев.

Большую часть хронологической колонки занимает средний слой. На некоторых участках он имеет толщину до 1,5 м и чрезвычайно сильно насыщен находками. По ряду признаков средний слой разделен на два хронологических горизонта: нижняя половина – слой 2Б и верхняя – слой 2А. Контакт между слоями прослеживается не на всех участках бровки, так как слои почти одинаковы по цвету, степени насыщенности находками и во многих местах сливаются. Тем не менее прослежено, что в северо-восточной части раскопа они разделяются прослойкой более светлого цвета толщиной 20 - 30 см; в других местах деление произведено по тонким слоям охры и линзам костей животных, приуроченным ко дну котлованов жилищ слоя 2 А. Правомерность разделения среднего слоя на два горизонта подтверждается анализом массовых категорий находок, комплексы которых различаются в верхней и нижней частях пласта. Кроме того, на одном из участков северной стенки раскопа Ю.А.Лаврушин отметил слой погребенной почвы между 2 А и 2 Б, что свидетельствует о хронологическом промежутке между отложениями верхней и нижней частей среднего слоя.

Слой 2 Б достигает 1 м в северо-восточном углу раскопа и здесь на небольшом участке соприкасается с верхним слоем. На всей остальной площади он отделен от него слоем 2 А. Планиграфически он полностью перекрывает нижний слой, а в западном направлении простирается еще на 6-8 м, залегая непосредственно на материке. Подобно нижнему слою, 2 Б постепенно утончается, но не выклинивается естественным образом, а уничтожен по краям котлованами жилищ слоя 2 А.

Слой 2 А залегает по всей площади раскопа, за исключением небольшого участка в северо-восточном углу раскопа. В западной половине раскопа слой залегает непосредственно на материке. Максимальная толщина слоя – 1,5 м над котлованами жилищ, минимальная – 0,4 м. С этим слоем связаны наиболее выразительные находки на стоянке, доминируют они и по количеству на единицу площади по сравнению с другими горизонтами.

Верхний (первый) слой выражен слабее остальных и менее всего насыщен находками. На участках, прилегающих к берегу, он был практически полностью смыт, сохранившись только в западинах котлованов жилищ. Планиграфически он перекрывает восточную половину раскопа. При небольшой толщине (0,3 - 0,4 м) он достигает мощности 0,7 м над котлованами жилищ. Очень четко отделяется от среднего, поскольку имеет светло-желтый цвет (рис. 3). В отличие от предыдущих с верхним слоем не связывается никакая строительная деятельность на данном участке памятника.

В 10 м к северу от стенки раскопа, на участке 500 х 40 м В.М. Инжеваткин провел исследование электрических свойств культурного слоя в плане и разрезе. На основе более пяти тысяч замеров были построены карты и разрезы КС [1]. Анализ полученного материала позволил выделить в центральной части полигона аномалию с областью высокого сопротивления. Здесь, в 17 м к северо-востоку от раскопа, был заложен шурф (№ 2) площадью 16 кв. м, а между ними контрольный шурф (№ 1) вне пределов аномального участка. Несмотря на небольшое удаление (6 м) от основного раскопа, характер культурного слоя в шурфе 1 имеет значительные отличия. Мощность его также достигает 2,2 м, но слой слабо насыщен находками, в нем почти нет примеси гумуса. Материалы невыразительны, но основываясь на стратиграфии ближайшего участка раскопа, можно связать три обнаруженных литологических слоя с горизонтами 1, 2 А и 2 Б. Нижний горизонт здесь отсутствует.

Отличаются от стратиграфической колонки раскопа и напластования в шурфе 2. Под дерновым покровом залегает слой 1 толщиной 8 - 30 см, полностью аналогичный этому слою в раскопе. Под ним находится слой 2А толщиной от 0,2 до 1 м, но в отличие от слоя в раскопе он состоит из светло-серого слабогумусированного суглинка и включает небольшое количество находок. В северную половину шурфа попала часть дна жилища, покрытого тонким слоем охры; небольшой очажок (0,3 м в диаметре) и несколько столбовых ямок. Материк – комковатая глина красноватого оттенка. По мнению Ю.А.Лаврушина, это – донные отложения речной старицы, существовавшей в центральной части стоянки. Аномальная область высокого сопротивления, выявленная электроразведкой, вероятнее всего, оконтуривает границы этой старицы. Старица пересохла на финальном этапе функционирования стоянки, о чем говорит невыразительный слой 2 А.

---

[1] КС – кажущееся сопротивление – интегральная характеристика, отражающая как электрическое сопротивление однородных участков, зависящее от гумусированности, обводненности, засоленности и т.д., так и условия их пространственной ориентации.

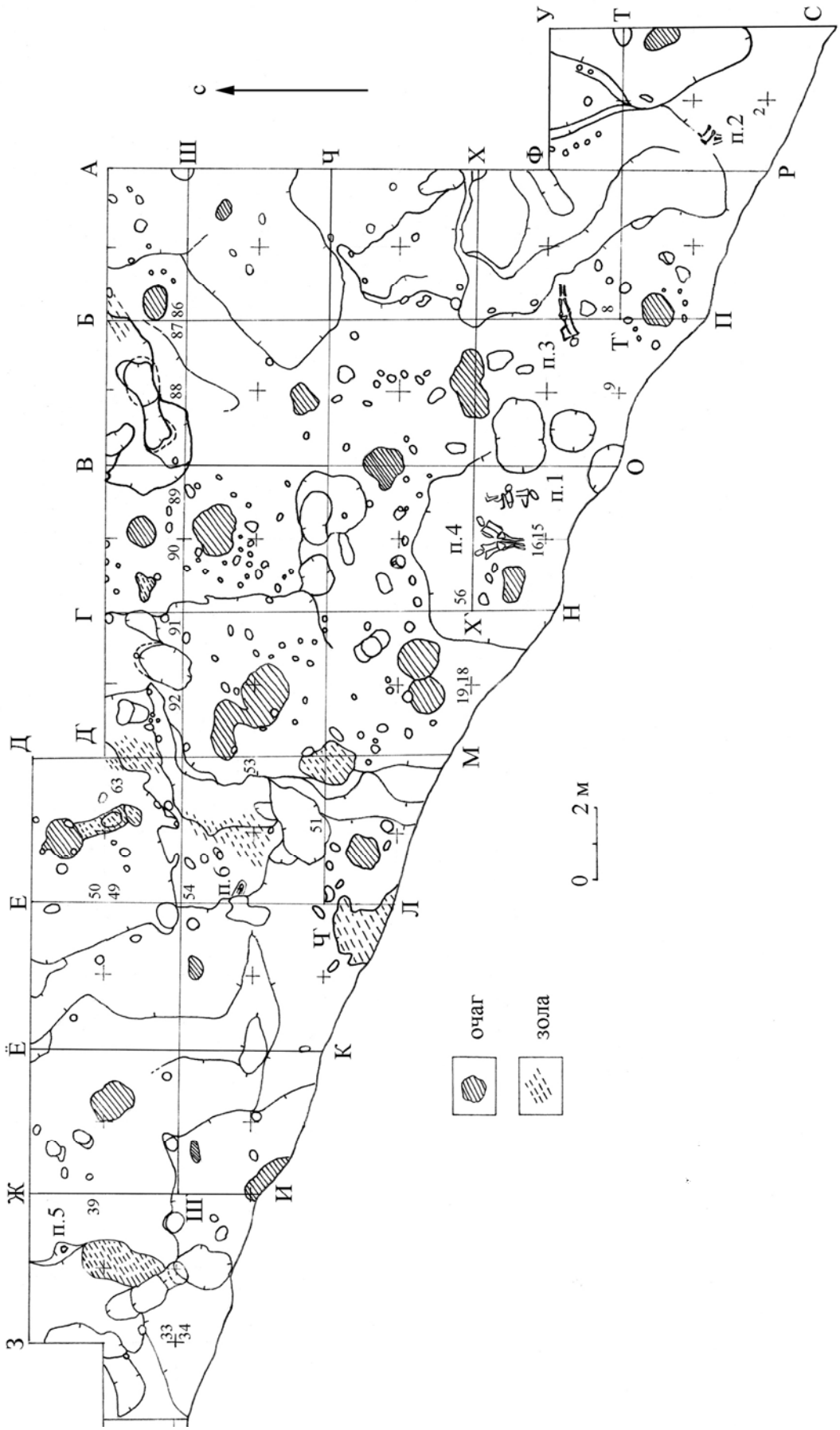

Рис. 3. Планиграфия исследованной части Варфоломеевской стоянки

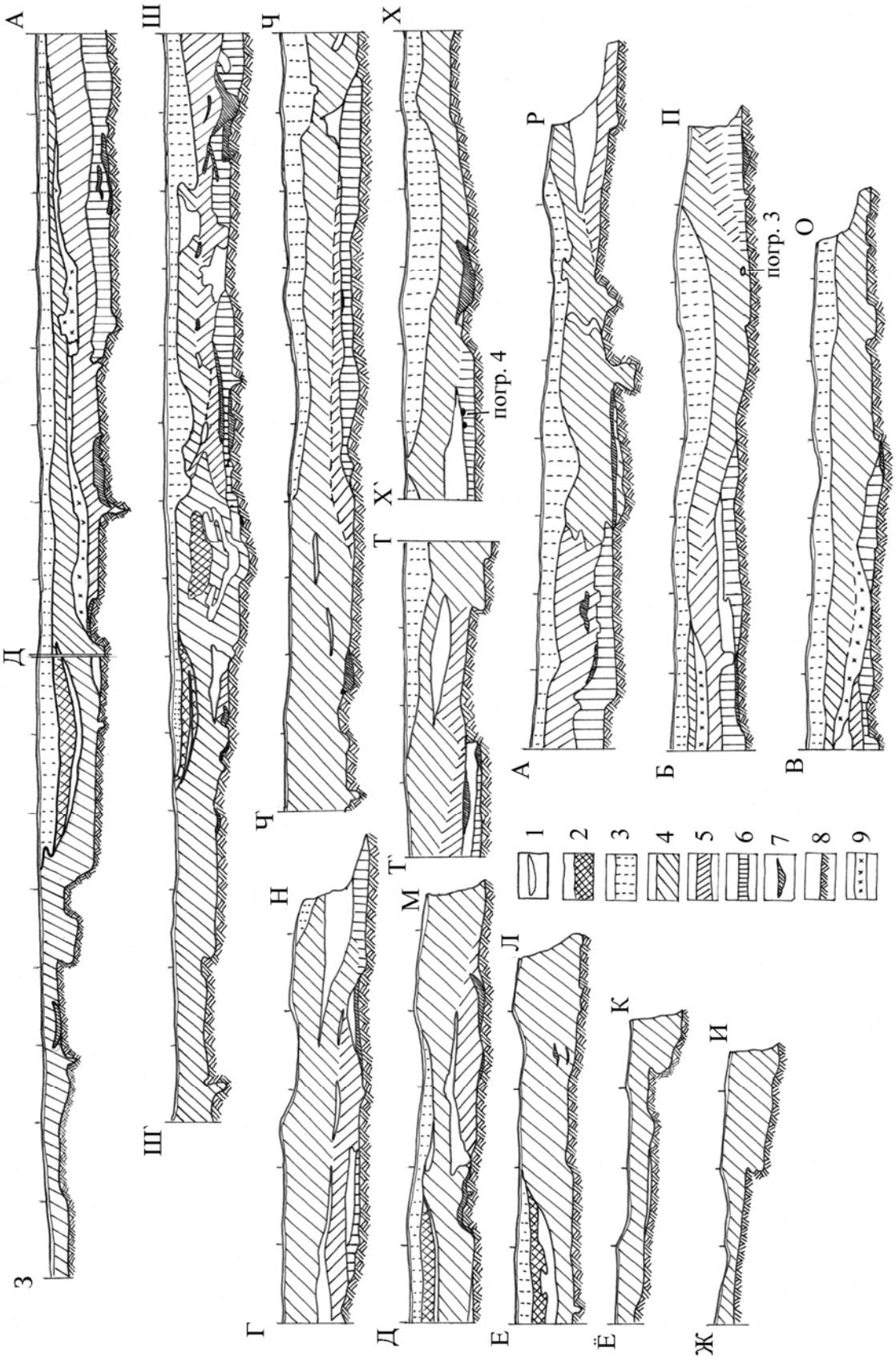

Рис. 4. Стратиграфия Варфоломеевской стоянки: *1* – светлый суглинок; *2* – культурный слой с примесью золы; *3* – верхний (1) культурный слой; *4* – слой 2 А; *5* – слой 2 Б; *6* – нижний (3) культурный слой; *7* – зола; *8* – материк; *9* – светлый суглинок, разделяющий 2 А и 2 Б

1.2. Жилые постройки стоянки

Стоянка существовала длительный отрезок времени, и поэтому при сооружении более поздних жилищ частично или полностью уничтожались предшествующие котлованы. Последние по времени постройки своим дном в некоторых местах достигали материка, а остальная площадь котлована заглублялась в культурный слой и практически не фиксировалась. Причем разновременные землянки перекрывали друг друга настолько плотно, что на всей вскрытой площади нет сколько-нибудь значительного участка, который не являлся бы дном жилища.

Поскольку нижний культурный слой сильнее остальных поврежден при сооружении позднейших жилищ, то и данных о постройках этого времени немного. Максимальный по площади участок (приблизительно 12 х 6 м) в непереотложенном состоянии находился в северо-восточном углу раскопа (рис. 3). Весь этот участок по ряду признаков был определен как дно жилища. Стенки котлована не сохранились, так как он оказался заглубленным в материк меньше, чем окружающие его более поздние постройки. На полу жилища исследован очаг (кв. 86) круглой формы и диаметром почти 0,6 м. В профиле очаг имеет форму полусферы и заглублен в материк до 0,3 м в центральной части. Черное, от обильной примеси золы и мелких угольков, заполнение очага содержало мелкие обломки костей животных, кремневые орудия, отщепы и фрагменты керамики (рис. 5, *1*). Аналогичные очаги (рис. 5, *2*) являются наиболее типичными и часто встречаются на стоянке.

В квадратах 87 и 88 вскрыта двухкамерная хозяйственная яма (рис. 5, *3*). Длина ямы 2,4 м, максимальная ширина 0,9 м, глубина свыше 0,5 м. Заполнение ямы отличалось от нижнего культурного слоя еще более светлым цветом, что характерно для всех ям, относящихся к этому слою. В яме обнаружены каменные изделия, фрагменты сосудов, орудия из кости и обломки костей животных, а также сегмент низких пропорций. Как и большинство других хозяйственных ям на стоянке, она устроена вдоль небольшого уступа по дну жилища. Его высота 0,2 м. На нескольких участках к югу и западу встречены аналогичные хозяйственные ямы под дном позднейших жилищ. Это подтверждается тем, что они перекрыты слоем охры, которой покрывался пол жилища; светлое заполнение характерно только для ям нижнего слоя; заметны отличия и по составу находок. Угол котлована от жилища нижнего слоя сохранился в кв. 17-18, 55-56. По этому округлому углу видно, что жилище было ориентировано по сторонам света. Стенки котлована слегка сужаются ко дну и заглублены в материк на 0,3 м относительно дна более поздней полуземлянки.

Еще меньше на материке сохранились остатки построек, связанных со слоем 2 Б, – он почти везде залегал на нижнем слое и планиграфически прослеживались только столбовые ямки и очаги, читавшиеся на светлом нижнем слое. К жилищу слоя 2 Б относятся дно кв. 89-90 и северная половина кв. 91. Восточный край этого жилища перекрывал нижний слой, что хорошо было видно по прослойке охры поверх него. Западный и южный края прорезаны постройками слоя 2 А, а северный уходит под бровку. На оставшемся участке сохранились несколько столбовых ямок и два очага в кв. 89 и 90 (рис. 5, *2, 4*).

Столбовые ямки идентичны во всех слоях. Глубина их от 0,05 до 0,55 м и зависит не только от диаметра ямки, но и от уровня, с какого она была впущена в материк. Диаметр ямок от 0,1 до 0,35 м. Дно обычно округлое в профиле, но встречаются плоские и конусовидные. Ямки опущены в материк вертикально или под небольшим наклоном в сторону котлована. Встречаются сложные конструкции, когда в центре или по краю широкой и неглубокой ямы выкапывались одна или несколько более глубоких ямок (рис. 5, *5*). Очаги имеют простейшую конструкцию: округлый (диаметр 0,5 м) или овальный (диаметр 0,5 х 1 м) в плане, слегка заглублены (до 0,3 м) в материк и имеют пологие стенки. Заполнение состояло из темного суглинка с обильной примесью золы и мелких угольков, костей животных и маленьких комочков охры (рис. 5, *4*).

Наиболее полное представление о характере жилищ получено при исследовании слоя 2 А. Установлено, что жилища имели прямоугольную или близкую к ней форму, округлые углы. Тип жилища – полуземлянка, заглубленная в материк или культурный слой до одного метра. Северные и южные стенки котлованов почти вертикальные, западные и восточные – пологие. Ямки от столбов, поддерживавших кровлю, располагались как за пределами котлованов (по краям), так и по дну (по осевой или близкой к ней линии).

Дно жилища всегда покрыто слоем охры. Причем охра посыпалась на дно три-четыре раза, после очередного "загрязнения" пола. Это помогло в нескольких случаях проследить замену одного столба на другой, когда на дне котлована читался след от столбовой ямки, а после снятия слоя охры рядом с ним обнаруживался след от предыдущей. Подобные находки свидетельствуют не только о длительном функционировании жилища, но, вероятно, и о мощном перекрытии над ним. В центральной части жилищ находились округлые очаги, плавно заглубленные в дно (диаметр до 1,2 м, глубина до 0,4 м). Если дном котлована являлся более ранний культурный слой, то в этом случае для очага насыпался 15-20-сантиметровый слой глины. Часто вокруг очагов по периметру располо-

жены столбовые ямки. Вероятно, это свидетельствует о существовании особого «светового фонаря», когда часть крыши жилища над очагом была приподнята, а в образовавшийся зазор проникал свет и выходил дым. Очагов в жилище всегда несколько.

Встречена и другая конструкция очага. Очаг в кв. 50 имеет округлую форму и диаметр до 1,2 м, стенки наклонные, дно почти плоское. Максимальная глубина 0,33 м. С северной стороны к очагу примыкает столбовая ямка диаметром 0,38 м и глубиной 0,4 м. Ямка заполнена культурным слоем. Еще две ямки меньшего диаметра устроены в бортах очага и наклонены к его центру. Эти ямки и очаг были заполнены культурным слоем с сильной примесью золы. По дну очага 5-7-сантиметровым слоем залегала только зола. К юго-восточной части очага примыкает канавка шириной 0,4 м и глубиной 5 - 10 см, соединяющая очаг с двумя ямами (глубина 0,5 и 0,85 м), расширяющимися ко дну (рис. 6). Заполнение ям состояло в основном из золы и древесных угольков. Вероятнее всего, такая конструкция – одно из приспособлений для обогрева жилища, когда угли и зола не выносились сразу за пределы жилья, а ссыпались в приочажные ямы до полного остывания.

О продолжительности функционирования жилищ свидетельствует еще один факт. В некоторых очагах огонь поддерживался длительное время – непрерывная вертикальная колонка золы и углей иногда прослеживалась при раскопках на глубину до метра и более, то есть откладывался культурный слой, перестраивались жилища, а очаг оставался все тот же. Он только со временем мог слегка смещаться в стороны.

Северная и западная стенки одного жилища сгорели, что позволило более детально ознакомиться с конструкцией стен. При пожаре западная стенка упала наружу. В разрезе стенка состояла: из пласта оранжево-желтой прокаленной глины без каких-либо находок толщиной 5 - 10 см; слоя золы (15 - 25 см); еще одного слоя прокаленной глины. Между слоями глины зачищен сгоревший камыш, лежавший вдоль края котлована. Под остатками стены в культурном слое обнаружены столбовые ямки, заполненные золой. Одна из них прорезала весь культурный слой и заглублялась в материк (рис. 7, *1*).

Еще более наглядная картина получена по северной стенке жилища. Основание стены залегало на материковом останце. По краю котлована в нем выкопан ряд столбовых ямок. К югу от них, по внутренней стороне стенки котлована, на ступеньке, заглубленной на 20 см от верха останца, вертикально располагались: слой прокала (5 - 7 см), слой золы (10 см) и опять слой прокала. После разборки этих слоев, на ступеньке вырисовались столбовые ямки, заполненные золой. Установлено, что с внутренней стороны стены жилища были окрашены, как и на дне, красной или розовой (воздействие огня?) охрой. Все это показывает, что по периметру котлована вкапывались столбы и более тонкие жерди, которые затем переплетались камышом и обмазывались с двух сторон глиной.

Вдоль стенок котлованов в полу были устроены глубокие и обширные хозяйственные ямы (рис. 7, *2, 3*), в которых обнаружены наиболее интересные находки.

Вероятно, жилища были многокамерными, с расположением полов на разных уровнях. Это хорошо прослеживается по окрашенным охрой полам и золистым шлейфам очагов, опускающихся с верхнего уровня на нижний.

Установить размеры жилищ пока невозможно. Ширина котлованов 6 и 8 м, максимальная сохранившаяся длина 11 м (южная часть размыта рекой). Судя по всему, жилища длинными сторонами были ориентированы по линии север-юг. Кровля неолитических построек, скорее всего, также обмазывалась глиной: на многих участках раскопа отмечены глинистые прослойки, залегавшие в заполнении котлованов. Вероятно, столбы поддерживали бревенчатые балки, которые могли быть покрыты жердями, ветками и камышом, как это мы наблюдали на стенах жилища, а затем насыпалась глина.

На всем протяжении существования Варфоломеевской стоянки при сооружении жилых построек придерживались единой традиции домостроительства, что и естественно, так как памятник отражает различные этапы развития орловской неолитической культуры. Исследования эпонимной стоянки Орловки показали, что сохранившаяся часть полуземлянки аналогична Варфоломеевским постройкам (Мамонтов В.И., 1974, с. 256-258). К сожалению, в степной зоне Юго-Восточной Европы полуземлянки Варфоломеевской стоянки больше сравнить практически не с чем. На памятниках родственных культур нижневолжской неолитической области остатки предполагаемых построек имеют плохую сохранность и малоинформативны. Для ракушечноярской культуры Нижнего Дона и памятников днепро-донецкой культурной общности, судя по немногочисленным данным, были характерны наземные жилища (Неолит…, 1996, с. 48, 59). Несомненно только то, что полуземлянки Варфоломеевской стоянки по основным параметрам значительно отличаются от жилых построек лесной зоны, а часть признаков (окраска полов и стен, ниши в стенах) находит параллели среди более южных неолитических культур переднеазиатского круга.

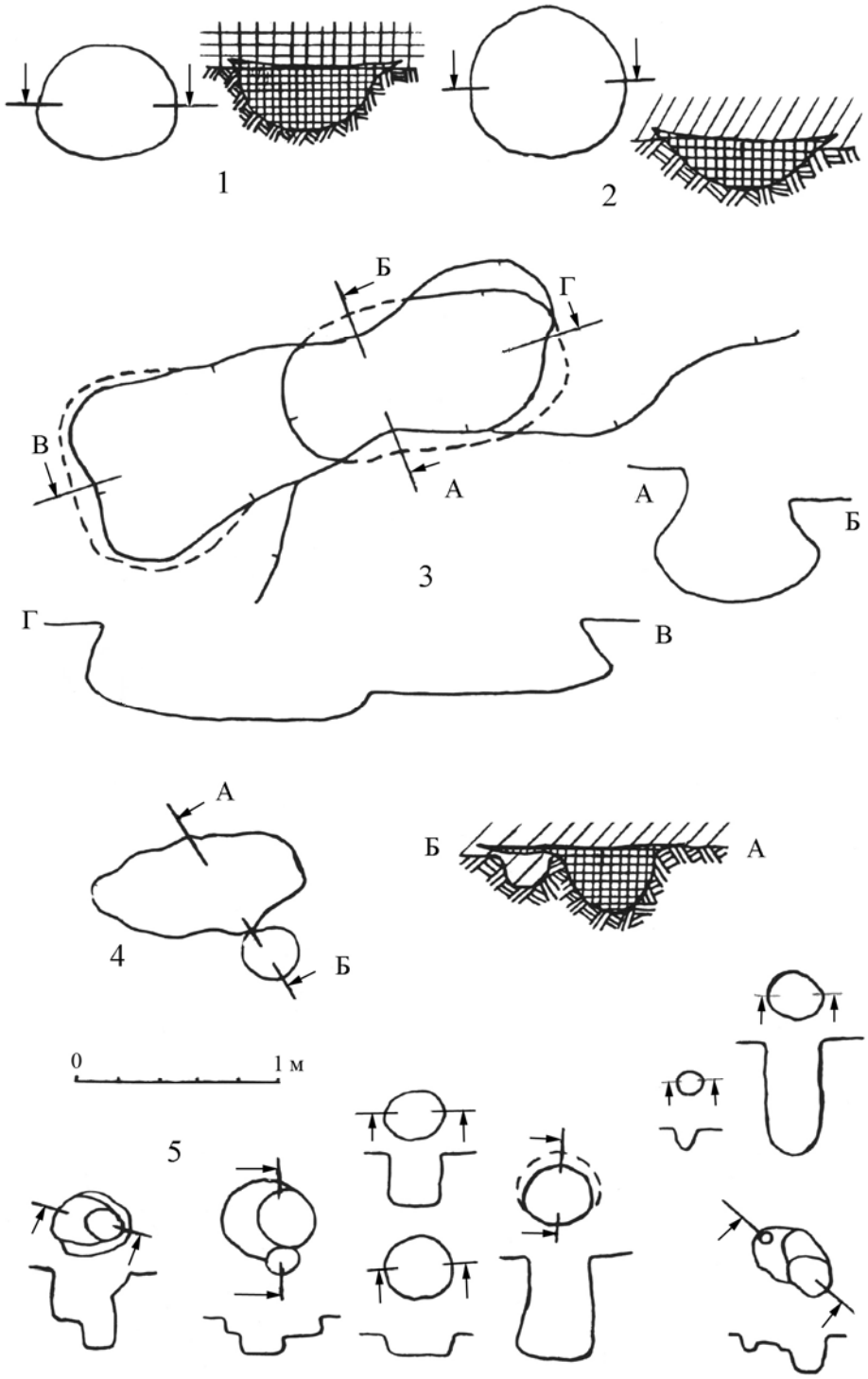

Рис. 5. Варфоломеевская стоянка: *1* – очаг в квадрате 86; *2* – очаг в квадрате 89; *3* – хозяйственная яма в квадратах 87 и 88; *4* – очаг в квадрате 90; *5* – столбовые ямки. Условные обозначения – на рис. 6

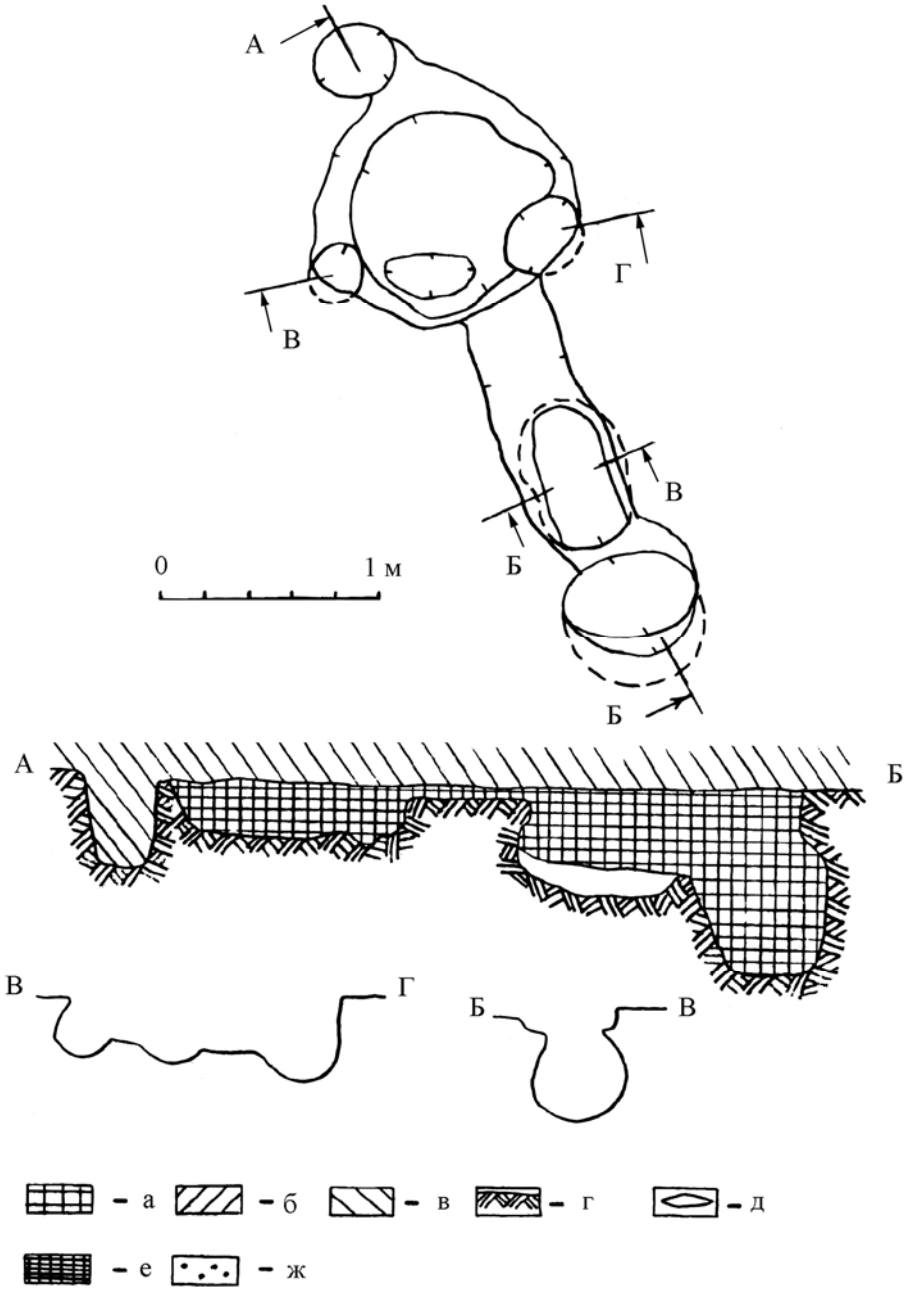

Рис. 6. Варфоломеевская стоянка. Очаг в квадрате 50: а – культурный слой 1; б – слой 2 Б; в – слой 2 А; г – материк; д – светлый суглинок; е – зола; ж – прокал

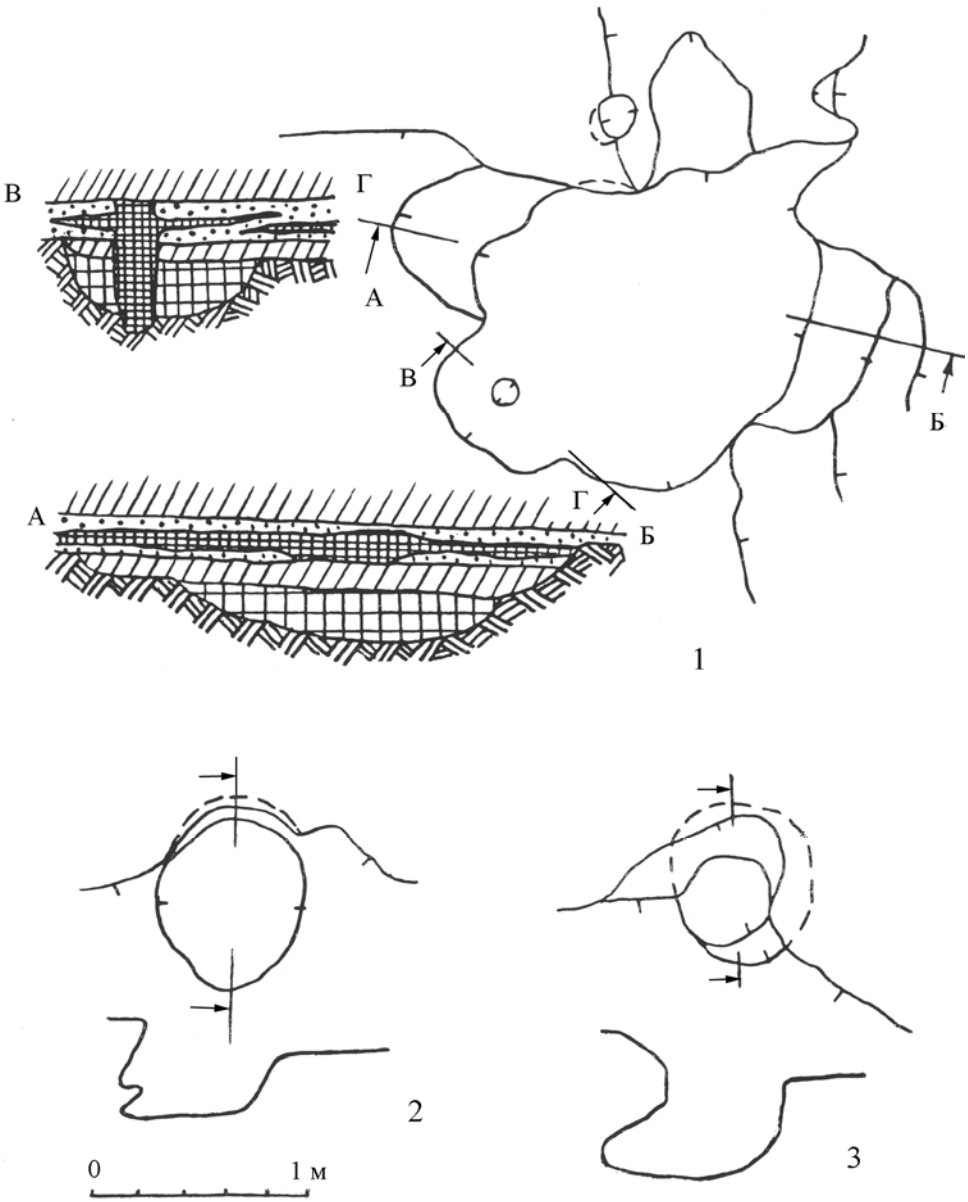

Рис. 7. Варфоломеевская стоянка: *1* – стратиграфическая ситуация в квадратах 51 и 52; *2* – хозяйственная яма в квадрате 37; *3* – хозяйственная яма в квадрате 42. Условные обозначения – на рис. 6.

2. Керамика стоянки

На стоянке обнаружены фрагменты от нескольких тысяч сосудов, но для анализа представляют интерес фрагменты от немногим более чем 800 сосудов, по которым можно установить форму и орнаментальную композицию. По форме они распределены на 4 основные группы: 1) прямостенные сосуды с широким открытым устьем; 2) сосуды с прикрытым устьем; 3) слабопрофилированные; 4) небольшие чашевидные округлодонные сосуды.

Керамика трех первых групп плоскодонная. Кроме плоских днищ имеются плоско-выпуклые, плоско-вогнутые и уплощенные. Незначительный процент составляют сосуды других форм: с плоским овальным дном (близкие к ладьевидным) (3 экз.), с S-овидным профилем, с острым ребром по тулову и другие.

Ввиду сложной стратиграфической ситуации на памятнике, для проведения статистического анализа по хронологическим горизонтам была отобрана только та керамика, залегание которой в непереотложенном состоянии не вызвало сомнений (табл. 1). Керамика, полученная на участках памятника со слабо выраженным членением стратиграфической колонки или участках активной строительной деятельности, в таких случаях не учитывалась для исключения искажения общей картины. Поэтому общее количество керамики, анализируемое в данной работе, превышает сумму сосудов, рассматриваемых по хронологическим горизонтам.

2.1. Керамика нижнего слоя

Из всего количества керамики, обнаруженной в нижнем хронологическом горизонте (слой 3), для анализа отобраны фрагменты от 75 сосудов, достоверно относящихся к начальной стадии функционирования стоянки.

Абсолютное большинство керамики нижнего слоя имеет примесь толченой раковины в тесте глины. Количество раковины различно – от едва заметного до значительного. Сосудов без заметных примесей мало, обычно они невелики по размерам и тонкостенны. Часть сосудов пористая от выгоревшей растительной примеси. Обжиг сосудов неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от черного до светло-коричневого. Керамика, не имеющая заметных примесей, – плотная, но с увеличением количества толченой ракушки она становится рыхлой, легко крошащейся. Формовалась керамика ленточным способом, что хорошо видно по некоторым расслоившимся фрагментам. Внешняя поверхность сосудов почти всегда подлощена, внутренняя сглаживалась пучком травы или зачищалась гребенчатым штампом из створки речной раковины (несколько таких штампов определены В.В.Килейниковым как орудия для выравнивания поверхности керамики) (рис. 73, *17*). При производстве керамики использовался широкий набор костяных орудий: шпатели, лощила, штампы; комбинированные орудия – шпатели-лощила, шпатели-штампы (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993, с. 68-72). Один из шпателей для формовки керамической массы изготовлен из красно-коричневого песчаника.

В нижнем слое керамика представлена всеми четырьмя основными формами (группами): прямостенные с широким открытым устьем (1), с прикрытым устьем (2), слабопрофилированные и чашевидные (3 и 4). Количественно преобладают сосуды группы 2 – ок. 57 %. Группа 1 включает 31 % сосудов, группа 3 – 12 %.

Полностью сосуды восстанавливаются всего в нескольких случаях. Керамика первой группы представлена сосудом низких пропорций с широким устьем, прямыми стенками и плосковыпуклым дном. Цвет сосуда черный, внешняя поверхность подлощена, в тесте глины примесь толченой раковины (рис. 8, *1*).

Из сосудов второй группы ни один полностью не восстанавливается. Сосуды этой группы наиболее крупные, диаметр по венчику может достигать 60 см, но обычные размеры – в пределах 13 - 35 см. Один из фрагментов имеет плавную глубокую выемку, которая, возможно, являлась сливом или так оформлялось «ушко» (рис. 8, *2*).

Нет полностью восстанавливаемых форм и среди керамики третьей группы. Диаметры венчиков колеблются от 10 до 30 см. Судя по сохранившимся крупным фрагментам стенок сосудов, для керамики первой-третьей групп характерны как горизонтальные, так и вертикальные пропорции с некоторым преобладанием последних.

Четвертая группа керамики представлена чашевидным сосудом из заполнения очага в квадрате 66. Округлодонный сосуд имеет серо-коричневый цвет и слегка заметную примесь толченой раковины. Округлые стенки плавно переходят в дно. Середина тулова подчеркнута тремя неровными прочерченными линиями. По округлому срезу венчика нанесены неглубокие насечки (рис. 8, *3*).

Типологически идентичен керамике нижнего слоя чашевидный сосуд из размытого участка памятника, форма которого полностью совпадает с чашей из этого слоя (рис. 12, *7*). Отличается он более толстыми стенками и отсутствием насечек по срезу венчика.

Кроме керамики четырех основных групп, в нижнем слое найдены фрагменты двух сосудов формы, близкой к ладьевидной. Овальное в плане дно этих сосудов плавно переходит в стенки. Высота сосудов не более 5 см, ширина около 7 см. Черепки этих сосудов плотные и имеют незначительную примесь мелкотолченой ракушки. Один сосуд светло-коричневого цвета украшен вертикальными оттисками плоского штампа; другой – темно-серый, с подлощенной поверхностью, покрыт геометрическим орнаментом в технике отступающего накола (рис. 8, *4, 5*).

Уникальной находкой является миниатюрный сосуд биконически-усеченной формы. Его высота 2 см, диаметр максимального расширения тулова 3,5 см, диаметр плоского дна 3,5 см. Цвет кирпично-красный, примесей в тесте глины нет (рис. 8, *6*).

Около 47 % керамики нижнего слоя орнаментировано наколом, как правило, в отступающей манере (табл. 2). По большей части отмечен узкий подтреугольный накол, изредка встречаются одиночные разреженные наколы. Подтреугольный накол с острием в 90 градусов обычно наносился перпендикулярно к линии орнамента. В трех случаях накол выполнен полой камышинкой, в одном – имеет форму подпрямоугольной скобки.

Прочерченный орнамент отмечен на 33 % керамики. Еще 15 % сосудов украшены прочерком с добавлением одиночных наколов. В накольчато-прочерченной технике, где основная часть орнаментальной зоны покрыта наколом, встречено всего 2 сосуда (ок. 2,5 %).

Обычно орнамент заполняет верхнюю треть сосуда, в редких случаях он опускается до середины тулова, и лишь чашевидные сосуды могут быть орнаментированы полностью. В целом наблюдается следующая закономерность: чем меньше высота сосуда, тем большую площадь занимает орнаментальная зона.

На 12 сосудах по срезу венчика нанесены насечки или глубокие вдавления, придающие венчику легкую гофрированность. Орнамент по внутренней стороне венчика на керамике нижнего слоя отсутствует (табл. 3).

Набор элементов, из которых составлялись геометрические орнаментальные композиции, немногочислен. Это – прямая линия, зигзаг, треугольник, соты, косая штриховка, изредка - волна, ромб, прямоугольник или шестиугольник, а также строка редко поставленных наколов различной величины. Перечисленные элементы орнамента могут быть нанесены на керамику как прочерчиванием, так и наколом, за исключением нескольких случаев: косая штриховка выполнялась только прочерком, а прямоугольник и многоугольник – отступающим наколом. Оттиски полой камышинки сочетаются и с наколом и с прочерком. Жесткой регламентации в технике нанесения орнамента не было – на нескольких сосудах строчки отступающего накола плавно переходят в прочерк.

Все орнаментальные композиции составлены из сочетания вышеперечисленных элементов либо в результате неоднократного повтора одного элемента. Проведенная работа по систематизации орнамента позволила выделить 9 орнаментальных композиций для прочерченной керамики, 4 для прочерченно-накольчатой, 1 для накольчато-прочерченной и 12 для накольчатой (табл. 4). Композиции, выполненные в технике прочерка, почти полностью повторяются в наколе. Раздельное их занесение в таблицы связано с тем, что соотношение прочерченной и накольчатой керамики в слоях стоянки является хронологическим показателем.

Большая часть композиций включает два-три повторяющихся элемента. Сложные геометрические композиции, на долю которых приходится 12 % прочерченной керамики и около 23 % накольчатой, включают по 3 и более элементов, но в некоторых случаях сложная композиция может быть составлена и из двух элементов (табл. 4; 5). Наиболее многочисленны композиции из горизонтальных линий, зигзагов, сочетаний зигзага и линии, линии и треугольника, линии и отдельных наколов (рис. 8, *7-10*; 9, *1-10*; 10, *1-3*). Встречены сосуды с волнистым орнаментом (рис. 11, *2-4, 5*). Сложный геометрический орнамент включает ромбы, треугольники, шестиугольники, трапеции на накольчатой керамике. Геометрические фигуры заполнены горизонтальными или вертикальными линиями, одиночными наколами (рис. 12, *1-4*).

Жесткой зависимости между техникой нанесения орнамента и формой сосудов не замечено. То же самое можно сказать и о соотношении формы с орнаментальными композициями, хотя некоторые закономерности обнаруживаются. В частности, сложный геометрический орнамент явно тяготеет к керамике первой и второй групп.

Толщина стенок сосудов колеблется от 0,3 до 1 см. Среди плоских днищ встречаются плоско-выпуклые; выпуклость иногда весьма значительная (рис. 12, *8, 9*). Один из придонных фрагментов орнаментирован вертикальным зигзагом (рис. 12, *10*). На 10 сосудах на обожженной глине были просверлены сквозные отверстия (до 4-х) под венчиком в ряд или вертикально на тулове.

Фрагменты глиняных сосудов использовались вторично для изготовления пряслиц. Круглые пряслица имеют диаметр 5,5 - 6,5 см, края их неровно обломаны и затем обточены. Одно пряслице изготовлено из боковины, орнаментированной зигзагом, линиями и одиночными наколами в отступающей технике. Другое пряслице выполнено из фрагмента венчика от сосуда второй группы. Прочерченный орнамент (зигзаг, горизонтальные и вертикальные линии) дополнен одиночными наколами. У третьего пряслица обработаны края, но отверстие в центре полностью не высверлено (рис. 40, *4-6*).

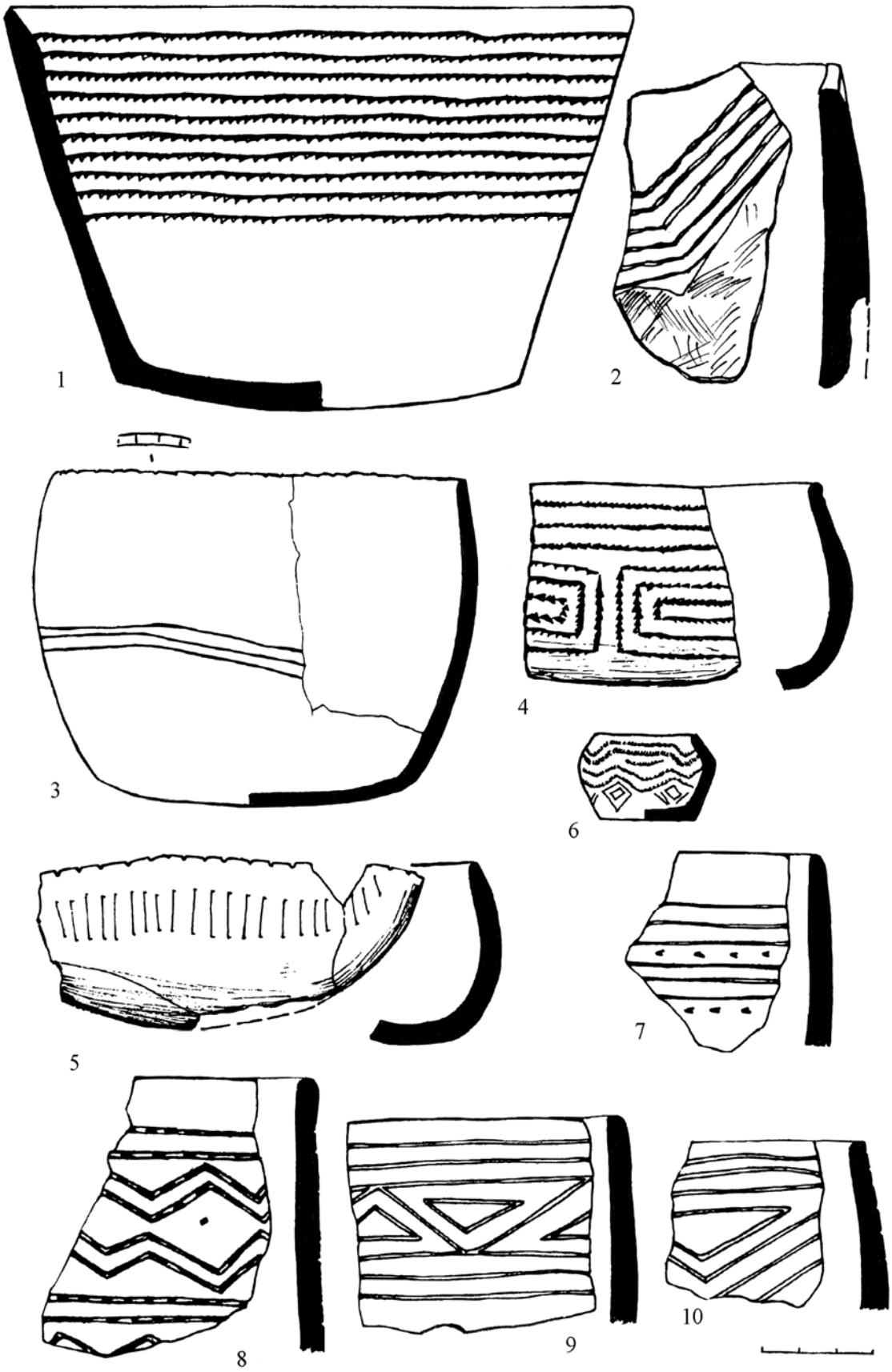

Рис. 8. Варфоломеевка. Керамика нижнего (3) слоя

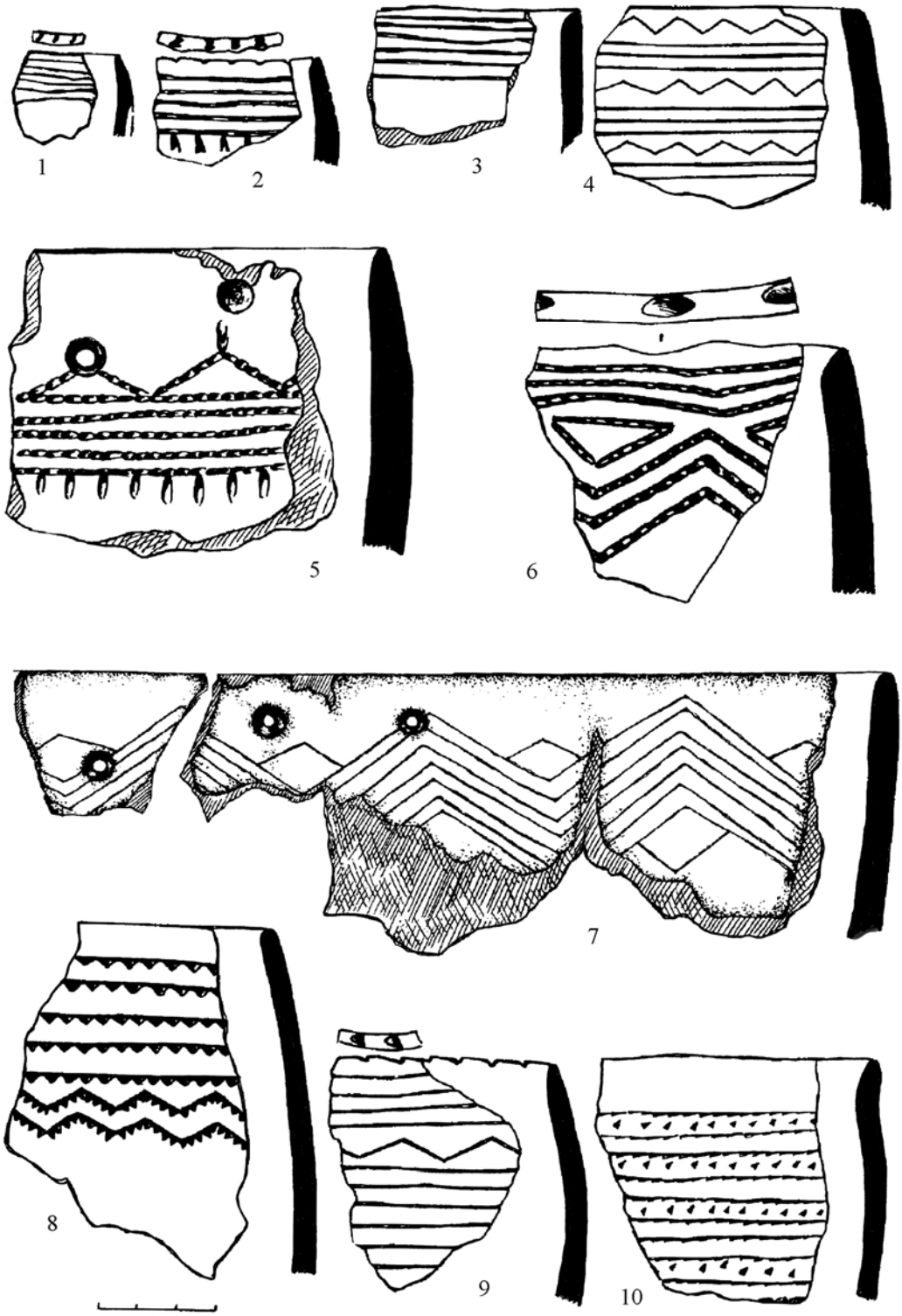

Рис. 9. Варфоломеевка. Прочерченная и накольчатая керамика нижнего (3) слоя

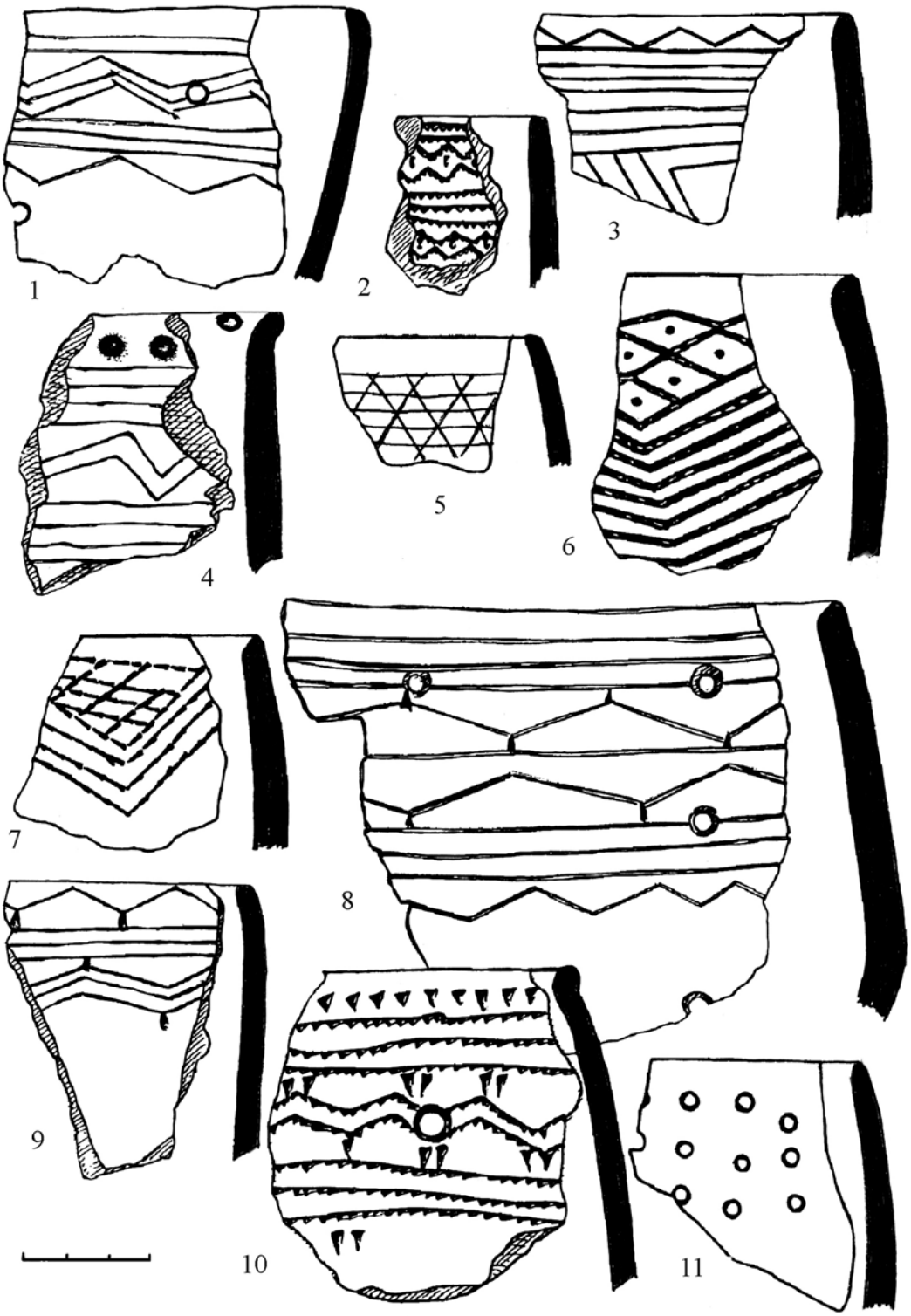

Рис. 10. Варфоломеевка. Образцы керамики нижнего (3) слоя

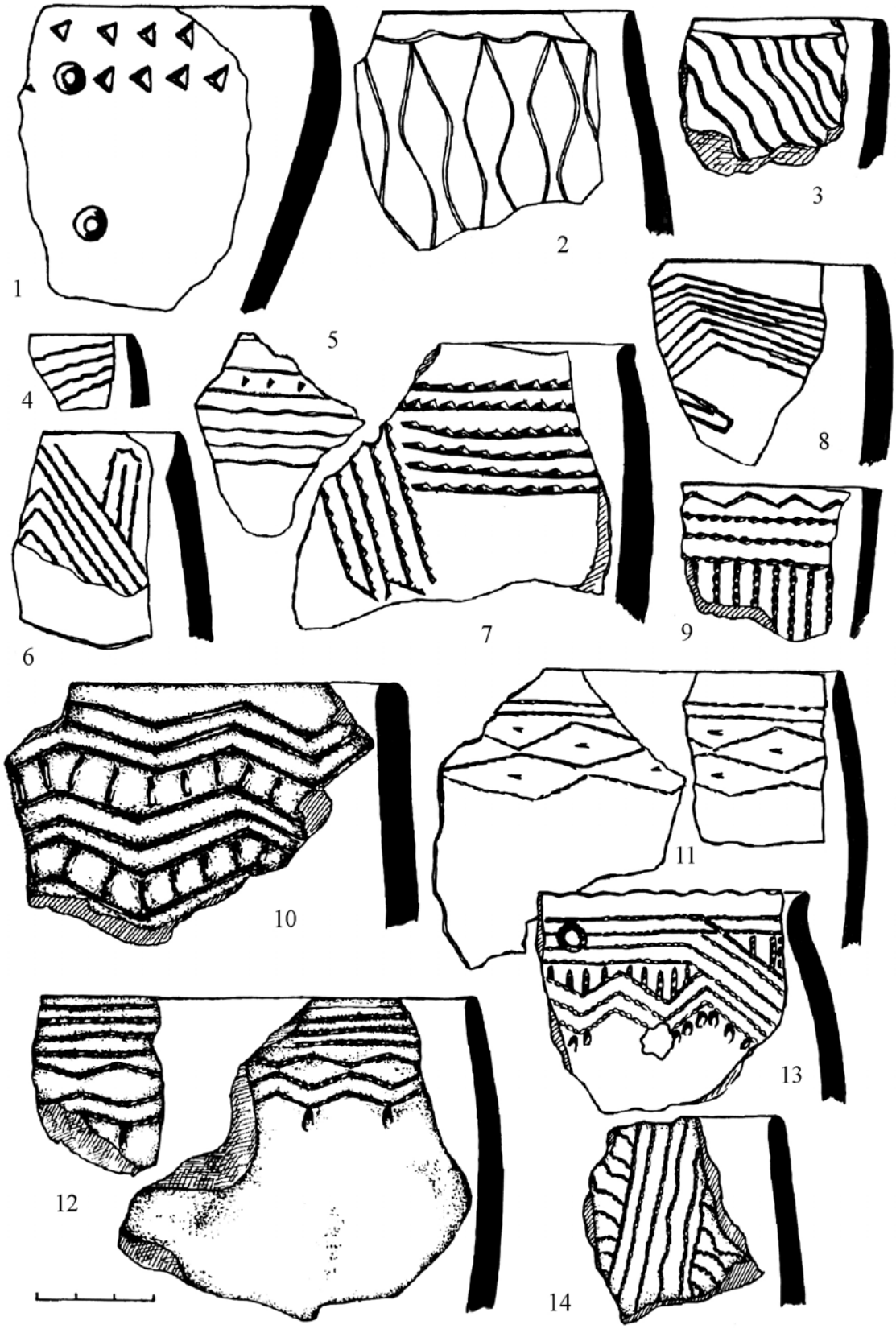

Рис. 11. Варфоломеевка. Керамика нижнего слоя

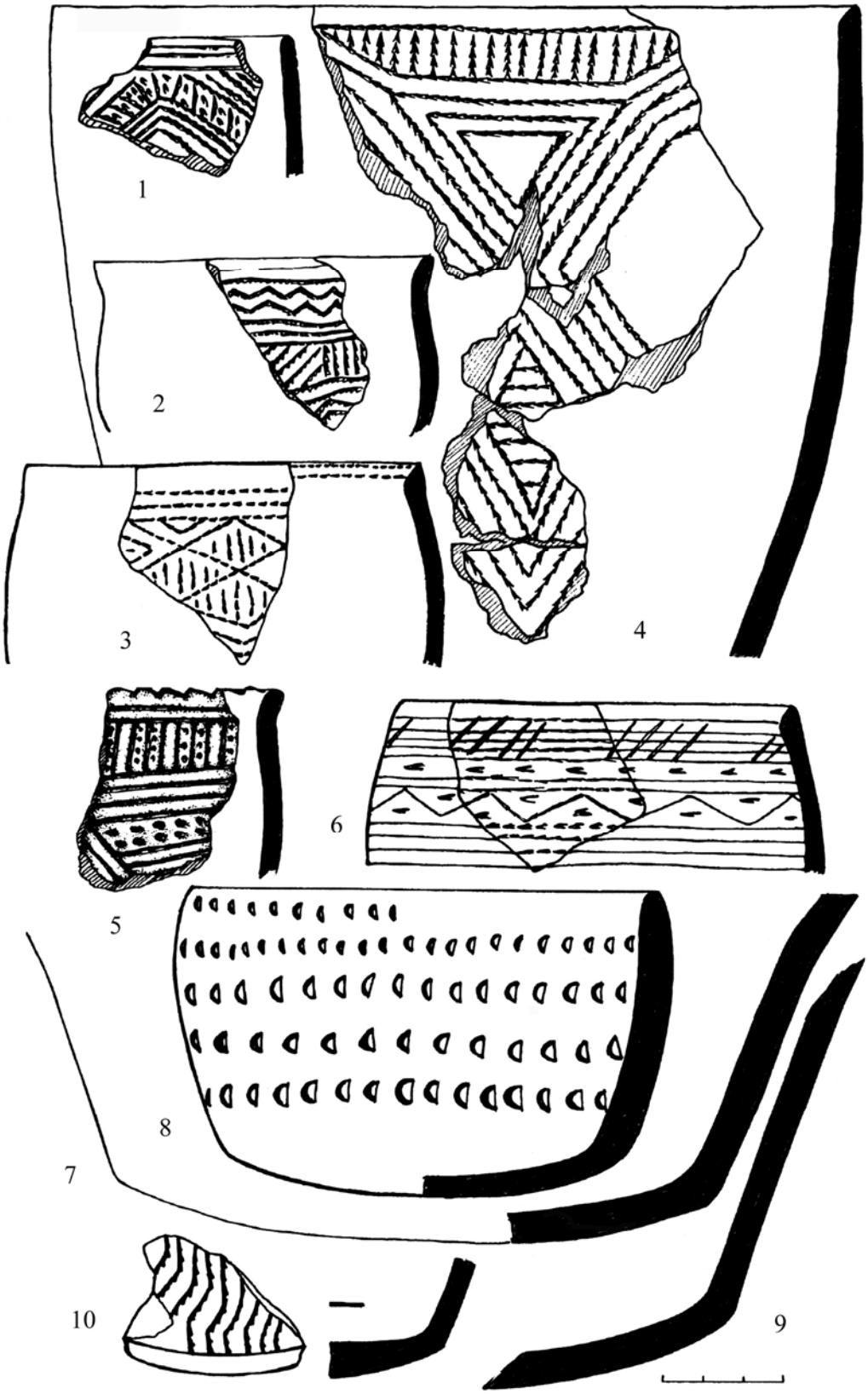

Рис. 12. Варфоломеевка. Керамика нижнего слоя с геометрическим орнаментом *(1-6)*, чашевидный сосуд *(8)* и придонные части *(7, 9, 10)*

2.2. Керамика слоя 2 Б

Из всей керамики, полученной в слое 2 Б, для статистического анализа отобраны фрагменты от 139 венчиков. Технологические характеристики керамики – состав теста, глины, качество обжига, формовка, обработка поверхности – аналогичны керамике нижнего слоя. Максимальное количество керамики (ок. 63 %) относится ко второй группе. Первая группа включает 43 %, третья – менее 5 % сосудов. Около 7 % керамики имеет наплыв по внутренней стороне венчика (табл. 1).

По технике нанесения орнамента распределение керамики следующее: накольчатая – ок. 54 %, прочерченная – 28 %, прочерченно-накольчатая – 10 %, накольчато-прочерченная – менее 2 %, неорнаментированная – 5 %. Как и в нижнем слое, максимальное количество прочерченной керамики в первой группе: прочерченная и прочерченно-накольчатая превышает количество накольчатой. Нет керамики, орнаментированной прочерком, в третьей группе и на сосудах с внутренним орнаментом во второй (табл. 6).

Полностью восстанавливаемых сосудов немного. В первой группе реконструированы два горшка. Первый из них имеет приземистые пропорции, широкое устье и округлый срез венчика. Стенки в средней части немного выгнуты наружу, а плоское дно слегка выпуклое. Поверхность подлощена, цвет серо-коричневый, в глине примесь толченой раковины (рис. 13, *1*). Подобные сосуды с широким устьем и слегка выпуклыми наружу стенками составляют значительную часть керамики первой группы. Второй горшок также имеет широкое устье, но, в отличие от первого, совершенно плоское дно и ровные стенки. Венчик с внутренней стороны косо срезан под острым углом. По срезу нанесены скобковидные оттиски коротким двузубым штампом. Бордюрный орнамент на тулове выполнен протащенной узкой треугольной лопаточкой, из-за чего на некоторых участках создается впечатление прочерка (рис. 13, *2*). Судя по сохранившимся крупным фрагментам, в первой группе были еще сосуды с вогнутыми стенками в верхней или нижней трети тулова (рис. 20, *1*). Насечки и глубокие наколы по срезу венчика отмечены на 8 сосудах (табл. 3).

Из второй группы восстанавливается один крупный сосуд. Он имеет небольшое дно и широкое, слегка прикрытое устье. Срез венчика округлый, по внутренней стороне среза через равные промежутки нанесено от 4 до 6 неглубоких овальных вдавлений (рис. 14, *1*). По крупным фрагментам можно составить представление о других типах керамики второй группы. Встречены фрагменты от сосудов высоких пропорций (рис. 15, *1*). Большая же часть керамики, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, имела горизонтальные пропорции. Аналогично нижнему слою, сосуды второй группы наиболее крупные – диаметр по венчику может достигать 30 см. Обнаружено 5 фрагментов с наплывом по внутренней стороне венчика. В двух случаях наплыв представляет в профиле подтреугольный валик, один из них подчеркнут вертикальными оттисками овальной формы (рис. 15, *2, 3*). Венчики еще трех сосудов имеют уже вполне оформившийся наплыв. У двух срез плоский (рис. 16, *4, 5*), а у третьего срез венчика округлый, наплыв более узкий, но выражен ярче – его толщина почти в два раза превышает среднюю толщину стенок сосуда (рис. 14, *2*). Имеется ряд переходных форм венчиков, где уже появилось утолщение с внутренней стороны, но еще не оформилось в наплыв (рис. 15, *4*; 16*, 1-3*). Наколы и насечки по венчику (сверху или с внутренней стороны) нанесены на 11 сосудах, небогатый внутренний орнамент – на 4-х.

Керамика третьей группы представлена всего 7 сосудами. 6 из них орнаментированы наколом (в одном случае добавлен прочерк), 1 неорнаментированный. Профилировка сосудов выражена очень слабо: слегка раздуто тулово и немного отогнут наружу венчик (рис. 17, *1-4*), за исключением одного сосуда с волнистым срезом венчика (рис. 17, *5*). К четвертой группе можно отнести два фрагмента венчиков от миниатюрных сосудов (рис. 17, *6, 7*).

Элементы орнамента керамики претерпевают незначительные изменения по сравнению с нижним слоем. Увеличивается разнообразие форм одиночных наколов – появляются каплевидные, круглые, овальные, ногтевидные (рис. 17, *1, 9*). Плетенка из волнистых линий заменяется на плетенку из прямых; появляются разнообразные композиции с использованием шевронов (рис. 17, *8, 9*). Наиболее распространенными остаются композиции из зигзагов или зигзагов и линий (рис. 19, *1-3*), линий и отдельных наколов (рис. 19, *4, 5*). Отдельные наколы использовались как дополнение к самостоятельным композициям (рис. 19, *9*). Распространены косая штриховка (рис. 18, *1*); сочетание линии, зигзага и треугольника (рис. 18, *2, 3*); сотовый орнамент (рис. 18, *4-6*). Интересна композиция из сотового орнамента, к которой ниже добавлены ромбы с вписанными в них крестами (рис. 20, *1*). Еще одна характерная композиция – опущенные вниз вершинами треугольники, заполненные зигзагом или косой штриховкой, которые образуют ромбы (рис. 14, *3*). Косая штриховка может заполнять углы композиций (рис. 18, *7*; 20, *2*).

Несколько выделяется из общей серии фрагмент тонкостенного сосуда с приостренным венчиком. Он украшен сочетанием зигзага и линии, расположенных горизонтально по бордюру и вертикально по тулову (рис. 20, *3*). Фрагмент отличается равномерным обжигом и плотной структурой. По фактуре и толщине ему аналогичен обломок стенки сосуда, орнаментированный чередованием зигзага, линии и скобковидных наколов, но залегавший в слое 2 А (рис. 20, *4*).

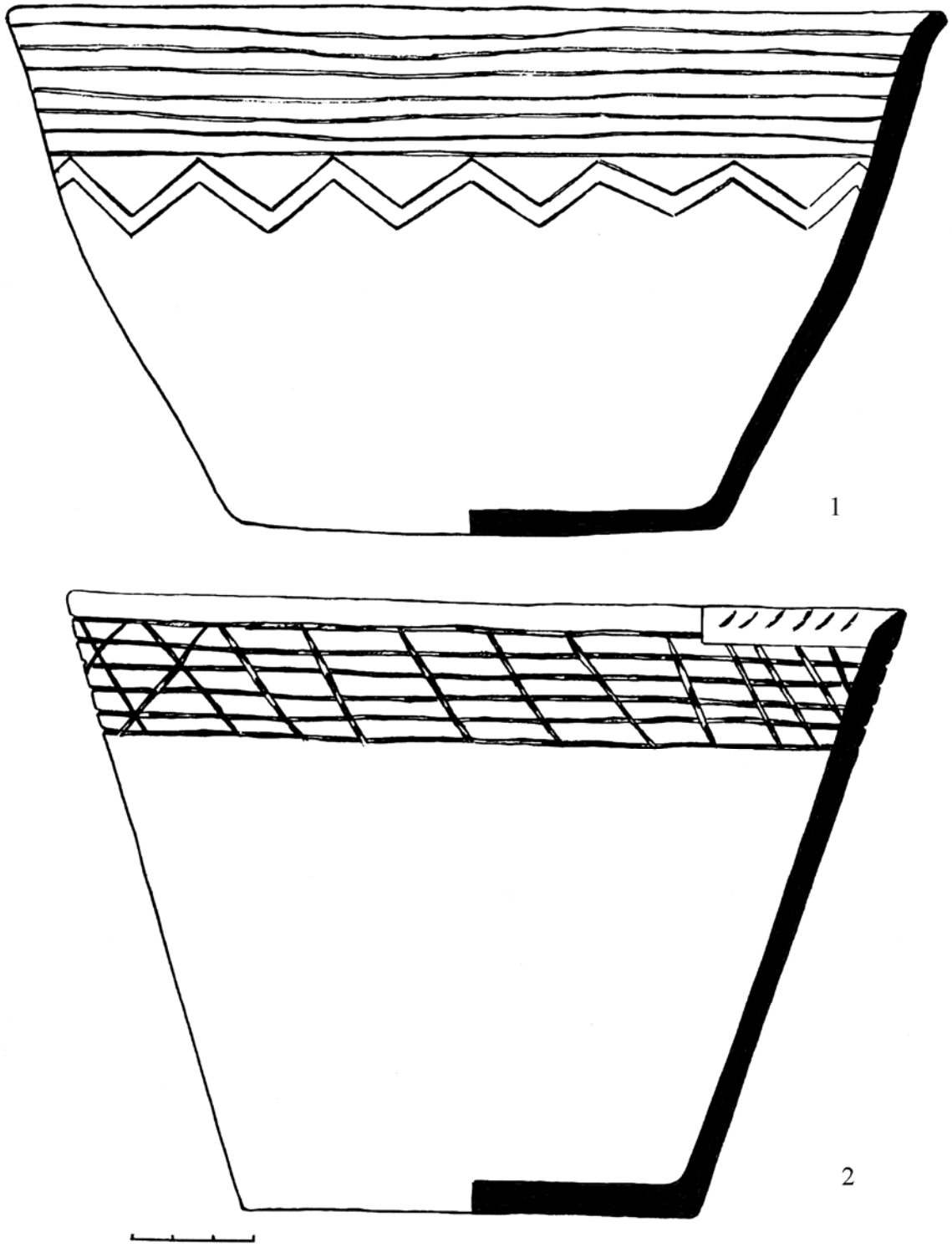

Рис. 13. Варфоломеевка. Сосуды с открытым устьем (1 группа) из слоя 2 Б

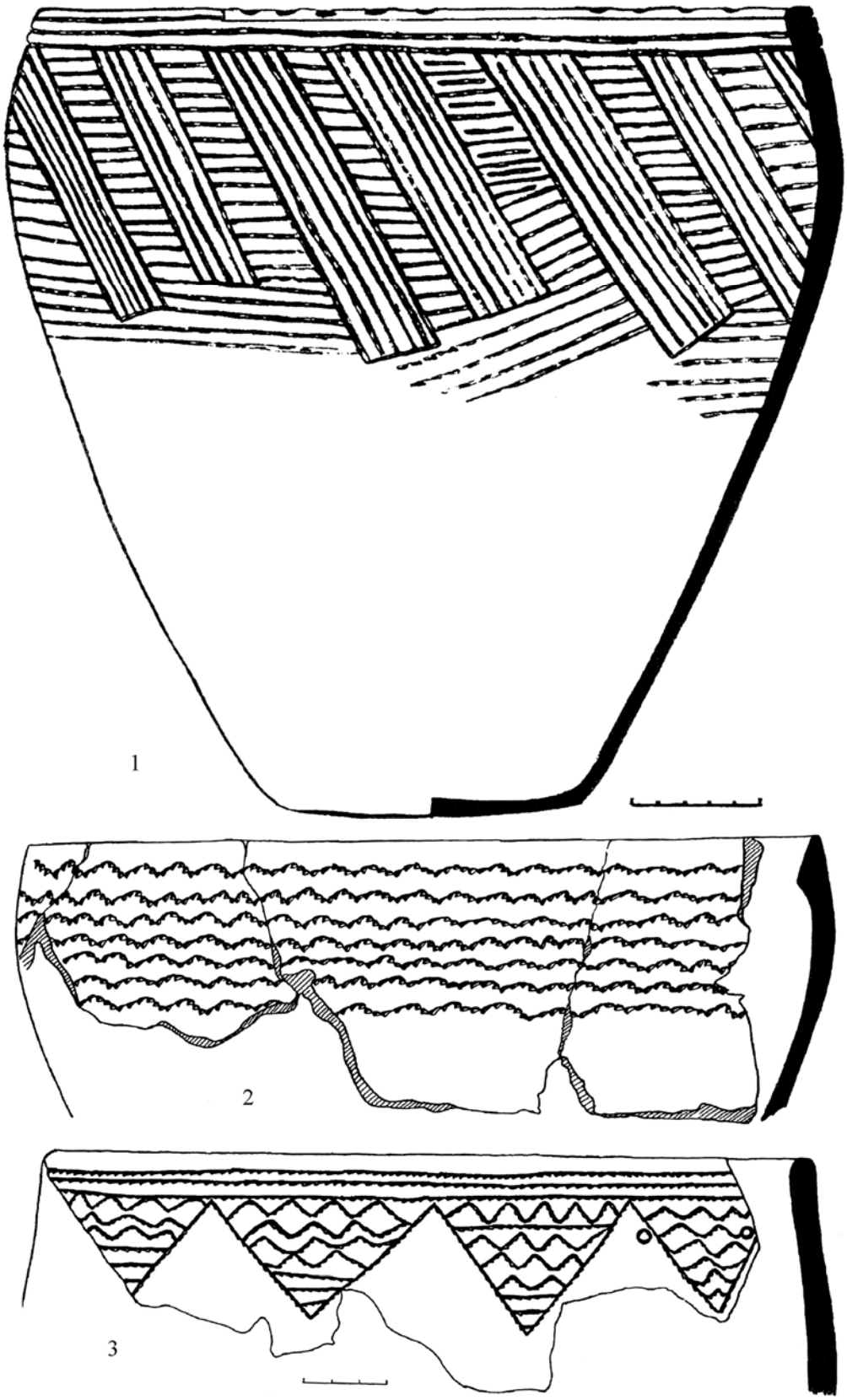

Рис. 14. Варфоломеевка. Сосуды с прикрытым устьем (2 группа) из слоя 2 Б

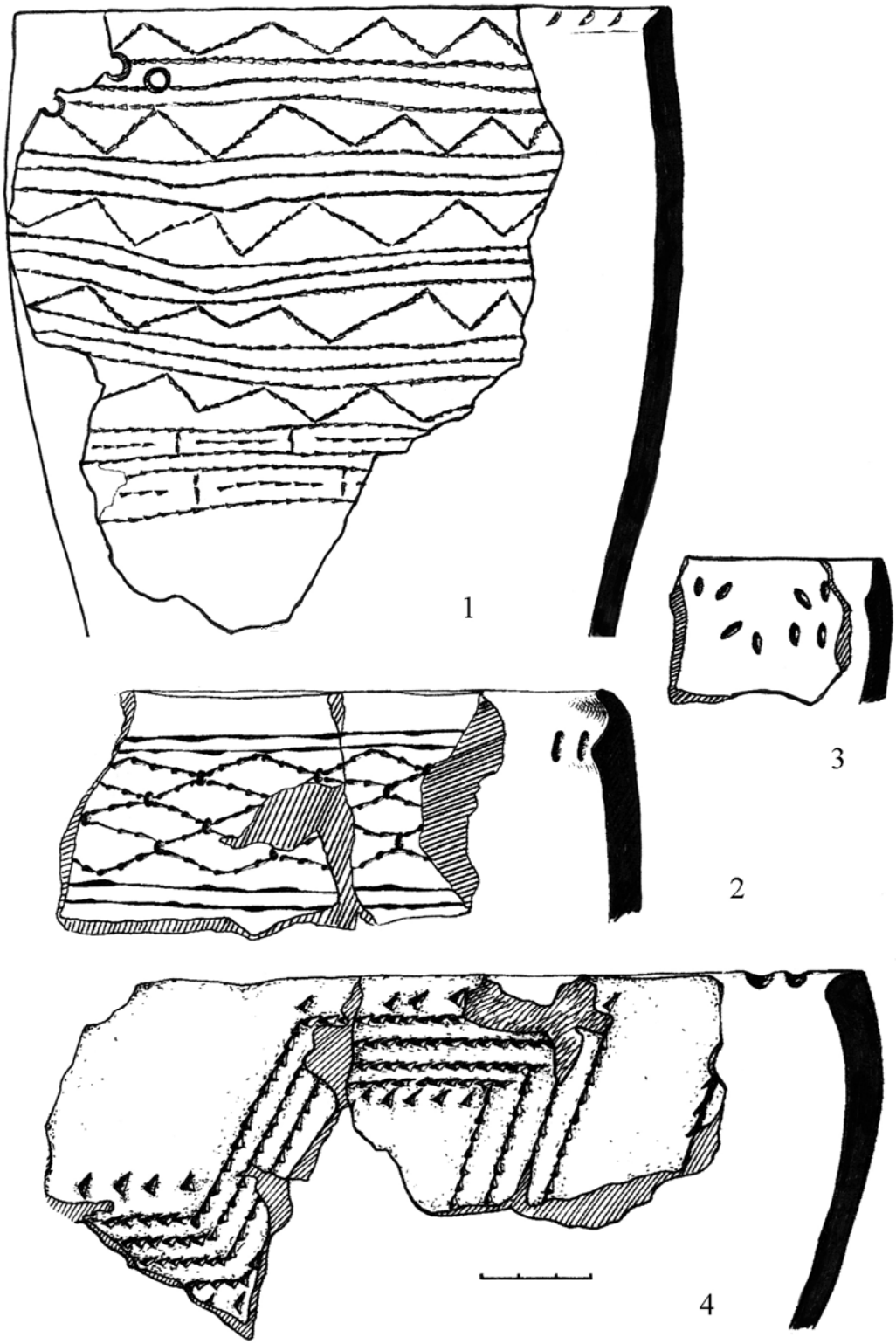

Рис. 15. Варфоломеевка. Керамика второй группы из слоя 2 Б

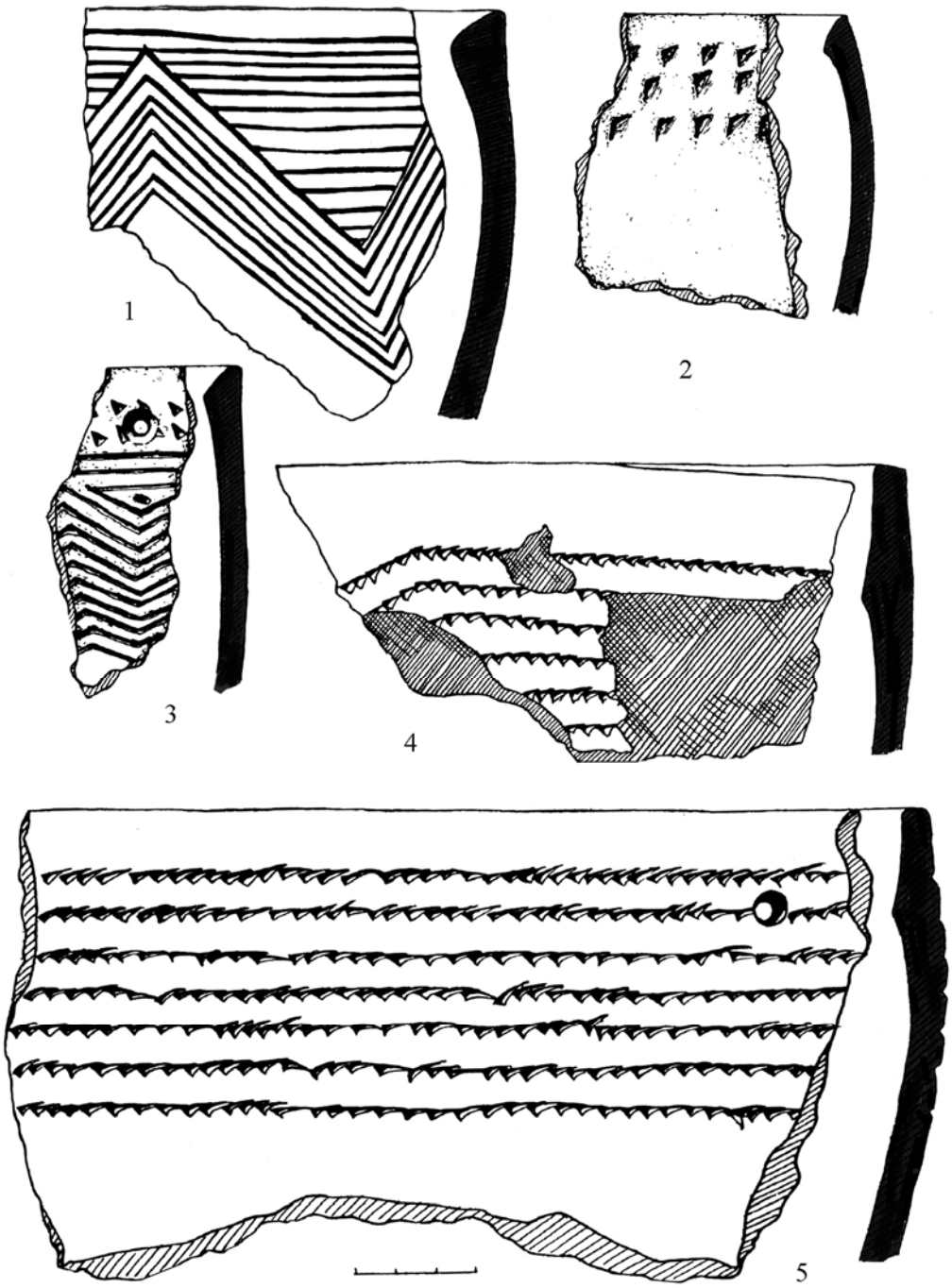

Рис. 16. Варфоломеевка. Фрагменты керамики из слоя 2 Б

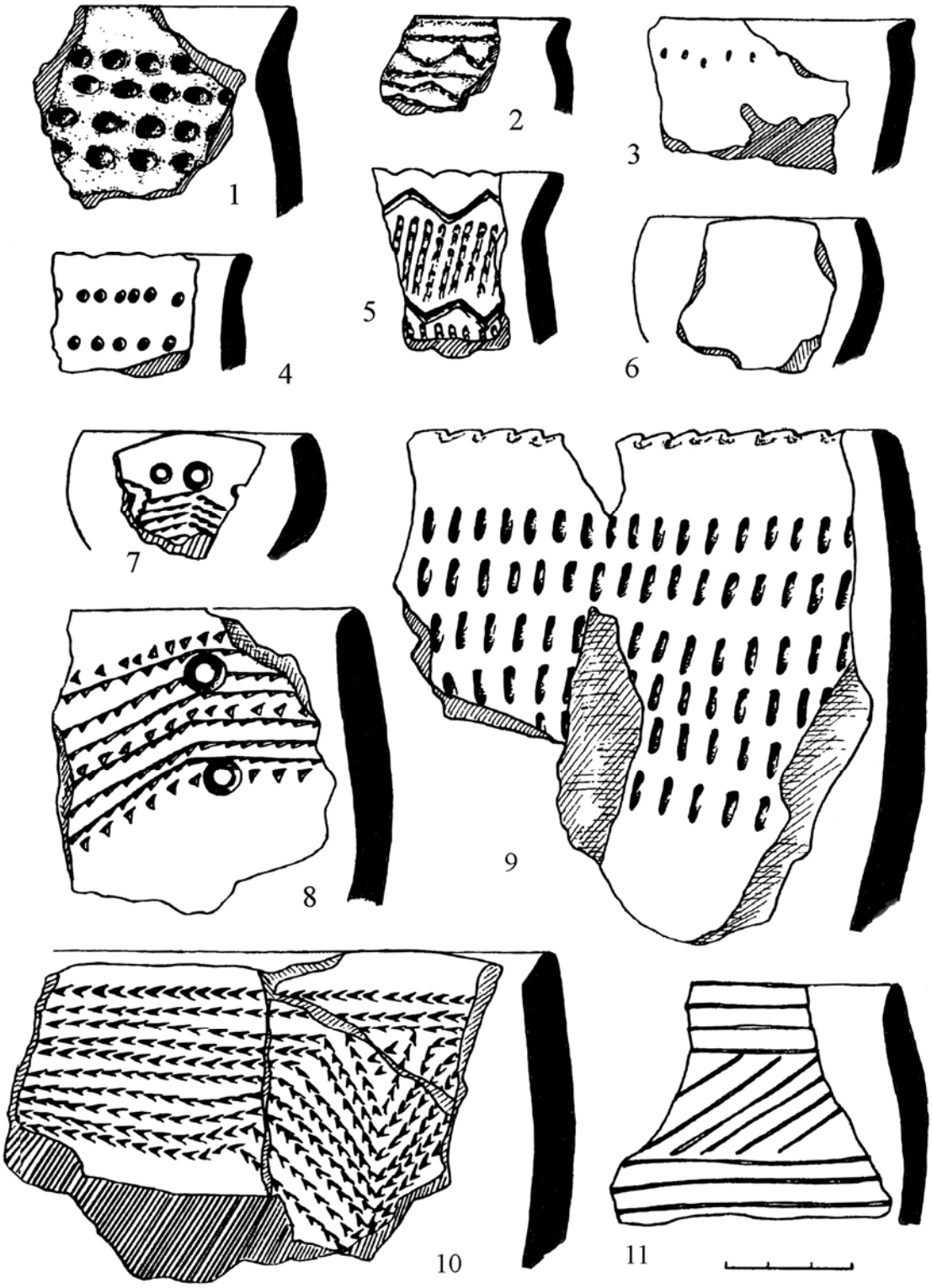

Рис. 17. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 Б

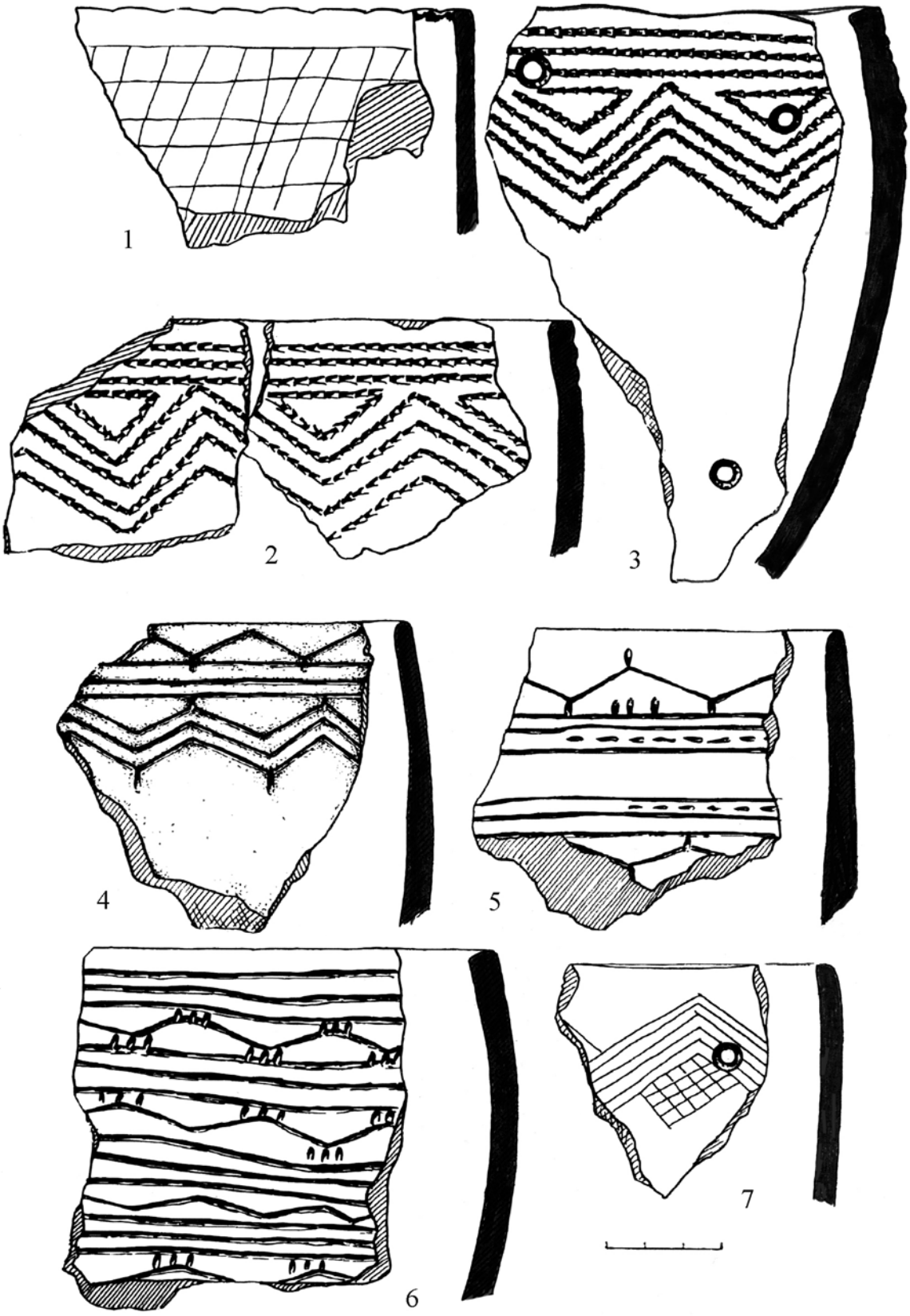

Рис. 18. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 Б

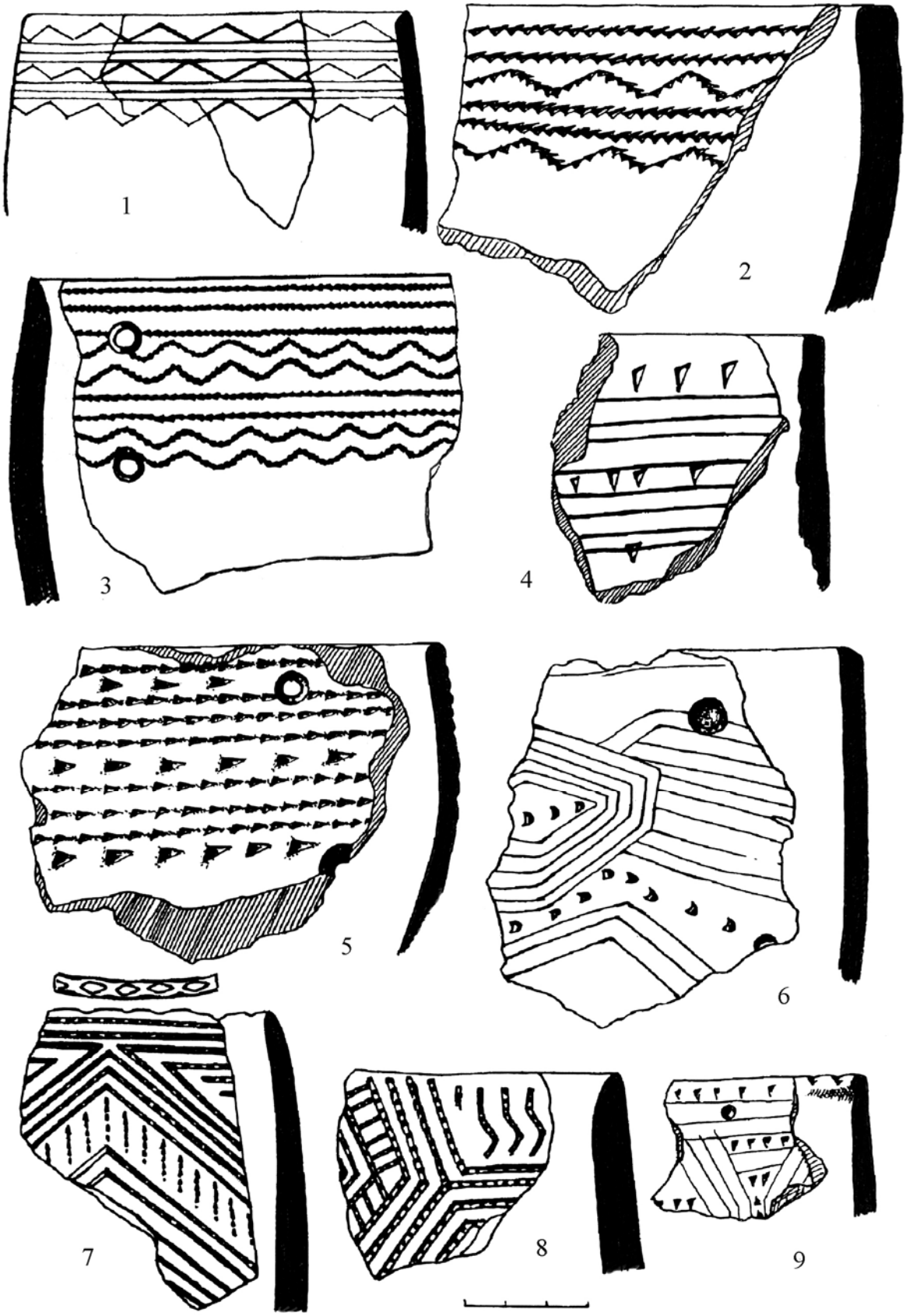

Рис. 19. Варфоломеевка. Прочерченная и накольчатая керамика из слоя 2 Б

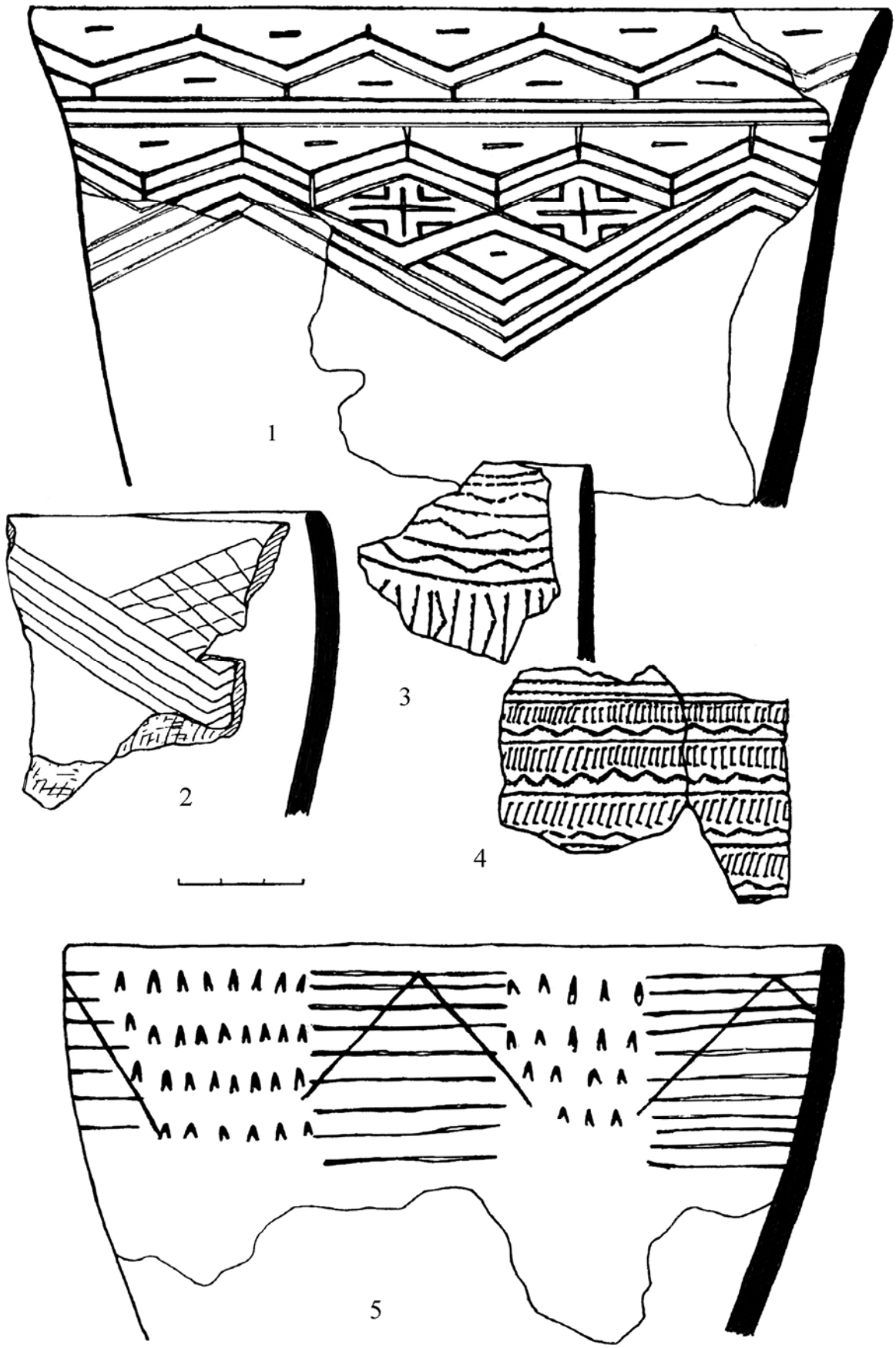

Рис. 20. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 Б

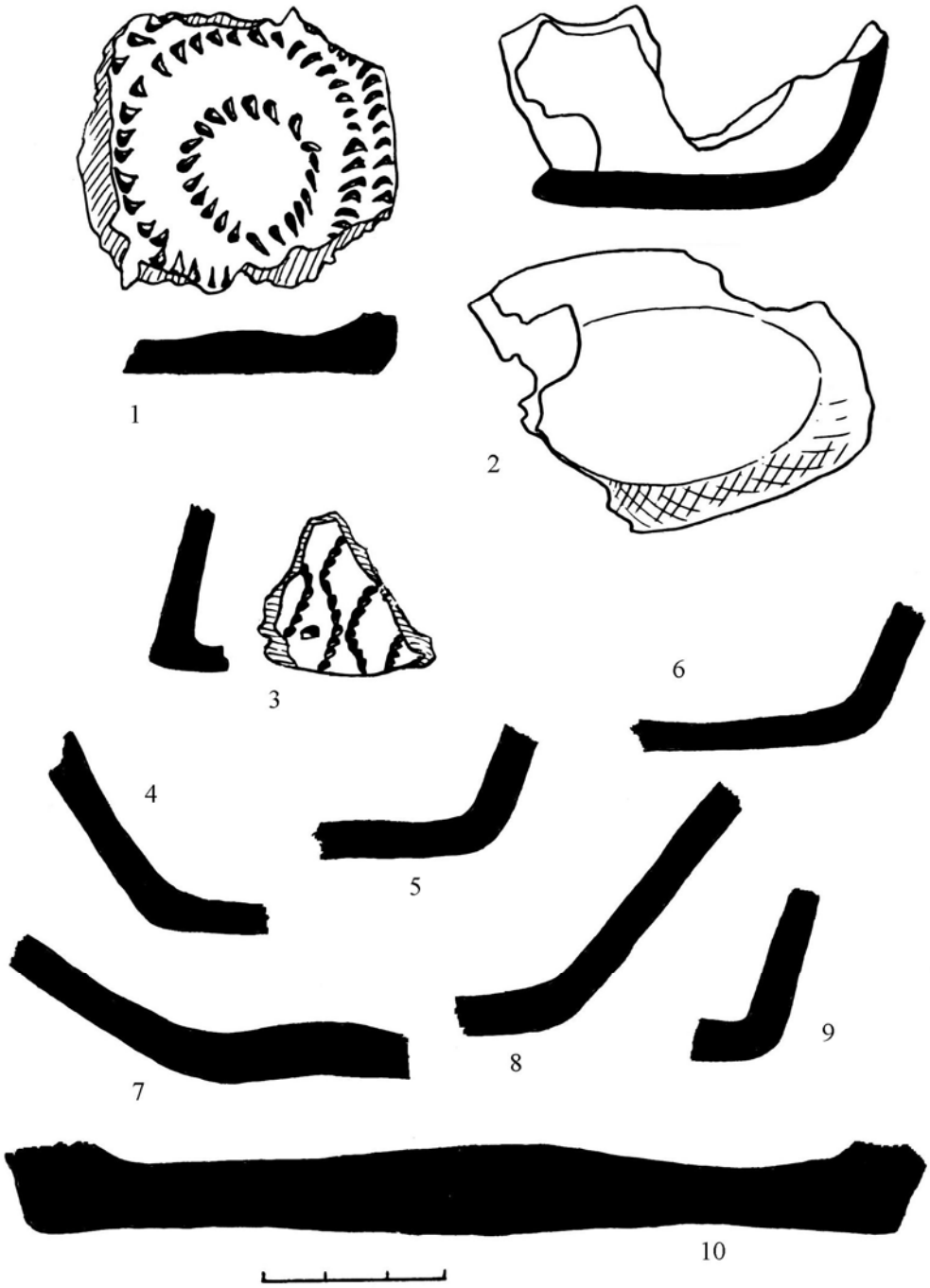

Рис. 21. Варфоломеевка. Донца сосудов из слоя 2 Б

В слое найден фрагмент плоского донышка с орнаментом (рис. 21, *1*). Найдено плоское дно овальной формы (5,5 х 2,8 см) (рис. 21, *2*). Остальные донышки имеют обычную для стоянки форму: плоские, плоско-выпуклые и немного плоско-вогнутых (рис. 21, *5-11*).

2.3. Керамика слоя 2 А

Для анализа отобрано 353 фрагмента венчиков из участков раскопа с четкой стратиграфией и из заполнений земляночных котлованов, хозяйственных ям и очагов, связанных со слоем 2 А.

Технологические характеристики керамики остаются прежними. Это обильная примесь толченой раковины в тесте глины подавляющего большинства сосудов, ленточный способ формовки, неравномерность обжига, лощение поверхности. Встречено несколько фрагментов, где вместе с ракушкой обнаружена примесь мелких комочков красной охры или шамота.

Распределение посуды по группам прежнее. Более 62 % керамики попадает во вторую группу, почти 23 % в первую, менее 15 % в третью. К четвертой группе отнесены 2 чашевидных сосуда (0,56 %). Около 32 % сосудов второй группы имеет утолщенный наплыв по внутренней стороне венчика. Подобная керамика составляет 20% от общего количества в слое (табл. 11).

Из первой группы керамики полностью реконструированы 2 сосуда. Один из них имеет плоско-выпуклое дно с плавным переходом к стенкам, которые несколько расходятся в верхней части сосуда (рис. 22, *1*). Высота сосуда 11 см, диаметр 12,7 см, диаметр дна 9,7 см. Второй сосуд отличается высокими пропорциями. Венчик под острым углом срезан внутрь, край его отогнут наружу. Под венчиком симметрично просверлены две пары отверстий. Тулово сосуда покрыто прочерченным орнаментом, дополненным узкими и длинными наколами (рис. 24). Наполовину реконструируется сосуд с широким устьем (рис. 23, *4*).

Из керамики второй группы полностью реконструируются также 2 сосуда. Один имеет небольшие размеры и слегка прикрытое устье (рис. 22, *4*). Другой сосуд, низких пропорций, имеет широкое плоское дно и округлые стенки (рис. 22, *5*). По крупным фрагментам устанавливается наличие еще нескольких вариантов форм сосудов с прикрытым устьем. Один из сосудов имел округлые бока и небольшое дно, если судить по профилю стенки. Венчик его утолщен и косо срезан вовнутрь (рис. 25, *2*). Сосуды этого варианта сильно различаются по величине. Диаметр венчиков колеблется от 10 - 15 см до 34 - 44 см (рис. 22, *2*; 25, *2, 3, 5-7*). Несколько сосудов имеют сильно прикрытое устье (рис. 25, *1, 4, 7*), другие, наоборот – почти ровные стенки, что указывает на их высокие пропорции. Диаметры венчиков у последних 11 - 23 см (рис. 26, *1*; 27, *1*). Один из фрагментов имеет приостренный край венчика и глубокую выемку (рис. 25, *10*). Возможно, подобным образом оформлялся слив или «ушки».

Насечки, наколы и вдавления, иногда придающие гофрированность венчику, отмечены на 8 сосудах; на трех утолщенных венчиках нанесен внутренний орнамент.

Из общей серии выделяются еще два сосуда. Они имели небольшое дно, прикрытое устье, но не округлые бока, а ребро в верхней трети тулова. У крупного сосуда (диаметр по венчику 36 см) ребро проходит на уровне нижнего среза наплыва по внутренней стороне венчика. Сосуд орнаментирован строчками редкого крупного накола. На внешней стороне это вертикальные (с легким наклоном в разные стороны) линии. Ребро подчеркнуто отдельными оттисками короткого четырехзубого штампа, образовавшими полуовальные насечки. Это единственный случай, когда штамп вынесен на внешнюю поверхность сосуда. Обычно таким штампом делались насечки по срезу или внутреннему краю венчика. По наплыву на венчике проведены три горизонтальные линии с шевронами, выполненные крупным наколом (рис. 23, *1*). Меньший сосуд (максимальный диаметр тулова 14,5 см) – без внутреннего наплыва, венчик косо срезан вовнутрь, на срезе – ногтевидные насечки. Украшен зигзагом в технике отступающего накола (рис. 23, *2*). Также найдены фрагменты сосуда с ребром приблизительно в средней части тулова и слегка отогнутым наружу венчиком. Украшен многогранными геометрическими фигурами в технике отступающего накола (рис. 28, *2*).

Керамика группы 2 Н – разновидность керамики второй группы, отличается от нее утолщением-наплывом по внутренней стороне венчика. Сосуды широко варьируют в своих размерах, но основная их часть представлена крупными формами. Самый маленький имеет диаметр 10 см по венчику (рис. 28, *2*), серия сосудов – диаметры венчиков в пределах 18 - 26 см (рис. 23, *3*; 28, *4*; 29, *2, 3*). У наиболее крупных сосудов диаметры венчиков достигают 39 - 49 см (рис. 29, *1*, *5, 6*). Создается впечатление, что причиной появления внутреннего наплыва была необходимость укрепления верхнего края сосуда при увеличении его размеров.

Профили венчиков сосудов группы 2 Н чрезвычайно разнообразны. С достаточной долей условности профили могут быть распределены на 6 типов.

Тип 1 (около 41 %) – наплыв подтреугольной формы, со стенкой смыкается плавно, ширина чаще всего небольшая (рис. 23, *3*; 28, *5-7*; 30, *1*).

Тип 2 (около 24 %) – плоский наплыв с четко выраженным полуарочным переходом к стенке сосуда. Срезы венчиков плоские, округлые, приостренные. Ширина от 1 до 4 см (рис. 28, *4*; 29, *1-3,5*; 30, *4, 6*).

Тип 3 (11 %) — такой же наплыв, как и в типе 2, но венчик отогнут наружу, в одном случае

венчик имеет раструбовидную форму (рис. 27, *2*; 29, *6*; 30, *2, 5*; 31, *1*).

Тип 4 (около 16 %) – в профиле с внутренней стороны плавные переходы заменены гранями, контур резкий (рис. 31, *2, 3*).

Тип 5 (около 6 %) – контуры аморфные, венчик отогнут наружу (рис. 31, *4-6*).

Тип 6. Отнесен один фрагмент, сочетающий внутренний наплыв и воротничковое утолщение с внешней стороны (рис. 31, *7*).

Глубокие насечки по срезу венчика были нанесены только на трех сосудах, но на 73 % венчиков внутренний наплыв украшен орнаментом от простейшего до сложного. В некоторых случаях, особенно на венчиках типа 2, внутренний орнамент сложнее и разнообразнее внешнего. Срезы двух венчиков волнистые.

К керамике третьей группы отнесены фрагменты венчиков от 49 сосудов. Профилировка абсолютного большинства сосудов незначительная (рис. 31, 8-11; 32, 1-11; 33, 3).

Целых или реконструированных сосудов в группе 3 нет. По фрагментам определено, что сосуды были различного диаметра, в том числе и несколько крупных. Из последних наиболее интересен сосуд со сложным геометрическим орнаментом. У сосуда слабо раздуты бока, венчик несколько отогнут наружу. По внутреннему срезу приостренного венчика нанесены округлые глубокие вдавления, придавшие ему волнистость; под ними проходит зигзаг из четырехзубого мелкого штампа с плотно поставленными зубцами. Внешняя поверхность украшена бордюрным орнаментом из постепенно увеличивающихся прямоугольников и системы сдвоенных зигзагов и горизонтальных линий в технике отступающего накола (рис. 33, *5*). Вероятно, аналогичным орнаментом был покрыт сосуд из второй группы (рис. 34, *1*). Профилированность еще одного крупного сосуда очень слабая, диаметр венчика ок. 40 см. Орнамент состоит из рядов редкого скобковидного накола и прочерченных прямоугольников (рис. 33, *3*).

Насечки, наколы, вдавления отмечены на срезах 16 % венчиков.

Форму одного из сосудов можно считать переходной между второй и третьей группами, предваряющей в какой-то мере появление воротничковой керамики – широкий венчик имеет легкую желобчатость и отогнут наружу (рис. 38, *3*).

Четвертая группа – это два чашевидных сосуда. Один из них по форме аналогичен чаше из нижнего слоя, но максимальное расширение тулова находится в нижней трети. Уплощенное дно плавно переходит в округлые стенки, которые ближе к венчику слегка смыкаются. Под венчиком симметрично просверлены две пары сквозных отверстий (рис. 34, *2*). Форма второго сосуда не находит повторений среди керамики стоянки. Это низкая чаша с округлым дном. Венчик утолщен, имеет Г-образную форму и косо срезан внутрь. Под венчиком симметрично просверлены две пары сквозных отверстий. Устье чаши прикрыто. По максимальному расширению тулова проходит налепной валик, полукруглый в сечении, шириной 0,7 см и высотой 0,4 см (рис. 34, *4*).

Большинство донышек керамики слоя 2 А плоские или плоско-выпуклые, реже встречаются плоско-вогнутые (рис. 35, *1-8*). Часть плосковыпуклых донышек имеет сквозные отверстия, высверленные с внешней стороны (рис. 35, *16, 18, 19*). Встречены плоское и плоско-выпуклое донышки с закраинами (рис. 35, 9, 15). Изредка орнамент спускается до придонной части (рис. 35, *9, 10, 12-14*, *16*; 36, *1, 2*). Есть орнамент и на нескольких плоских донышках (рис. 36, *2-4*). Несколько фрагментов имеют выпуклое дно с четким переходом от дна к стенке (рис. 36, *5-7*).

Происходит изменение процентного соотношения накольчатой и прочерченной керамики. Почти 3/4 керамики орнаментировано наколом (74%), прочерком – всего 12 % (против 23 и 33 % в слоях 2 Б и 3). Как и в нижних слоях, прочерк чаще всего отмечен на керамике первой группы (ок. 19 % и ок. 25 % вместе с прочерченно-накольчатой). Всего в одном случае прочерком украшен сосуд из группы 2 Н. Менее 2 % керамики имеет новые элементы орнаментации – крупные налепные "жемчужины" (6 фрагментов) и короткий гребенчатый штамп (1 фрагмент). Увеличилось количество керамики, украшенной крупными наколами треугольной, подовальной, скобковидной форм, неглубокими ямочными круглыми вдавлениями.

По сравнению со слоем 2 Б в наборе орнаментальных композиций произошли следующие изменения. В технике прочерка нет композиций с дополнением крупных ямочных вдавлений или оттисков камышинки, но появляется орнамент из волнистых линий (рис. 34, *5, 6*).

В прочерченно-накольчатой технике появляются композиции из прочерченной волны и отдельных наколов (рис. 34, *7*). Орнамент с использованием волнистой линии появляется также в накольчато-прочерченной технике (рис. 34, *6*; 36, *8, 9*). Накольчатые композиции полностью повторяют все узоры слоя 2 Б и добавляется 5 новых (табл. 7). Это ленты из двойных зигзагов, пространство между которыми заполнено косой штриховкой (рис. 36, *9*). Такая же штриховка может быть ограничена одной или двумя линиями крупных треугольных наколов (рис. 36, *11, 12*). Аналогичные композиции на нижележащей керамике были выполнены только прочерком.

Появляется керамика, сочетающая зигзаг, шеврон и другие элементы с отдельно поставленными оттисками полукруглого накола или ямочными вдавлениями (рис. 37, *1, 2*). Не встречался ранее орнамент из крупных скобок и геометрический орнамент из крупных треугольных наколов (рис. 33, *1, 3*).

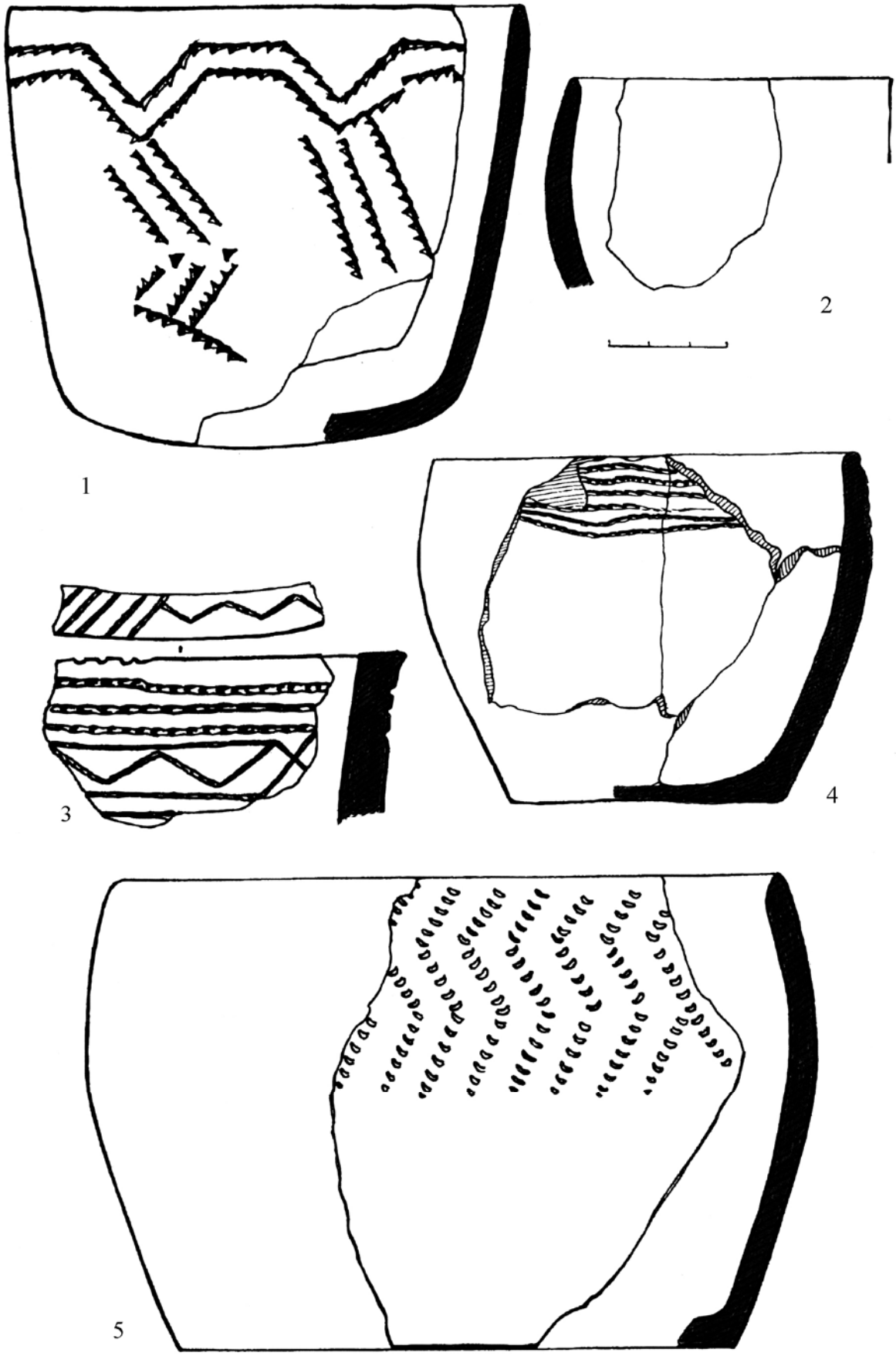

Рис. 22. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А.

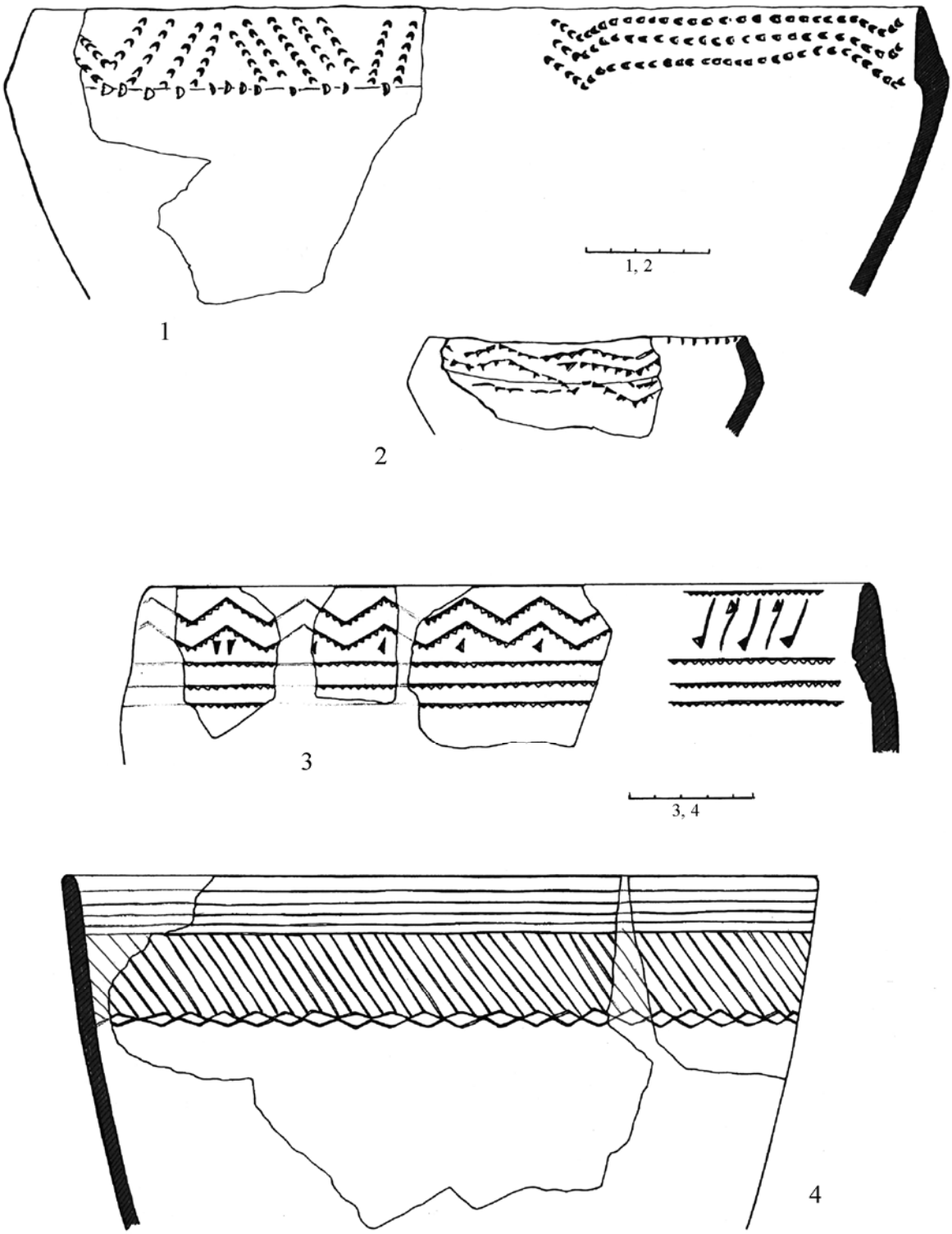

Рис. 23. Варфоломеевка. Образцы керамики различных групп из слоя 2 А

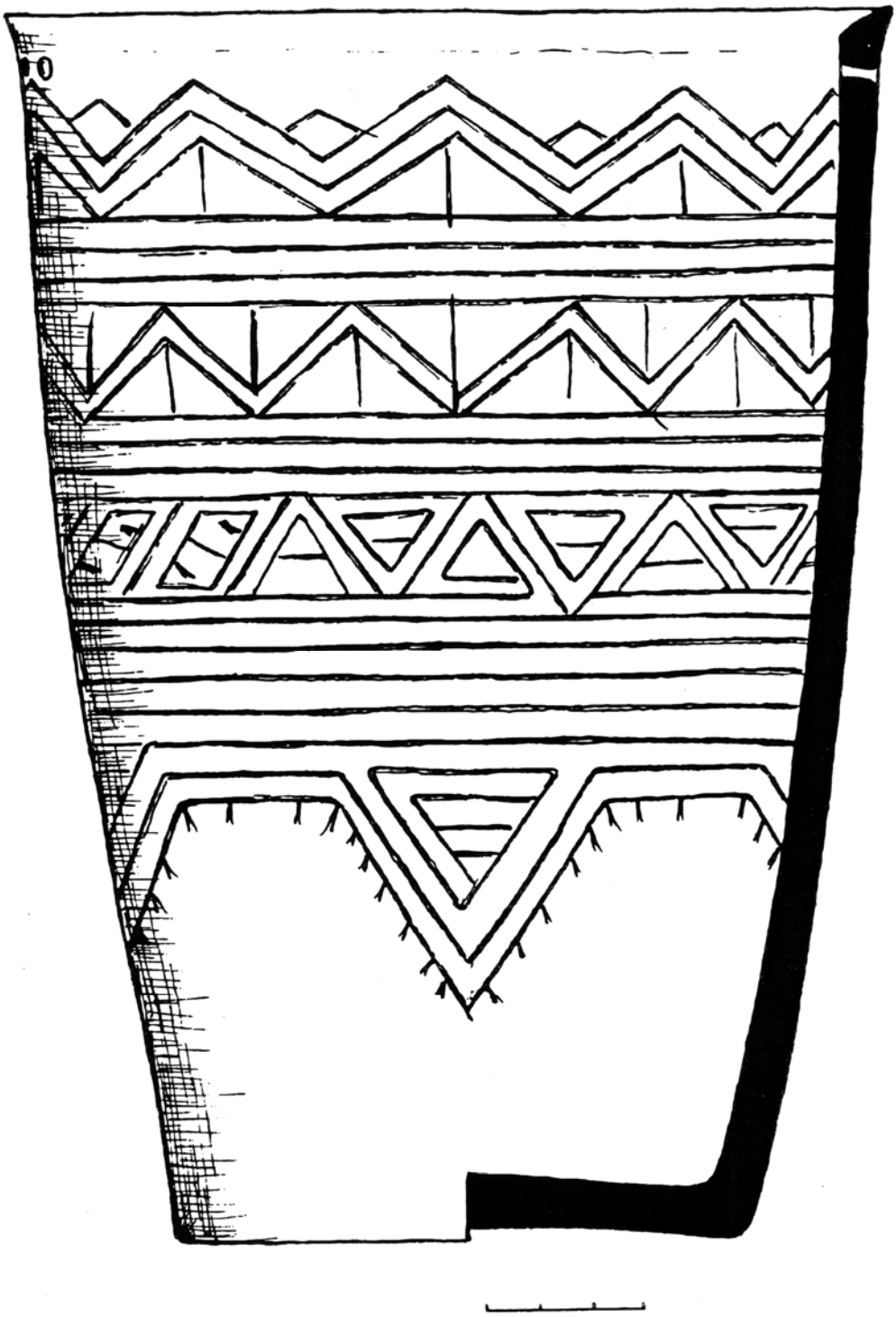

Рис. 24. Сосуд из жертвенника в слое 2 А

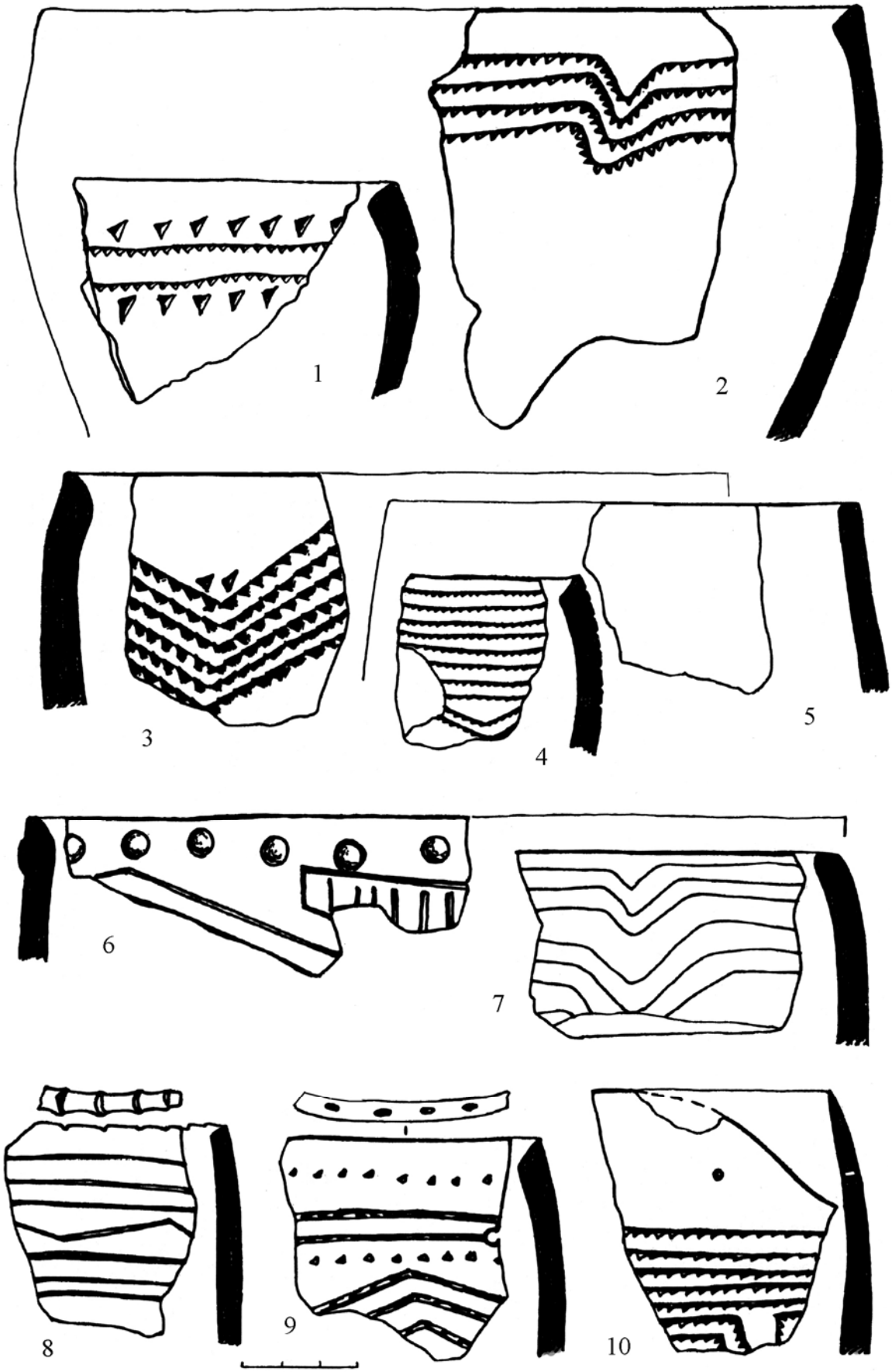

Рис. 25. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

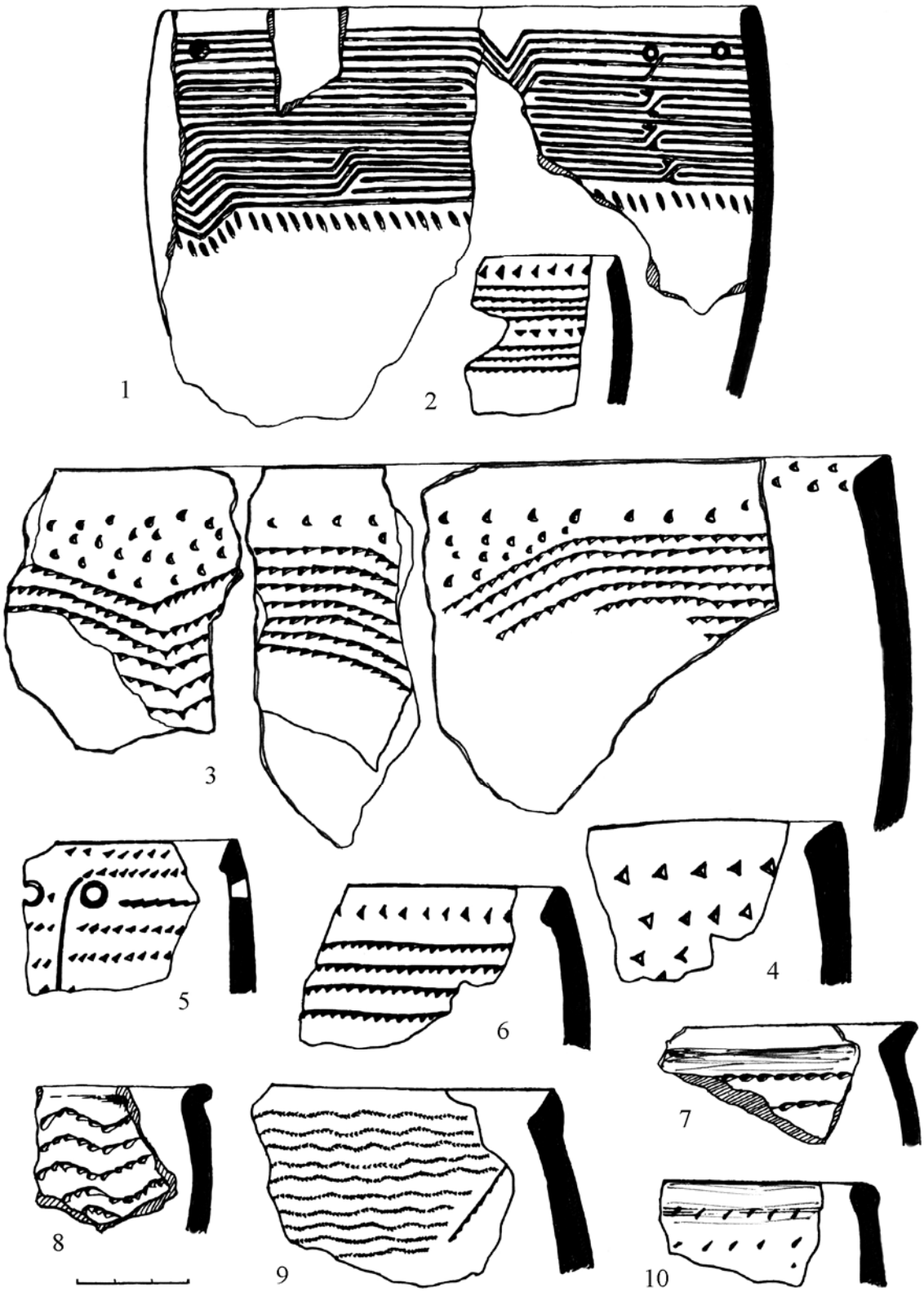

Рис. 26. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

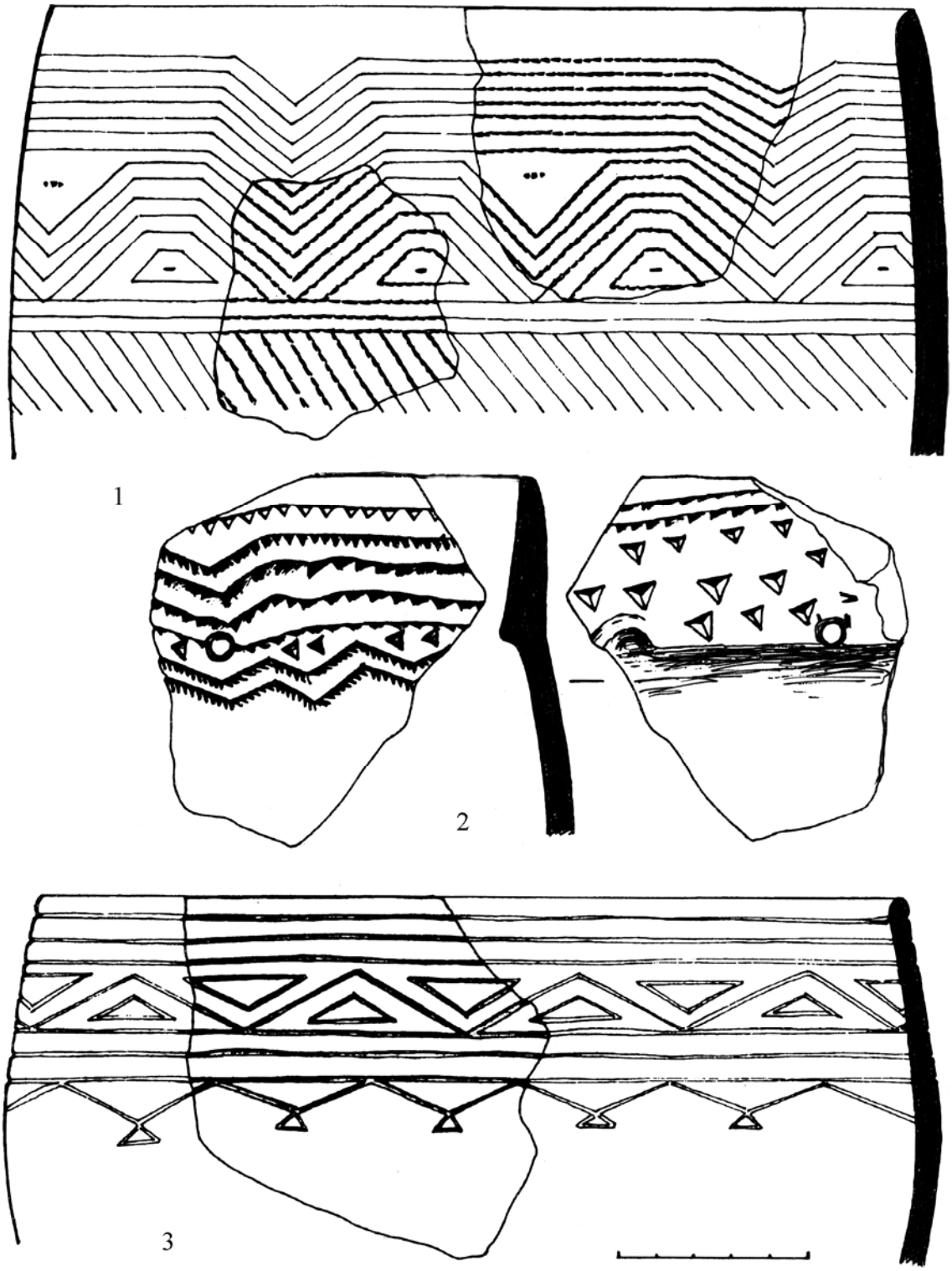

Рис. 27. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

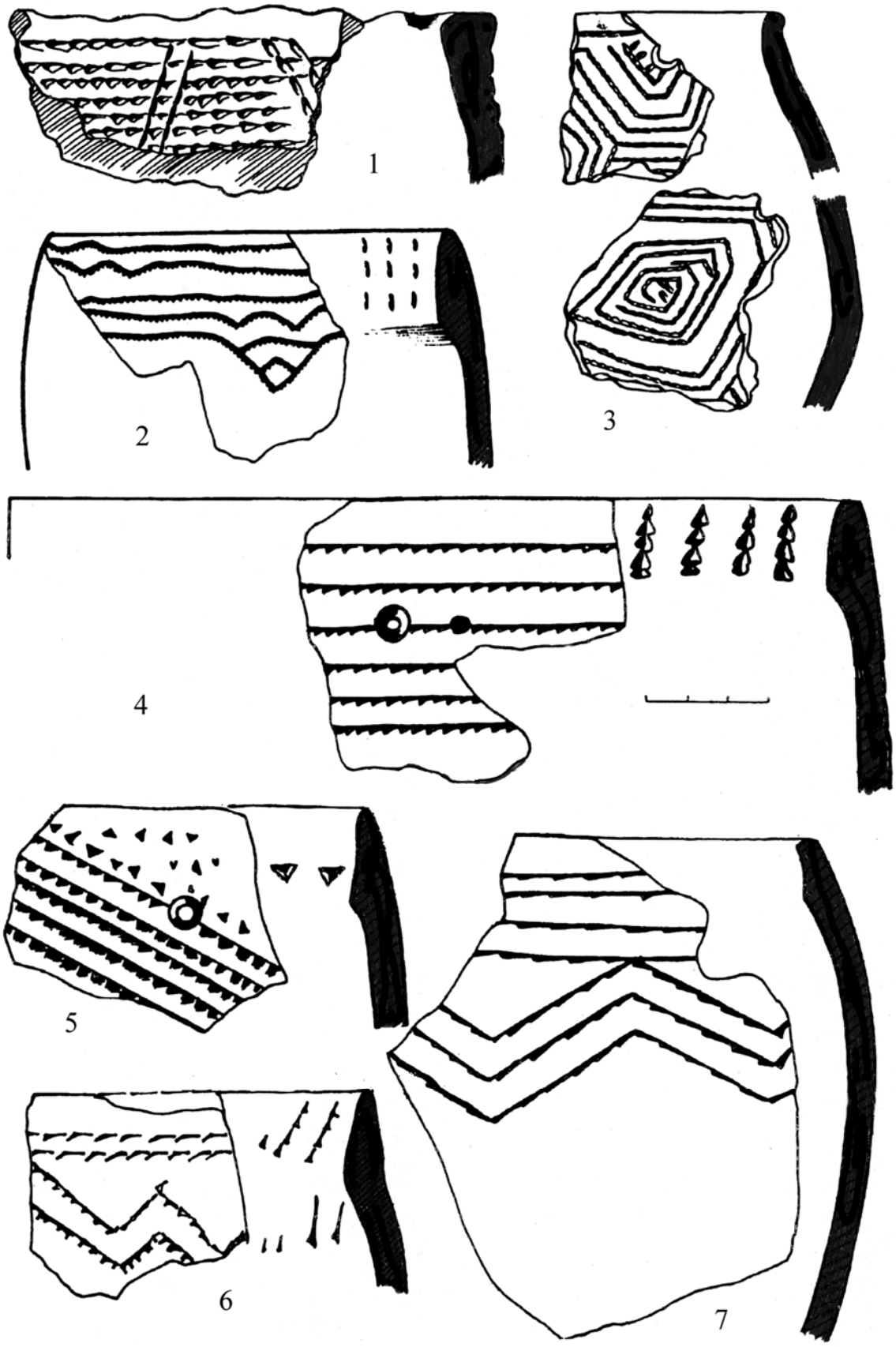

Рис. 28. Варфоломеевка. Образцы керамики из слоя 2 А

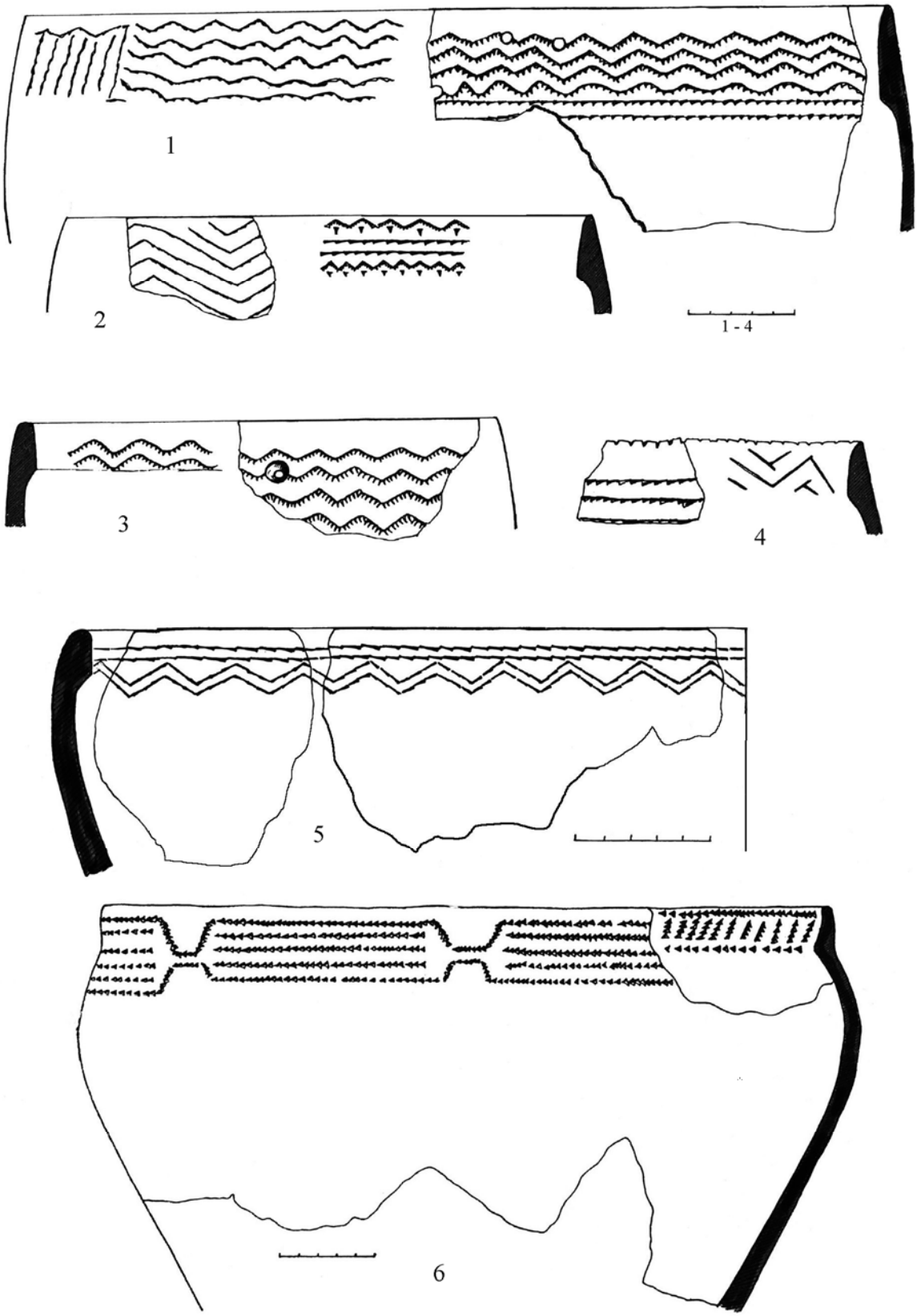

Рис. 29. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А. Варианты оформления венчиков

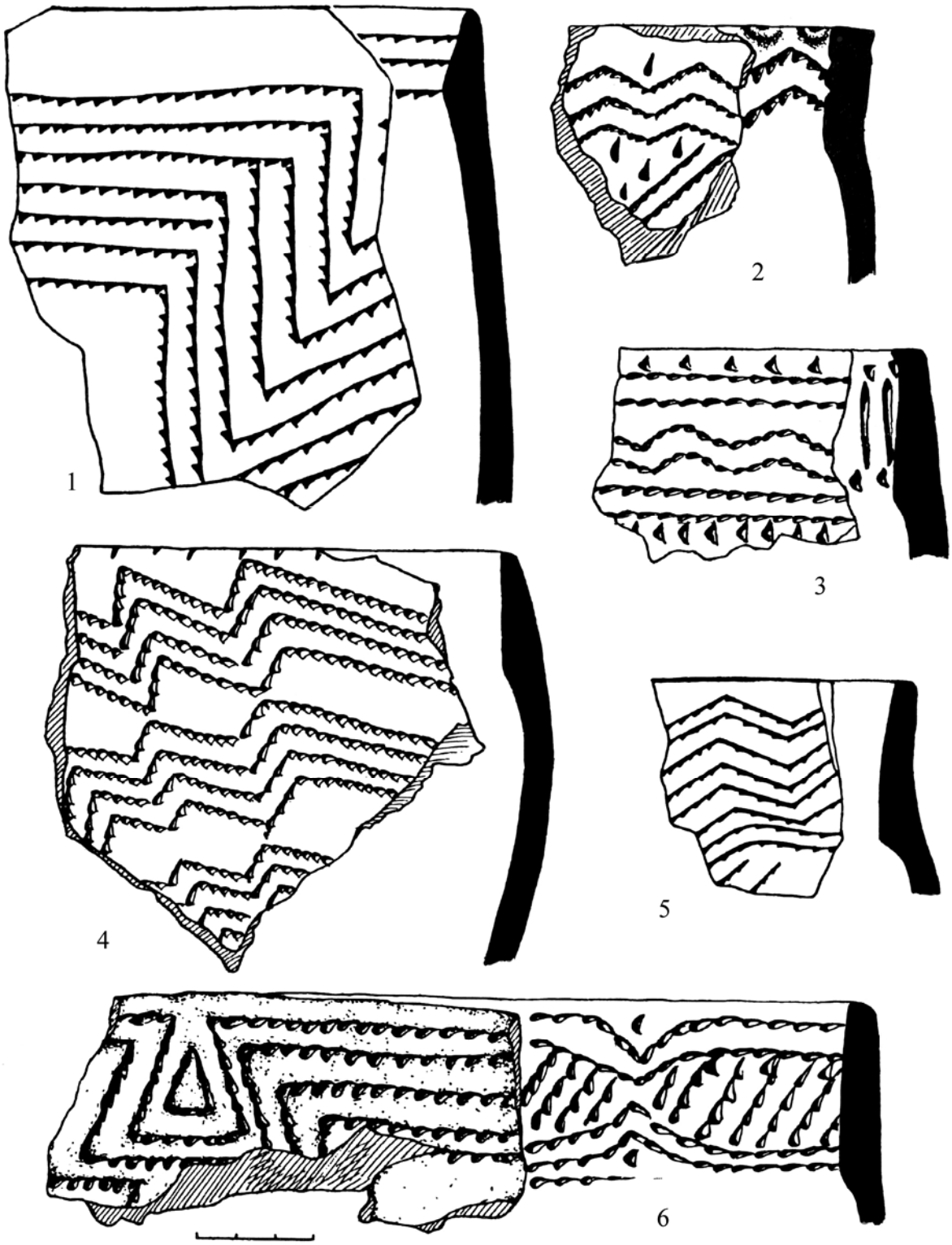

Рис. 30. Варфоломеевка. Керамика с внутренним наплывом по венчику из слоя 2 А

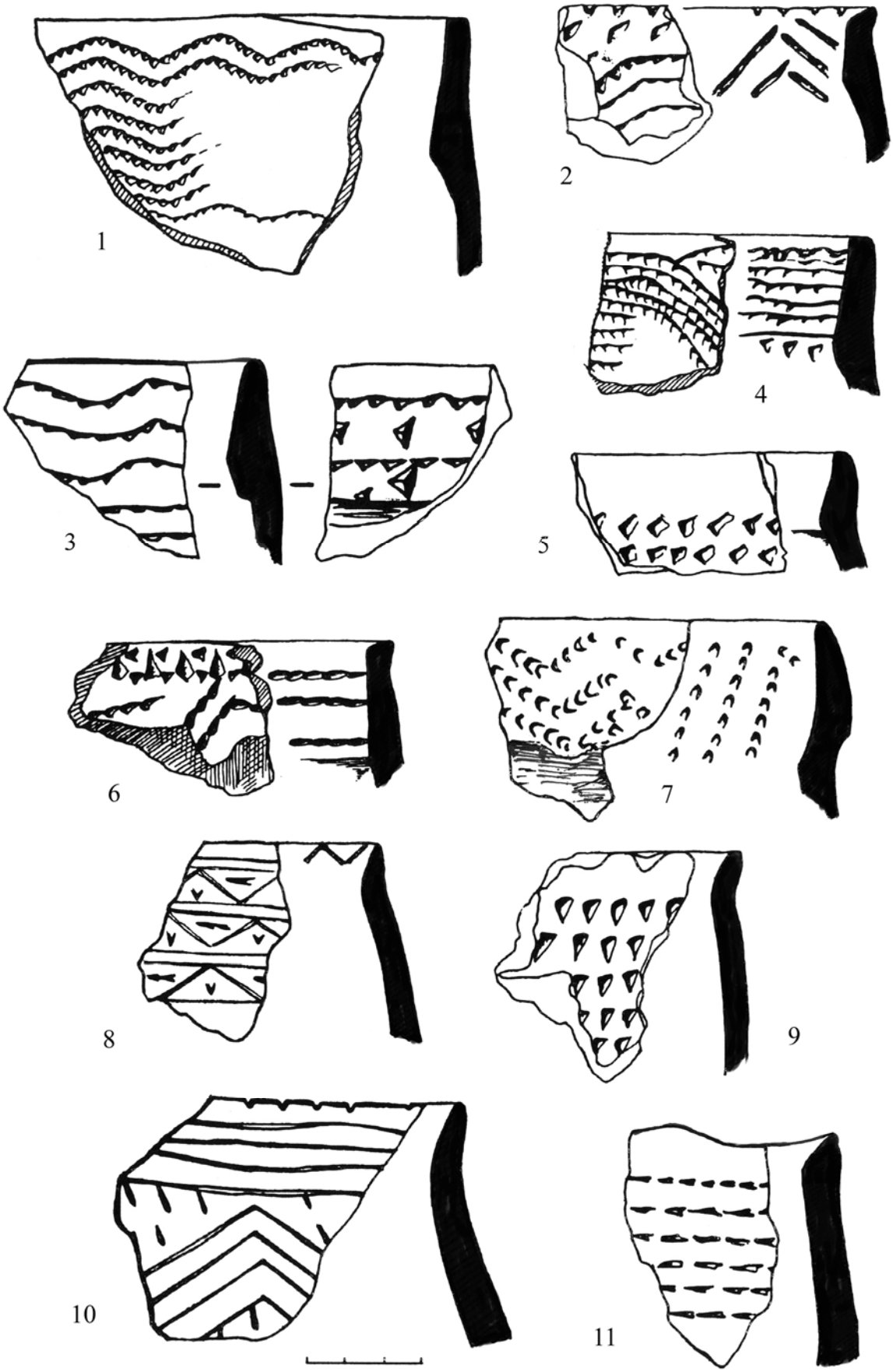

Рис. 31. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

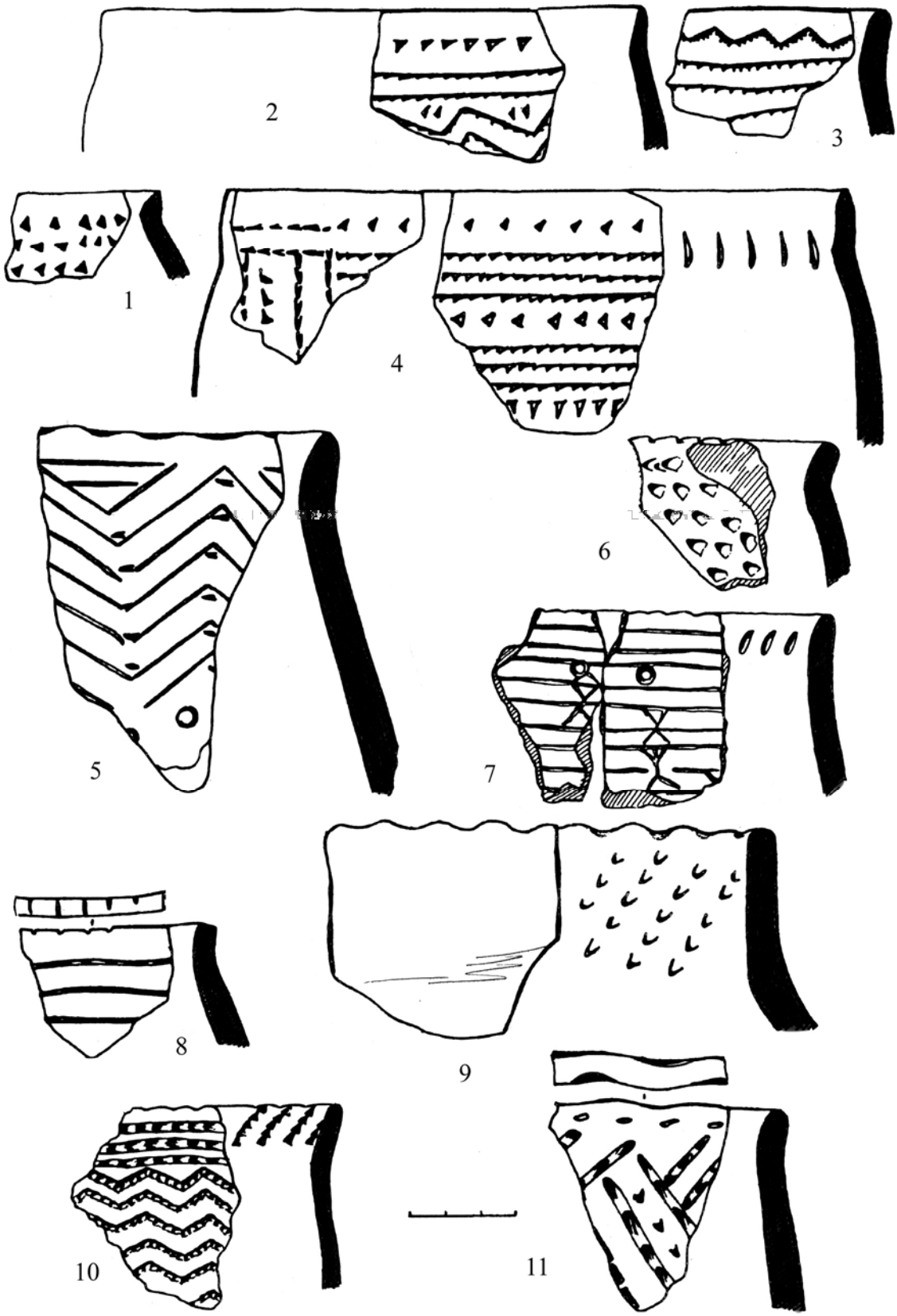

Рис. 32. Варфоломеевка. Слабопрофилированная керамика слоя 2 А

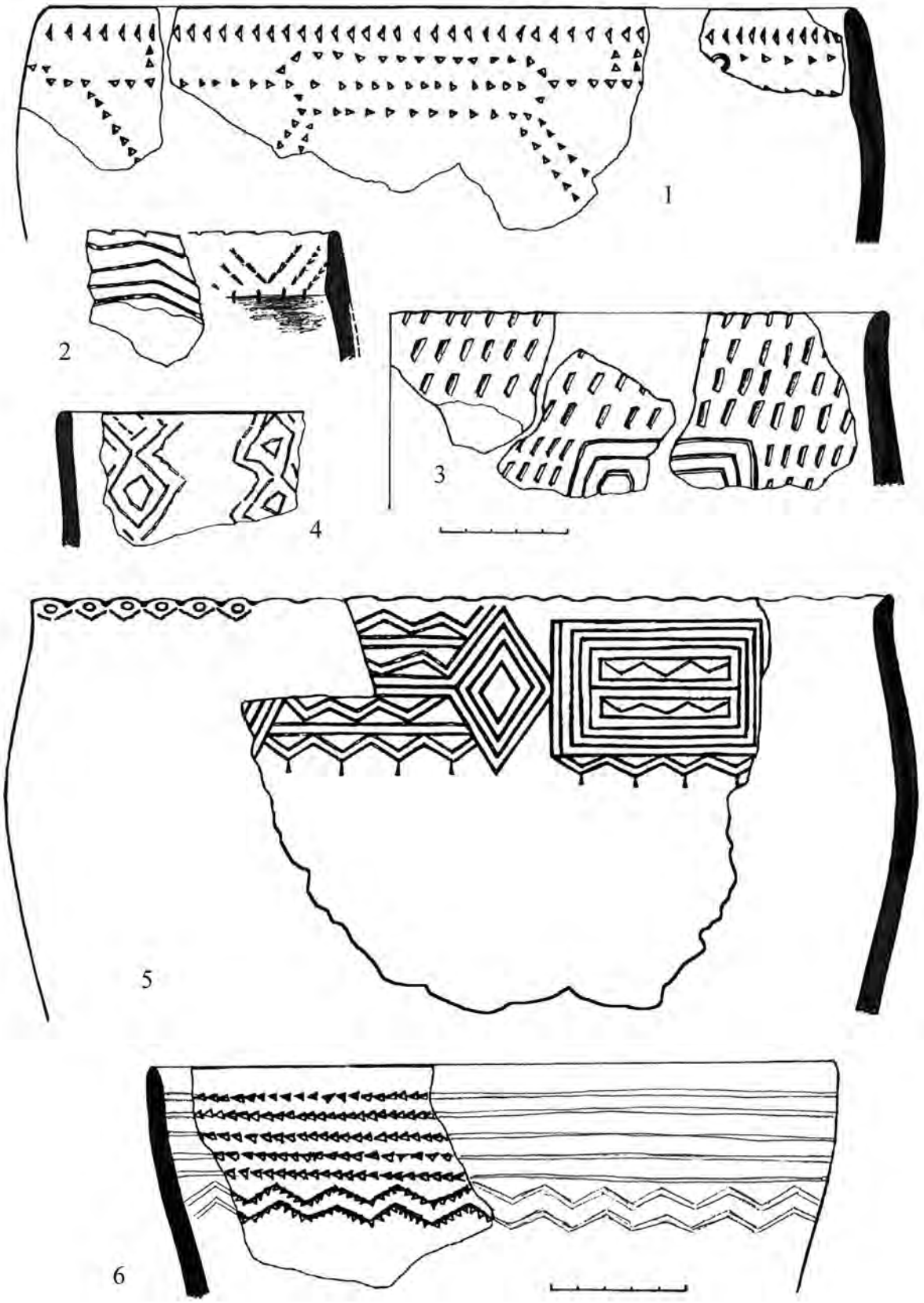

Рис. 33. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

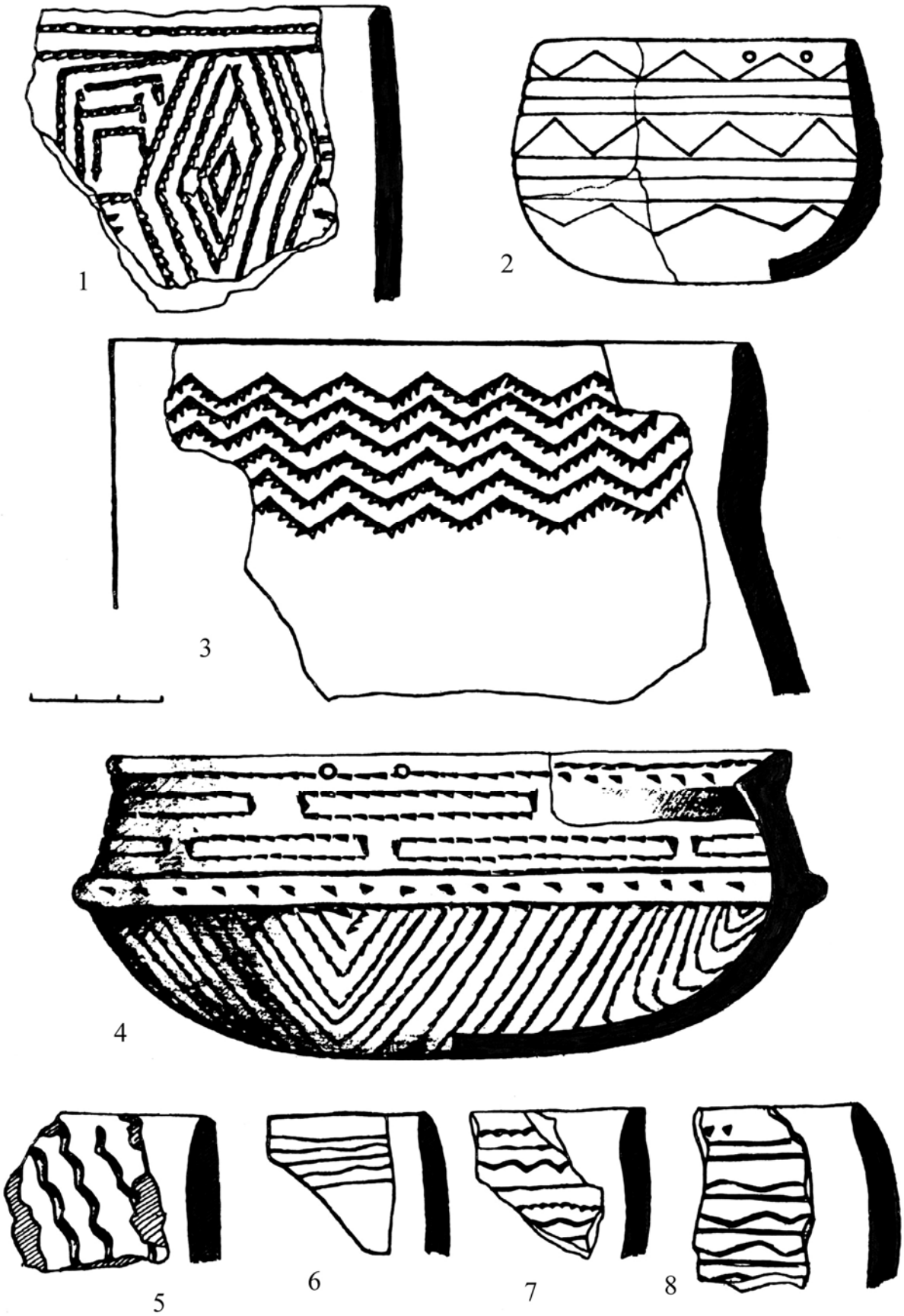

Рис. 34. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А и чашевидные сосуды *(2, 4)*

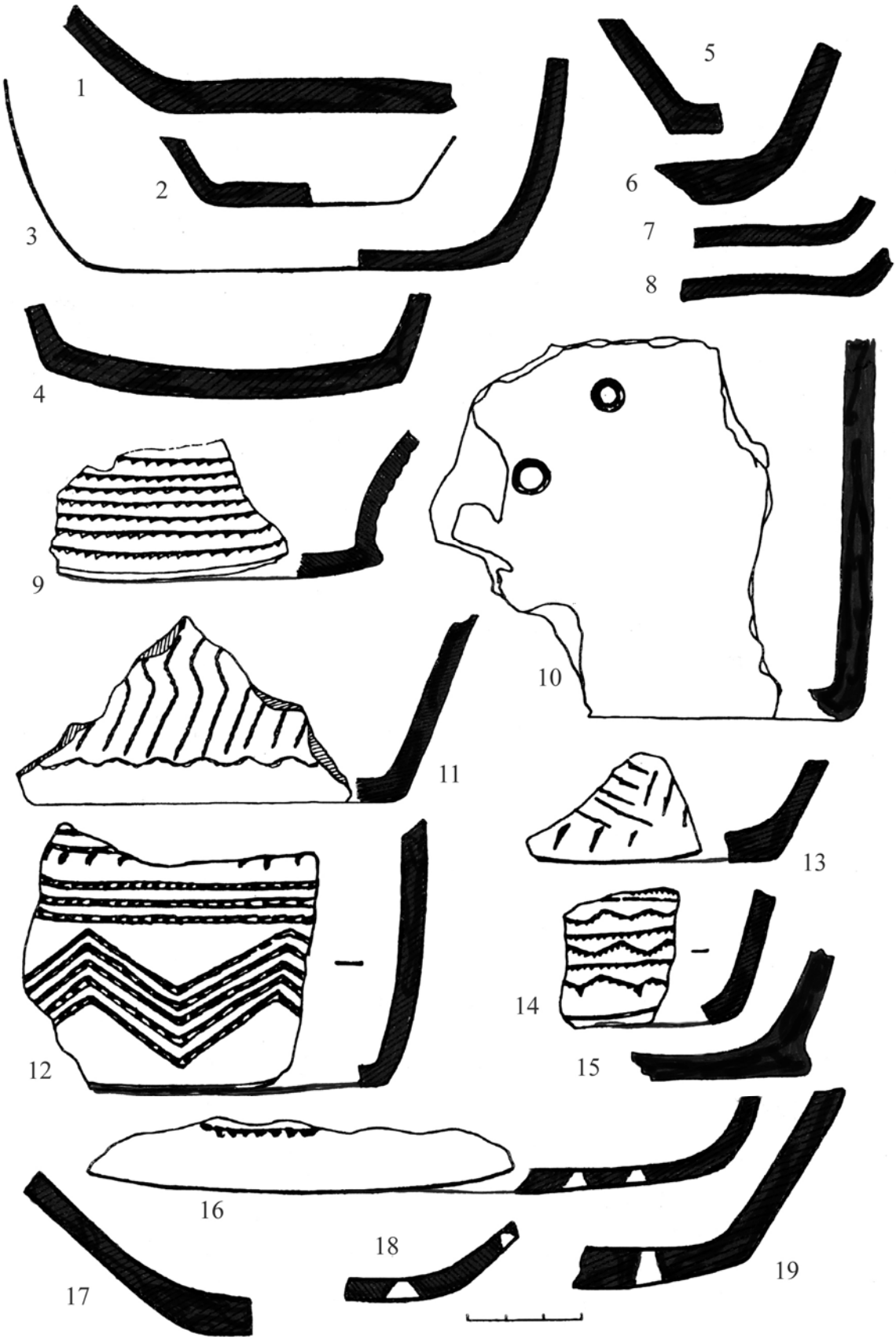

Рис. 35. Варфоломеевка. Донца сосудов из слоя 2 А

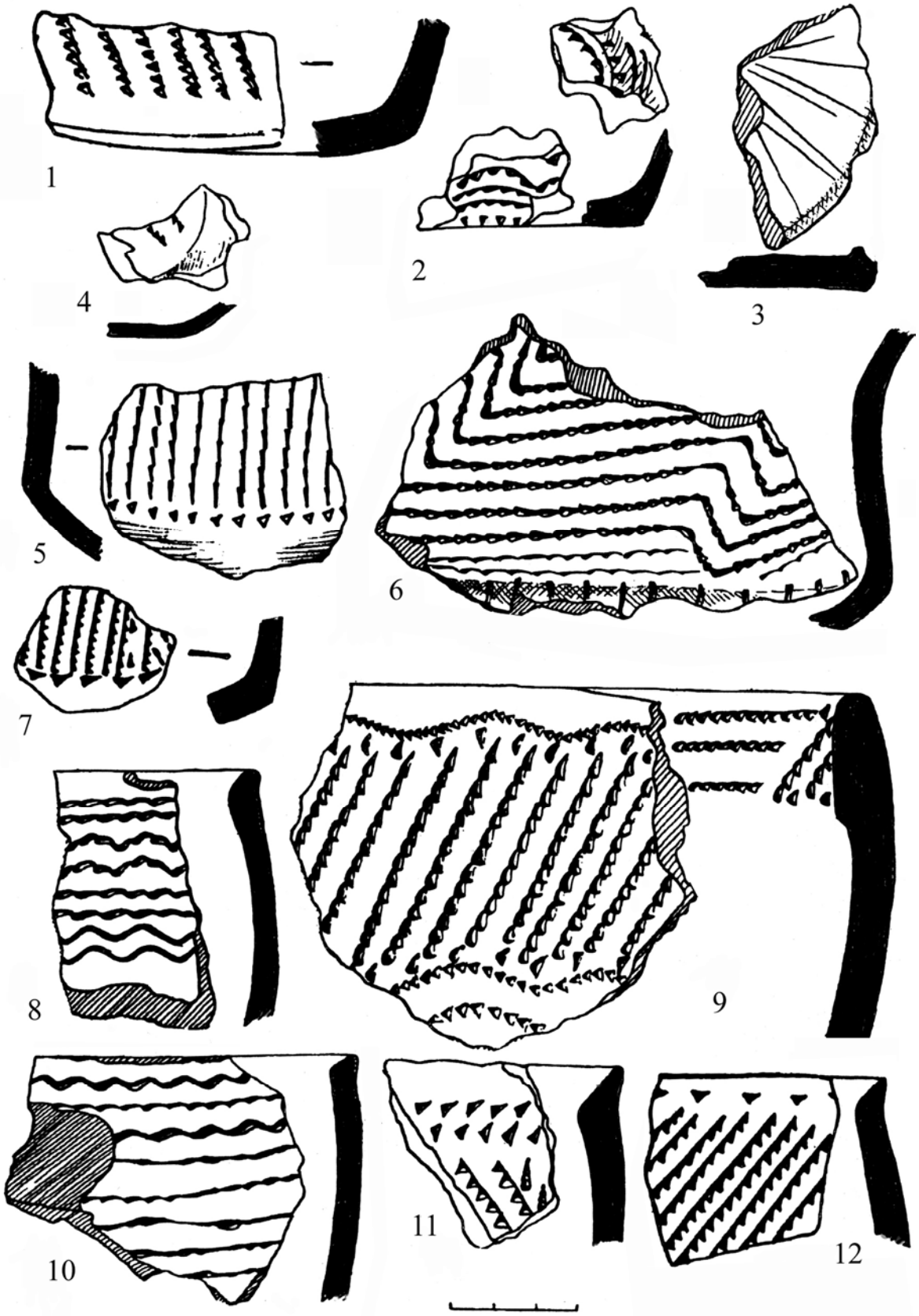

Рис. 36. Варфоломеевка. Образцы керамики из слоя 2 А

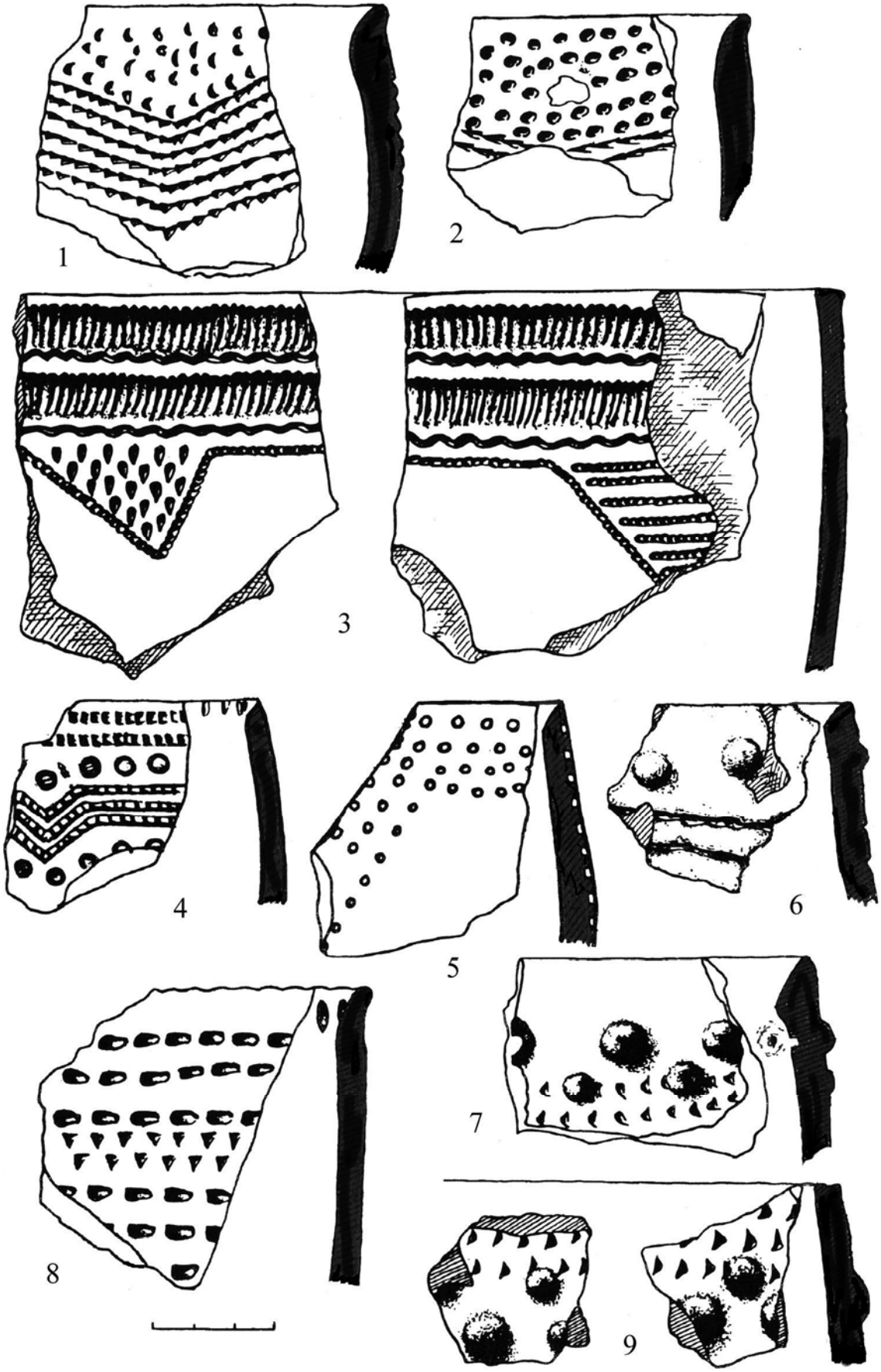

Рис. 37. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

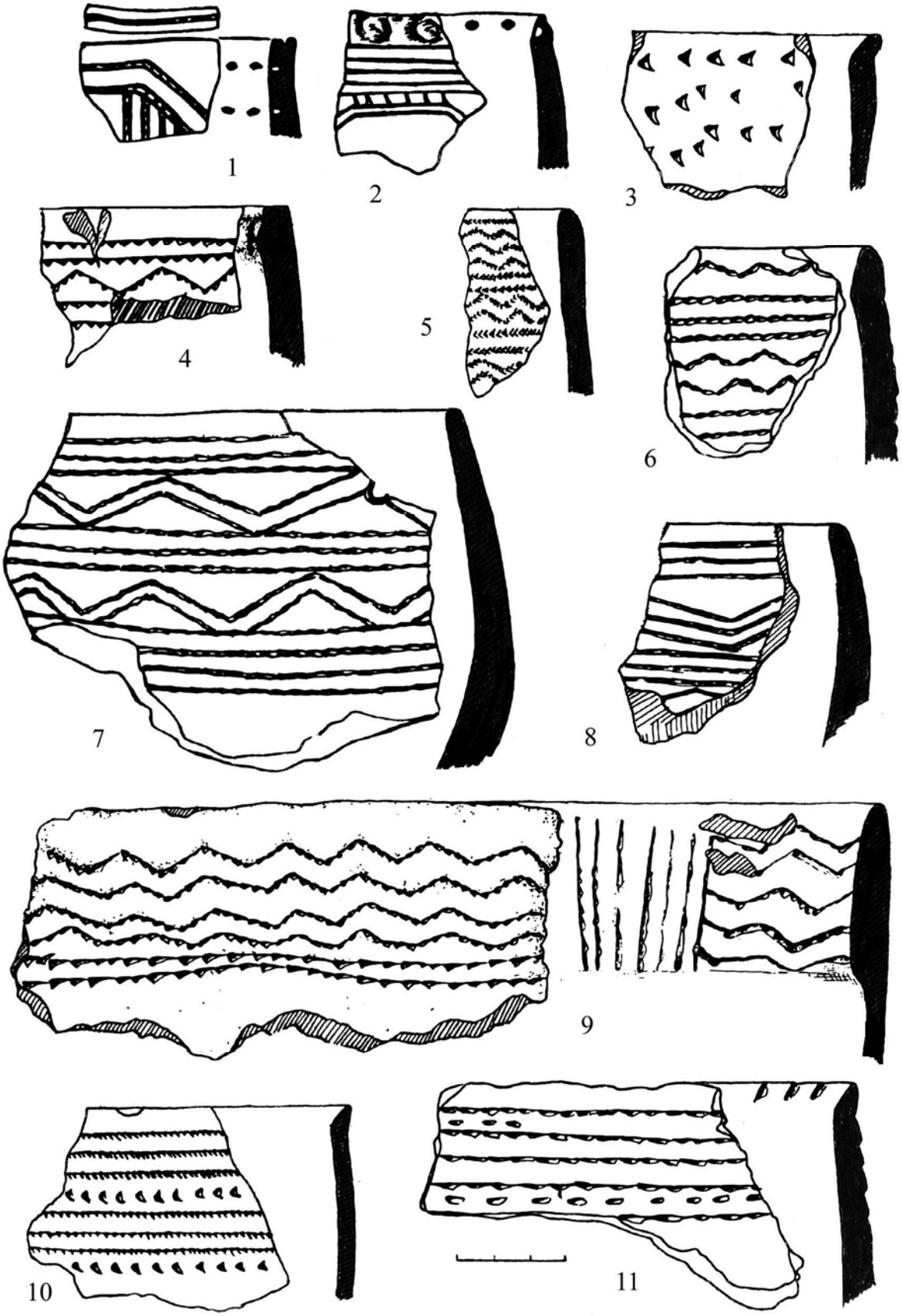

Рис. 38. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

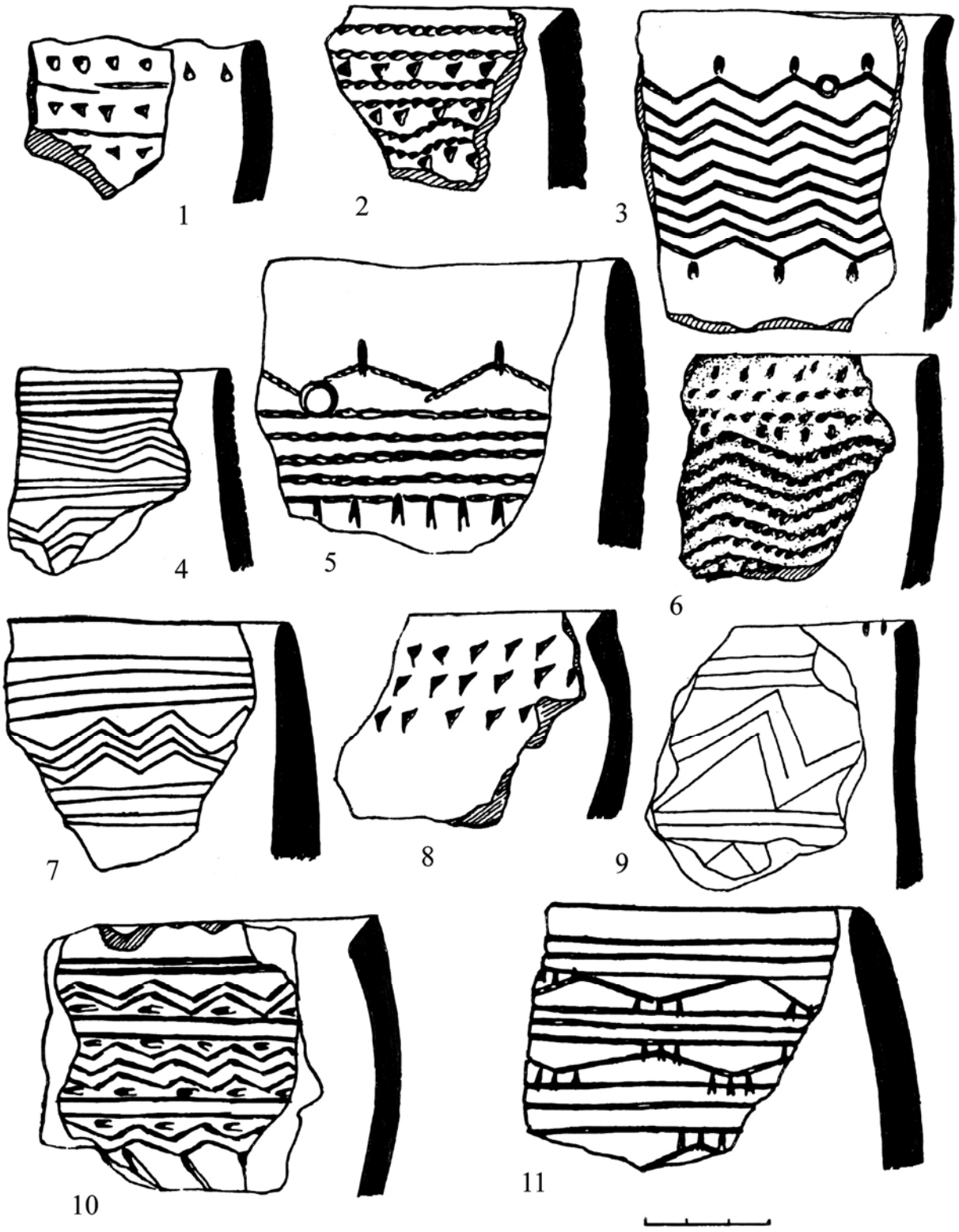

Рис. 39. Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А

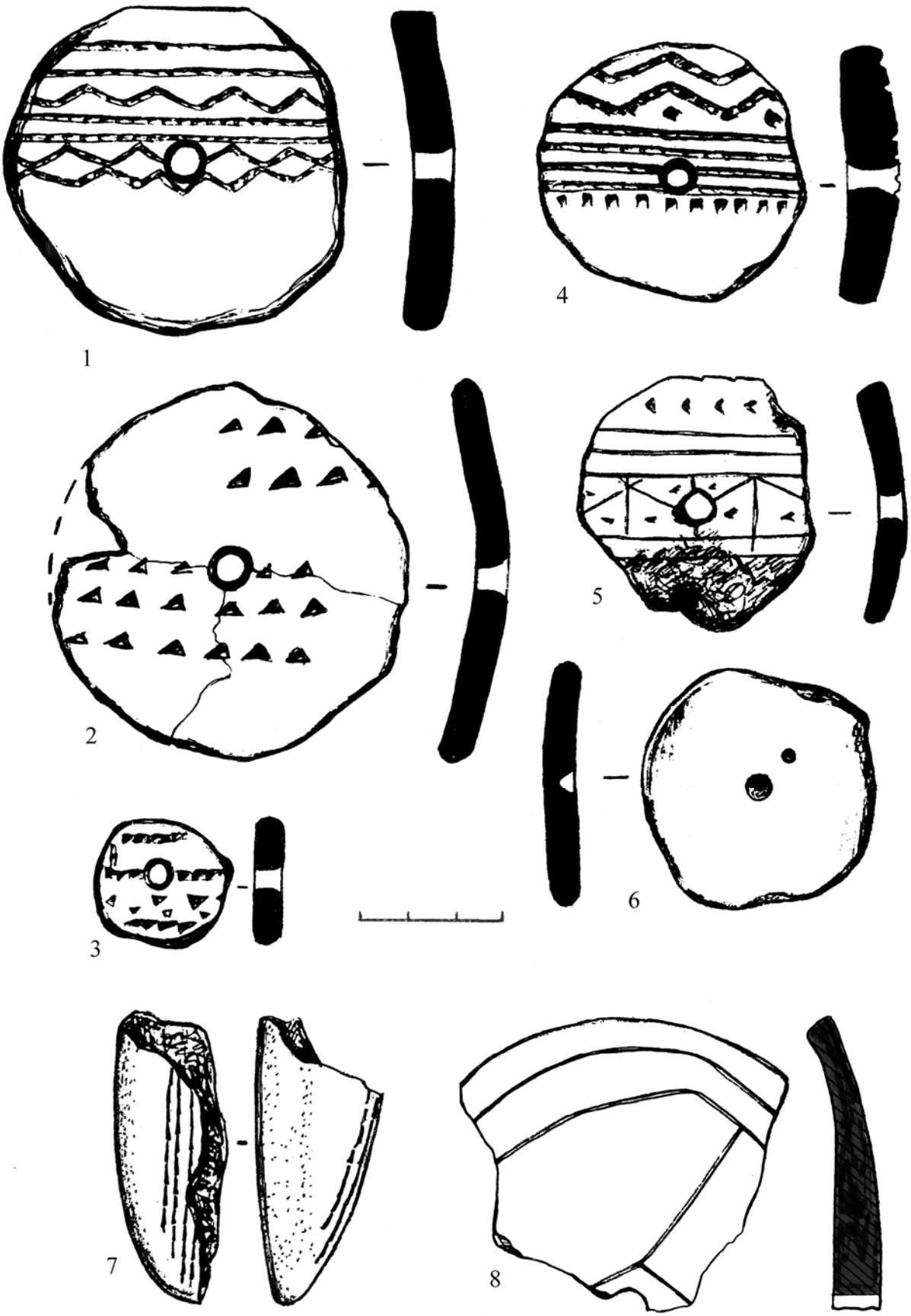

Рис. 40. Керамические изделия Варфоломеевки: пряслица из стенок сосудов *(1-5)*, заготовка пряслица *(6)*, фрагмент керамического утюжка *(7)* и крышки (?) сосуда

Особенно интересен сосуд со скобковидным наколом в отступающей технике, разделенном волнистой линией, ниже которых проходят шевроны, заполненные строчками отступающего накола или отдельными каплевидными наколами (рис. 37, *3*). Появляется шеврон из круглых наколов (рис. 37, *5*), горизонтальные полосы из подпрямоугольных вдавлений и треугольных наколов (рис. 37, *7*). Еще один новый элемент орнаментации керамики – выпуклые жемчужины на внешней стороне сосуда. Жемчужина выдавливалась изнутри сосуда, после чего образовавшаяся ямка заглаживалась. Возможно, часть жемчужин были налепленными. Они расположены в один или два ряда под венчиком и сочетаются с отдельными наколами, отступающим наколом и прочерком (рис. 25, *6*; 37, *6, 8, 9*). Несколько фрагментов имеют вдавления по срезу венчика с внутренней стороны, в результате чего на внешней также образовались жемчужины, но меньшего диаметра, или несут следы глубоких вдавлений, не отразившихся снаружи (рис. 38, *1, 2*).

Наиболее часто используется те же орнаментальные композиции, что и в слое 2 Б. В накольчатой технике это: сочетание зигзагов и горизонтальных линий – 39 % сосудов (рис. 38, *4-9*); горизонтальные строчки, разделенные линиями отдельных наколов (рис. 38, *10, 11*) –свыше 20 %, зигзаги с отдельными наколами и зигзаги (рис. 39, *1*) – около 14 %. В прочерченной технике наиболее распространены зигзаг с линией – почти 40 % (рис. 39, *3, 6, 8*). На долю перечисленных орнаментальных композиций приходится 43% от всей керамики слоя 2 А. Из других композиций в технике прочерка распространены сложные геометрические – ок. 25 % (рис. 24; 26, *1*; 27, *1*); в прочерченно-накольчатой – зигзаг, линия и отдельный накол – ок. 43 % (рис. 39, *3, 7, 10*) и сотовый – 21 % (рис. 39, *11*); в накольчатой технике – композиции с включением шевронов (около 13 %) и крупных треугольных наколов (ок. 8 %) (рис. 39, *8*).

В слое найден фрагмент слегка выпуклого диска с отверстием в центре и прочерченным орнаментом на верхней плоскости (рис. 40, *8*). В отличие от пряслиц предмету была придана круглая форма до обжига, орнамент также прочерчен по сырой глине. Вероятно, это фрагмент крышки сосуда. В слое также обнаружен обломок глиняного утюжка. На его верхнюю сторону до обжига были нанесены продольные полосы в технике отступающего накола (рис. 40, *7*). Аналогичный утюжок из серо-черного камня с блестящими вкраплениями и такими же полосками по верхней плоскости найден в размытой части культурного слоя (рис. 76, *3*). Имеется серия керамических пряслиц из стенок сосудов. Два пряслица изготовлены из фрагментов венчиков (5 и 7 см в диаметре); три – из стенок сосудов, украшенных крупными треугольными наколами. Края пряслиц неровно обработаны абразивом. Диаметр самого маленького 2,0 см, самого крупного 7,5 см (рис. 40, *1-3*).

Сравнение керамических находок из слоя 2 А с нижележащими показывает, что происходит не столько замена одних признаков другими, сколько появление новых при дальнейшем бытовании и развитии уже существующих орнаментов и форм сосудов.

2.4. Керамика верхнего слоя

Ряд новых черт, появившихся на керамике слоя 2 А, получил свое дальнейшее развитие в керамическом комплексе верхнего слоя. Качественные изменения в керамике прослеживаются по фрагментам от 41 сосуда, полученным в слое 1. Технология изготовления керамики осталась прежней. В тесте глины обильная примесь толченой раковины, посуда формировалась ленточным способом. Внешняя поверхность подлощена или заглажена, на внутренней встречаются штриховые следы от зачистки.

По форме керамика распределяется на три основные группы:

1 – прямостенные с широким открытым устьем – около 29 %;

2 – с прикрытым устьем – ок. 46 % (из них более половины относятся к подгруппе 2 Н);

3 – профилированные – ок. 24 %.

Керамика первой группы типологически едина с керамикой этой же группы в нижележащих слоях. Полностью восстанавливается сосуд с небольшим плоским дном и широким устьем. Верхняя половина сосуда украшена плетенкой в технике отступающего накола и крупными треугольными наколами (рис. 41, *1*). Из керамики этой группы выделяется венчик, резко отогнутый наружу. Он украшен прочерченной волнистой линией (рис. 41, *2*). Венчик близкой формы, но менее отогнутый, встречен в единственном экземпляре в верхней части слоя 2 А (рис. 38, *3*).

Среди керамики второй группы восстанавливаемых форм нет. Венчики двух сосудов имеют валикообразное утолщение с внутренней стороны (рис. 41, *3, 6*). Керамика подгруппы 2 Н заметно отличается от предшествующей. Нет широких наплывов в виде уступа, четко отделенного от стенки. Переход от наплыва к стенке всегда плавный. В большинстве случаев наплыв фиксируется в виде небольшого внутреннего ребра (рис. 41, *4, 5, 7, 9*) или имеет округлую форму в профиле (тип 1). Наплыв на одном из венчиков почти незаметен, от него на внутренней стороне осталась орнаментальная полоса шириной 5 см из зигзага и волны (рис. 42, *1*). Появляется отогнутость венчика наружу и некоторая его округлость по внешней стороне (тип 5) (рис. 42, *2*). На двух сосудах наплывы покрыты орнаментом, еще на двух по срезу венчика нанесены короткие насечки.

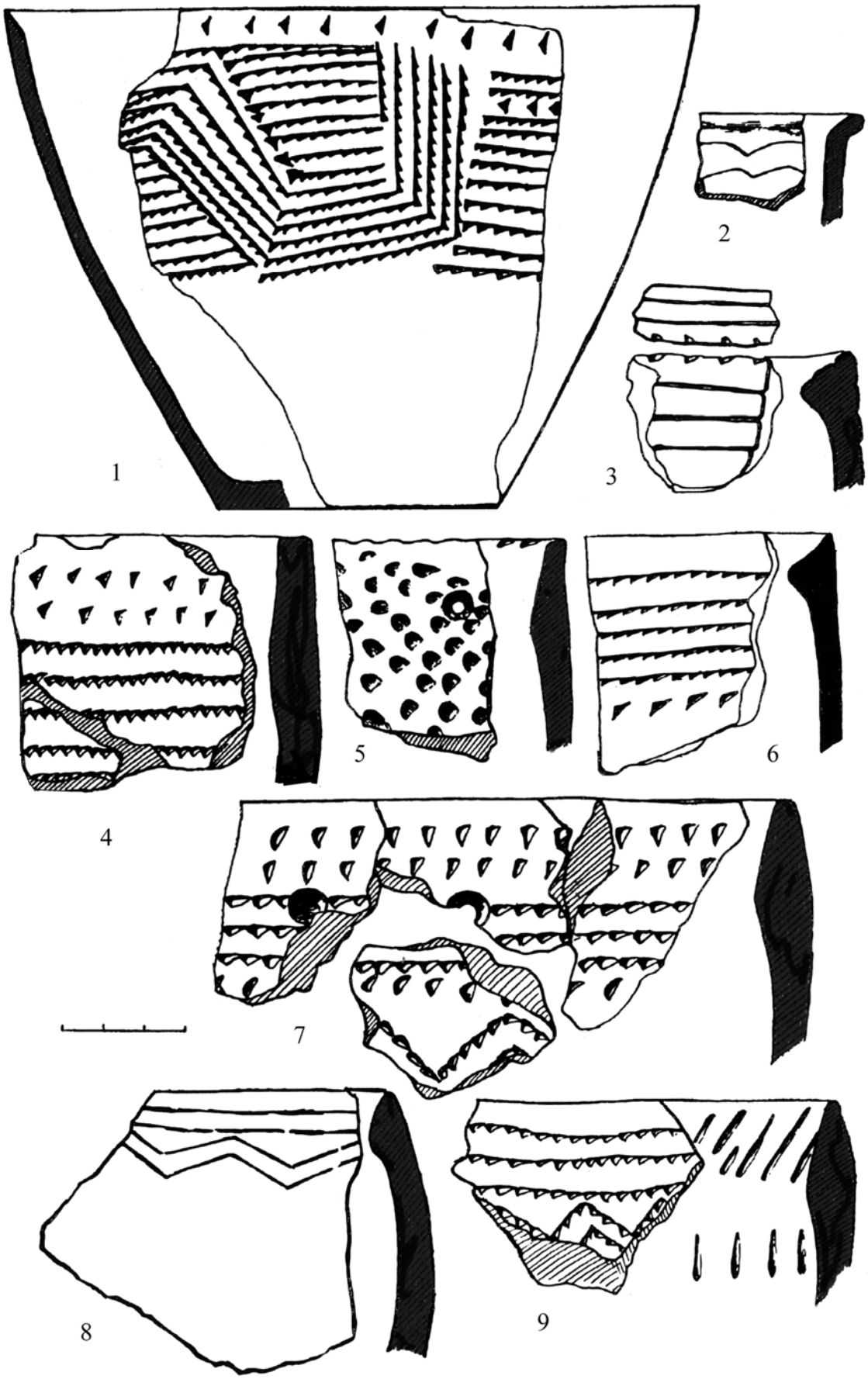

Рис. 41. Варфоломеевка. Керамика верхнего (1) слоя

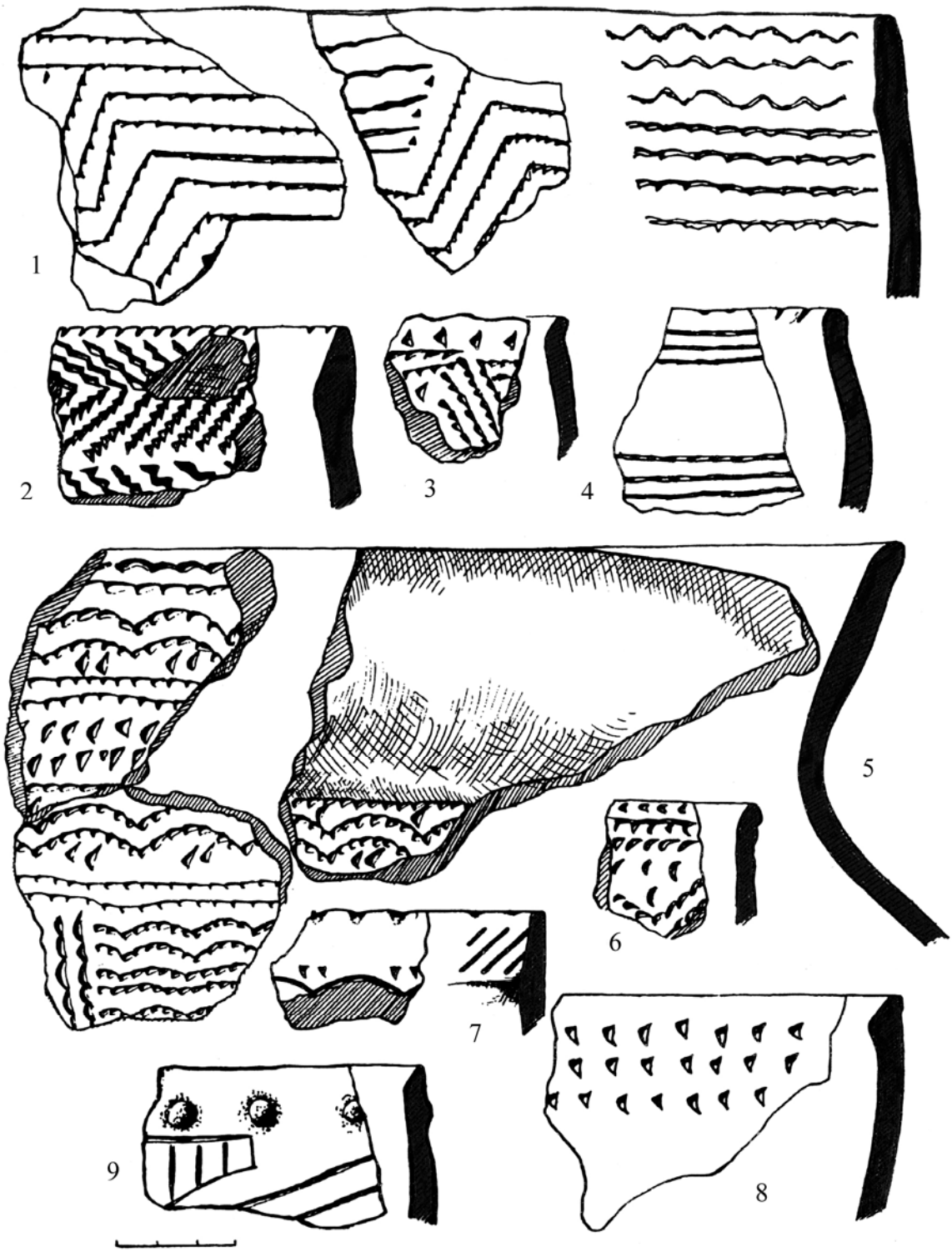

Рис. 42. Варфоломеевка. Керамика верхнего (1) слоя

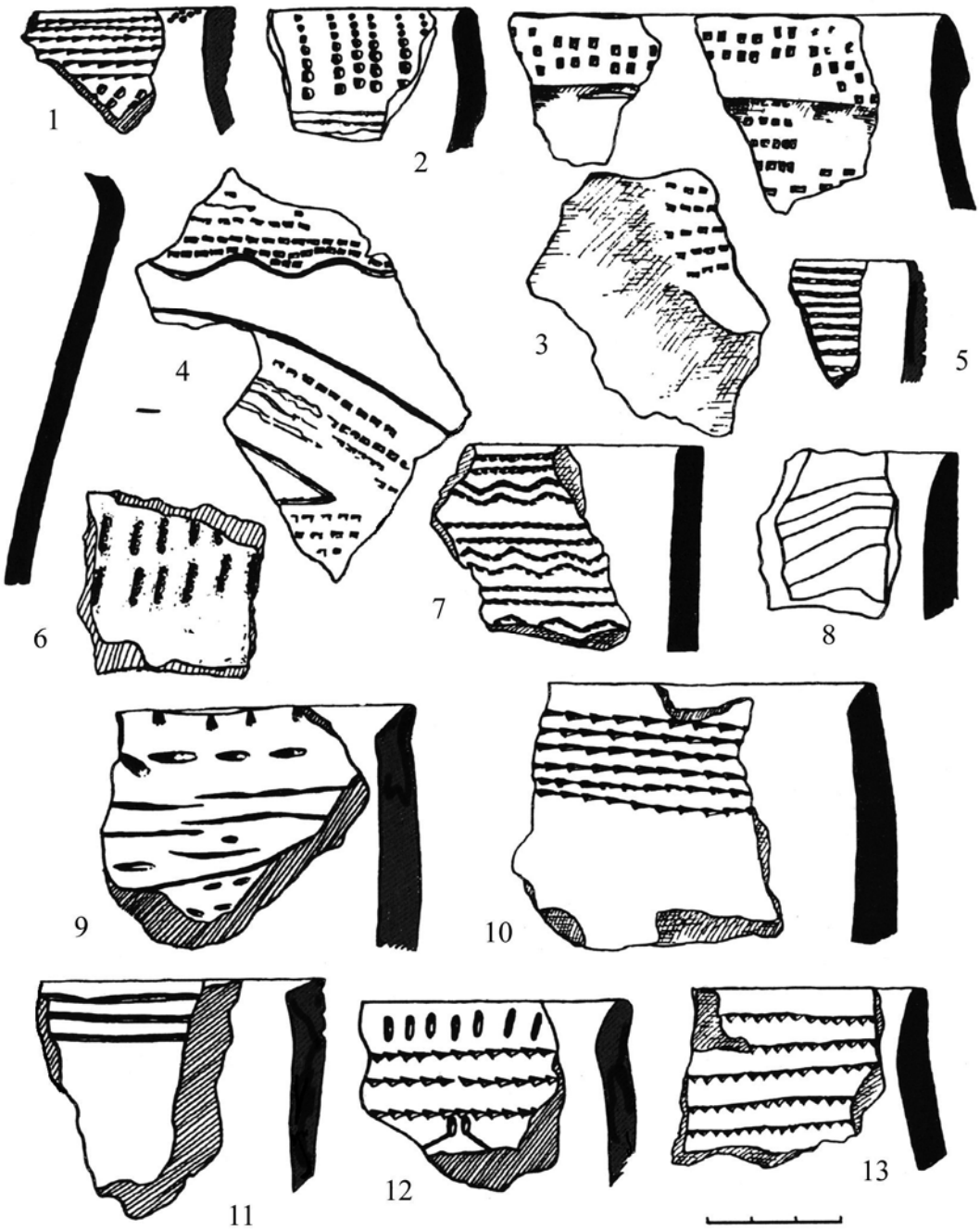

Рис. 43. Варфоломеевка. Керамика верхнего (1) слоя

Керамика группы 3 в основных своих признаках совпадает с керамикой нижележащих слоев (рис. 42, *3, 4*), но одновременно появляются сосуды совершенно нового, уже почти энеолитического облика. Найдены фрагменты крупного сосуда, совершенно нетипичного для керамики стоянки. Он имеет высокий (до 6 см), отогнутый наружу, раструбовидный венчик и хорошо выделенную шейку, переходящую в округлое тулово. Сосуд пышно украшен в технике отступающего накола (сдвоенные горизонтальные линии и волны) и отдельными крупными наколами (рис. 42, *5*). Фрагменты еще четырех сосудов отличаются не только своей формой, но и использованием оттисков гребенчатого штампа при их орнаментации. Один из фрагментов имеет слегка отогнутый и утолщающийся к верхней части венчик. По венчику проходят шесть горизонтальных строчек треугольного накола, по тулову – наклонные оттиски гребенчатого штампа. Наклонные оттиски трехзубого

штампа нанесены на внутреннюю сторону венчика (рис. 43, *1*).

Фрагменты двух венчиков имеют воротничковое оформление с внешней стороны. Воротничок одного из них выражен слабо, по нему вертикально поставлены отпечатки штампа с округлым зубцом. Горизонтальные полосы под венчиком выполнены в технике отступающего накола (рис. 43, *2*). Неширокий, но выраженный венчик второго сосуда, с четкой гранью в нижней части воротничка, в профиле является зеркальным отражением внутреннего наплыва керамики слоя 2 А (группа 2, тип 2). По тулову и венчику нанесены оттиски гребенчатого штампа с подквадратным зубцом (рис. 43, *3*). У последнего сосуда венчик не сохранился. По профилированной стенке сосуда красно-коричневого цвета нанесены ленты зубчатого штампа, в некоторых местах протащенного, и оконтурены волнистым прочерком. Подобный орнамент встречается уже на энеолитических сосудах с воротничковым венчиком (рис. 43, *4*).

Донышки сосудов из слоя 1 такие же, как и в нижних слоях: плоские, плоско-выпуклые и плоско-вогнутые (перечислены в порядке уменьшения).

Соотношение между техникой нанесения орнамента и формой сосудов следующее. Две трети сосудов первой группы украшены прочерком и прочерком с добавлением накола. Обратная картина для керамики второй группы – 2/3 ее орнаментировано наколом, а из 7 фрагментов с внутренним наплывом в прочерченной технике украшен только один. Профилированная керамика украшена поровну наколом и прочерком с добавлением накола (табл. 8).

Орнаментация керамики при сохранении основных черт, отмеченных в предыдущих слоях, претерпевает изменения. Наиболее распространенными остаются композиции из прямых линий и отдельных наколов, сочетания линии и зигзага, орнамент с шевронами и сотовый (рис. 43, *7-13*). Но вместе с тем происходит изменение формы накола: в большом количестве появляется накол полуовальной формы, он укрупняется. На 20 сосудах из 41 крупный треугольный накол выступает в качестве основного элемента композиции или дополняет остальные орнаментальные элементы (рис. 42, *6, 8*). Орнамент с включением волнистой линии отмечен на 12 % сосудов (рис. 42, *7*). О появлении керамики с гребенчатым орнаментом уже говорилось. Следует подчеркнуть, что появившиеся новые признаки в форме сосудов и их орнаментация сочетаются со старыми, а все технологические признаки остались прежними.

3. Каменные орудия и изделия

Всего из культурного слоя стоянки получено 5624 предмета из камня. Из них 2887 (52,4 %) экз. – орудия труда с вторичной обработкой, остальные – нуклеусы, пластины, отщепы и отходы производства. Большинство находок (5563 экз.) являются продуктами расщепления кремня и кварцита, 60 предметов изготовлены из других пород камня – песчаников, мела, глинизированных и кристаллических пород (табл. 9).

В качестве основного сырья использовался кремень. Цвет кремня варьирует от светло-серого (встречается и молочно-белый) до черного; много полосчатого. Происхождение кремня местное, заволжское: известны коренные выходы кремнистых конкреций среднего и нижнего карбона в районе г.Пугачева, в 200 км севернее стоянки. Редкие и маломощные выходы галечного кремня, появившиеся на поверхности в результате неотектонических процессов, встречаются в районе г. Новоузенска, в непосредственной близости от памятника. Из этого галечного кремня изготовлена большая часть орудий стоянки. Всего пять предметов выполнены из раскристаллизированных глинизированных пород типа яшмы. Из светло-серого кварцита найдено 130 предметов. Ближайшие мощные выходы на поверхность сливных (кварцитовидных) песчаников, традиционно именуемых археологами Поволжья кварцитом, находятся в районе пос. Озинки, в 180 км к северо-востоку от стоянки.

Количественное распределение каменных предметов в литологических слоях аналогично керамике: максимальное число в слое 2 А, затем в слоях 2 Б, 3 и 1. Статистическая обработка всех каменных орудий по хронологическим горизонтам затрудняется перемешанностью материалов на многих участках стоянки. Поэтому, как и в случае с керамикой, для характеристики каменной индустрии каждого слоя взята не вся коллекция, а только находки с участков, где стратиграфическая колонка хорошо разделяется на горизонты. Для слоя 1 учтены предметы, залегавшие на глубине не более 30 см от поверхности; для слоя 3 – все предметы, залегавшие выше дна раскопа на 30-40 см (в зависимости от толщины слоя), а также находки из заполнений этого слоя. Поскольку небольшие каменные предметы больше, чем керамика, подвержены перемещениям по вертикали в культурном слое памятников с интенсивной хозяйственной деятельностью, то все находки, залегавшие на 10-20 см выше и ниже границ слоев 2 А и 2 Б и между ними, не учитывались при характеристике комплексов по литологическим слоям. Это уменьшило статистическую выборку, но позволило более отчетливо видеть произошедшие изменения в каменной индустрии на четырех хронологических этапах стоянки.

Для типологической характеристики разработан типлист, в основу которого положена классификация Д.Я. Телегина для памятников мезо-неолитической эпохи (Телегин Д.Я., 1978), с необходимыми изменениями, отражающими местную специфику. По данному типлисту также классифицированы каменные орудия остальных неолитических стоянок орловской культуры. Кроме того, часть изделий, представляющих всю хронологическую колонку, подвергнута В.В.Килейниковым (Воронежский ГПУ) трасологическому анализу, который показал, что жесткой зависимости между типологическими признаками и функциональным назначением орудий на материалах данного памятника нет. Например, орудия, определяемые по морфологическим признакам как концевые скребки с ретушью по боковым граням, функционально могут являться скобелями, резчиками, пилками по дереву. При этом зачастую скребковое лезвие вообще не использовалось.

3.1. Каменные орудия и изделия нижнего слоя

Комплекс нижнего слоя состоит из 362 предметов. Основная часть предметов изготовлена из кремня – 347 экз., 11 находок из кварцита (3,08 %) и 4 экз. – из других пород. К нуклеусам, заготовкам и отходам производства относятся 168 предметов (ок. 47 %), остальные находки (ок. 53 %) – это орудия с вторичной обработкой. Для нижнего слоя характерна пластинчатая техника расщепления камня. На пластинах выполнено 66 % орудий. Наиболее распространены: скребки различных типов на пластинах – 42,3 %, скребки на отщепах – 28,2 %, вкладыши и геометрические микролиты – 9,4 % (табл. 9).

Предметы с первичной обработкой представлены нуклеусами и сколами с них, пластинами, чешуйками и расколотыми кремневыми гальками. Нуклеусы для снятия пластин имеют небольшие размеры – от 2,5 до 4,5 см. Все они одноплощадочные, площадки прямые. По форме разделяются на два типа: плоские и уплощенные. Также найден скол нижней части конического нуклеуса. На плоских нуклеусах негативы скалывания расположены на одной стороне, на уплощенных – с двух-трех. Нуклеусы сильно сработаны, имеются следы подправки площадок (рис. 44, *1-5*). На боковой грани одного плоского нуклеуса крутой ретушью оформлена скоблевидная выемка. Трасологически определено, что он был вторично использован в качестве скобеля и резчика. Нуклеусы для снятия отщепов имели овальную или круглую форму и также уплощены в результате сильной сработанности (рис. 44, *7*). Один из полностью сработанных нуклеусов был использован как ретушер и скобель, для чего краевой ретушью оформлены две выемки (рис. 44, *8*).

Целых ножевидных пластин и продольных сколов с нуклеусов, являвшихся основными заготовками для орудий, немного. Максимальная длина пластин без вторичной обработки не превышает 4 см, что соответствует размерам нуклеусов (рис. 44, *9-11*). Основная часть пластин представлена медиальными и проксимальными сечениями. Ширина наиболее часто встречаемых пластин 8-12 мм, встречаются микропластины шириной 5-7 мм и всего несколько экземпляров шириной до 18-24 мм (рис. 44, *12-16*).

В сечении пластины треугольные или трапециевидные. Правильной призматической формы пластин мало. Чаще всего пластина имеет неровные края и огранку; количество граней изменяется на разных участках пластины. Краевые пластины сохранили следы желвачной корки (рис. 44, *17*).

Трасологическим анализом установлено, что значительная часть отщепов и пластин без вторичной обработки использовалась в качестве орудий. Так, например, из 6 сечений пластин 5 являлись орудиями: 3 резца (рис. 44, *18, 19*), строгальный нож по дереву (рис. 44, *20*) и мясной нож (рис. 44, *15*). Из 9 отщепов и сколов без вторичной обработки орудиями оказались 4: проколка (рис. 44, *21*), сверло (рис. 44, *22*), мясной нож (рис. 44, *23*) и резчик (рис. 44, *24*).

Целые ножевидные пластины с ретушью встречены в двух экземплярах. Края пластин покрыты притупляющей ретушью с лицевой стороны (рис. 44, *25, 26*). Остальные пластины с ретушью представлены в сечениях. Краевая притупляющая ретушь наносилась почти всегда со стороны спинки (рис. 44, *27, 28*), с брюшка – только на небольших участках (рис. 45, *1*). Одна из таких пластин с пологой ретушью вставлялась в оправу и использовалась как мясной нож (это видно по резко обрывающимся следам) (рис. 45, *2*). Сечения функционально определены как пилки по дереву и кости, мясные ножи. Трапециевидное сечение пластины со встречной ретушью по верхнему основанию являлось скобелем по дереву и резчиком (рис. 45, *3*).

На сечениях изготовлены *пластины-вкладыши* и *геометрические микролиты*. Пластины-вкладыши имеют длину 2,5 - 3 см. Притупляющая ретушь наносилась по двум сторонам с брюшка; в трех случаях вкладыши имеют сегментовидную форму и дополнительно обработаны со стороны спинки (рис. 45, *4-7*). Геометрические микролиты представлены сегментами и трапециями. Трапеции невыразительны, ретушированы по верхнему краю со спинки и по боковой стороне с брюшка (рис. 45, *8*). Низкие трапеции без струганной спинки встречены только в нижнем слое. Вероятнее всего, к коллекции нижнего слоя следует добавить две средневысокие трапеции с притупляющей ретушью по боковым граням, найденные в размытом культурном слое (рис. 45, *9, 10*), поскольку в остальных слоях подобные изделия не встречаются.

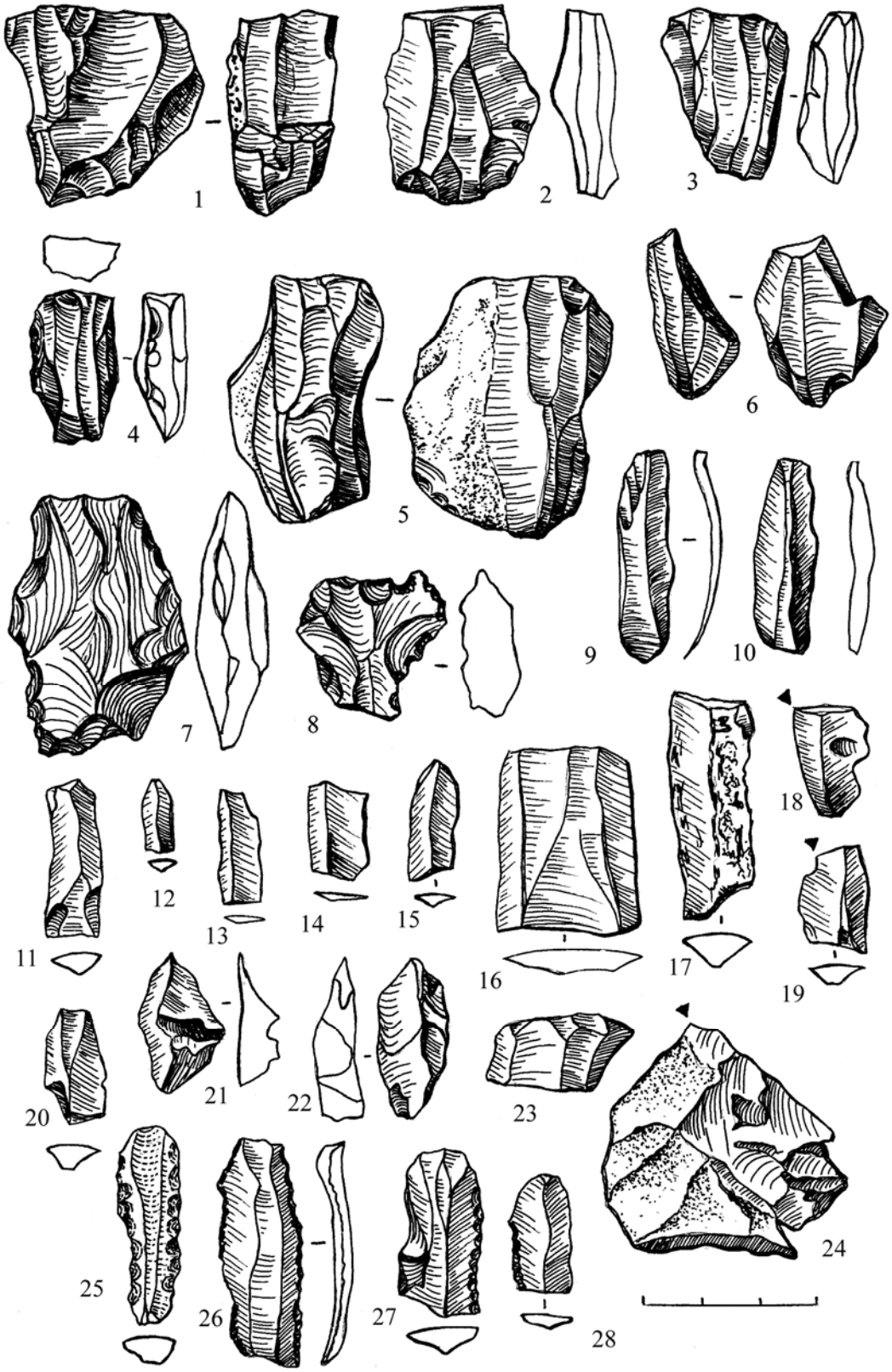

Рис. 44. Варфоломеевка. Каменные изделия нижнего (3) слоя

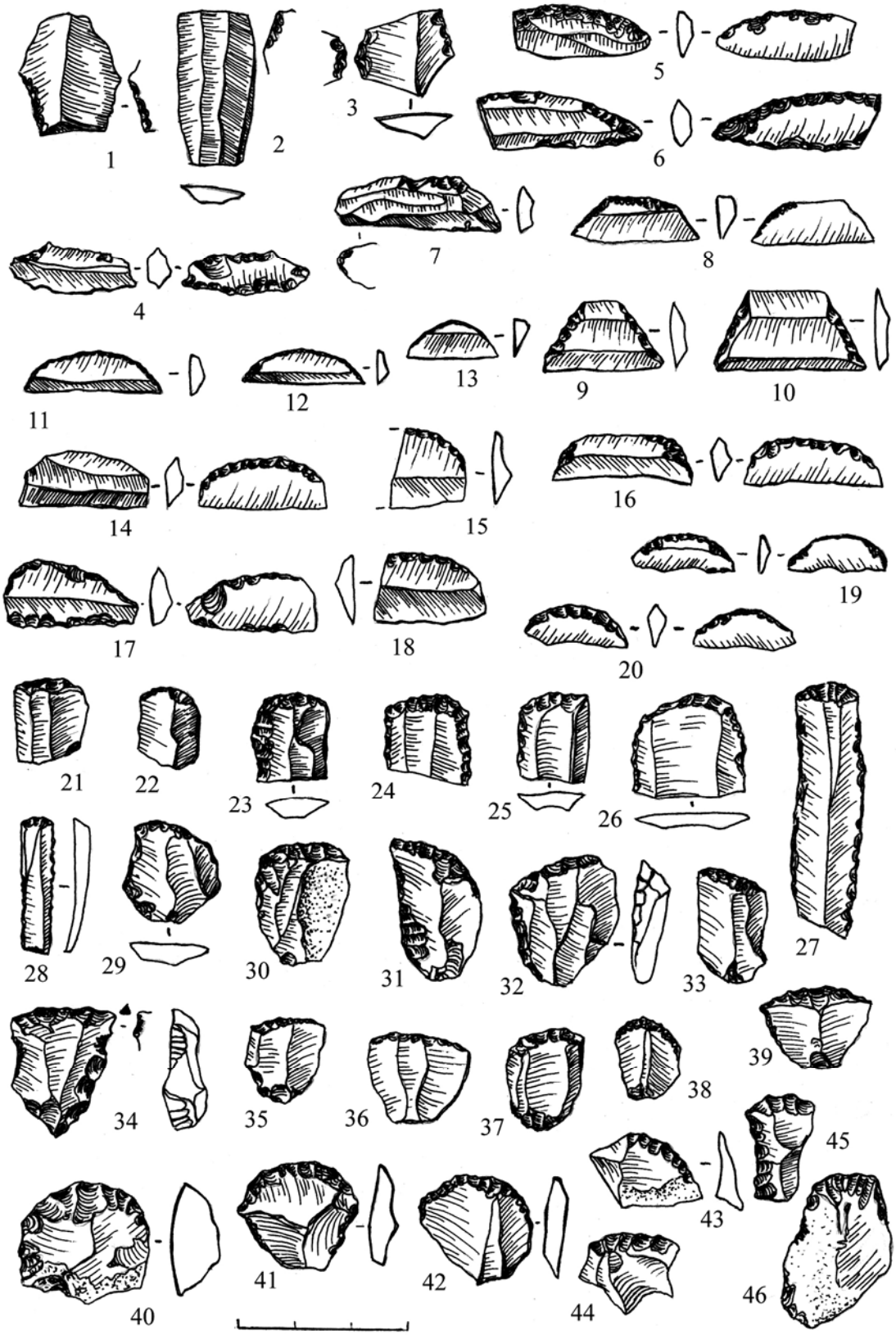

Рис. 45. Варфоломеевка. Каменные изделия нижнего (3) слоя

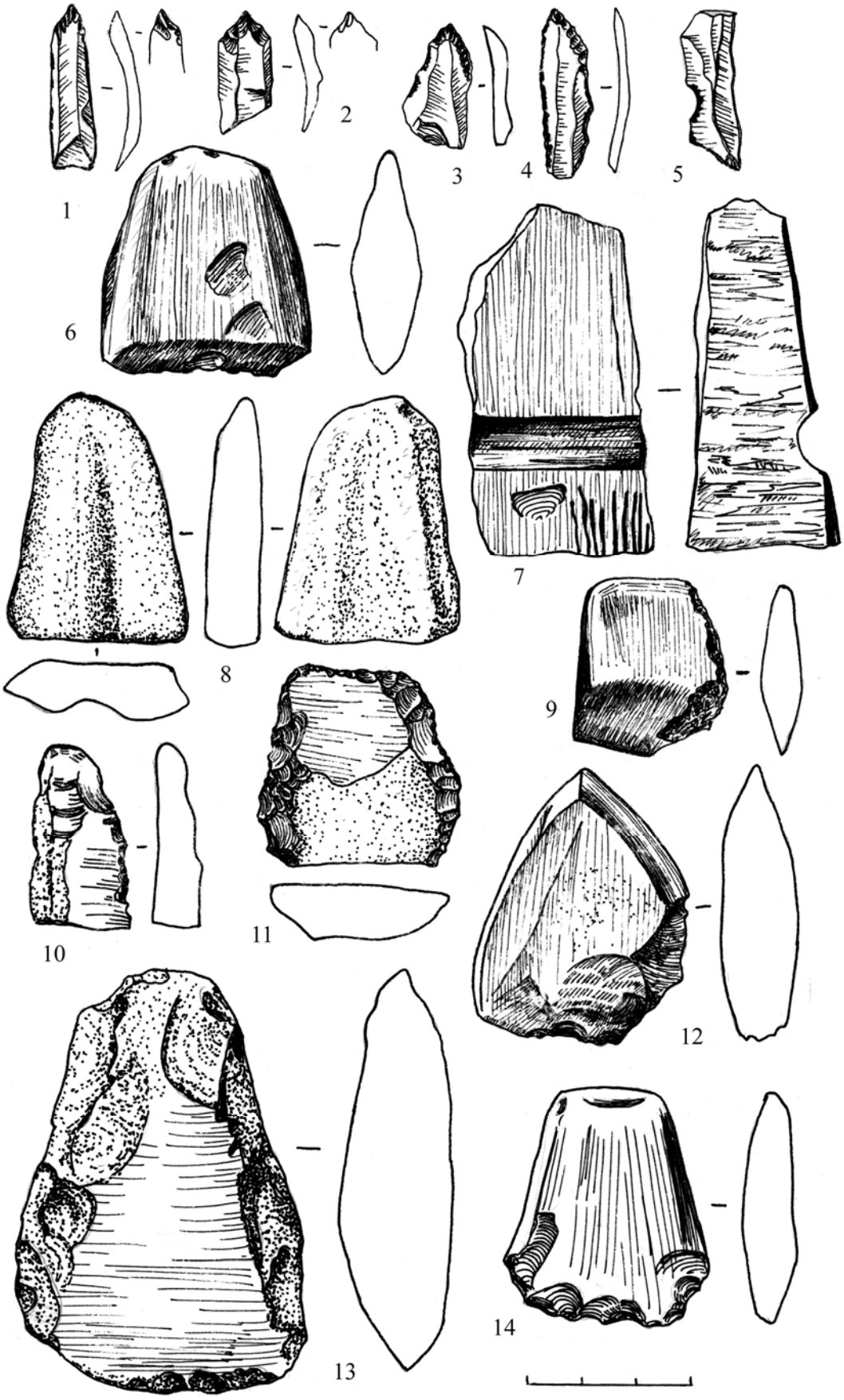

Рис. 46. Варфоломеевка. Каменные изделия нижнего слоя (*1-9*) и слоя 2 Б (*10-14*)

Среди сегментов преобладают низкие формы. Обработаны притупляющей ретушью по дуге со стороны спинки (рис. 45, *11-13*), встречной ретушью (рис. 45, *19*), притупляющей ретушью с брюшка (рис. 45, *14*), притупляющей с брюшка и частично по спинке (рис. 45, *16*). Один средневысокий сегмент обработан встречной ретушью по дуге, его основание притуплено с лицевой стороны и несколько фасеток ретуши нанесено по основанию с обратной (рис. 45, *17*). Фрагменты еще двух средневысоких сегментов обработаны притупляющей ретушью по дуге со стороны спинки (рис. 45, *15, 18*). Один из сегментов не имеет ни спинки, ни брюшка и обработан встречной ретушью по дуге (рис. 45, *20*).

Скребки на пластинах. Выполнены на коротких сечениях пластин, форма лезвия округлая, встречаются дублированные (рис. 45, *21, 22*). Более разнообразны скребки на пластинах с боковой ретушью. Выделяются два основных типа: с притупляющей ретушью по одной (рис. 45, *23*) и двум длинным сторонам (рис. 45, *24*). У двух орудий лезвия слегка скошены (рис. 45, *25, 26*). В качестве заготовок использовались сечения пластин, всего в двух случаях – целые пластины (рис. 45, *27*). Из общей серии выделяется орудие на микропластине (длина 2,2 см, ширина 0,6 см). Верхний конец микропластины усечен и покрыт притупляющей ретушью, на нижнем оформлено подокруглое скребковидное лезвие, а боковые стороны покрыты пильчатой ретушью (рис. 45, *28*).

Скребки на укороченных пластинах и продольных сколах с нуклеусов отличаются от предыдущих большей высотой спинки. Скребковое лезвие всегда расположено на нижнем конце пластины как бы укорачивая ее. Скребки чаще всего имеют трапециевидную форму, длина немного превышает ширину или равна ей. Наиболее распространены скребки трапециевидной формы с округлым концевым лезвием и притупляющей ретушью с лицевой стороны по одной из боковых граней (рис. 45, *30, 39*). Часть скребков этого типа имеет скошенное лезвие (рис. 45, *31*). Несколько экземпляров использовались в качестве резчиков – один из верхних углов орудия приострялся с внутренней стороны выемчатой ретушью (рис. 45, *34*). Почти также часто встречается другой тип скребков, отличающийся от предыдущего отсутствием подработки по боковым сторонам. Лезвия их округлые или слегка скошенные (рис. 45, *33, 35-38*). Немногочисленны скребки с ретушью, заходящей на обе боковые грани (рис. 45, *34*).

Скребки на отщепах наиболее разнообразны, но при всей их аморфности можно выделить несколько типов: округлые с ретушью на 3/4 периметра (рис. 45, *40, 41*), с гранью на спинке (на пластинчатых отщепах) (рис. 45, *42*), концевые аморфные (рис. 45, *43, 44*), концебоковые (рис. 45, *45*). Один из скребков изготовлен из расщепленной гальки и имеет высокую спинку (рис. 45, *46*). Функционально все скребки определены как скребки по дереву и кости, скребки по шкуре; боковые ретушированные грани – пилки по дереву.

Острия выполнялись на пластинах и сечениях, рабочая часть имеет треугольную форму, боковые стороны притуплены ретушью, иногда жало орудия подправлялось несколькими фасетками ретуши с брюшка. Имеется скошенное острие, у которого боковые стороны ретушированы полностью. Кроме того, в качестве проколки и сверла использовались острые концы двух ромбовидных сколов без вторичной обработки (рис. 46, *1-4*).

Орудия со скоблевидными выемками. Типологически выделяются пластины с выемками, оформленными с лицевой стороны, и отщепы с одной-двумя выемками, выполненными крутой ретушью (рис. 46, *5*). Скоблевидные выемки имеются и на других категориях орудий – нуклеусах, скребках (рис. 44, *4, 8*; 45, *4*).

Отщепы с ретушью. Ретушь обычно наносилась по одному острому краю, часто нерегулярная. Функционально такие отщепы определены как резчики, ножи и пилки.

Кварцитовое уплощенное орудие округлой формы со следами забитости по всему периметру определено как *отбойник*. Найден обломок *"утюжка"* из темно-серого окаменевшего дерева. Имеет поперечную подокруглую бороздку, перпендикулярно ей по верхней плоскости проточено около 10 линий (рис. 46, *7*). Другие абразивные орудия из мягкого красно-коричневого песчаника представляют из себя плоские плитки с несколькими рабочими поверхностями (рис. 46, *8*).

Шлифованные орудия представлены двумя небольшими (высота 4 и 3 см) теслами трапециевидной формы из мягкого камня серо-зеленоватого цвета. Лезвия пришлифованы с двух сторон (рис. 46, *6, 9*).

3.2. Каменные орудия и изделия из слоя 2 Б

Комплекс каменных орудий и изделий насчитывает 593 предмета, в том числе 512 из кремня, 11 (2,1 %) из кварцита и 10 из других пород. К нуклеусам, пластинам и отходам производства относятся 242 находки (45,4 %), остальные изделия – орудия с вторичной обработкой. Как и в нижнем слое, преобладает пластинчатая техника расщепления камня. На пластинах выполнено около 60 % орудий. Наиболее распространены: скребки на пластинах – 34 %, скребки на отщепах – 30 %, ножевидные пластины с ретушью – 13 %, геометрические микролиты – около 5 %, острия – 3,7 %.

Нуклеусы для скалывания пластин представлены тремя типами: плоскими, торцовыми и коническими (рис. 47, *1-4*). Нуклеусы для снятия отщепов округлой и овальной форм с бессистемным скалыванием сильно сработаны и уплощены. Тор-

цы по всему периметру забиты, так как вторично были использованы в качестве отбойников (рис. 47, *6, 7*). На одном сколе с крупного конического нуклеуса с сохранившейся нижней частью оформлен концевой скребок, а одна боковая грань частично притуплена ретушью (рис. 47, *5*). Трасологически определено, что скребковое лезвие – это скобель по дереву, боковое – строгальный нож по дереву. Острая грань одного поперечного скола с нуклеуса без дополнительной обработки использовалась как строгальный нож.

Ножевидные пластины и сечения. Ширина их варьирует от 0,5 до 2,2 см, преобладают от 1,4 до 1,8 см. Целыми сохранились в основном микропластины (рис. 47, *8-10*). Свыше 60 % пластин и сечений определены как орудия без вторичной обработки – резчики на углу пластины и мясные ножи. Последние часто выполнялись на коротких трапециевидных сечениях (рис. 47, *16*).

Ножевидные пластины с ретушью в своем большинстве не имеют правильной огранки. Верхние и нижние концы обычно обломаны. Ретушь, как правило, наносилась со спинки по одному или двум краям. Целые или с усеченными дистальными концами пластины с регулярной ретушью типологически выделены в категорию *ножей на пластинах* (рис. 47, *12-14*), хотя функционально могут являться и пилками (рис. 47, *15*). Характер ретуши определялся функциональным назначением: крупная у пилок по дереву (рис. 47, *11*) и кости (рис. 48, *1*) и мелкая для мясных ножей (рис. 48, *2, 3*). Часть мясных ножей – на трапециевидных сечениях – вставлялась под углом в оправу.

Геометрические микролиты представлены *трапециями* и *сегментами*. В отличие от нижнего слоя все трапеции имеют струганную спинку. Почти все они высоких пропорций, когда высота несколько больше ширины основания, но есть трапеции, у которых высота равна ширине (рис. 48, *4-7, 11, 12*). На боковых гранях ретушь отсутствует. У некоторых экземпляров мелкая краевая ретушь нанесена по верхнему или нижнему краю с лицевой стороны (рис. 48, *11, 12*). Все сегменты низких пропорций, ретушь наносилась по-разному: двусторонняя (встречная) – по дуге (рис. 48, *8*), односторонняя лицевая – по дуге или ее части (рис. 48, *9, 10*), двусторонняя – по боковым сторонам (рис. 48, *13*). Функционально все сегменты и трапеции определены как мясные ножи.

Скребки на пластинах и сечениях. В данной выборке встречено только одно орудие на целой пластине. Пластина изогнута, огранка нерегулярная, длина 6,5 см, ширина 1,9 см. Ретушь с округлого лезвия на конце пластины опускается по одной грани на 1,2 см. Рукоять орудия подработана со спинки крутой притупляющей ретушью, по другой стороне с брюшка – сострругивающей (рис. 48, *14*). Остальные скребки выполнены на дистальных сечениях, полукруглые скребковые лезвия оформлены крутой ретушью (рис. 48, *15-18*). Скребки со скошенными лезвиями немногочисленны (рис. 48, *19*). Свыше 60 % скребков на сечениях пластин имеют притупляющую ретушь по одной или двум боковым сторонам (рис. 48, *21-23*), в некоторых случаях – скоблевидные выемки (рис. 48, *24*). Также имеются: дублированные скребки с ретушью по всему периметру (рис. 48, *25*), в результате чего они иногда принимают округлую форму (рис. 48, *26*).

Скребки на укороченных пластинах и продольных сколах представлены несколькими типами: скребки с округлым лезвием прямоугольной формы (рис. 48, *29*); скребки с округлым лезвием трапециевидной формы (рис. 48, *30-32, 33*); скребки с дополнительной подработкой одной грани (рис. 48, *34*); скребки с ретушью на 3/4 периметра (рис. 48, *35, 36*). Два скребка имеют подработку с брюшка с целью получения резцовой грани (рис. 48, *37, 38*).

Скребки на отщепах типологически наиболее разнообразны. В устойчивые серии выделяются скребки с ретушью на 3/4 периметра (рис. 49, *2-6*), на пластинчатых отщепах (с гранью на спинке) (рис. 49, *6, 7*); концевые овальные и округлые (рис. 49, *8-10*). Остальные скребки выполнены на отщепах случайной формы (рис. 49, *11-13*). Функционально все категории скребков определены как скобели по дереву и скребки по шкуре; боковые стороны – мясные ножи и пилки по кости; на углах – резчики и резцы.

Ножи на отщепах типологически невыразительны (рис. 49, 14, 15). Выделяется одно орудие на массивном изогнутом отщепе с желвачной коркой. Оно имеет овальную форму и длину 7,6 см. Одна из длинных сторон покрыта крупными фасетками двусторонней ретуши, далеко заходящей на спинку и брюшко и создающей извилистый режущий край (рис. 49, *20*).

Орудия со скоблевидными выемками. Скоблевидные выемки встречаются практически на всех категориях орудий в качестве дополнительных к основному рабочему лезвию. Восемь орудий на пластинах, пластинчатых отщепах и отщепах

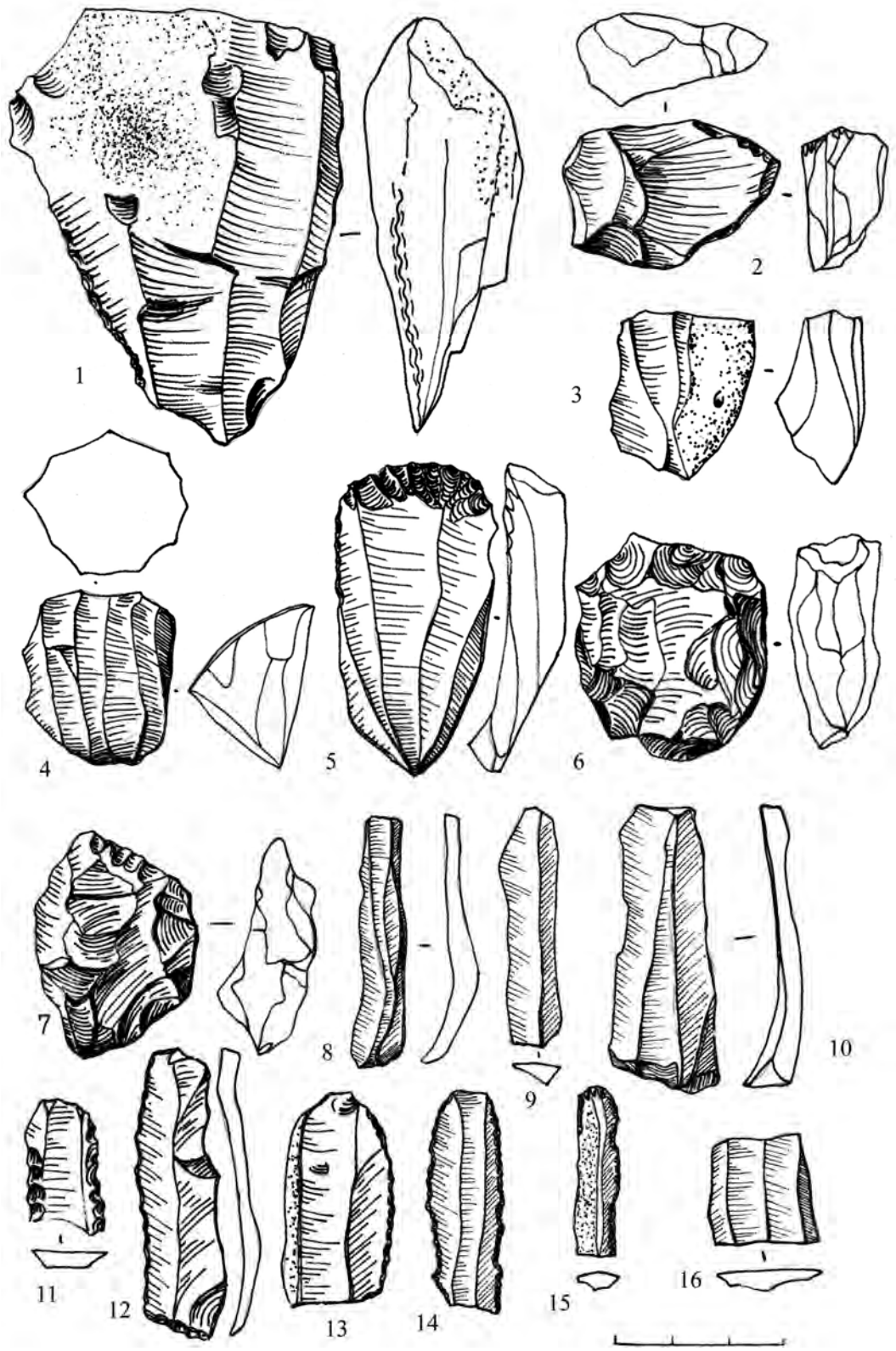

Рис. 47. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 Б

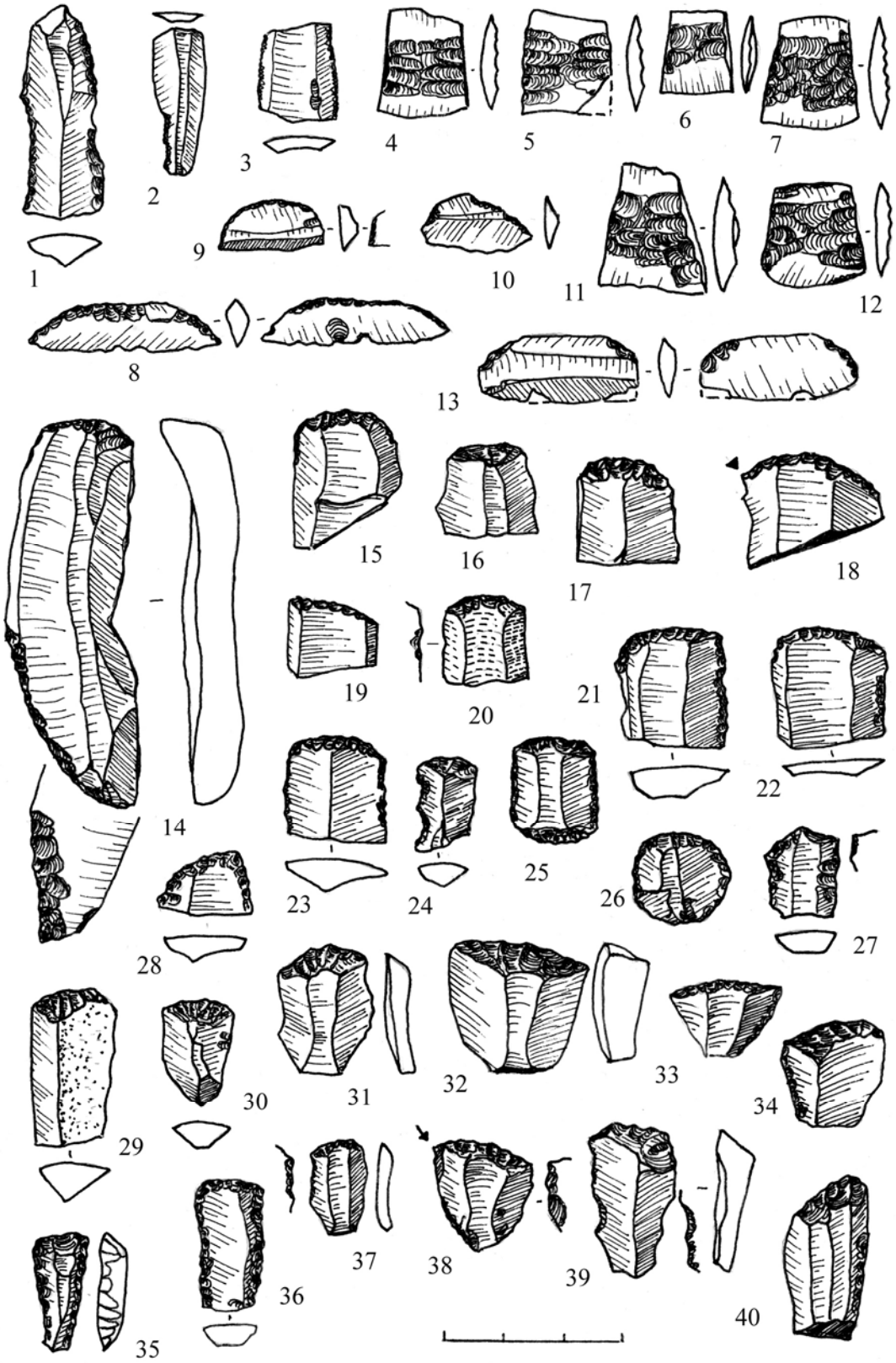

Рис. 48. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 Б

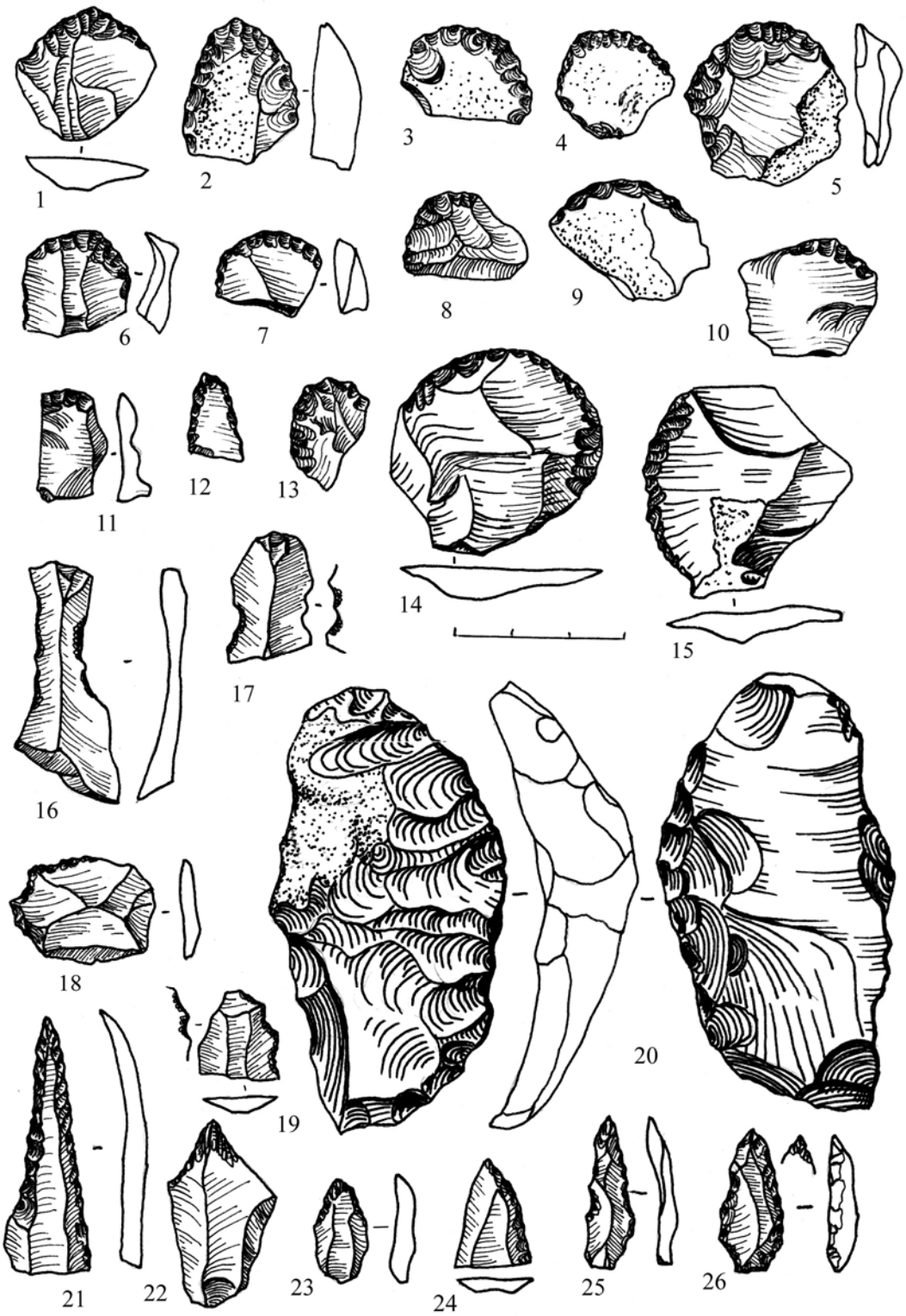

Рис. 49. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 Б

имеют только скоблевидные выемки с лицевой, а в двух случаях с обратной стороны (рис. 49, *16-19*).

Острия выполнены на пластинках и пластинчатых отщепах. Распределяются на 4 типа: с лицевой ретушью по боковым граням (рис. 49, *21*), острие одного орудия (сверло по кости) подправлено с брюшка (рис. 49, *25*); с лицевой ретушью в верхней трети (рис. 49, *22, 23*); с лицевой ретушью по одному краю острия (рис. 49, *24*); с лицевой ретушью и плечиком. Один продольный скол с краевой ретушью и округлым заполированным проксимальным концом определен как сверло по камню (рис. 46, *10*).

Шлифованные орудия представлены тремя теслами. Одно имеет трапециевидную форму. Материал – темно-зеленая глинизированная порода (рис. 46, *14*). Второе тесло подтреугольной формы из молочно-серого кремня имеет приостренную боковую грань (рис. 46, *12*). Третье изготовлено из светло-коричневого песчаника, пришлифована только часть плоскостей (рис. 46, *13*).

Массивный пластинчатый отщеп со следами забитости по граням определен как *ретушер. Абразивные орудия* – плоские плитки красновато-коричневого песчаника длиной до 15 см. Одно орудие имеет треугольную форму, у него обточены не только плоскости, но и все грани. Кроме того, найден обломок каменного *диска* из серого мелкозернистого песчаника с блестящими вкраплениями. Диаметр – приблизительно 11 см, сверлина конусовидная диаметром 2,5-3,5 см. Толщина не менее 4 см. Изготовлен из овальной гальки и поэтому не имеет правильной круглой формы.

3.3. Каменные орудия и изделия из слоя 2 А

Комплекс каменных изделий и орудий из слоя 2 А насчитывает 764 предмета, в том числе 722 из кремня, 37 из кварцита (4,9 %) и 4 из других пород. К нуклеусам, пластинам, отщепам относится 421 предмет (55,1 %), остальные – орудия с вторичной обработкой. Как и в предыдущем слое, на пластинах выполнено около 60 % орудий. Наиболее распространены: различные категории скребков на пластинах – 36 %, скребки на отщепах – 24%, ножи на пластинах и пластины с ретушью – 18 %, ножи на отщепах и отщепы с ретушью – 9%, трапеции – 3,5 %.

При характеристике орудий из слоя 2 А дополнительно привлечены материалы, найденные вне выбранных для анализа квадратов, так как данный слой наиболее мощный и "чистых" участков намного больше.

Предметы с первичной обработкой представлены нуклеусами и сколами с них, пластинами, сечениями, отщепами и чешуйками, расколотыми кремневыми гальками. *Нуклеусы для снятия пластин* распределяются на следующие типы: плоские и уплощенные с негативами скалывания с одной стороны (рис. 50, *1-3, 7*), торцовые (рис. 5 0, *5*), призматические (рис. 50, *6, 8*), конические (рис. 50, *9, 11*).

Нуклеусы для снятия отщепов включают округлые уплощенные, с бессистемным скалыванием (рис. 50, *13*) и конусовидной формы, где скалывание производилось с верхней площадки и по периметру (рис. 50, *10*). Один был вторично использован в качестве ретушера-отбойника (рис. 51, *1*). Отмечено еще несколько случаев вторичного использования нуклеусов. Острый край уплощенного нуклеуса применялся в качестве резчика, а грани – ретушеров (рис. 50, *4*).

Ножевидные пластины. Полностью сохранившихся немного (рис. 51, *2-6*). Максимальная длина (без дистальной части) – 9 см, но обычно не превышает 6 см, как и самые крупные нуклеусы. Ширина пластин варьирует от 5 до 25 мм, максимальное количество из них имеет ширину 14-17 мм, что превышает среднюю ширину пластин из слоев 3 и 2 Б (рис. 51, *5-7, 9, 10*). В квадратах, находки из которых просмотрены В.В.Килейниковым, из восьми пластин без ретуши три использовались в качестве орудий: резчики на углах трапециевидного сечения (рис. 51, *11*), строгальный нож по дереву и мясной нож (рис. 51, *12*); а из двадцати одного отщепа пять использовались как резец, резчик по кости, пилка по кости, проколка по шкуре и мясной нож.

Ножевидные пластины с ретушью подработаны только со спинки, исключение составляют пластины со скоблевидными выемками, которые могли наноситься и с брюшка. В основной своей массе пластины представлены сечениями – медиальными и проксимальными; дистальных сечений мало. Короткие (2-3 см) сечения функционально определены как пилки по дереву, мясные ножи и резчики (рис. 51, *12*). Длинные ножевидные пластины с усеченным дистальным концом типологически отнесены к ножам (рис. 51, *14-25*).

Ножи на отщепах типологически выражены слабо. Это тонкие отщепы (в том числе пластинчатые) с мелкой краевой ретушью по лицевой стороне (рис. 52, *1-3*).

Геометрические микролиты представлены тремя типами *трапеций со струганной спинкой:*

1. Трапеции высокие и средневысокие. Пологая сострогивающая ретушь покрывает почти всю площадь спинки (рис. 52, *5-9*). Количество высоких и средневысоких приблизительно равно.

2. Трапеции с почти параллельными боковыми сторонами. Высокие и подквадратные (рис. 52, *10-13*). Очень немногочисленны.

3. Асимметричные трапеции (рис. 52, *15, 23*).

У одной трапеции ширина превышает высоту, спинка ее сострогана не полностью, основания

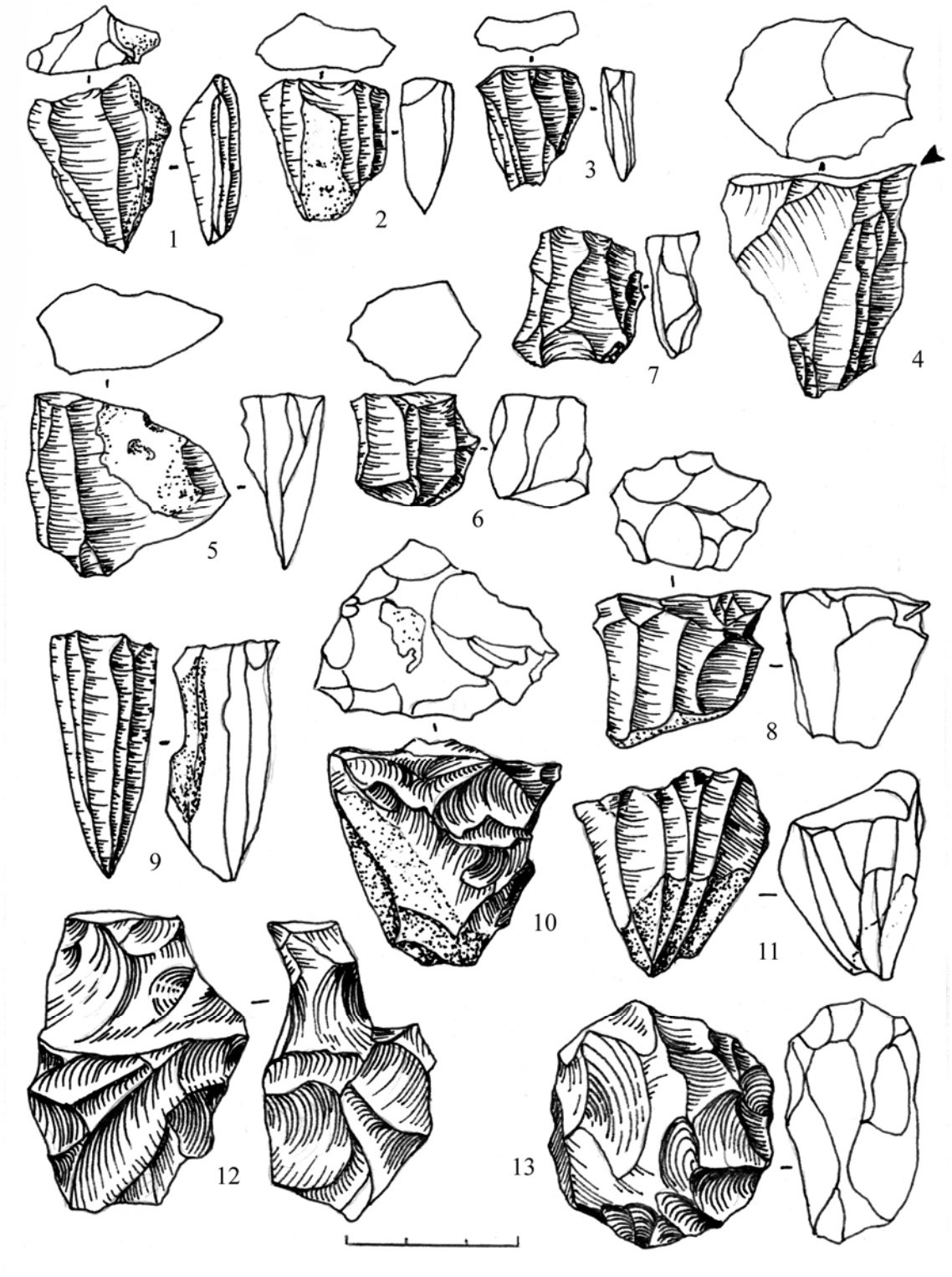

Рис. 50. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2А

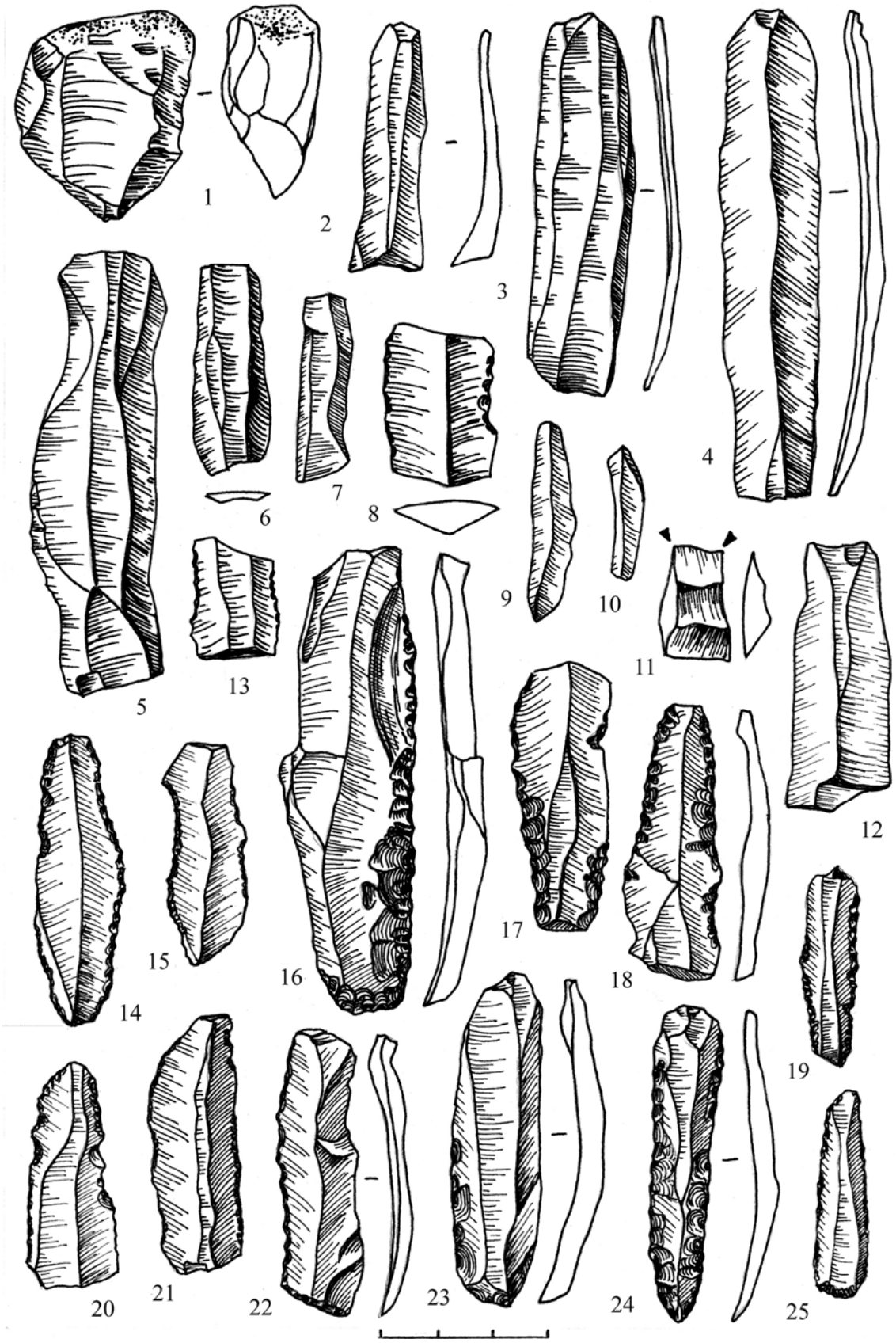

Рис. 51. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 А

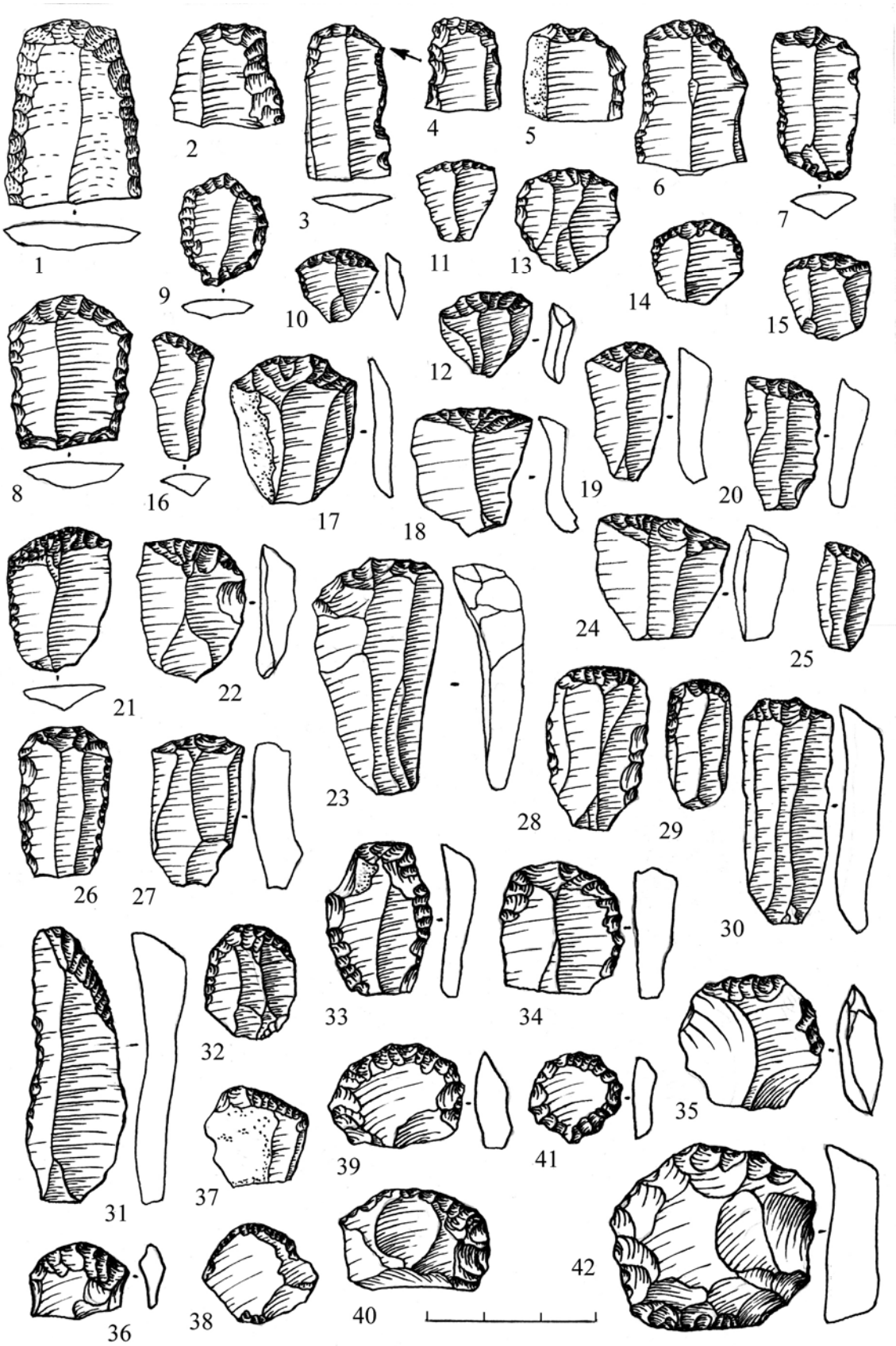

Рис. 52. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 А

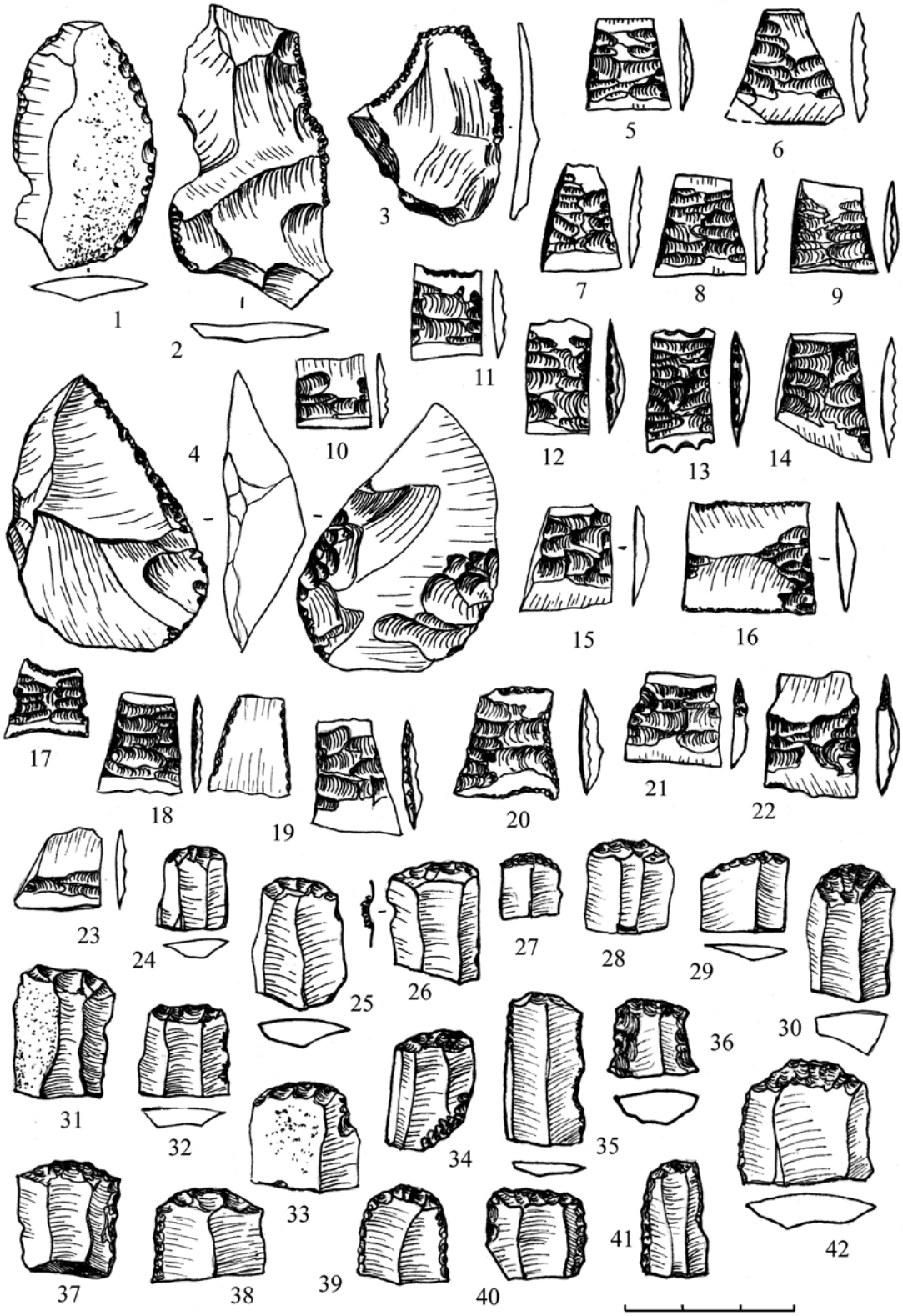

Рис. 53. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 А

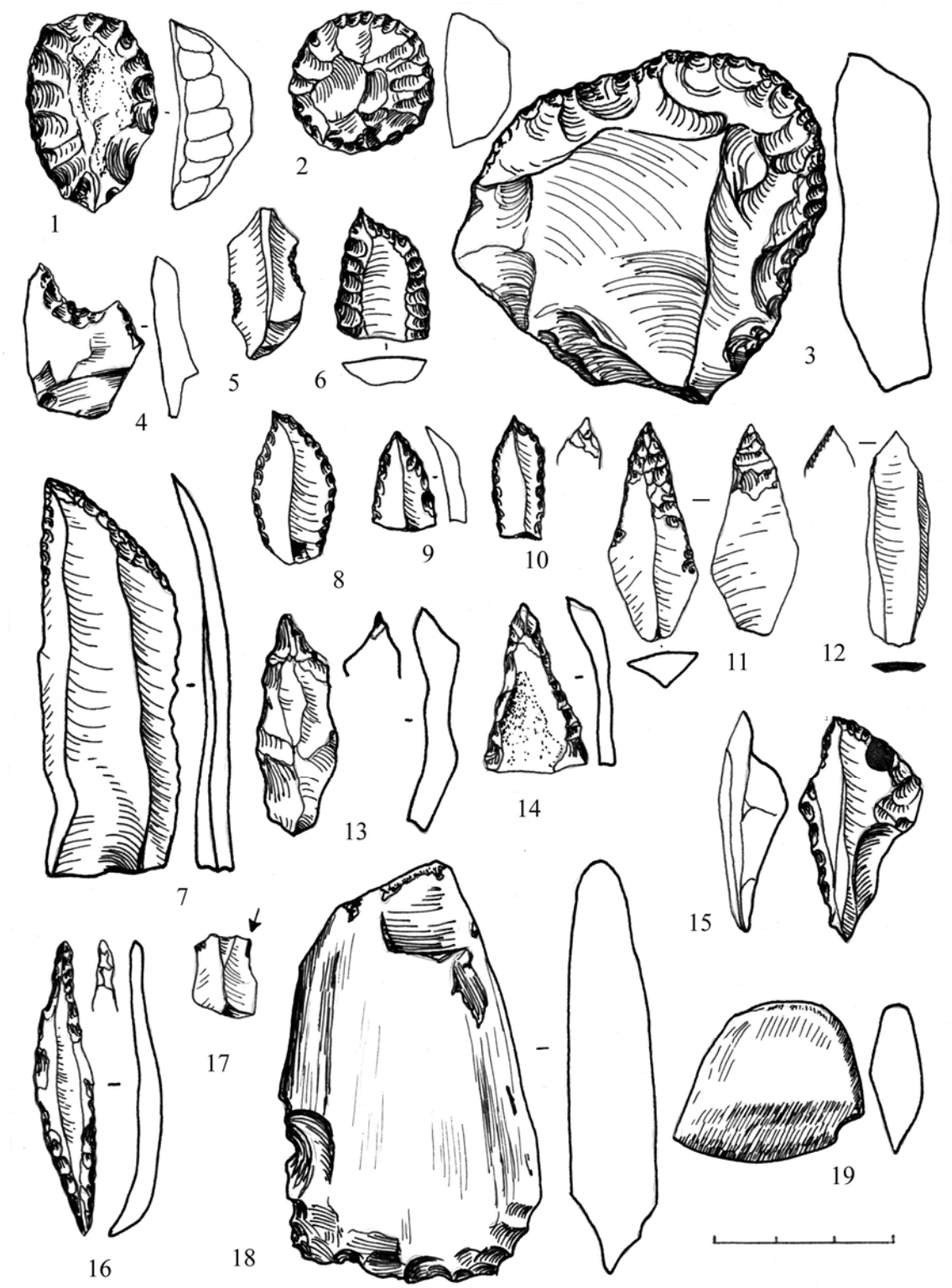

Рис. 54. Варфоломеевка. Каменные изделия слоя 2 А

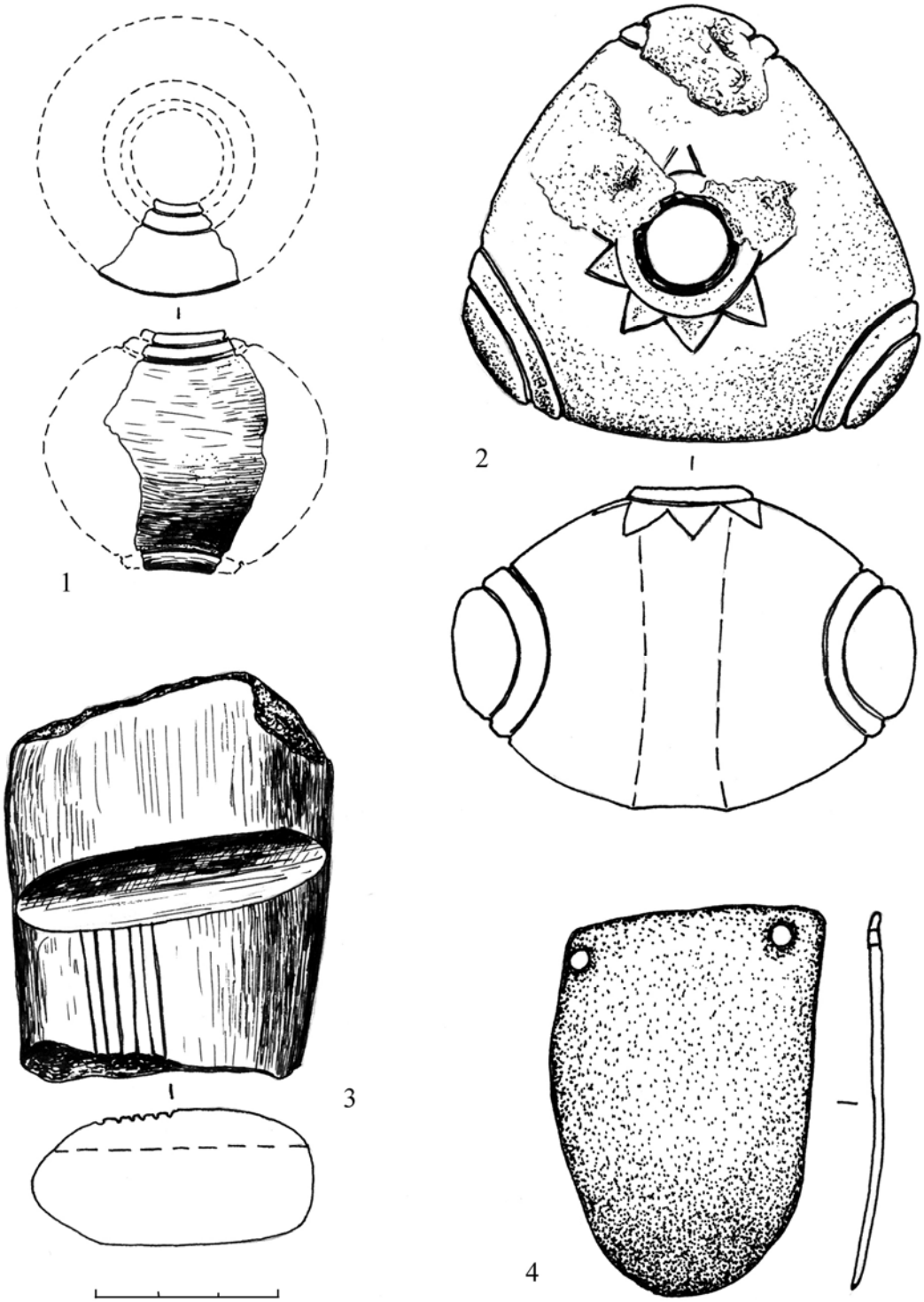

Рис. 55. Варфоломеевка. Находки из слоя 2 А: *1, 2* – каменные булавы; *3* – фрагмент каменного “утюжка”; *4* – медный предмет

подработаны мелкой ретушью (рис. 52, *16*). Около 1/6 части трапеций имеют ретушь по одному или двум торцам, нанесенную с брюшка, и мелкую краевую ретушь по основаниям с лицевой стороны (рис. 52, *18-20*). В двух случаях торцы подретушированы только в верхней части (рис. 52, *21, 22*). На одной трапеции по всему периметру оформлены скоблевидные выемки (рис. 52, *17*). Функциональное определение трапеций – резчики (углы) и мясные ножи (основания).

Скребки на пластинах изготовлены на медиальных и дистальных сечениях. Лезвия округлые, реже почти прямые, еще меньше скребков со скошенными лезвиями (рис. 52, *24-34*). Скребки на пластинах с боковой ретушью отличаются большим разнообразием по сравнению с предыдущими (рис. 52, *35-42*; 53, *1-9*).

Скребки на укороченных пластинах и продольных сколах распределены на следующие типы: концевые трапециевидной формы (рис. 53, *10-24*); концевые с параллельными сторонами и округлыми или скошенными лезвиями (рис. 53, *25-29*). Изредка встречаются скребки на удлиненных продольных сколах (рис. 53, *30*), в том числе с сильно скошенным лезвием (рис. 53, *31*). Скребки с ретушью на 3/4 приобретают округлость (рис. 53, *33, 34*).

Скребки на отщепах также разнообразны (рис. 53, *36-42*, 54, *1, 2*). Функциональные определения скребков всех категорий идентичны слою 2 Б.

Скребла выполнялись на крупных массивных отщепах и типологически не отличаются от скребков, не считая более крупных фасеток ретуши (рис. 54, *3*).

Орудия со скоблевидными выемками немногочисленны, выполнены на сечениях пластин и случайных отщепах (рис. 54, *4, 5*).

Острия представлены следующими типами: скошенные (рис. 54, *6-8*); с лицевой ретушью по боковым граням (два имеют подработку с брюшка) (рис. 54, *9-11*); плечиковые (рис. 54, *13*); клювовидные (рис. 54, *14*). В единственном экземпляре встречены: иволистое двойное – один конец острый, второй округлый и подработан с брюшка (рис. 54, *16*); двойное на сколе основания нуклеуса (рис. 54, *15*); симметрично усеченное, на тонкой пластине (рис. 54, *12*).

Резцов на сечениях пластин мало; все они имеют по одному резцовому сколу (рис. 54, *17*).

Шлифованные тесла. Одно крупное тесло изготовлено из молочно-белого кремня (рис. 54, 18), а второе – из зеленого нефрита (рис. 54, *19*).

Абразивные орудия слоя 2 А аналогичны предметам из нижних слоев.

Для полной характеристики каменной индустрии слоя 2 А необходимо описать еще несколько орудий, найденных за пределами контрольных квадратов. Это каменное грузило из светло-желтого мягкого песчаника прямоугольной формы (длина 9 см) с двумя пересекающимися бороздками для привязывания к рыболовной сети. Еще несколько таких грузил было найдено в размытом культурном слое. На дне жилища в кв.47 найдено навершие булавы из мела. Находка имеет подтреугольную форму, окончания лучей подчеркнуты двумя круговыми желобками. Сверху, вокруг сверлины также проточена окружность, от которой вершинами вниз опускаются треугольники. Диаметр сверлины 15 мм (рис. 55, *3*). Обломок еще одной круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы найден в размытой части стоянки (рис. 55, *1*). Обнаружен обломок плоского утюжка с полукруглой бороздкой. Перпендикулярно к бороздке проточено 6 параллельных линий. Материал – серо-зеленая порода типа серпентинита (рис. 55, *3*).

На фоне микролитических орудий стоянки выделяется комплекс из 11 крупных предметов: нуклеус, 2 скребла, 2 пластины и 6 отщепов. Все они из полосчатого кремня, имеют участки с желвачной коркой и залегали в слое компактной кучкой. Нуклеус многоплощадочный, предназначен для снятия пластинчатых отщепов. Скребла выполнены на отщепах размерами 8х5,5 см и 7,5х5 см; края обработаны крутой притупляющей ретушью. Такой же ретушью со спинки покрыты две массивные пластины. Из 6 отщепов 5 – краевые, с желвачной коркой, один покрыт ею полностью. Острые края отщепов заломаны и выщерблены при работе.

3.4. Каменные орудия и изделия верхнего слоя

Комплекс каменных орудий и изделий из контрольных квадратов верхнего (первого) слоя включает 103 предмета, в том числе 85 находок из кремня, 15 из кварцита (около 15 %) и 2 из песчаника. К предметам первичной обработки относятся 58 находок (около 56 %), остальные – орудия с вторичной обработкой. На пластинах выполнено около 63 % орудий. Наиболее распространены: различные категории скребков на пластинах – ок. 49 %, скребки на отщепах – ок. 25 %.

Как и при описании слоя 2 А, при характеристике каменной индустрии для полноты картины привлечены материалы, взятые вне пределов контрольных квадратов, так как литологически слой выделяется четко.

Нуклеусы для снятия пластин представлены небольшими экземплярами – плоскими и уплощенными (рис. 56, *1-5*). Один вторично использован в качестве скобеля (рис. 56, *5*). Нижняя часть конического нуклеуса с негативами скалывания коротких пластинчатых отщепов использовалась как отбойник (рис. 56, *7*). Пластины и сечения имеют ширину от 0,5 до 3,5 см (рис. 56, *6, 8, 9*).

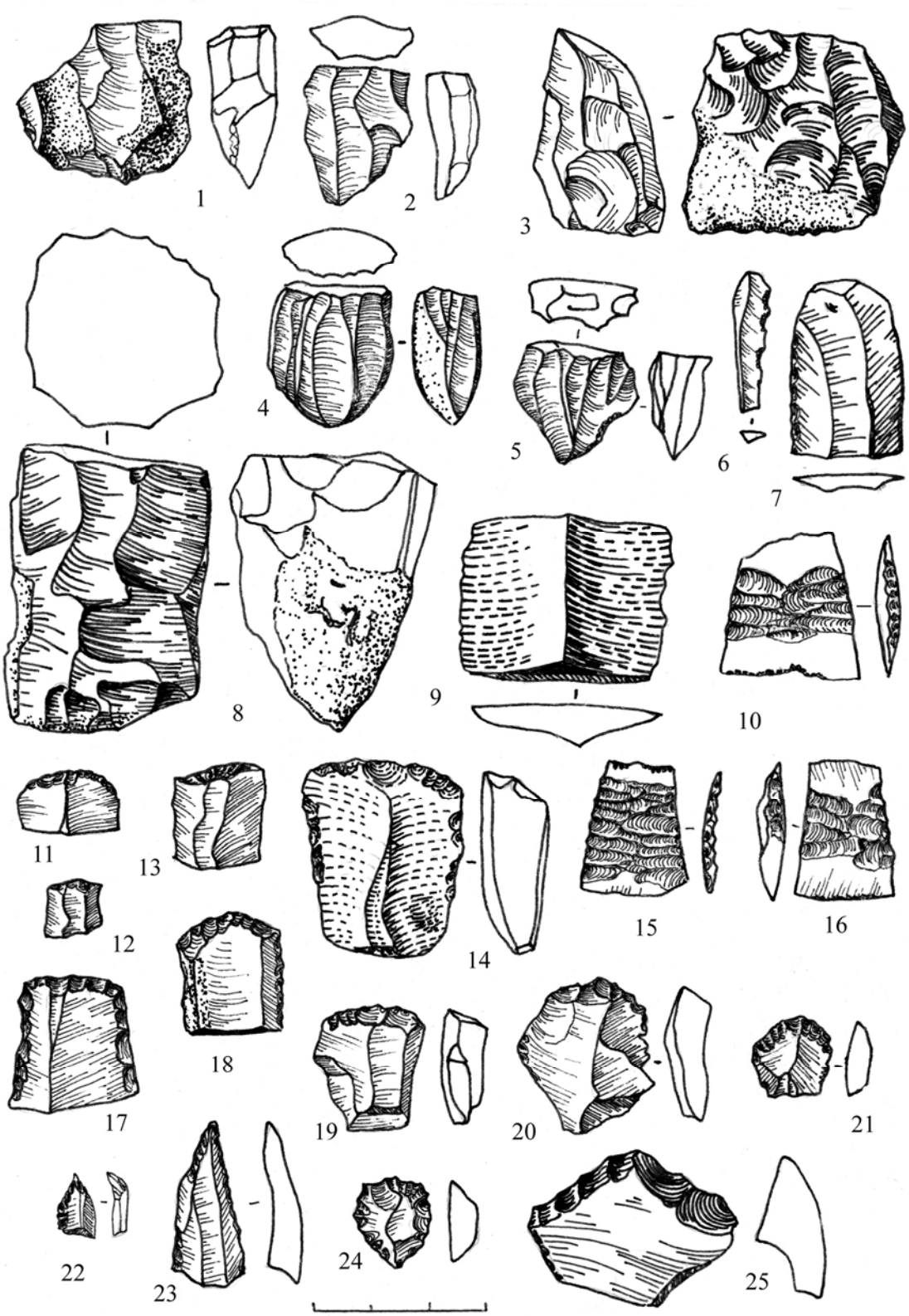

Рис. 56. Варфоломеевка. Каменные изделия верхнего (1) слоя

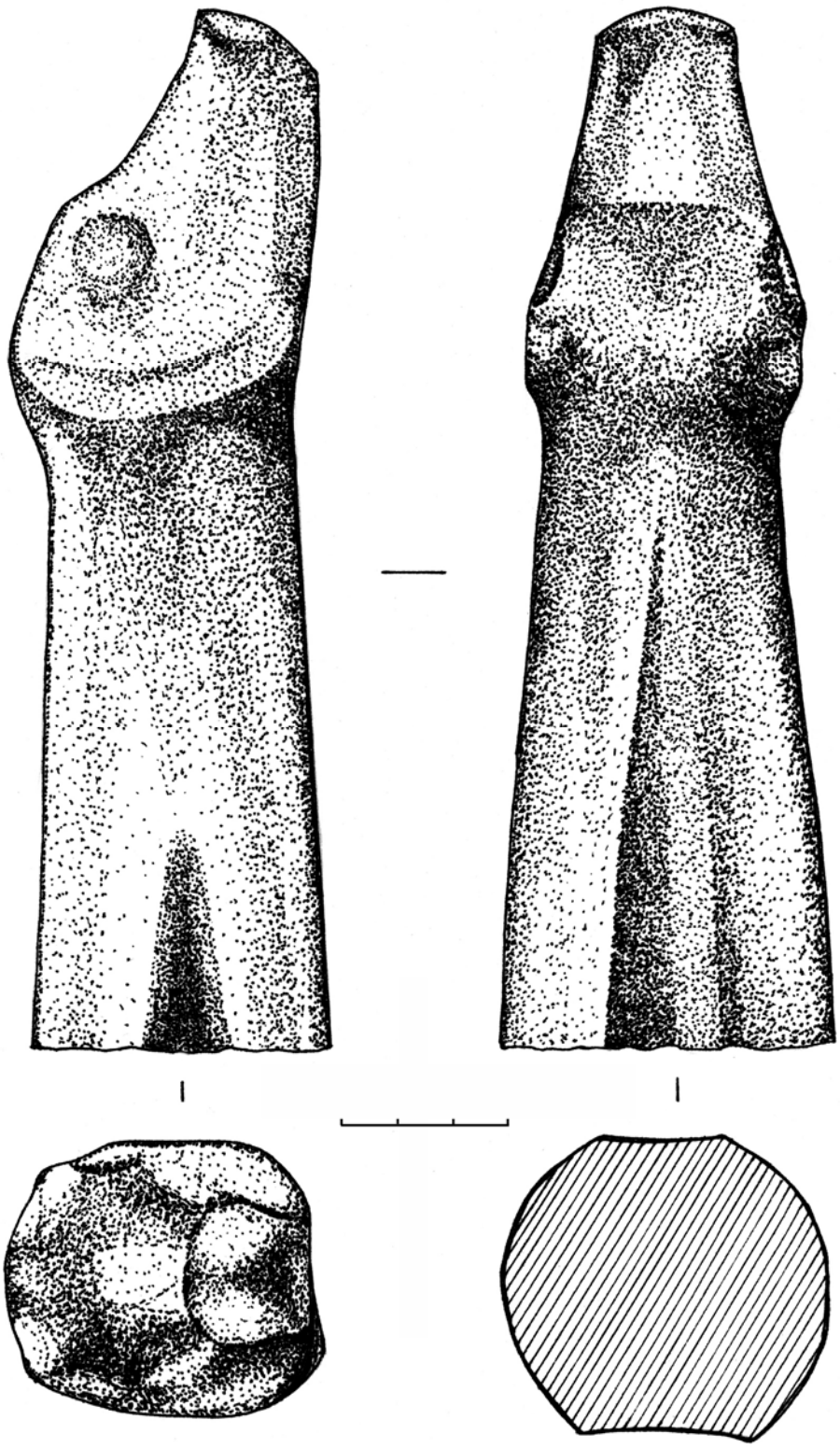

Рис. 57. Варфоломеевка. Обломок каменного песта с зооморфной рукоятью

Трапеции со струганной спинкой. Преобладают высокие трапеции, типологически не отличающиеся от трапеций слоя 2 А, но появляются крупные экземпляры, высота которых достигает 23-27 мм (рис. 56, *10, 15, 16*).

Концевые скребки на пластинах имеют округлые лезвия, одно слегка скошено (рис. 56, *10-12*). *Скребки на пластинах с боковой ретушью* типологически также идентичны находкам из слоя 2 А (рис. 56, *17, 18*). Среди *скребков на продольных сколах и укороченных пластинах* появляются крупные и массивные экземпляры (рис. 56, *14*). *Скребки на отщепах следующих типов:* округлые с ретушью по всему периметру (рис. 56, *24*); на пластинчатых отщепах (рис. 56, *19-21*); концевые, в том числе на массивных отщепах (рис. 56, *25*).

Острия – симметричное с лицевой ретушью по сторонам (рис. 56, *23*) и маленькое клювовидное (рис. 56, *22*).

Несмотря на относительно небольшое количество орудий в верхнем слое, хорошо прослеживается, что типологически все они повторяют находки из слоя 2 А, за исключением нескольких инноваций – увеличения средних размеров трапеций со струганной спинкой и появления сечений крупных кварцитовых пластин и орудий на них.

4. Орудия и изделия из кости

Уникальная сохранность культурного слоя стоянки обусловила большое количество находок из кости по сравнению с другими памятниками нижневолжского региона. Несмотря на то, что на стоянке вскрыта часть сложного многокамерного жилищного комплекса, локализация костяных орудий или изделий к какому-либо помещению не отмечена. Большая часть костяных изделий залегала поблизости от очагов, в хозяйственных ямах, в местах скоплений костей животных и фрагментов керамики. По дну раскопа основная часть костяных предметов найдена в небольших нишах-углублениях вдоль стенок котлованов жилищ и в больших ямах рядом с очагами. В целом характер их планиграфического распределения не отличается от остальных категорий находок.

Некоторые костяные орудия залегали совместно или в комплексе с другими находками. Шесть костяных предметов – фрагменты от трех тупиков и три землекопных орудия – стояли в круглой ямке диаметром 26-26 см и глубиной 35 см. Ямка примыкала к северному краю одного из очагов. В одной из хозяйственных ям под стенкой котлована жилища найдены: костяные тупик, фигурка лошадки и зубчатый штамп на створке речной раковины, который использовался для выравнивания внутренних стенок керамических сосудов (рис. 76, *14*). Один комплекс обнаружен на дне жилища: три пронизки из трубчатых птичьих костей, пластина из клыка кабана и три шпателя для формовки керамики. Два из них костяные (рис. 63, *1, 6*), а третий – это узкая, слегка изогнутая плитка из красно-коричневого песчаника.

Для определения функционального назначения и технологии изготовления все костяные находки из раскопок в 1987 - 1990 гг. были подвергнуты трасологическому анализу. Анализ выполнен В.В.Килейниковым. На основе его разработок, апробированных на материалах памятников лесостепного Подонья (Килейников В.В., 1985, с. 1-20; Пряхин А.Д., Килейников В.В., 1986, с. 20-36; Килейников В.В., 1989, с. 119-120) и нашедших применение в работах других исследователей (Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988, с. 60-78), была проведена функциональная классификация костяных орудий и изделий (Килейников В.В, Юдин А.И., 1993, с. 63-86).

Трасологическому определению подвергнуто 275 предметов (целые и обломки) из раскопа, 13 находок из размытого водохранилищем культурного слоя, а также 44 предмета, являвшихся заготовками и отходами производства. Все орудия и изделия распределены по трем функциональным классам: орудия домашних производств, орудия присваивающих отраслей хозяйства, бытовые и культовые предметы. Классы подразделяются на несколько групп, каждая из которых включает от 2 до 10 типов орудий или изделий (табл. 10).

Класс I. Орудия домашних производств.

Группа 1. Орудия кожевенного производства.

1. *Тупики* для волососгонки и мездрения шкур. Представлены серией стандартных орудий с небольшими вариациями формы рабочего лезвия и рукояти. Изготовлены из крупных лопаток по единому принципу. С лопатки срезался продольный гребень, а на узком ее конце вырезалась рукоять. Чаще всего кость просто подрезали по тому краю, где проходило лезвие, таким образом, чтобы было удобно обхватить рукой. В нескольких случаях рукояти оформлены весьма тщательно и имеют изящную изогнутую форму. Длина рукоятей – в пределах 10 см. Поскольку гребень разделяет лопатку на две неравные части, то меньшая обрезалась параллельно ему, а на другой вырезалось рабочее лезвие серповидной формы с одной или двумя плавными выемками. Кромка лезвия затачивалась под острым углом с внутренней либо внешней стороны. Широкий округлый конец лопатки обычно сохранял естественную форму, иногда ему

придавалась еще большая округлость для удобства, поскольку орудие было двуручным. Это установлено по микроследам, перпендикулярным кромке лезвия.

Ввиду значительных размеров орудий (от 35 до 42 см) и относительно небольшой толщины исходной заготовки, ослабленной срезанным гребнем, полностью сохранилось всего несколько экземпляров (рис. 58, *1-4*). Фрагмент рукояточной части одного тупика украшен группами из 11 кремневых насечек, выполненных кремневой пилкой (рис. 58, *5*). Из всей серии выделяется тупик с несрезанным гребнем лопатки, на округлой поверхности которого имеются следы, указывающие, что орудие также использовалось для обработки кожи.

Подобные орудия известны на неолитическом поселении Турова Гора в Поднепровье (Ковалева И.Ф., Морковина В.И., 1987, с. 32).

2. *Скребки* для мездрения шкур. Чаще всего выполнены на фрагментах продольно расколотых трубчатых костей и имеют линейные следы поперечной направленности на кромке одной или двух длинных сторон (рис. 59, *1, 2*). Шесть экземпляров вырезаны из плоских костей лопаток и черепных крышек, два из них имеют трапециевидную форму. В нескольких случаях скребками служили случайные обломки трубчатых костей без предварительной обработки внешней поверхности.

3. *Скребки-лощила* для мездрения и мягчения кожи. Длинные грани расколотых трубчатых костей использовались для мездрения, торцы и внешняя поверхность – для лощения и мягчения кожи (рис. 59, *3*).

4. *Скребки-струги* для мездрения и волососгонки. Выполнены также на расколотых трубчатых костях (рис. 59, *4*). Конец одного орудия оформлен в виде лопаточки, но микроследы отмечены только на кромке продольных сторон.

5. *Струги* для волососгонки и мездрения. Для этих орудий использовались фрагменты ребер без предварительной обработки и только в двух случаях расколотые трубчатые кости. На поверхности нескольких стругов заметны следы от скобления каменным орудием или нанесены короткие насечки кремневой пилкой (рис. 60, *1*). Выделяется обломок микроструга на тонком ребре, обработанном скобелем и абразивом. Его внешняя плоскость украшена четырьмя параллельными линиями и короткими насечками, выполненными кремневым резцом (рис. 60, *2*).

6. *Лощила,* как и скребки, оформлены на расколотых трубчатых костях с округлыми торцами. На внешней поверхности лощила, найденного в размытой части культурного слоя, кремневым резцом нанесена пиктограмма (рис. 60, *3, 4*).

7. *Разбильники* для уплотнения и мягчения кожи. Изготовлены из коротких отрезков (6-11 см) рогов первобытного быка. Отверстие диаметром 23-26 мм сверлилось полой костью с двух сторон, затем подчищалось кремневым инструментом (рис. 67, *5*; 68, *2*). На одном разбильнике кремневым резцом нанесены короткие насечки. С торцевых сторон орудий отмечена легкая забитость от соприкосновения с кожей (рис. 60, *5*; 61, *2*).

К этому типу орудий условно отнесен предмет со сверлиной из эпифиза крупного животного, на котором имеется забитость по всему периметру, образовавшаяся от ударов по дереву или коже (рис. 61, *3*). Небольшие размеры и вес относительно других разбильников предполагают культовое назначение данного предмета.

8. Проколки. Представлены несколькими видами. Наиболее многочисленны (20 экз.) тонкие проколки со сплошной обработкой поверхности скобелем и абразивом (рис. 62, *1, 3-6*). Острия проколок круглые в сечении, основания – уплощенные, трехгранные, округлые и прямые. На остриях под микроскопом хорошо заметны продольные, реже продольно-поперечные следы от работы. Поперечные следы отмечены и на нескольких основаниях.

Десять экземпляров проколок выполнены на трубчатых птичьих костях (рис. 62, *7*). Имеют стандартную форму: на рабочем конце кость срезана под острым углом, на противоположном – оставлена головка.

Восемь экземпляров выполнены из расщепленных трубчатых костей (рис. 62, *8, 13*). В поперечном сечении эти проколки плоские или уплощенные. Основания прямые или округлые. На одной проколке нанесен бессистемный орнамент (рис. 62, *11*), другая имеет боковую выемку под острием с более сильной сработанностью (рис. 62, *2*). Выемка, вероятно, служила для протягивания нити.

Четыре проколки изготовлены из ребер (рис. 62, *9*), три – из грифельных костей лошади, еще на двух оставлены тщательно обработанные головки (рис. 62, *12, 14*). В размытой части памятника найдена проколка с плоским в сечении острием. Она выполнена на трубчатой кости с необработанной головкой, выше которой просверлено сквозное отверстие (рис. 62, *10*).

Из верхнего слоя происходит проколка на птичьей кости, в средних слоях найдены проколки всех видов, в нижнем слое нет проколок на расщепленных трубчатых костях.

9. *Ножи.* Для подрезания мездры и разрезания кожи использовались случайные тонкие осколки трубчатых костей. Линейные следы слабые и невыразительные, преимущественно продольного направления.

10. *Орудие для растягивания ремней.* Выполнено на обломке широкой костяной пластины, на одной из кромок которой отмечен небольшой залощенный участок с характерными поперечными следами.

Группа 2. Орудия керамического производства.

1. *Шпатели.* Часть формовочных шпателей сделана из тонкопластинчатых костей и имеет стандартную форму – на рукоятке высверлено отверстие (кремневое сверло, сверление двустороннее), по длинным сторонам и широкому торцу нанесены короткие насечки каменной пилкой, а в одном случае – глубокие пропилы (рис. 63, *3, 4*). Аналогичный шпатель известен на стоянке Джангар (Кольцов П.М., 1987, с. 293). Морфологически близки и обломки пластин из клыка кабана (отверстие, насечки по краям) из Никольского могильника, типологически отличающиеся от остальных украшений из клыка кабана (Телегин Д.Я., 1991, с. 59).

По морфологическим признакам к ним приближается шпатель на плоском фрагменте продольно расколотой трубчатой кости. Несмотря на сильную залощенность на его обоих сторонах сохранился сложный геометрический орнамент (рис. 63, *6*).

Шпатели на продольно расколотых трубчатых костях более разнообразны: на простых осколках почти без предварительной обработки; плосковыпуклый с округлыми концами; ложковидный (рис. 63, *1, 2, 5*).

2. *Шпатели-лощила.* Полифункциональные орудия, по своим морфологическим признакам во многом близки шпателям. На боковых гранях отмечены поперечные следы, образовавшиеся при формовке сосудов, но на концах и плоских поверхностях – характерные хаотические следы от лощения. В нижнем слое шпатели-лощила почти не подвергнуты вторичной обработке, за исключением рабочего конца (рис. 64, *2*).

Шпатели-лощила из средних слоев тщательно обработаны по всей поверхности. На трех из них выгравирован орнамент различной степени сложности (рис. 64, *3, 4;* 70, *1*). На узком конце одного орудия высверлено сквозное отверстие. Геометрическим орнаментом покрыта плоскость обломка орудия на тонкопластинчатой кости, а на шпателе-лощиле из ребра нанесены короткие насечки. Наиболее близкие аналогии подобным изделиям обнаруживаются в материалах могильника Васильевка 2, где обломки орнаментированных пластин описываются как костяные браслеты (Телегин Д.Я., 1991, с. 45).

3. *Шпатель-штамп.* Выполнен на продольно расщепленном ребре. В рукояточной части на гранях имеются две нарезки для подвешивания. Накольчатый орнамент наносился одним из углов шпателя.

4. *Лощила.* Представлены двумя экземплярами. Из нижнего слоя – случайный обломок трубчатой кости, на внешней поверхности которого имеется серия разнонаправленных следов. Из среднего слоя – на продольно расщепленном отрезке трубчатой кости оформлены рукоять и рабочее лезвие в виде узкой лопаточки (рис. 64, *1*).

5. *Штампы.* В нижнем и среднем слоях определены штампы для нанесения наколов треугольной, подовальной и С-овидной форм. Выполнены на тонких пластинах, фрагментах ребер, расщепленной трубчатой тонкой кости (рис. 64, *7-9*). У штампов на пластинах из клыков кабана рабочими являются оба конца (рис. 64, *5, 6*).

В верхнем слое найден аморфный обломок кости с восемью неглубокими пропилами по острой грани, использовавшийся для нанесения мелкозубчатых отпечатков.

Группа 3. Землекопные орудия.

1. *Копалки* на крупных фрагментах ребер и продольно расколотых трубчатых костях. Предварительная обработка в большинстве случаев ограничивалась оформлением приостренного или округлого рабочего конца (рис. 65, *1, 2*). Орудие на крупном ребре, приостренный конец которого имеет интенсивные следы от работы в земле, кроме этого использовалось для растягивания и мягчения ремней на небольшом участке одной грани.

2. *Совки.* Имеют вытянутую подтрапециевидную форму с рабочим лезвием в основании (рис. 65, *3*). Изготовлены из черепной крышки и лопатки. Морфологически к ним близки два скребка для мездрения.

3. *Колышки.* Данный тип отнесен к землекопным орудиям в достаточной степени условно, так как следы от соприкосновения с землей очень слабые. Вероятно, колышки применялись для закрепления на земле растянутых шкур в процессе их обработки (рис. 65, *9*). Возможно, в качестве колышков использовались и два ровно обрезанных коровьих рога с сильной забитостью на торцах.

Класс II. Орудия присваивающих отраслей хозяйства.

Группа 1. Орудия рыболовства.

1. Гарпуны. Два целых экземпляра различаются только формой насадов. Изготовлены из продольно расколотых трубчатых костей. Гарпуны крупнозубые, двусторонние. Оформлены скобелем, подправлены на абразиве, зубцы выпилены. Длина – 16 и 22,5 см. Третий экземпляр представлен обломком стержня (рис. 65, *5-7*).

Группа 2. Орудия охоты.

1. Острия. Охотничьи острия представлены двумя экземплярами. Морфологически аналогичны проколкам, но отличаются характером следов. Одно острие длиной 18,5 см имеет 39 круглых просверленных углублений (рис. 65, *8*).

Класс III. Бытовые и культовые предметы.

Группа 1. Посредники.

1. *Оправы для вкладышей.* В качестве заготовок использовались фрагменты ребер. Сама оправа несколько отогнута назад относительно оси рукояти. На конце рукояти вырезаны небольшие выступы-упоры. Длина двух целых экземпляров 17

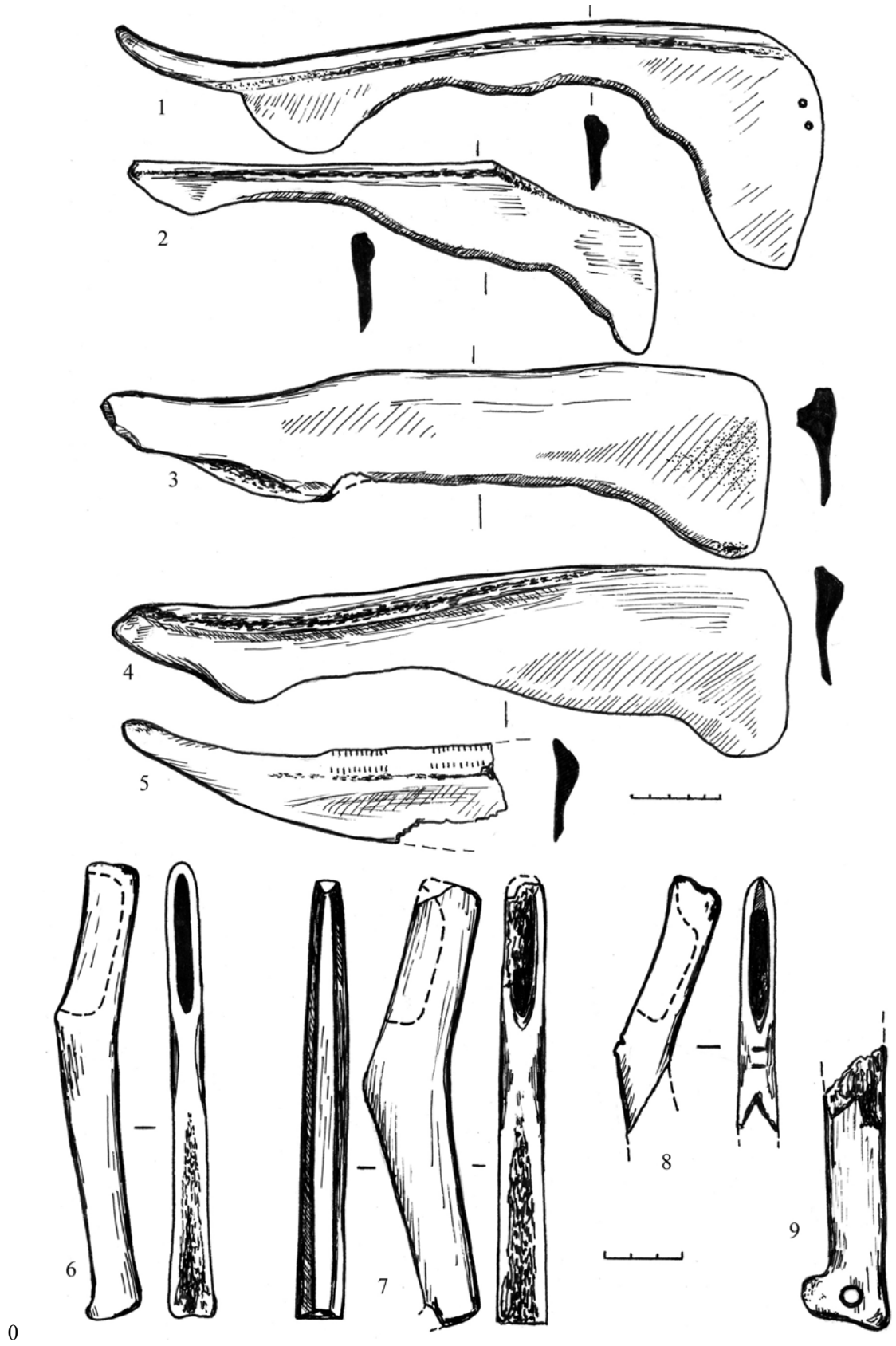

Рис. 58. Варфоломеевка. Костяные тупики: *1, 2, 4, 5* – средние слои; *3* – нижний слой. Оправы *(6-8)* и рукоятка *(9); 6, 7* – нижний слой; *8, 9* – средний слой

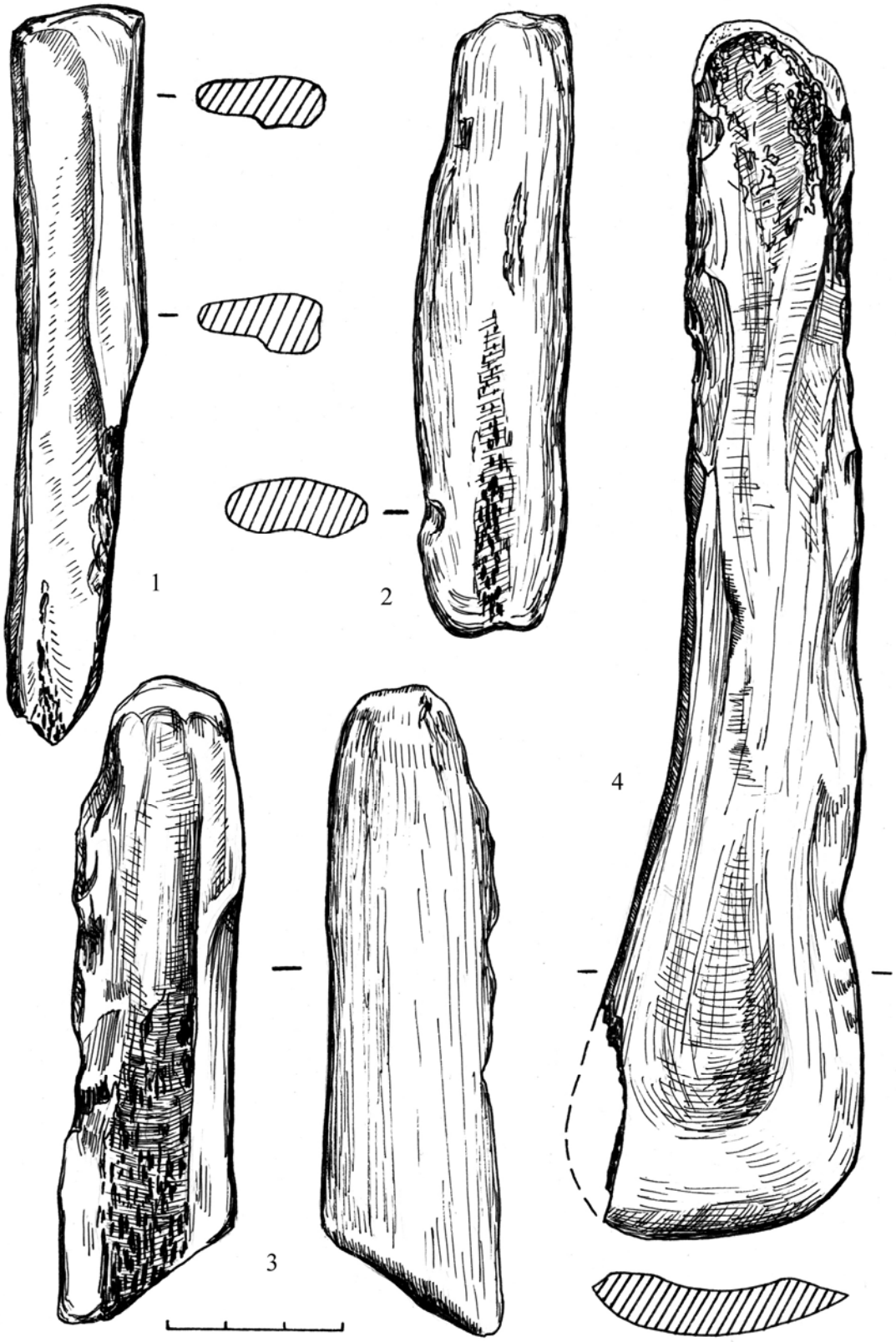

Рис. 59. Варфоломеевка. Орудия кожевенного производства: скребки *(1, 2)*, скребок-лощило *(3)*, скребок-струг *(4)*; *1* – нижний слой; остальные – средние слои (2 А и 2 Б)

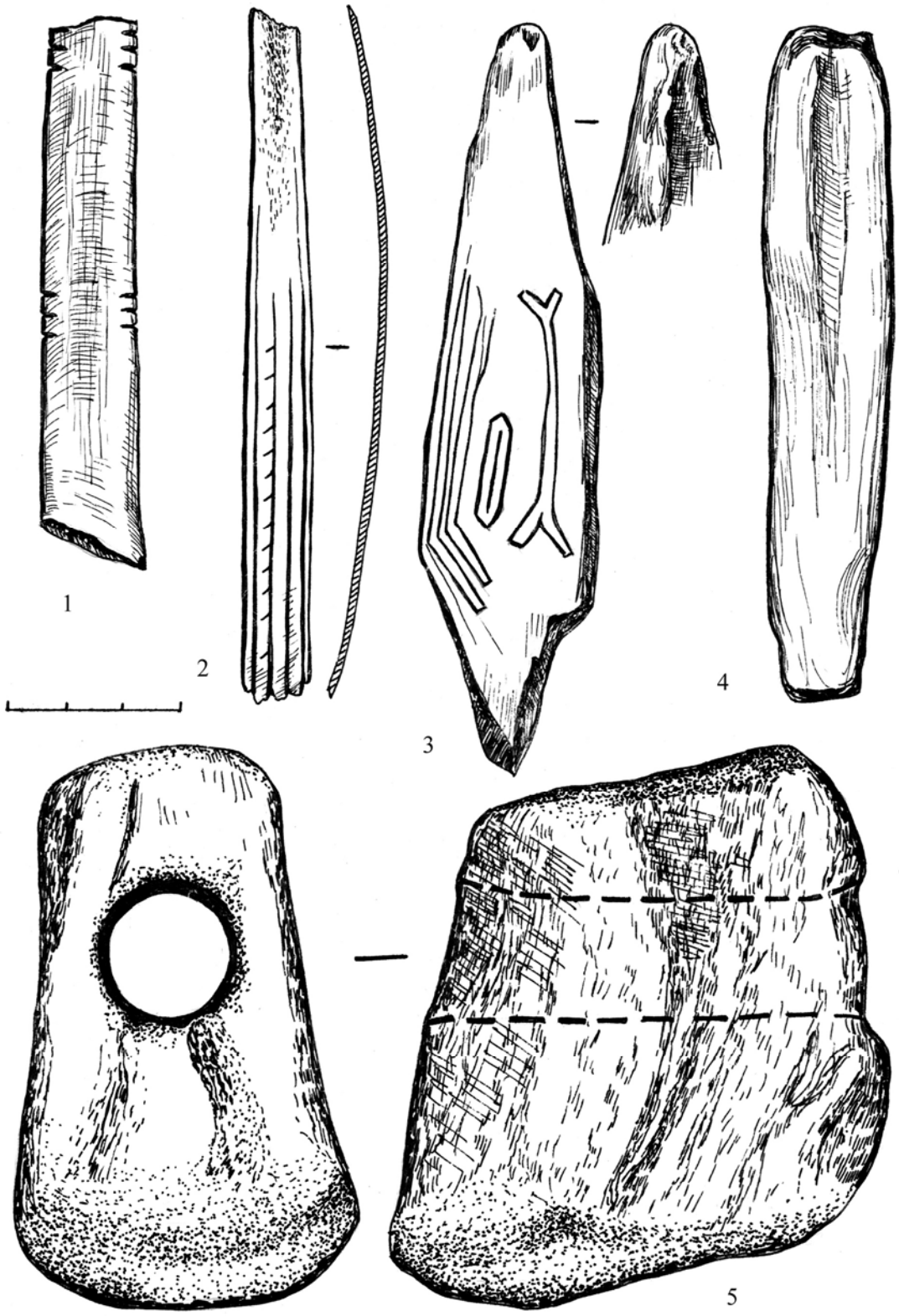

Рис. 60. Варфоломеевка. Орудия кожевенного производства: струги *(1, 2)*, лощила *(3, 4)* и разбильник *(5)*. *1* – средние слои, остальные – нижние слои

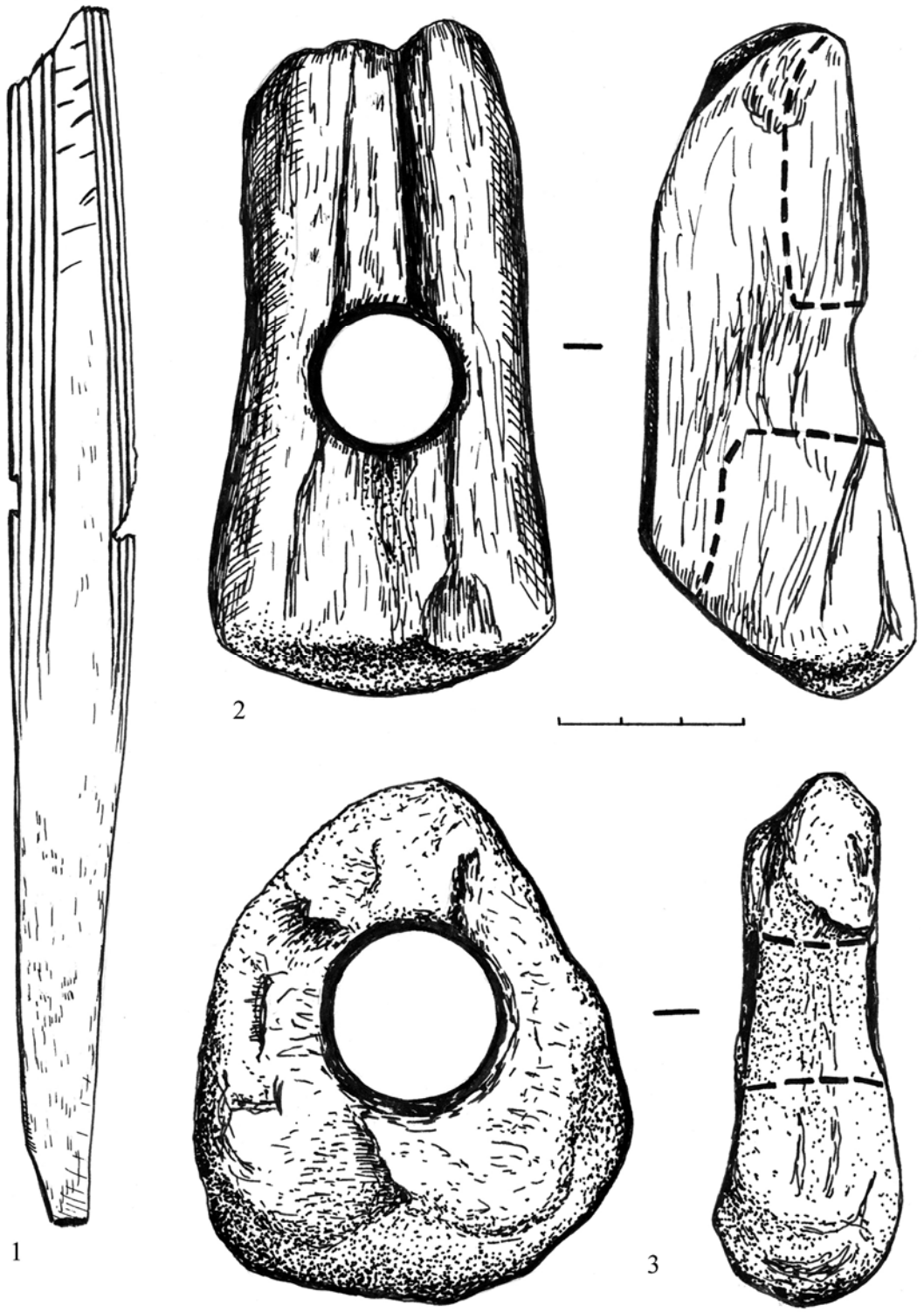

Рис. 61. Варфоломеевка. Пластина с орнаментом *(1)* и разбильники *(2, 3)*: *1, 2* – средние слои; *3* – нижний

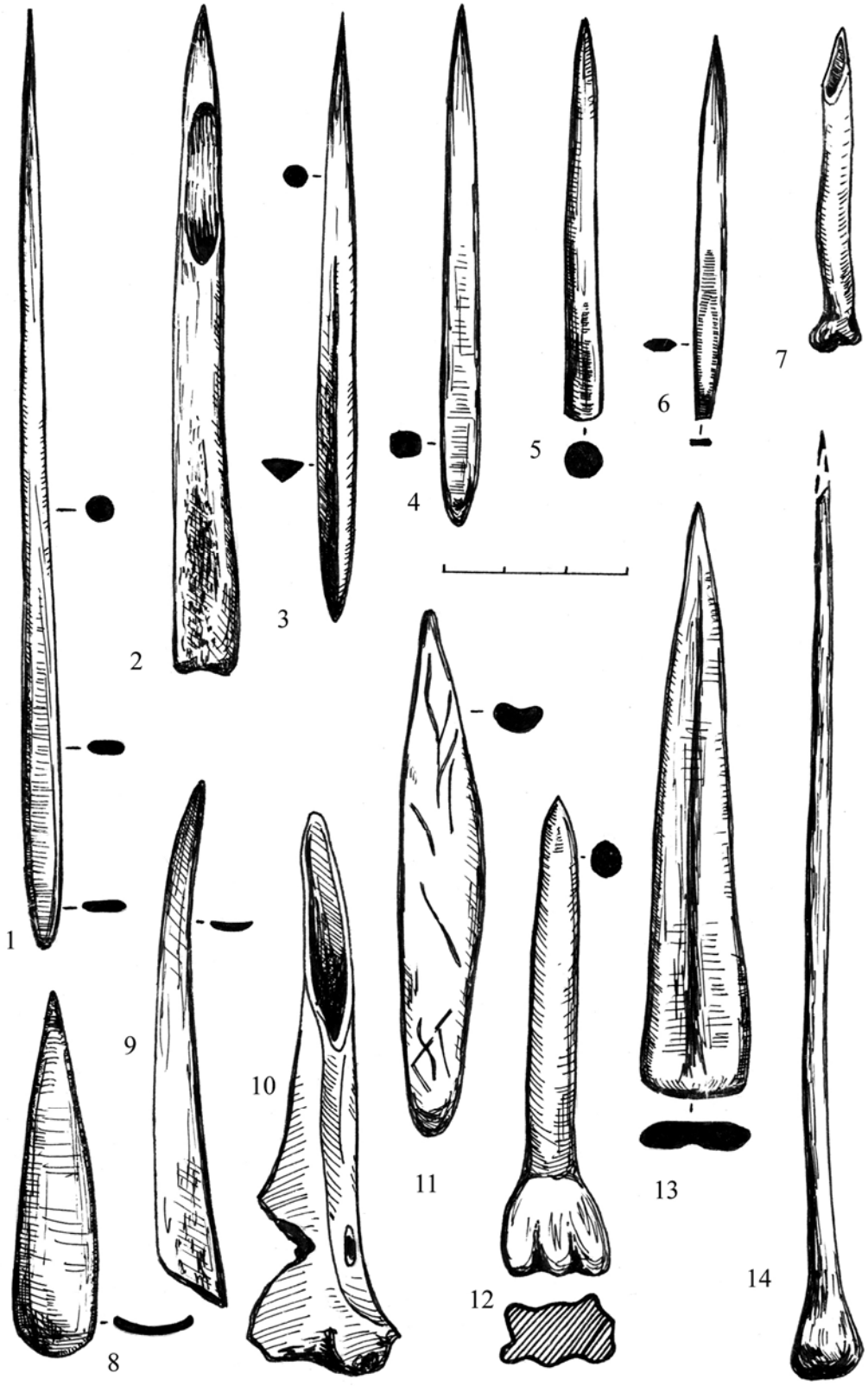

Рис. 62. Варфоломеевка. Костяные проколки. *1, 3, 6, 7, 9* – нижний слой, остальные – средние слои

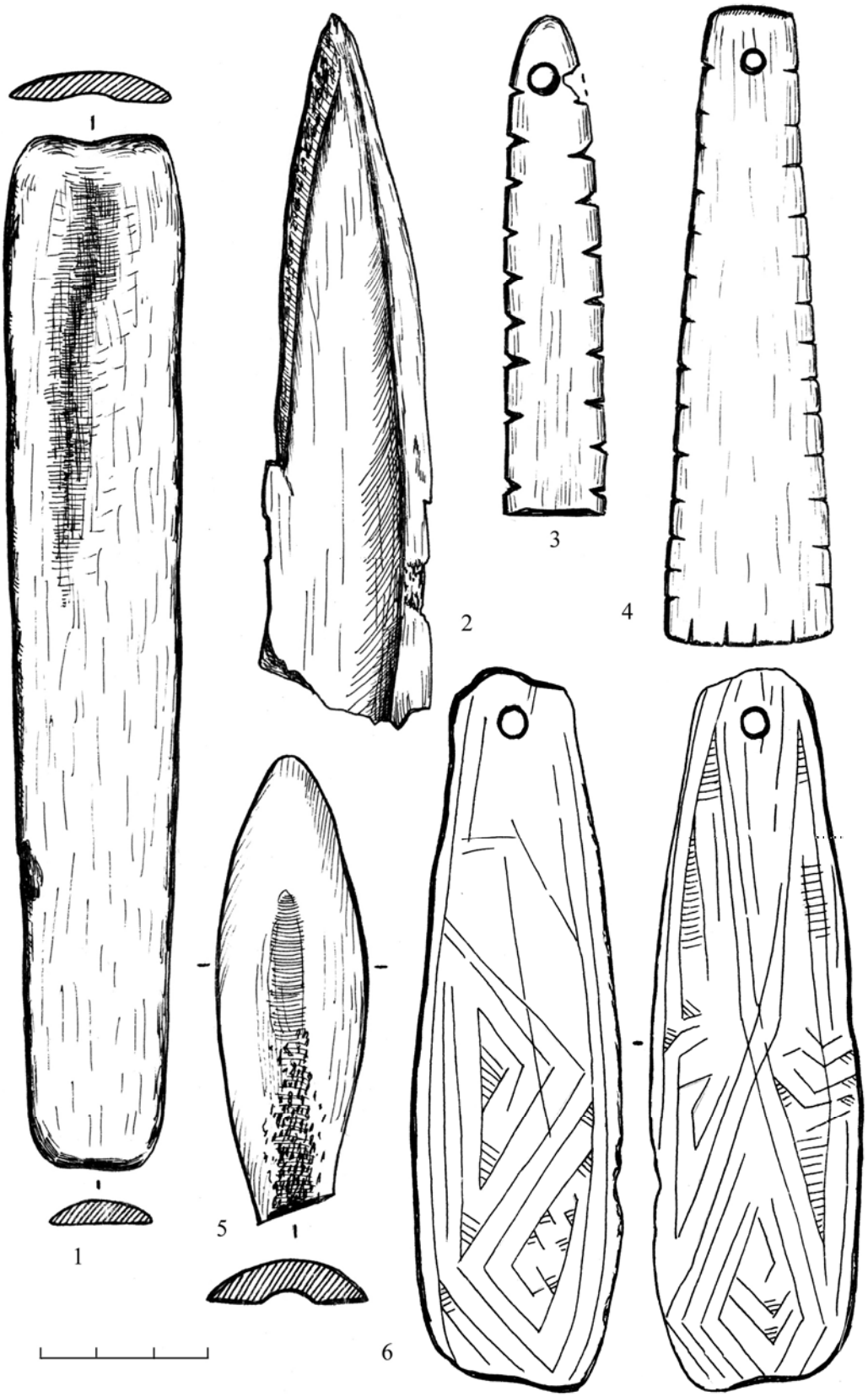

Рис. 63. Варфоломеевка. Орудия керамического производства. Шпатели: *1, 3, 4, 6* – средние слои; *2, 5* – из размытого культурного слоя

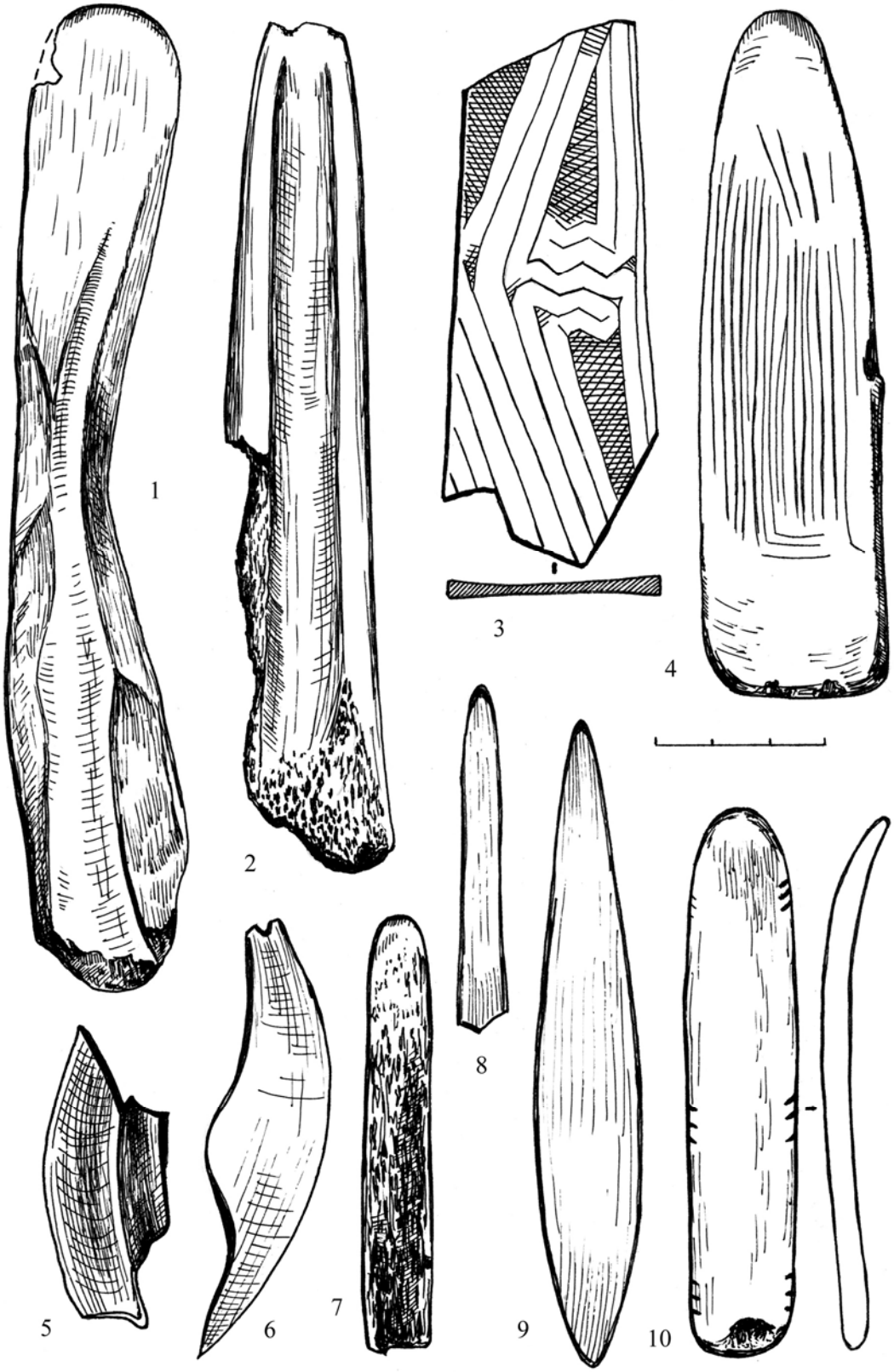

Рис. 64. Варфоломеевка. Орудия керамического производства: лощило *(1)*, шпатели-лощила *(2-4, 10)* и штампы *(5-9)*; *1, 3-5, 8, 10* – средние слои; остальные – нижний слой

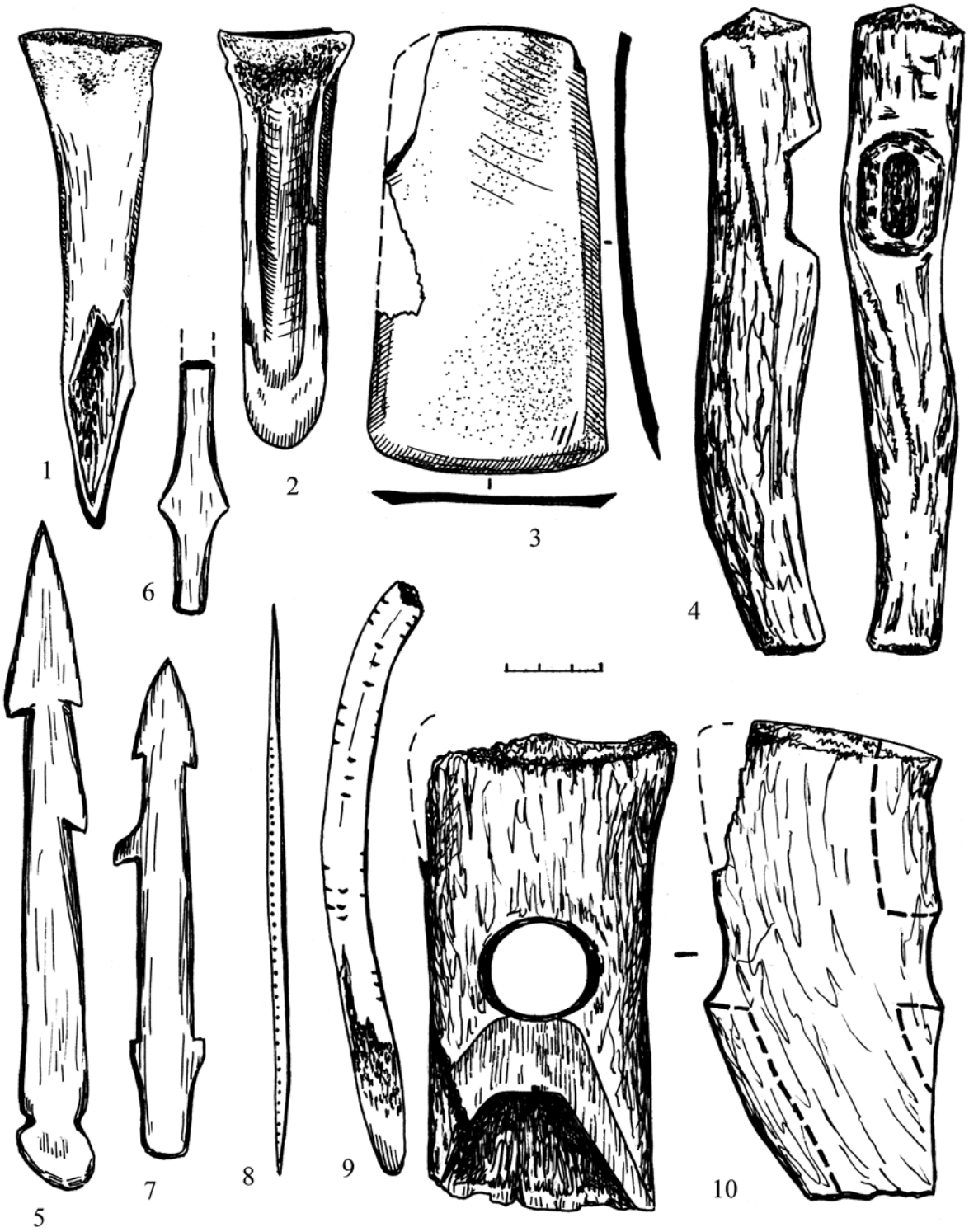

Рис. 65. Варфоломеевка. Землекопные орудия *(1-3, 9),* рукоять *(4)*, гарпуны *(5-7)*, острие *(8)*, муфта *(10)*; *1, 4, 8, 9* – нижний слой, остальные – средние слои

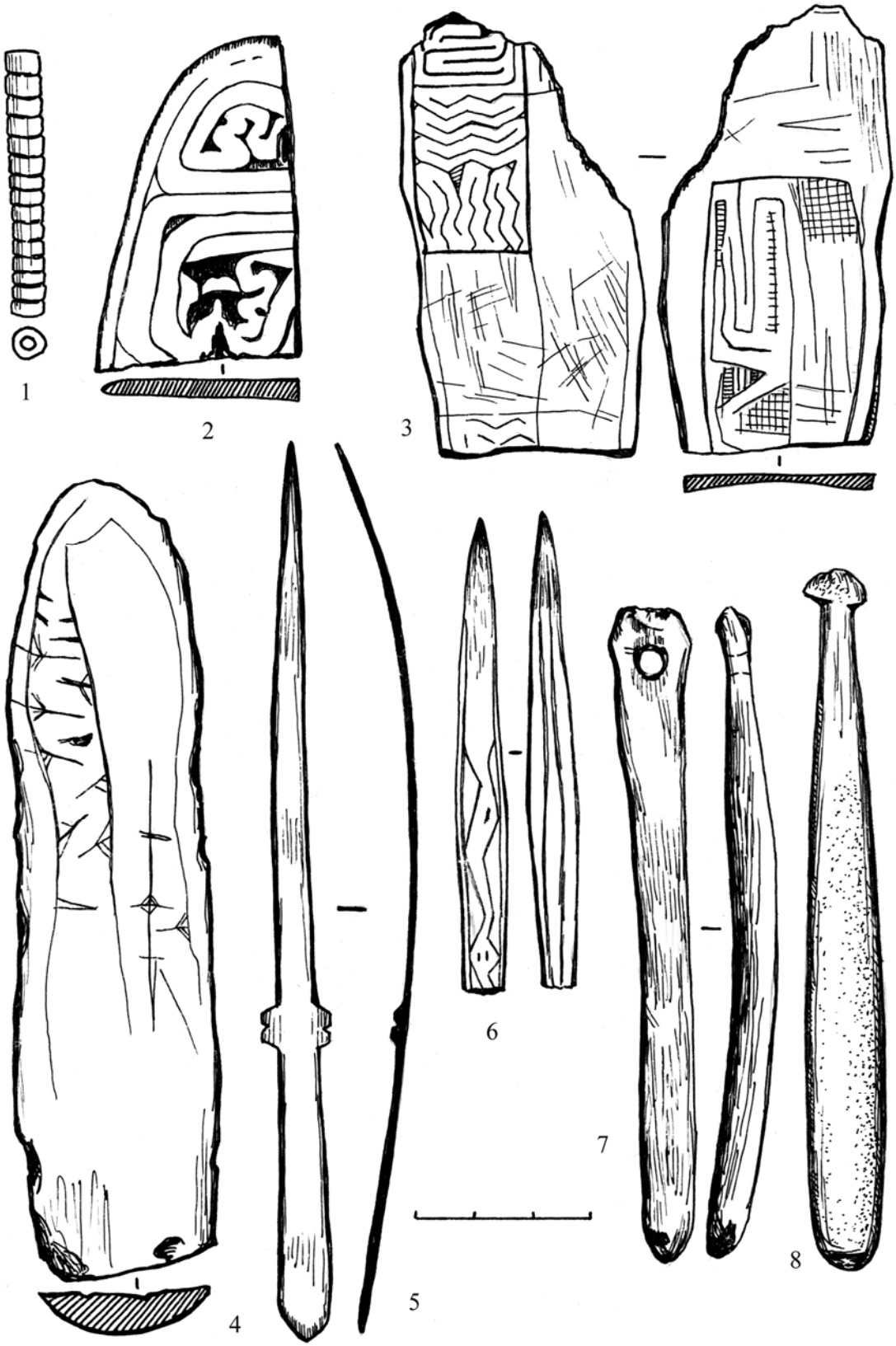

Рис. 66. Варфоломеевка. Пронизка *(1)*, пластины и кость с орнаментом *(2-4)*, поделки *(5, 6)* и подвески *(7, 8)*; *6* – нижний слой, остальные – средние

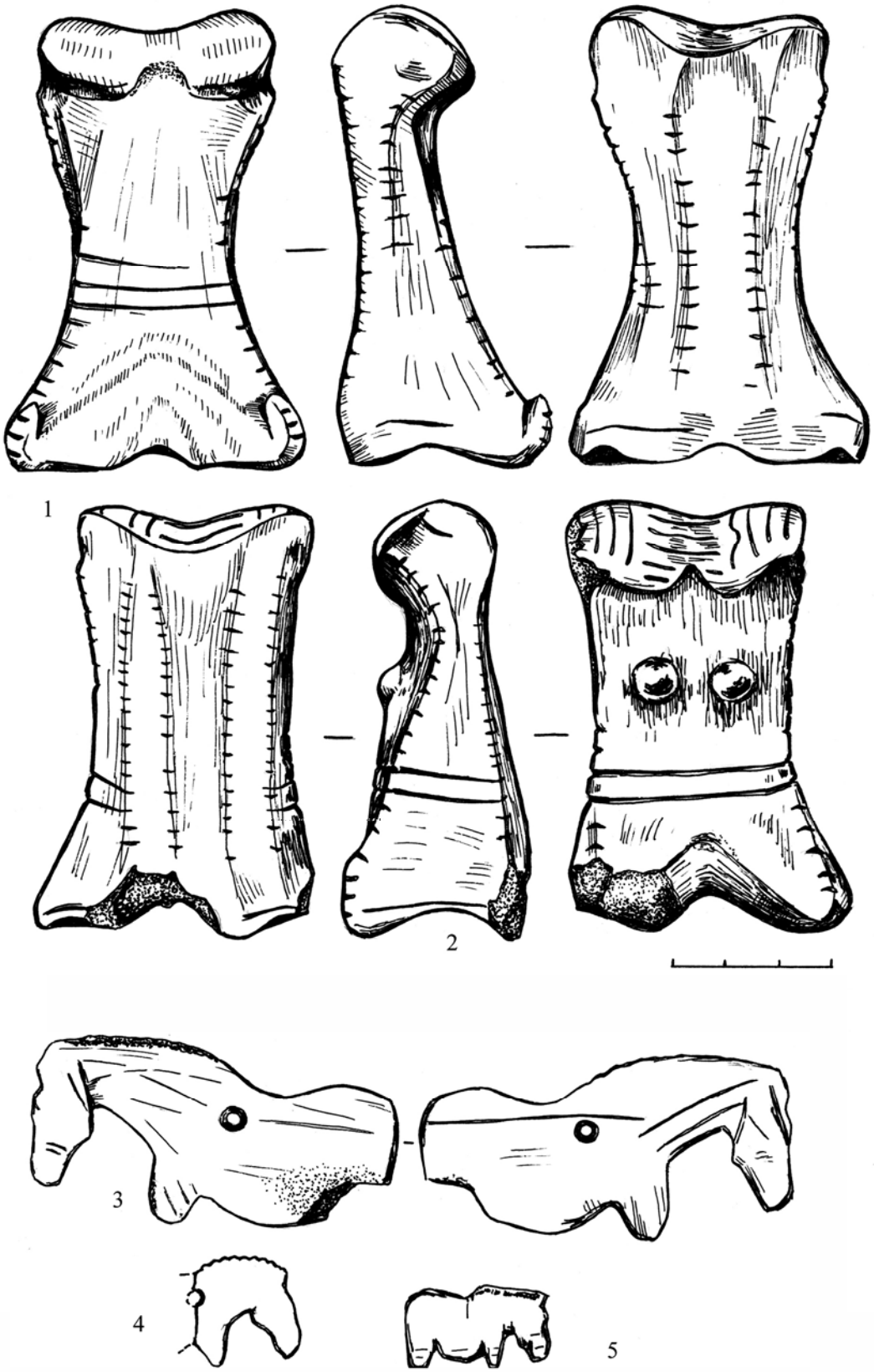

Рис. 67. Варфоломеевка. Антропоморфные статуэтки *(1, 2)* и фигурки лошадей *(3 - 5)*

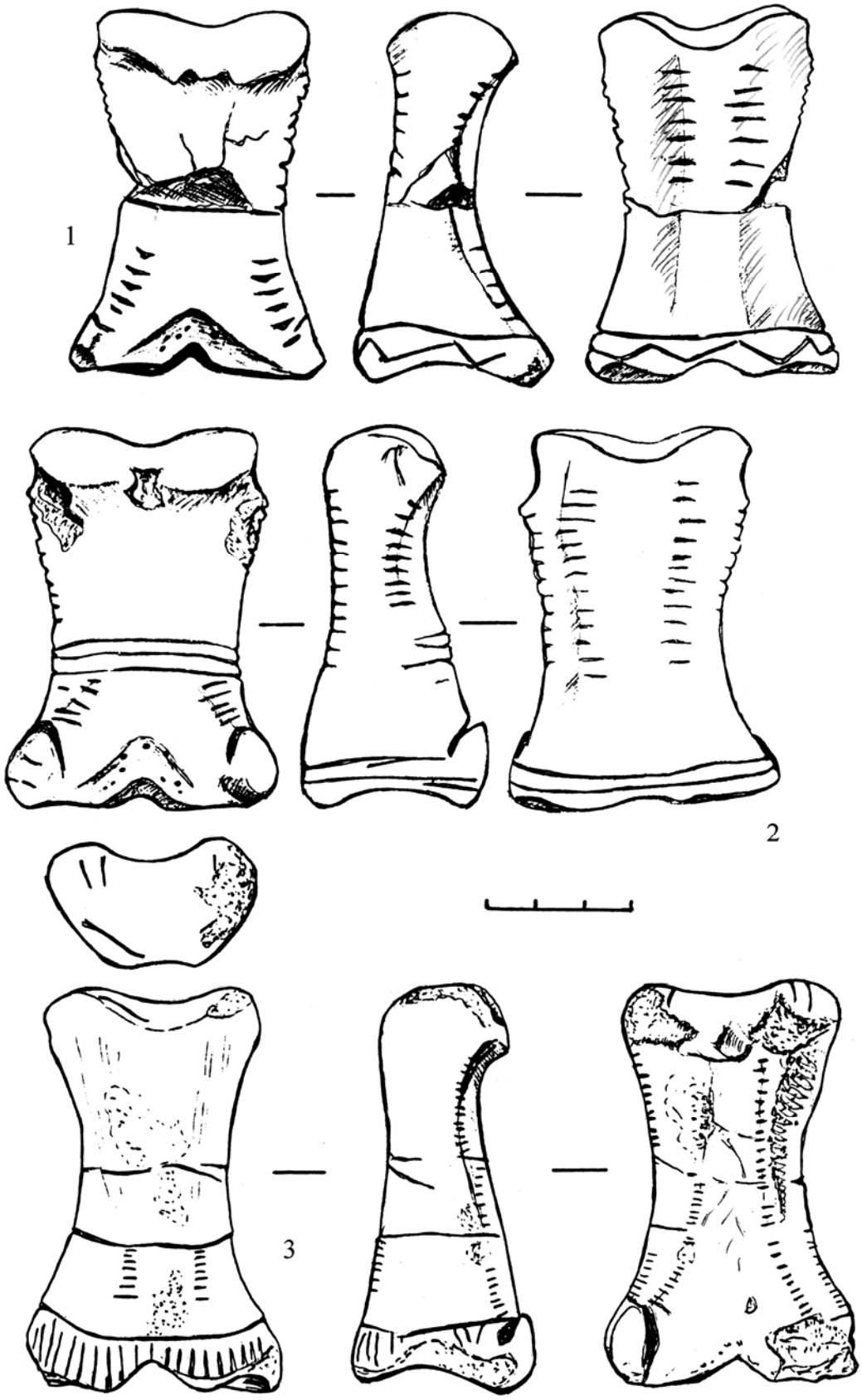

Рис. 68. Варфоломеевка. Антропоморфные статуэтки из путовых костей лошади

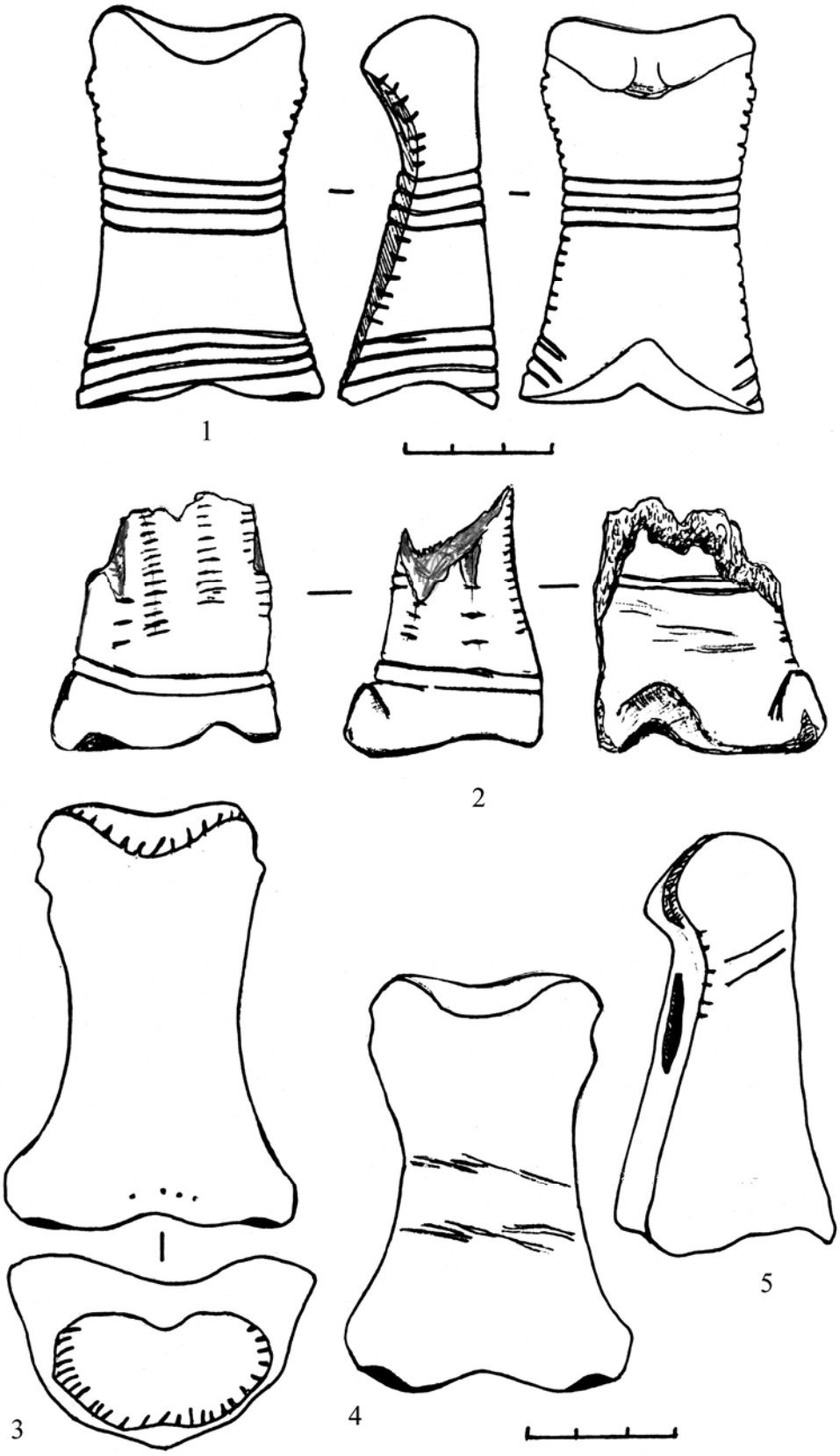

Рис. 69. Варфоломеевка. Антропоморфные статуэтки *(1, 2)* и заготовки для них *(3-5)*

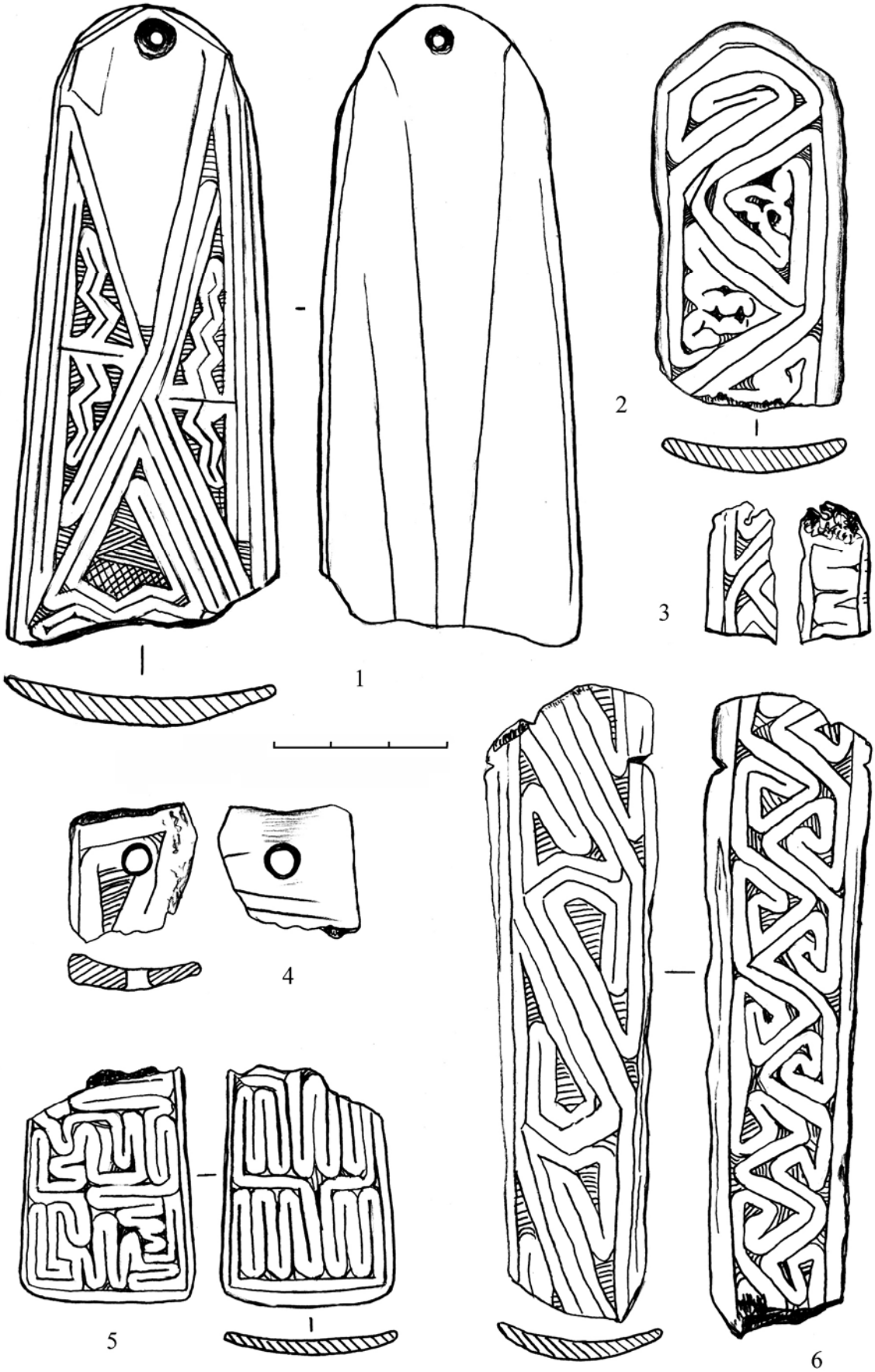

Рис. 70. Варфоломеевка. Костяные подвески и пластины с орнаментом

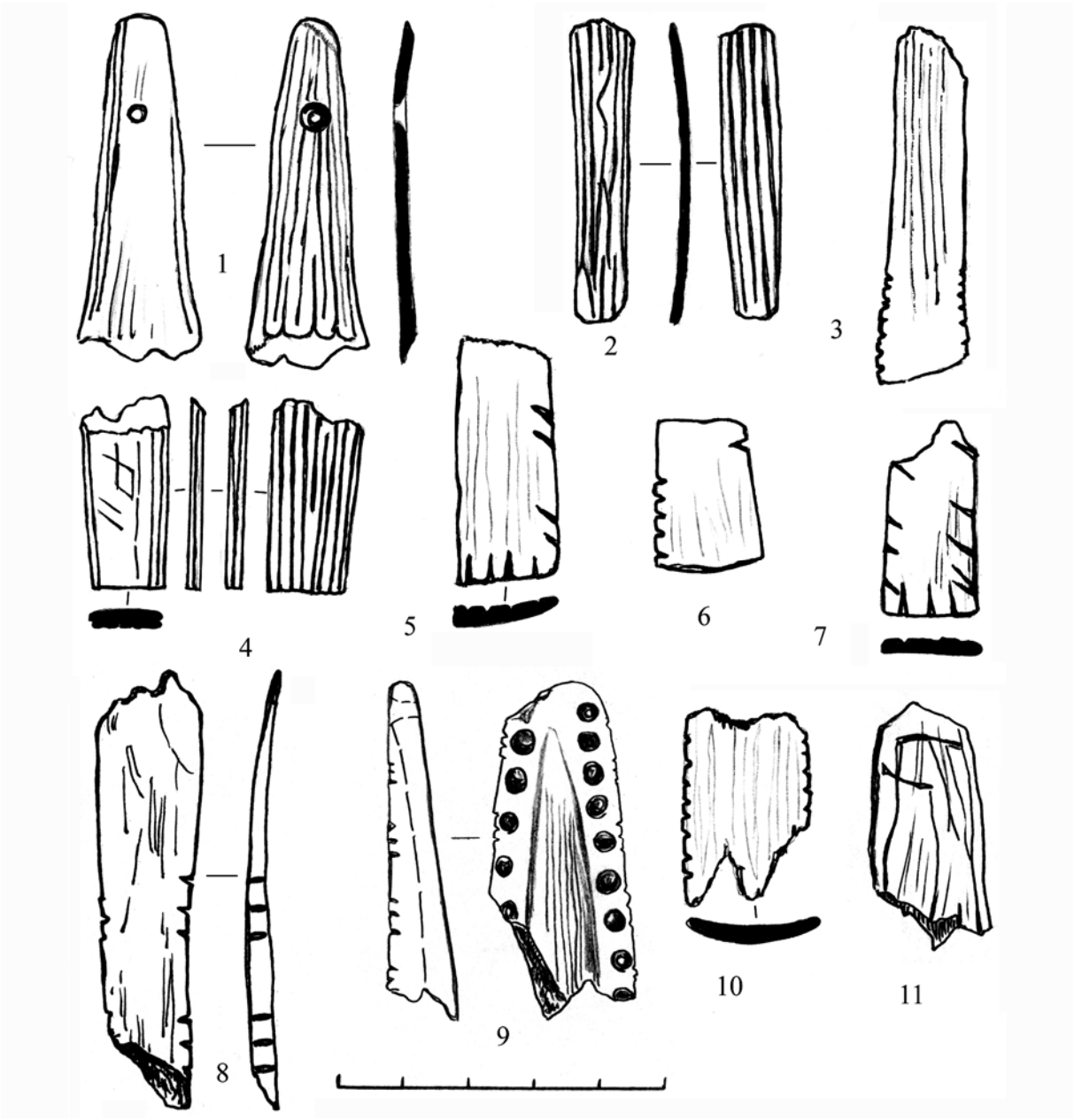

Рис. 71. Костяные подвески, пластины и изделия с орнаментом

и 17,5 см, длина пазов для вкладышей 4 и 5 см; у одной обломанной верхней части оправы длина паза составляла как минимум 7 см. Ширина пазов 5-7 мм (рис. 58, *6-8*). По характерной мягкой залощенности боковых плоскостей предполагается, что оправы с каменными вкладышами являлись ножами для разделки мяса. Это подтверждается наличием на стоянке пластин-вкладышей, функционально определенных как мясные ножи (рис. 45, *2*; 51, *12*). Микросследы на них резко обрываются, что характерно для орудий, закрепленных в оправе.

Близкая по форме оправа имеется на неолитической стоянке Каиршак 3 (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989, с. 41, 43). Некоторые аналогии обнаруживаются с оправами Чохского поселения (Амирханов Х.А., 1987, с. 138-139). Почти идентичные оправы жатвенных ножей известны на поселении Чопан-Депе джейтунской культуры (Массон В.М., 1971, с. 174).

2. *Муфты.* Изготовлены из обрезков рога первобытного быка. Отличаются от разбильников более крупными размерами и удаленным губчатым веществом в роговом канале (рис. 65, *10*).

3. *Рукоятки.* Одна рукоятка изготовлена из обрезка оленьего рога длиной 20 см. В ее верхней части вырезан паз для орудия шириной 3,5 см (рис. 65, *4*). Вторая рукоятка со сквозным отверстием диаметром 6 мм в нижней части и выступом-упором, возможно, является обломком оправы (рис. 58, *9*).

Группа *2*. Украшения и поделки.

1. *Подвески.* К этому типу изделий отнесены предметы с отверстиями или нарезками для подвешивания. Следов микроизноса они не имеют. Это три костяных стержня длиной от 7,5 до 12 см с отверстием (рис. 66, *7*), двумя выступами (рис. 66, *8*) и круговым пропилом, а также зубы животных – лошади, коровы, оленя с отверстиями и круговыми пропилами.

Возможно, подвесками являлись и передние зубы лошади, у которых на внутренней стороне коренной части кремневой пилкой нанесены от 1 до 13 насечек. Найдено свыше сотни таких зубов. В большинстве случаев они залегали в комплексе с аналогичными зубами без насечек и астрагалами мелкого рогатого скота. Общее количество находок иногда достигало нескольких сотен. Не исключено, что насечки имели ритуальный характер.

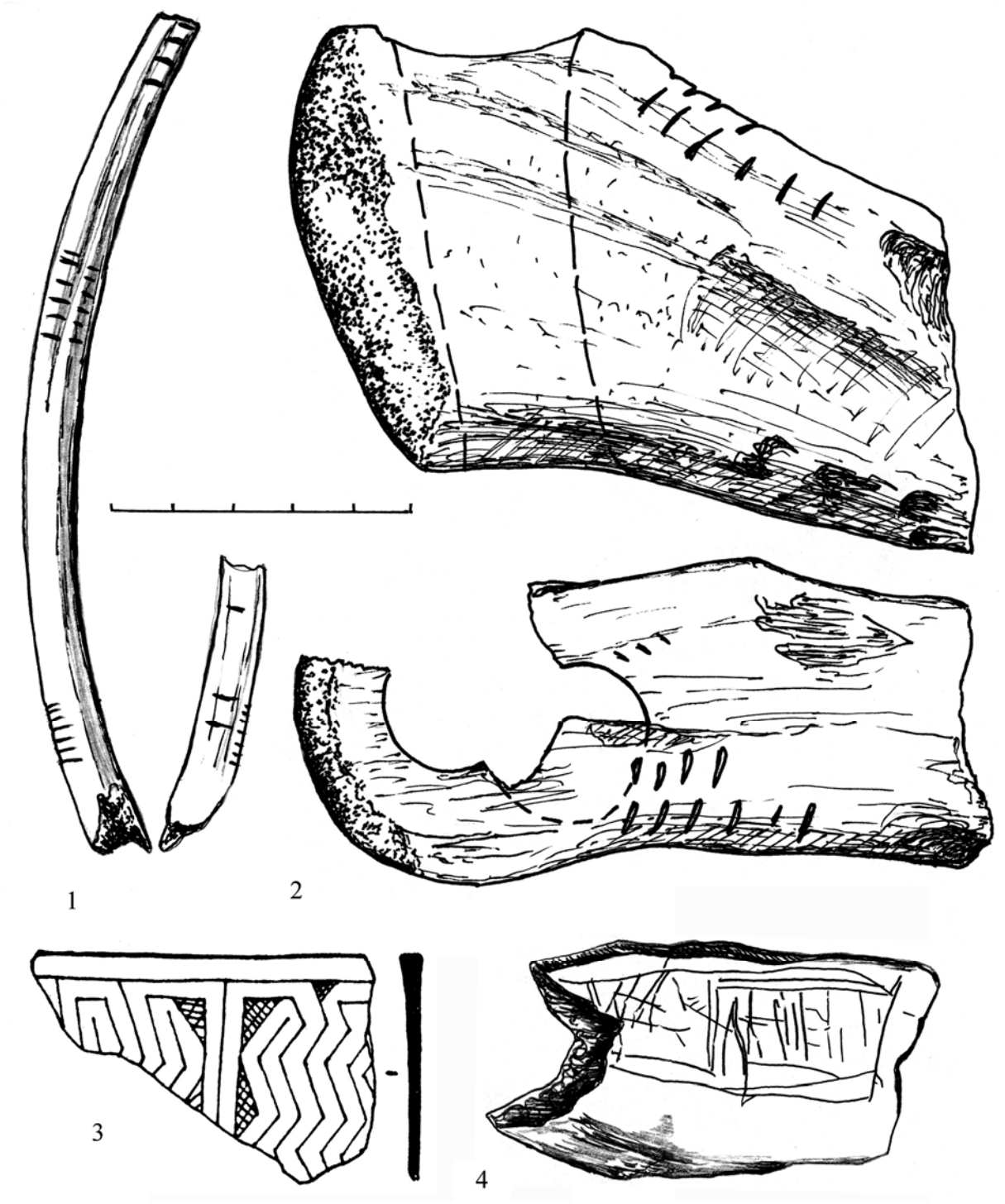

Рис. 72. Варфоломеевка. Костяные изделия с насечками и орнаментом

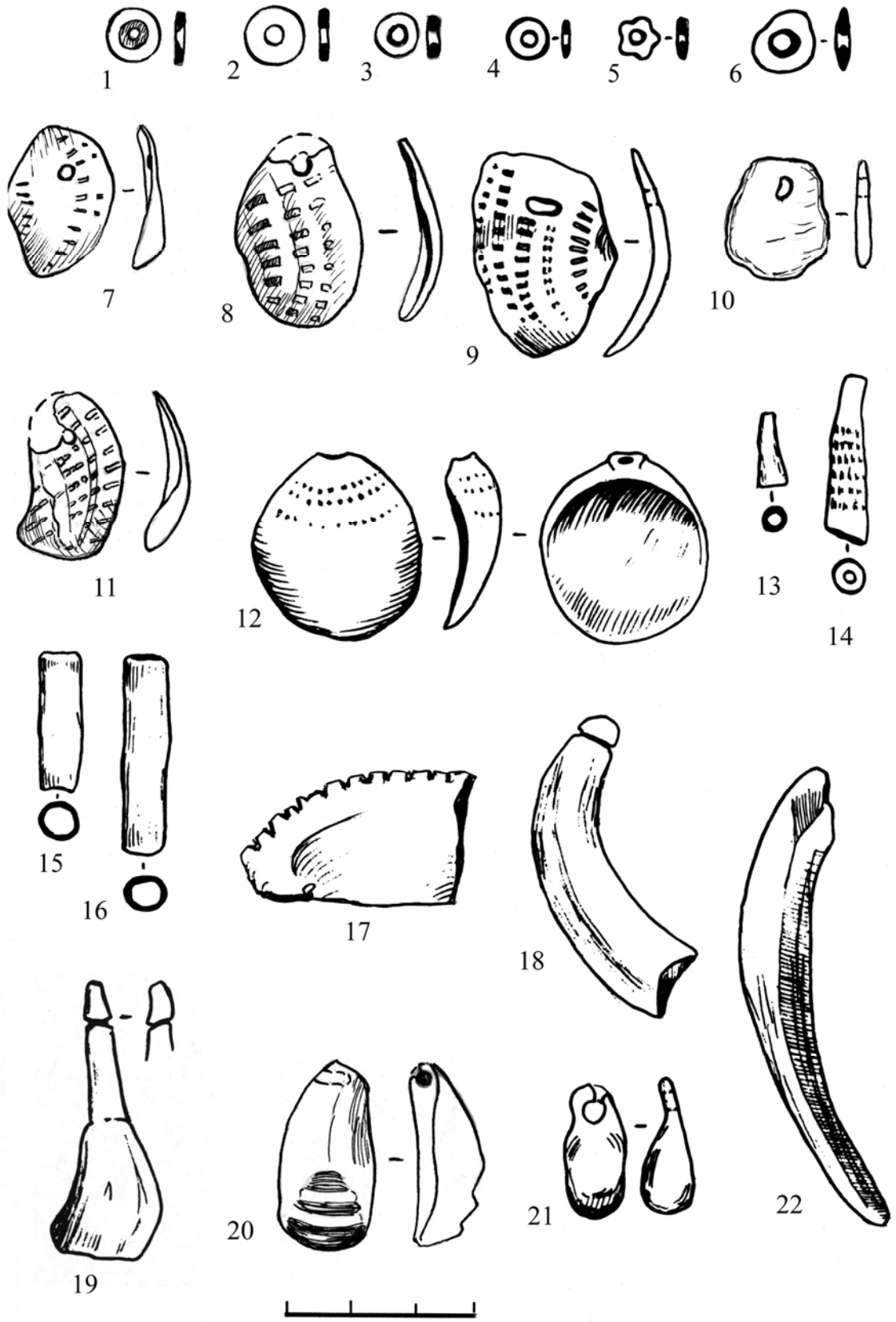

Рис. 73. Варфоломеевка. Украшения из культурного слоя: *1-6* – бусы из раковины Unio; *7-12* – подвески из морских раковин Pectunculus; *13-14* – пронизки из раковин Dentalium; *15-16* – пронизки из костей птицы; *17* – штамп из раковины Unio; *18-21* – подвески из зубов животных; *22* – пластина из клыка кабана

2. *Пронизки.* Для пронизок использовалась тонкая трубчатая кость, по которой делались круговые пропилы, а ненужные концы обламывались. Торцы обрабатывались абразивом, поверхность – скобелем. Длина пронизок от 2,5 до 6 см (рис. 73, *15, 16*). Одна из них украшена 14 круговыми пропилами (рис. 66, *1*).

3. *Пластины с геометрическим орнаментом.* Сложный геометрический орнамент нанесен резцами и резчиками в технике гравировки с обеих сторон (за исключением 1 экз.). Орнаментальные композиции включают меандр, зигзаг, треугольники, сетку, штриховку (рис. 66, *2, 3*). Полностью ни одна пластина не сохранилась. По морфологическим признакам они идентичны шпателям и лощилам по керамике, но следов микроизносов на обломках нет. Одна из пластин очень сильно залощена руками и имеет на одном из концов два пропила по граням (рис. 70, *6*). Вероятно, она использовалась в качестве подвески.

4. *Орнаментированные кости.* Орнамент нанесен на обломки трубчатых костей и фрагменты ребер без предварительной подработки поверхности. Орнамент в отличие от предыдущих изделий примитивен, выполнен грубо и неумело, хотя в некоторых чертах и повторяет орнаментальные элементы на пластинах (рис. 66, *4*; 71, *11*; 72, *4*).

Кости и пластины с орнаментом встречены только в средних слоях.

5. *Пластины с линейным орнаментом*. Представлены обломками узких (0,9-1,9 см) и тонких пластин, изогнутых в продольном сечении. По всей длине пластин, в большинстве случаев на двух сторонах, кремневым резцом выгравировано 5-8 параллельных линий (рис. 61, *1*). На округлом конце одной пластины просверлено отверстие, а в некоторых случаях из этих линий складывается лабиринт (рис. 71, *1-4*). Сильная фрагментированность данных изделий и отсутствие следов микроизноса затрудняет определение их назначения. Фрагмент такой пластины использовался в качестве микроструга для обработки шкур (рис. 60, *2*). Морфологически пластины с линейным орнаментом сопоставимы с верхнепалеолитическими диадемами (Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е., 1950, с. 7-16).

6. *Пластины остроконечные*. В этот тип объединены обломки пластин с приостренными концами на расщепленных ребрах без следов микроизноса. Поверхность их тщательно обработана скобелем и абразивом, одна пластина орнаментирована (рис. 66, *6*). Аналогичные пластины, но со следами микроизноса определены как проколки (рис. 62, *9*) и штампы. Возможно, это обломки поделок, одна из которых сохранилась в целом виде (рис. 66, 5).

7. *Пластины из клыка кабана.* Представлены двумя экземплярами. Поверхность обработана каменными скобелем и абразивом. Плоские пластины повторяют естественную форму клыка (рис. 73, *22*).

Группа 3. Культовые предметы.

1. *Антропоморфные предметы.* К этому типу изделий отнесено 7 путовых костей лошади с орнаментом и обработкой поверхности и 3 заготовки (рис. 67, *1, 2*; 68, *1-3*; 69, *1-5*). Аналогичные находки изредка встречаются на степных нео-энеолитических памятниках, но единого мнения относительно их назначения у исследователей нет (Васильев И.Б. и др., 1980, с. 185; Белановская Т.Д., 1983, с. 158-164; Даниленко Т.А., 1985, с. 145). Серия орнаментированных путовых костей с Варфоломеевской стоянки позволяет по ряду признаков рассматривать их как стилизованные женские статуэтки.

Все путовые кости тщательно обработаны скобелем и абразивом, в результате чего изменена их естественная форма. С поверхности удалены неровности и бугорки, в нескольких случаях абразивом сформована огранка. На четырех метаподиях глубокими пропилами выделены "ножки" (рис. 67, *1*; 68, *2*, *3*; 69, *2*). На одной статуэтке при соскабливании и выравнивании заготовки были оставлены бугорки-груди (рис. 67, *2*). После первичной обработки на поверхность кремневыми пилками наносился орнамент: две-три горизонтальные линии в средней и нижней частях изделия, короткие насечки по естественным и сформованным граням, в одном случае – зигзаг.

2. *Зооморфные предметы*. Представлены тремя фигурками лошади на тонкопластинчатых костях. Все три фигурки выполнены в одной художественной манере: головы лошадей опущены, они имеют короткие ноги и отвислый живот (рис. 67, *3-5*). Ближайшие аналогии обнаруживаются в раннеэнеолитических могильниках Поволжья. Фигурки лошадок из Варфоломеевки отличаются от них отсутствием гравировки мелких деталей и большей стилизацией (Васильев И.Б. и др., 1980, с. 185; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979; Васильев И.Б., 1985, с. 17).

Еще одно орудие не включено в табл. 10 ввиду уникальности. Это продолговатый обломок кости с искусственно созданным зубчатым лезвием, на котором прослежены продольные следы, которые могли появиться только в том случае, если это орудие использовалось для пиления.

Кроме орудий и готовых изделий на Варфоломеевской стоянке найдены заготовки – кости, подвергшиеся начальной стадии обработки, и отходы производства со следами каменных орудий (44 экз.). По этим заготовкам и отходам прослеживаются основные технические приемы обработки кости. На длинной трубчатой кости для удаления суставных головок на всей окружности делался глубокий пропил, приблизительно на две трети толщины надкостицы, и затем часть отламывалась. Оставшиеся неровности обрабатывались абразивом. Плоские кости подчищались скобелем и разделялись на части при помощи резца, которым проводили по намеченному месту несколько раз и

затем отламывали лишнее. Следы резца заметны не только на заготовках, но и на длинных сторонах готовых орудий. Группы и типы орудий, выделенные по функциональным признакам, в нижнем и среднем слоях совпадают почти полностью, а наиболее часто встречаемые – тупики, проколки, штампы есть и в верхнем слое. Функционально устойчивый набор костяных орудий, обслуживавший повседневную жизнь населения, остается неизменным на протяжении всего существования стоянки. Нет существенных различий между орудиями из разных слоев и в том случае, если их сравнивать по морфологическим признакам.

Несколько иная картина наблюдается при анализе послойного залегания предметов культа и украшений. Только 5 фрагментов пластин, подвеска и пронизка происходят из нижнего слоя, остальные предметы обнаружены выше. Предметы из горизонта 2 А обнаруживают сходство с раннеэнеолитическими материалами региона (фигурки лошадей, различные подвески).

На неолитических стоянках Нижнего Поволжья и сопредельных территорий неизвестны аналогичные коллекции костяных орудий и изделий. Но отдельные категории, как было показано выше, часто встречаются на неолитических памятниках. Это предполагает примерно одинаковый уровень развития производства по обработке кости, что позволяет использовать находки на Варфоломеевской стоянке в качестве эталонов.

5. Эволюция культурного комплекса стоянки. Исследования однослойного участка

Рассмотренный выше материал из четырех литологических слоев Варфоломеевской стоянки, несомненно, обладает рядом общих черт, что позволяет относить его к одной неолитической культуре. Общие черты прослеживаются во всех категориях инвентаря на протяжении всего существования стоянки.

Керамика имеет примесь толченой раковины в тесте глины, обжиг неравномерный, орнамент наносился прочерком и наколом. На каждом этапе сохраняются четыре основные формы сосудов: прямостенные с широким открытым устьем, с прикрытым устьем, слабопрофилированные и чашевидные. Большая часть орнаментальных композиций, отмеченных в нижнем слое, продолжает встречаться на последующих этапах функционирования стоянки.

Техника обработки камня также не претерпевает принципиальных изменений на разных этапах. Орудия микролитичны, преобладает пластинчатая техника расщепления, основное сырье – галечный кремень темных и серых тонов и полосчатый желвачный кремень. Вторичная обработка орудий производилась по спинке и очень редко – с брюшка. Полностью отсутствуют орудия со сплошной двусторонней обработкой.

Для всего времени функционирования стоянки характерно широкое применение костяных орудий, функциональный набор которых остается неизменным.

Несмотря на фрагментарность данных о жилищах, можно отметить, что полы всегда посыпались красной охрой, все жилища – полуземляночного типа, у всех вдоль стен устраивались глубокие хозяйственные ямы; нет разницы и в устройстве очагов.

Одновременно прослеживаются и изменения, происходящие в развитии материального комплекса, что дает основание соотносить литологические горизонты с хронологическими этапами орловской неолитической культуры.

Все различия, зафиксированные в развитии керамического комплекса, были указаны при описании керамики по слоям, поэтому отметим наиболее существенные. В первую очередь, это изменения в технике нанесения орнамента. Постепенно уменьшается доля прочерченной керамики (33 % в нижнем слое, 29 % в слое 2 Б и 12 % в слое 2 А) и увеличивается количество сосудов, орнаментированных наколом различной формы. В слое 2 А появляется жемчужный орнамент (рис. 37, *6, 7, 9*; 38, *2*), а в верхнем слое четыре сосуда украшены гребенчатым штампом (рис. 43, *2-4*). На 12% керамики верхнего слоя отмечен элемент орнамента в виде волнистой линии (рис. 41, *2*; 42, *5, 7*), часто встречаемый уже в энеолите.

Во-вторых, происходят определенные изменения формы сосудов. Основу комплекса составляет керамика второй группы (с прикрытым устьем). В слое 2 Б в этой группе керамики у 7 % сосудов на внутренней стороне венчика появляется наплыв, очень часто орнаментированный (рис. 14, *2*; 15, *2, 3*; 16, *4, 5*). В слое 2 А во второй группе таких сосудов уже 32 % (рис. 29; 30). Кроме того, фрагмент венчика одного сосуда имеет наплыв по внутренней стороне и воротничковое оформление – по внешней (рис. 31, *7*). В верхнем слое количество сосудов с наплывом уменьшается, иногда от него остается только орнамент на внутренней стороне венчика (рис. 42, *1*), но появляются сосуды с воротничками (рис. 43, *1-3*). В верхнем же слое до 24 % увеличивается количество профилированной керамики, тогда как в нижних слоях такая керамика составляла 5-12 %.

Изменения в комплексе каменных орудий наиболее ярко видны на геометрических микролитах. В нижнем слое обнаружены сегменты и трапеции. В слое 2 Б – сегменты и трапеции со струган-

ной спинкой. В слое 2 А – только трапеции со струганной спинкой, причем на части из них появляется дополнительная подработка по боковым сторонам. В верхнем слое также увеличиваются размеры трапеций со струганной спинкой. Заметно некоторое увеличение и остальных категорий орудий и пластин от нижнего слоя к верхнему. Начинается постепенная переориентация в выборе каменного сырья: в верхнем слое орудия из кварцита составляют 15 %, тогда как в остальных – не более 2-3 %. Таким образом, можно констатировать, что четыре литологических слоя Варфоломеевской стоянки отражают последовательное развитие одной культуры при сохранении основных культуроопределяющих признаков на всем протяжении ее существования, а все отмеченные изменения носят хронологический характер.

***

Для уточнения выводов о хронологических периодах Варфоломеевской стоянки в 1996 году были продолжены охранные раскопки на однослойном участке. Раскоп был разбит вдоль берега Варфоломеевского водохранилища, на юго-западной окраине стоянки. Предыдущими исследованиями установлено, что на этом участке памятника залегает только слой 2 А.

Как уже было показано, слой 2 А относится к периоду максимальной хозяйственной активности на стоянке и по площади распространения значительно превышает напластования более раннего и позднейшего времени. С этим слоем связаны наиболее выразительные находки на стоянке, доминируют они и по количеству на единицу площади по сравнению с другими горизонтами.

В 1996 году исследовалась узкая полоса культурного слоя (шириной не более 1,55 м и длиной 17,4 м), примыкавшая к западному борту раскопа 1987-90 гг. С южной стороны эта полоса культурного слоя периодически подвергалась размыву во время весенних половодий, а с северной стороны часть стоянки уничтожена небольшим карьером.

Культурный слой залегает сразу под дерном и представляет из себя темно-серый сильно гумусированный суглинок с обильными включениями обломков костей животных. Толщина слоя колеблется от 0,8 до 0,3 м на разных участках раскопа без учета глубины хозяйственных ям. Окраска слоя по вертикали равномерная, количество находок увеличивается ближе ко дну. Контакт с подстилающей его материковой глиной – четкий. По дну жилищных западин культурный слой отделялся от материковой глины тонкими прослойками красной охры. Заполнения хозяйственных ям по цвету не отличались от культурного слоя. Стратиграфическая картина одинакова по всей длине раскопа. В заполнениях хозяйственных ям отмечена наибольшая насыщенность находками. В крупных ямах находки концентрировались вдоль стенок, в остальных – равномерно распределялись по всей площади и глубине. Наибольшее количество находок представлено мелкими и крупными костями животных. Также найдены фрагменты керамики, каменные отщепы, пластины, орудия и изделия из кости, древесные угольки и мелкие кальцинированные кости животных. Следует отметить, что ни одну из ям нельзя отнести к очагам, которые часто встречались при предыдущих раскопках.

На исследованном участке зафиксированы остатки двух котлованов полуземлянок. В квадратах 97-98 зачищено дно жилища, восточная часть которого исследовалась в 1990 году. По дну в небольшом количестве сохранилась красная охра, которой обычно посыпались полы. Прослежена почти вертикальная стенка котлована по направлению север-юг. Высота стенки относительно дна 0,5 м. Под стенкой котлована устроена крупная хозяйственная яма глубиной около 0,9 м от уровня пола землянки. Она сохранилась полностью, имела сильно вытянутую подовальную форму и следующие размеры: длина 2,6 м, ширина 0,8-1,2 м. Три стенки ямы отвесные, четвертая (северо-восточная) – слегка расширяется ко дну.

Материковый останец в квадратах 99-100 отделяет вышеописанный котлован от другого жилища. Восточная стенка этой полуземлянки более пологая, а западная в раскоп не попала. По дну также прослеживаются следы посыпки красной охрой. Зачищены остатки нескольких хозяйственных ям различных размеров. Ямы имеют плоское или округлое дно, полностью в пределы раскопа не попадают. Яма на границе квадратов 102-103 в разрезе имела округлую форму – стенки ее сильно расширялись в средней части. В западном направлении дно котлована постепенно повышалось, а в кв. 104 отмечено понижение в виде ступеньки высотой 0,14 м. Под этой ступенькой также зачищены две небольшие хозяйственные ямы. На полу жилищ кроме охры встречались мелкие древесные угольки и кальцинированные кости.

В целом элементы конструкции жилых построек не отличались от исследованных здесь ранее.

Наблюдения за планиграфией и стратиграфией в процессе раскопок позволяют сделать вывод, что слой относится к одному периоду существования памятника и не расчленяется по вертикали. Об этом говорят характер распространения находок, количество которых равномерно возрастает сверху вниз, достигая максимального количества в нижних пластах и заполнениях ям; качественный состав артефактов, относящихся к периоду 2 А стоянки.

Керамика. В процессе раскопок в культурном слое было обнаружено свыше 150 фрагментов керамики – венчиков, боковин, донных частей. С

полной уверенностью можно говорить, что они принадлежат как минимум 27 сосудам. Из них 25 определены по крупным фрагментам венчиков и 2 – по боковинам с характерным, не встреченным на венчиках, орнаментом. Вся керамика по форме (насколько это устанавливается по венчикам) распределяется на три основные группы.

1. Прямостенные банки с открытым устьем (рис. 74, *1, 16, 28, 30*).

2. Банки с прикрытым устьем (рис. 74, *2, 4, 14, 29*). Сюда же включены сосуды подгруппы 2 Н – сосуды с массивным внутренним наплывом по венчику, являющиеся наиболее ярким признаком поздненеолитического слоя 2 А на стоянке (рис. 74, *3, 12, 21, 22, 27*). Некоторые венчики слегка отогнуты наружу, что придает сосудам слабую профилированность (рис. 74, *15*).

3. Профилированные сосуды (рис. 74, *9, 20*). Профилировка незначительна, за исключением одного сосуда с волнистым срезом венчика, украшенного оттисками крупного подовального накола (рис. 74, *11*).

Встречаются волнистые венчики или украшенные по срезу крупными наколами (рис. 74, *15, 19, 20, 23*). Найдено несколько фрагментов плоских и плосковыпуклых днищ (рис. 74, *5-7*).

Количественное распределение сосудов по группам представлено в табл. 11.

Подавляющее большинство керамики орнаментировано в технике отступающего накола, всего 2 сосуда украшено прочерком (рис. 74, *1, 14*) и 2 сосуда – сочетанием накола и прочерка (рис. 74, *8, 17*). Чаще всего встречаются композиции, состоящие из горизонтальных линий, зигзагов или сочетающие их (рис. 74, *8, 16, 23, 28*) . К этим двум композициям могут быть добавлены отдельные наколы или строчки разреженных наколов. Остальные орнаментальные композиции, включающие зигзаги, шевроны, елочку и прямоугольники, представлены на 1-м-2-х сосудах (рис. 74, *9, 18, 19, 29*). На 9 сосудах орнамент включает крупные треугольные или подовальные наколы (рис. 74, *9, 11, 12, 16, 17, 23*). Выполнение орнаментов в такой технике или включение этих наколов в качестве дополнения к основной композиции получают наибольшее распространение именно в слое 2 А.

Тесто глины всей керамики содержит примесь толченой раковины, обычно весьма значительную. Обжиг костровой, неравномерный. Цвет поверхности сосудов от черного до светло-коричневого.

Из фрагмента одного массивного венчика с внутренним наплывом пытались изготовить пряслице. Края фрагмента обломаны, ему придана округлая форма, с обеих сторон начато сверление (рис. 74, *27*).

Орудия и изделия из камня. Коллекция каменных предметов представлена 409 экз. Для расщепления обычно использовался кремень, из светло-серого кварцита встречено всего 4 предмета. Кремень преимущественно галечный, серых оттенков. Изредка встречается молочно-белый и полосчатый, а также раскристаллизованные породы типа яшмы. Последние имеют более разнообразную окраску в желтых и коричневых тонах. Камень расходовался очень экономно, на значительной части орудий сохранилась желвачная корка, многие орудия несут следы вторичного использования.

Распределение находок по категориям показано в табл. 12.

Нуклеус для снятия пластин. Представлен всего одним экземпляром. Конический, однопрямоплощадочный, скалывание производилось с трех сторон. Полностью сработан, высота 1,8 см. По краю площадки хорошо заметны следы вторичного использования, вероятно, в качестве скребка (рис. 75, *1*).

Нуклевидные обломки и сколы от пластинчатых нуклеусов. Имеют остатки желвачной корки и три-четыре негатива скалывания. На одном обломке мелкой ретушью оформлено несколько скоблевидных выемок (рис. 75, *13*). Найден продольный скол нуклеуса с сохранившимся дистальным концом, на котором выполнено скребковое лезвие (рис. 75, *60*).

Ножевидные пластины. Обнаружены по большей части проксимальные и дистальные сечения пластин. Целых ножевидных пластин найдено всего несколько экземпляров. Они отличаются небольшими размерами и сильной продольной изогнутостью (рис. 75, *2*). Пластин правильной призматической огранки немного. Некоторые сечения имеют трапециевидную форму (рис. 75, *22*) и, возможно, использовались без вторичной обработки. Ширина пластин колеблется в пределах 5 - 24 мм, преобладают сечения шириной 14-17 мм (рис. 75, *3, 39, 55*).

Отходы производства представлены отщепами, чешуйками, сколами различных размеров. Трасологические определения, выполненные В.В.Килейниковым (Воронежский гос. пед. ун-т) на материалах предыдущих раскопок, показали использование значительного процента отщепов без вторичной обработки в качестве орудий (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993, с. 82).

Трапеции со струганной спинкой. Представлены высокими и средневысокими формами (рис. 75, *18, 21, 27-33*). Пологая сострогивающая ретушь покрывает от половины до двух третей площади спинки, а в двух случаях – почти полностью (рис. 75, *27, 31*). Две трапеции имеют дополнительную подработку по одному из торцов. Верхние и нижние основания трапеций имеют следы сработанности в виде мелкой краевой ретуши со стороны спинки и реже – с брюшка.

Сегменты низкой формы (рис. 75, *17, 20, 43*). Обработаны притупляющей ретушью со спинки и встречной ретушью со спинки и брюшка. На одном сохранились остатки желвачной корки

(рис.75, *17*), а еще один выполнен на отщепе (рис. 75, *20*).

Ножевидные пластины с ретушью. По своим технико-типологическим характеристикам соответствуют пластинам без вторичной обработки, но в отличие от них представлены медиальными сечениями или, реже, имеют обломанный дистальный конец (рис. 75, *25, 26, 38*). Притупляющая ретушь чаще наносилась со стороны спинки (рис. 75, *41, 46*, *62*), иногда с брюшка (рис. 75, *63*). Если ретушь наносилась и с брюшка и со спинки, то всегда на противолежащих сторонах (рис. 75, *4, 40, 61*). Часть медиальных сечений имеет трапециевидную форму, а характер ретуши на основаниях аналогичен ретуши на трапециях со струганной спинкой (рис. 75, *19, 34-37*). Возможно, трапеции и сечения выполняли одинаковые функции. Из одной ножевидной пластины изготовлено долотовидное орудие с прямоусеченным рабочим концом и двусторонней приостряющей ретушью (рис. 75, *9*). Несколько пластин с удаленными дистальными концами и регулярной ретушью по граням типологически можно отнести к ножам.

Концевые скребки на пластинах. Изготовлены на коротких медиальных сечениях и имеют округлую форму лезвия (рис. 75, *24, 49*), большая часть имеет притупляющую ретушь по одной или двум граням (рис. 75, *7, 8*).

Скребки на укороченных пластинах. Одна из наиболее часто встречаемых и типологически устойчивых категорий орудий стоянки. Выполнены на массивных в сечении пластинах различной длины. У всех скребков сохранен проксимальный конец заготовки с ударным бугорком, а рабочее лезвие (округлое или слегка скошенное) выполнено на месте усеченного дистального конца (рис. 75, *5, 6, 10-12, 14, 16, 23*). Встречаются экземпляры с подработкой граней притупляющей ретушью.

Скребки на отщепах типологически разнообразны и не составляют устойчивых серий. Скребковое лезвие может быть выполнено на отщепах любой толщины, размеров и формы. Многие имеют остатки желвачной корки (рис. 75, *15, 48, 50-53, 57*).

Отщепы с ретушью имеют различную форму и размеры, на острых гранях нанесена нерегулярная ретушь или наблюдается ретушь, образовавшаяся в процессе работы.

Скобели. К этой категории отнесены отщепы и сечения пластин с ярко выраженными скоблевидными выемками (рис. 75, *6*).

Резцы. Достаточно условная категория орудий, если их выделять без предварительного трасологического анализа. Возможно, к ним относятся три сечения пластин с “резцовыми“ сколами (рис. 75, *42, 44, 45*).

Абразивы. Небольшие плоские плитки округлой формы из крупнозернистого, мягкого песчаника красновато-коричневого цвета.

Отбойник – обломок кремневой гальки со следами забитости на округлом конце.

Утюжок. Единственное шлифованное орудие в раскопе 1996 года. Полированный обломок утюжка изготовлен из плотной темно-серой породы с мелкозернистой примесью, дающей металлический блеск. Нижняя часть утюжка плоская, на округлой поверхности и боковой грани сохранились два полукруглых желобка шириной 12-14 мм. В центральной части поверхности, перпендикулярно желобку проточены две параллельные бороздки (рис. 76, *4*).

Рыболовное *грузило.* Изготовлено из песчаника красновато-коричневого цвета. Имеет подпрямоугольную форму (8 х 4 х 4,5 см) и скругленные углы. В средней части предмета по всему периметру выточена полукруглая в профиле бороздка шириной 1,2 - 1,5 см.

Из каменных орудий, найденных на прибрежном участке размытого культурного слоя, заслуживают упоминания два миниатюрных (высота 2,7 и 1,8 см) шлифованных тесла трапециевидной формы из плотной раскристаллизированной породы темно-серого цвета с коричневым и зеленоватым оттенками (рис. 76, *2, 6*). Здесь же был найден обломок абразивного орудия из красно-коричневого песчаника. Орудие имеет округлый конец и подовальную форму в поперечном сечении (рис. 76, *5*).

Орудия и изделия из кости. Всего в культурном слое найдено 37 костяных предметов, еще 15 собрано на участке размытого культурного слоя. Категории костяных предметов представлены в табл. 13.

Шпатели для формовки керамики. Одно, почти полностью сохранившееся, орудие изготовлено из крупного расщепленного ребра животного. Предмет слегка изогнут в продольном направлении, повторяя естественную изогнутость кости, имеет округлые концы. Более широкий рабочий конец приострён и имеет явные следы сработанности. На другом конце высверлено отверстие. Обе поверхности орудия тщательно заполированы, а на слегка выпуклой лицевой нанесен орнамент в виде сложного лабиринта, разделенного по всей длине предмета зигзагом. Отдельные участки заполнены штриховкой (рис. 77, *3*). Длина предмета 17 см, максимальная ширина 3 см.

Второй костяной предмет с орнаментом найден в обломках в заполнении самой крупной хозяйственной ямы в кв. 98. Часть предмета утрачена. Изготовлен из лопаточной кости животного. Имеет форму длинной лопаточки с расширяющимся рабочим концом, срезанным под углом. Одна плоскость орудия обработана скобелем, резцом прочерчено несколько параллельных линий. Вторая (лицевая) плоскость обработана более активно, почти по всей поверхности хорошо видны глубокие следы от зачистки скобелем, особенно в

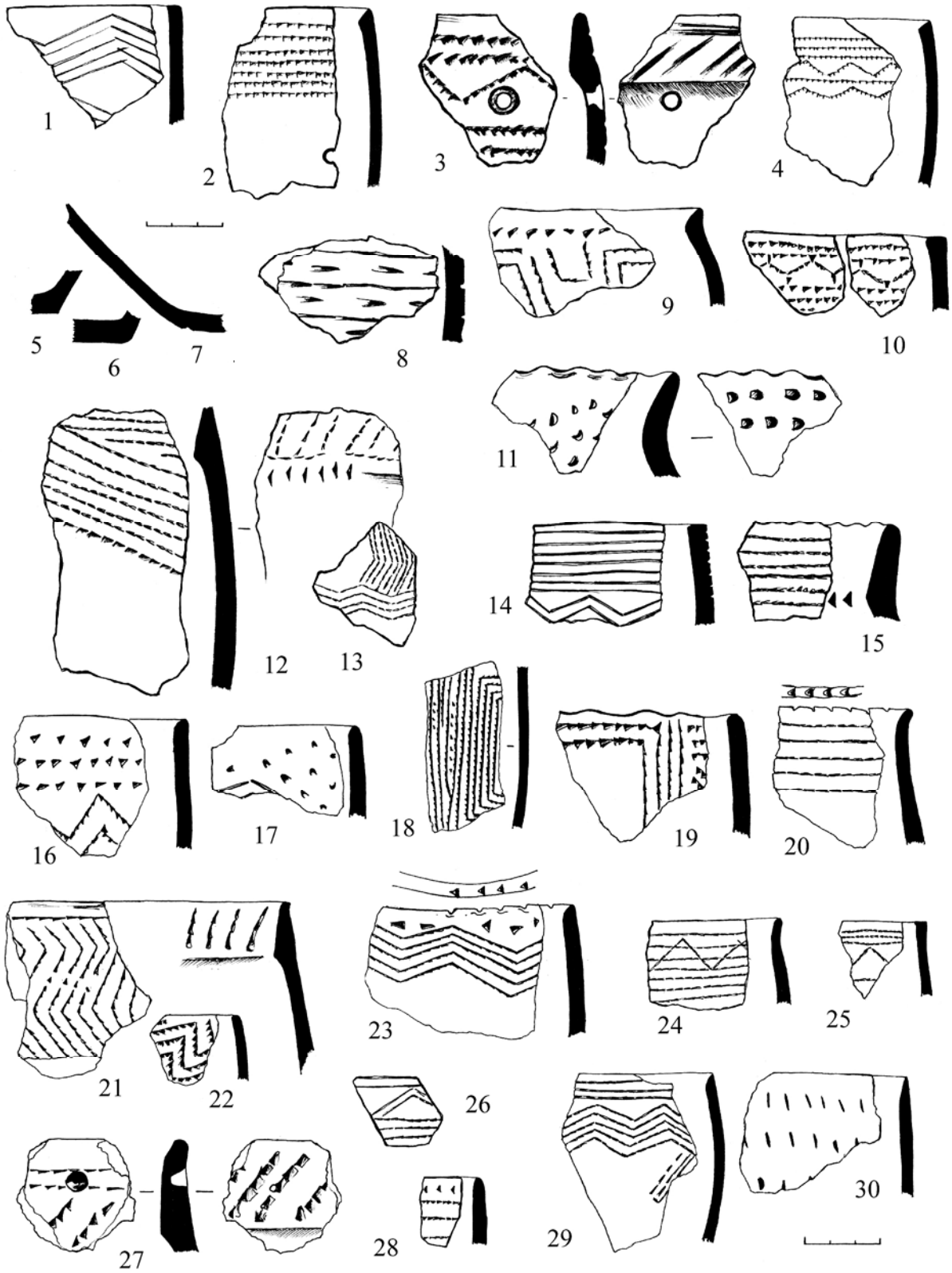

Рис. 74. Варфоломеевка. Поздненеолитическая керамика с однослойного участка

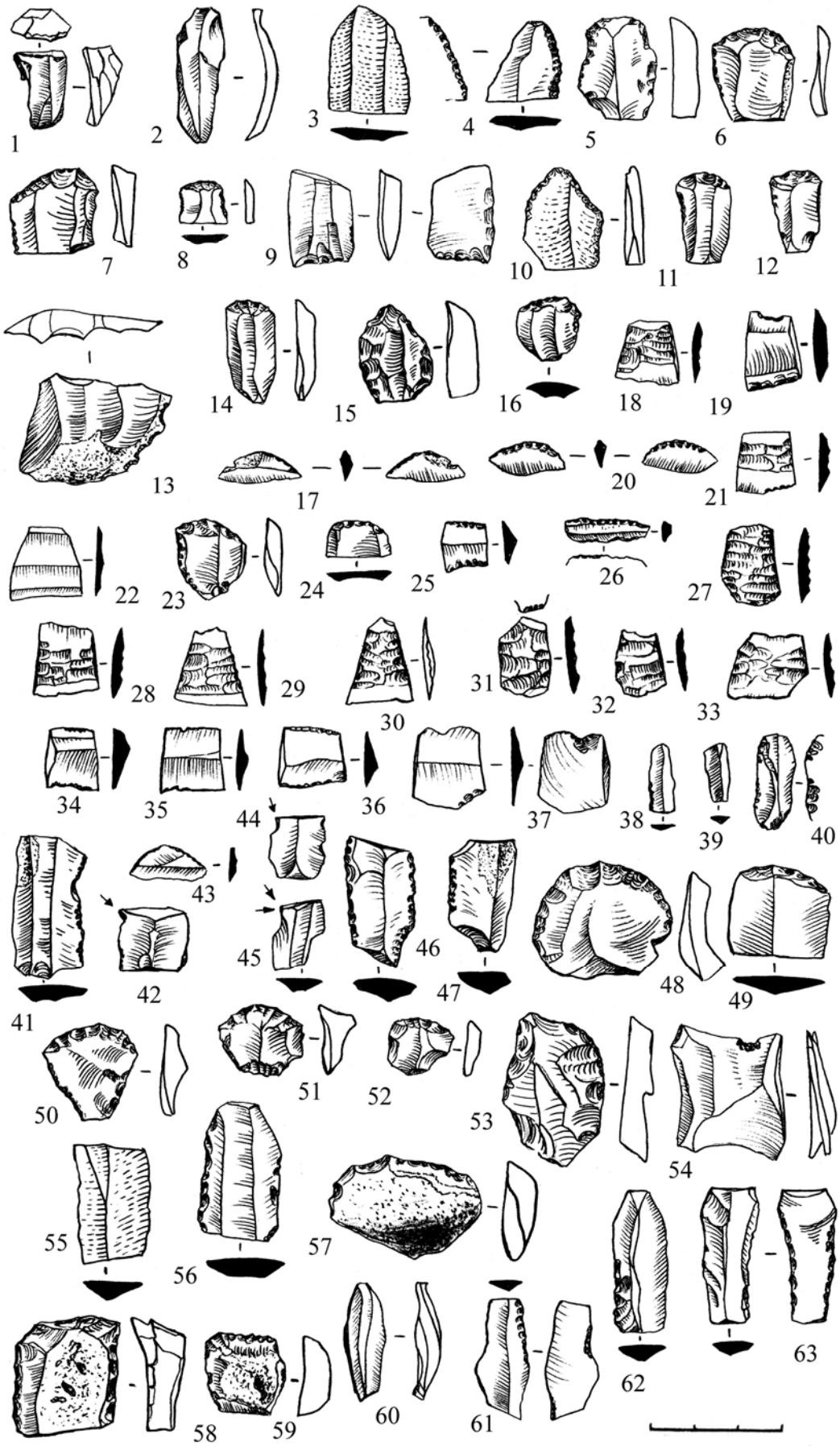

Рис. 75. Варфоломеевка. Поздненеолитические изделия из камня с однослойного участка

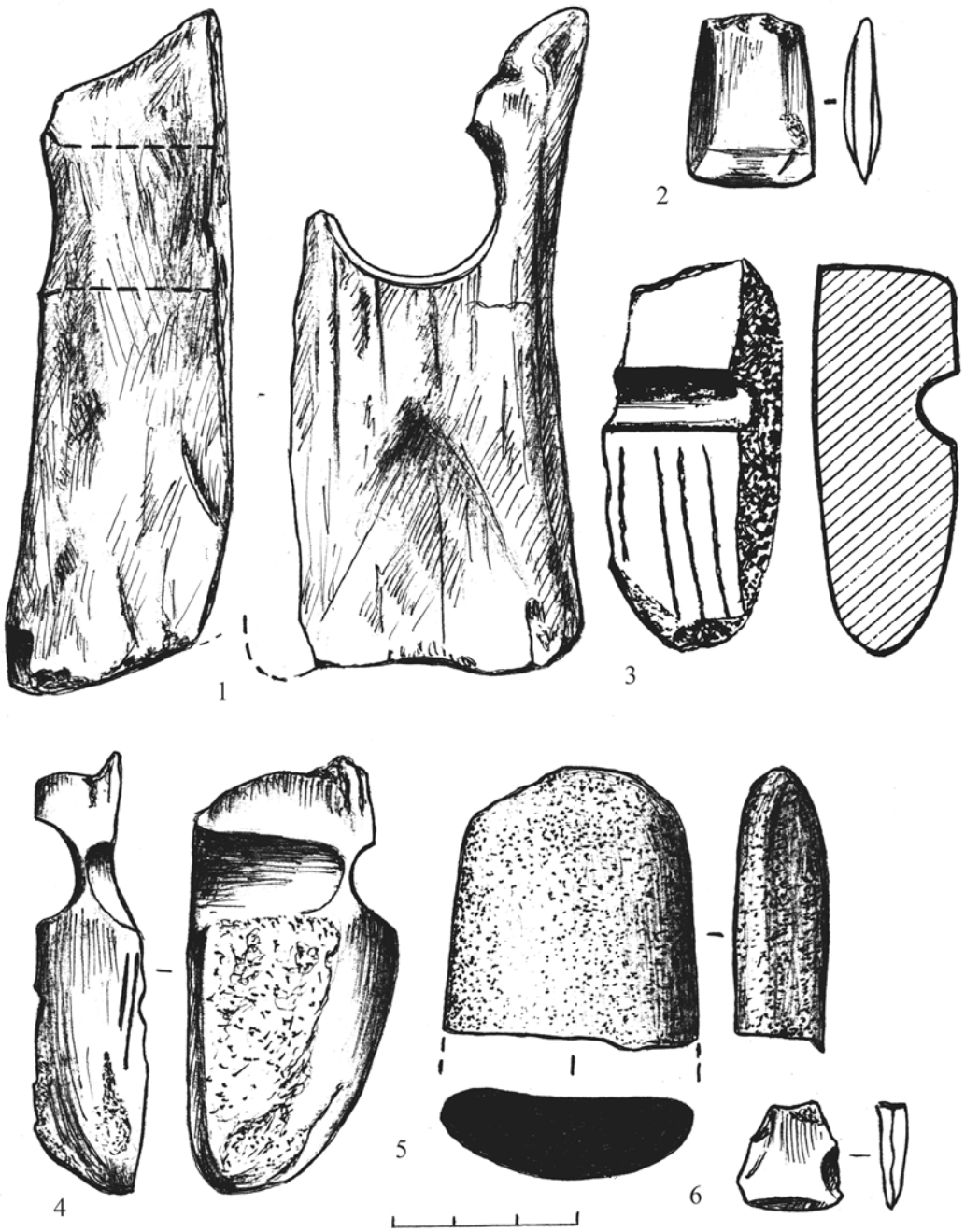

Рис. 76. Варфоломеевка. Изделия из кости *(1)* и камня *(2-6)* с однослойного участка

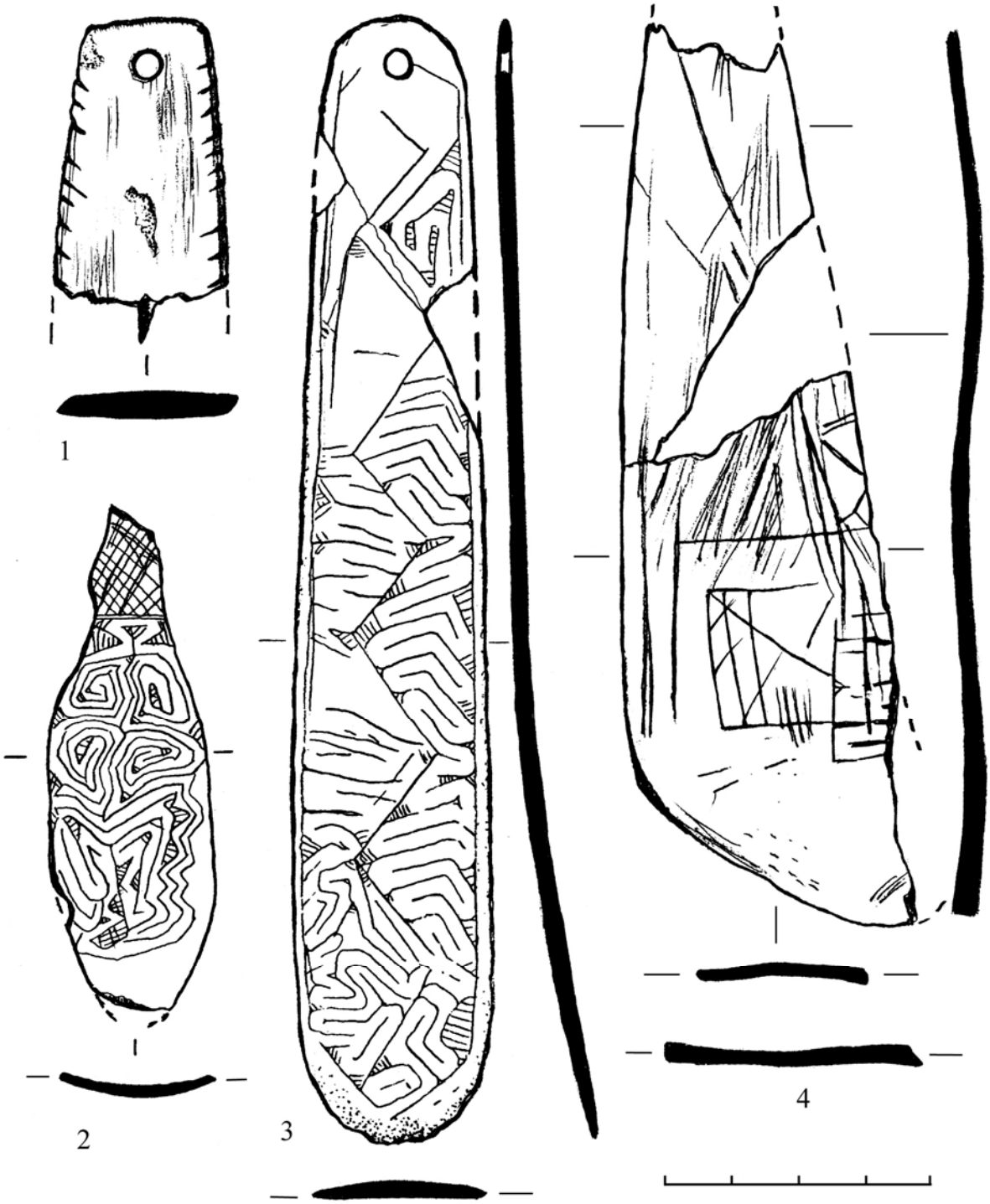

Рис. 77. Варфоломеевка. Орнаментированные костяные изделия с однослойного участка

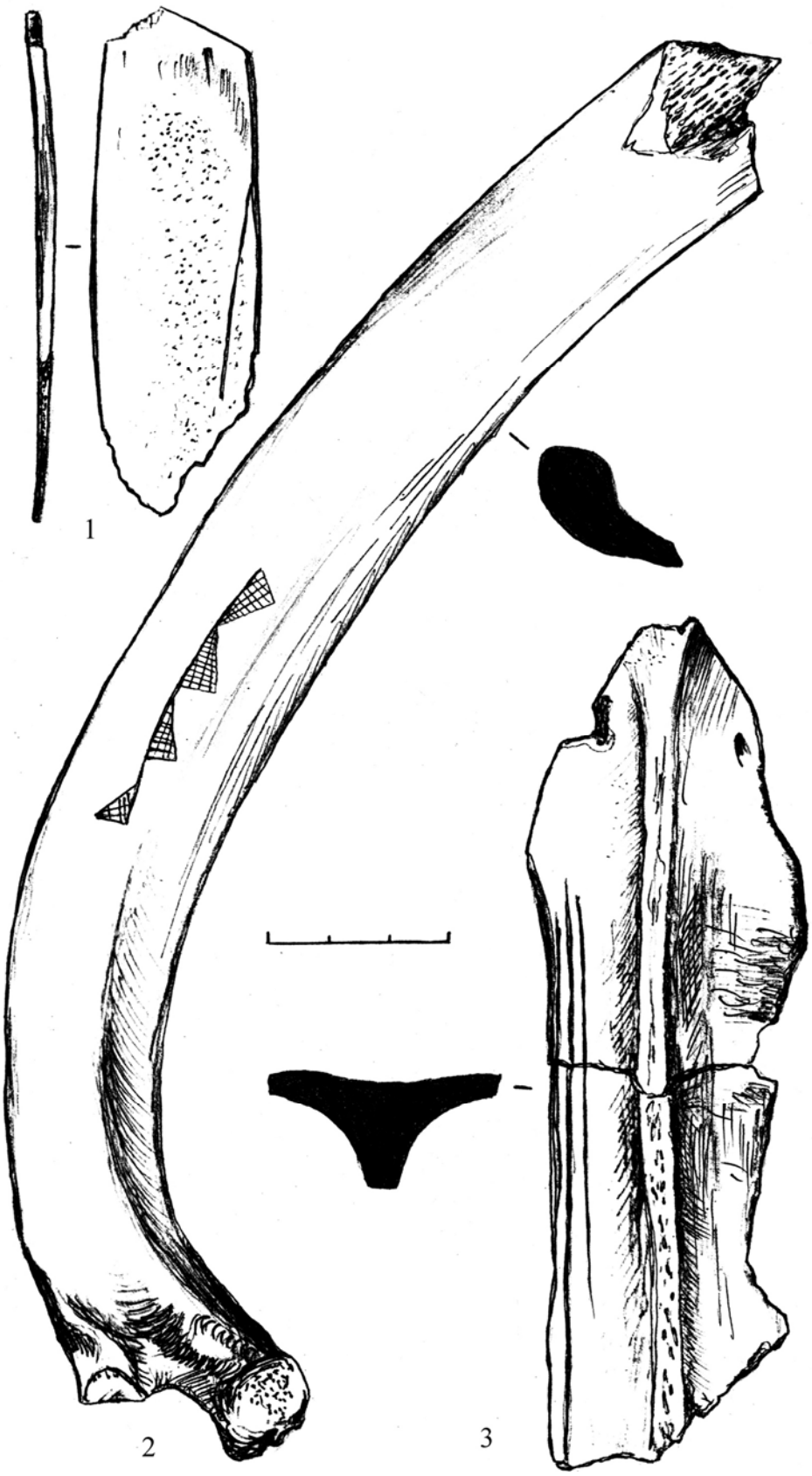

Рис. 78. Варфоломеевка. Изделие из тонкопластинчатой кости *(1)*, струг *(2)* и обломок тупика *(3)* с однослойного участка

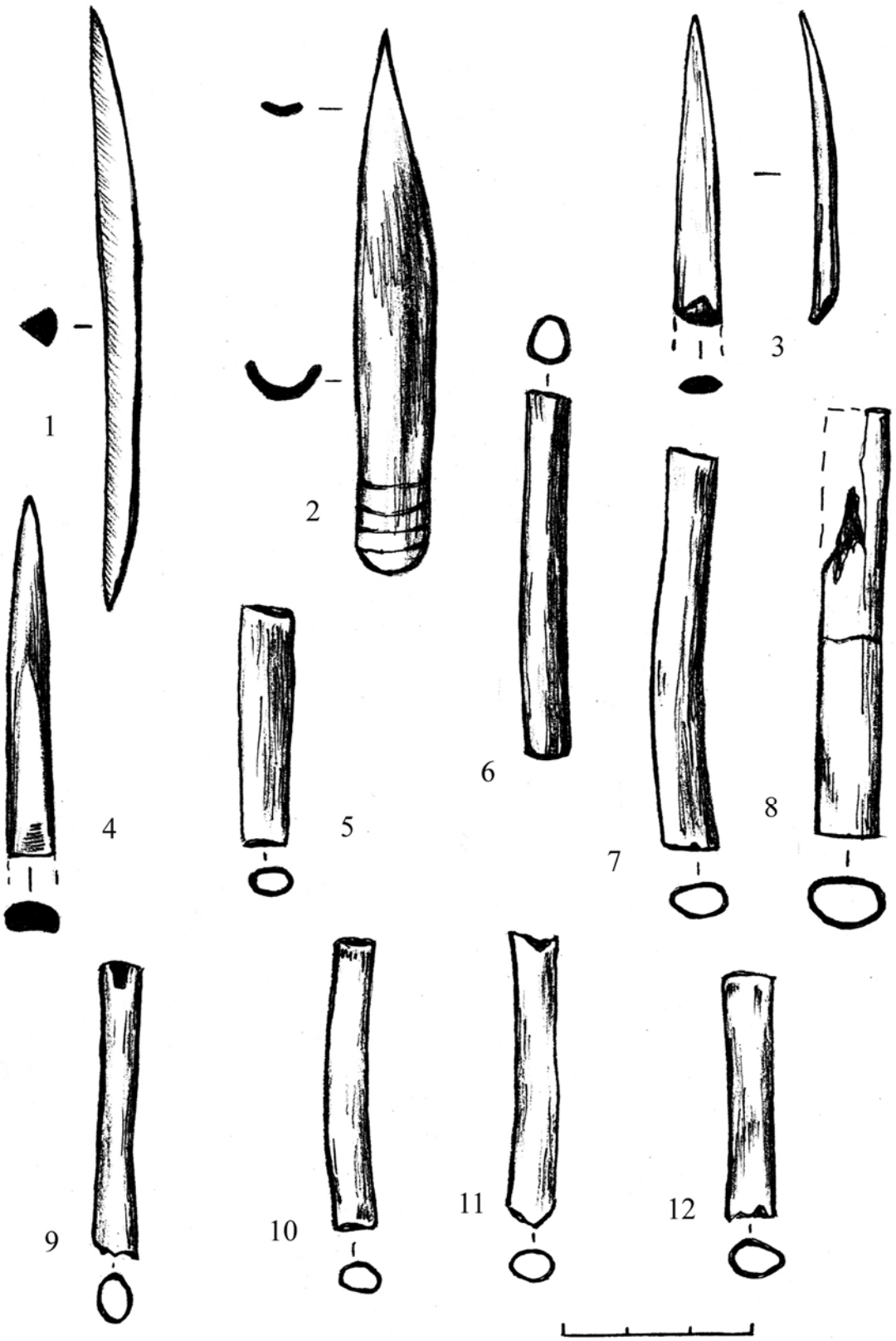

Рис. 79. Варфоломеевка. Костяные проколки *(1-4)* и пронизки *(5-12)* с однослойного участка

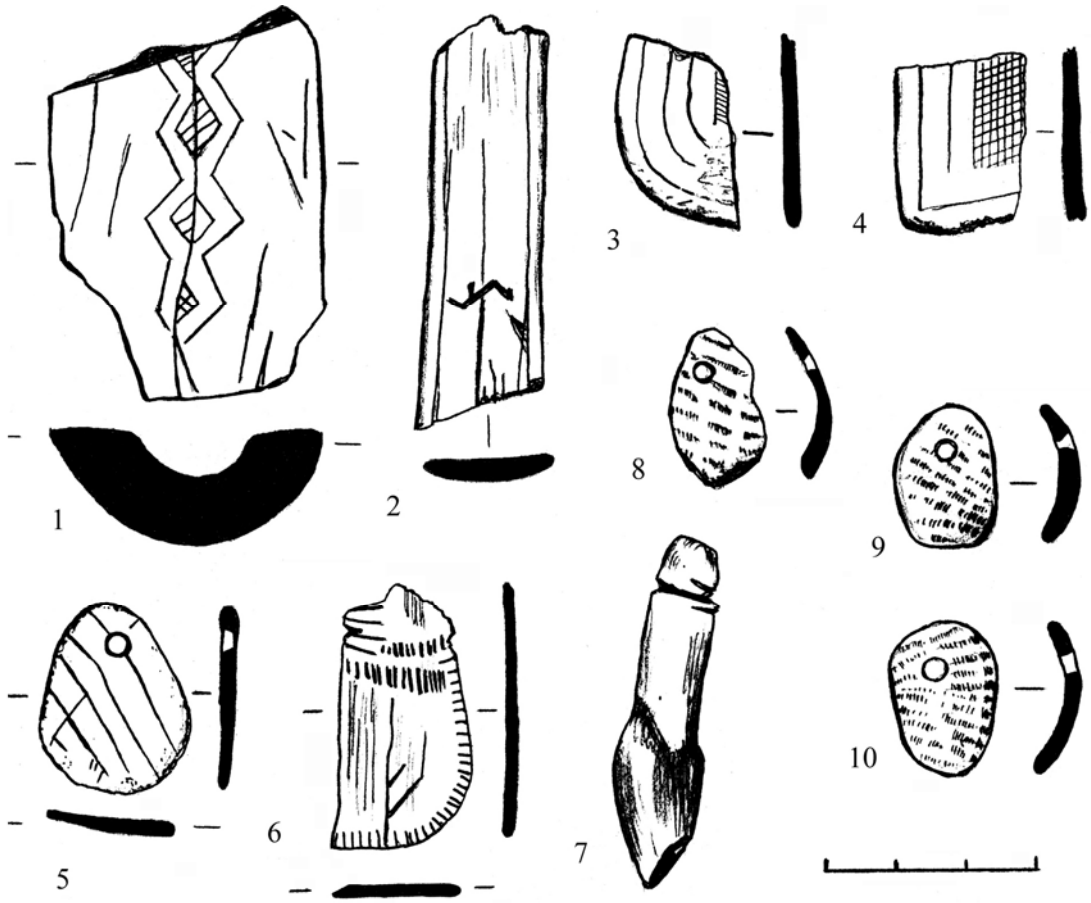

Рис. 80. Варфоломеевка. Изделия из кости *(1-7)* и ископаемых раковин *(8-10)*

центральной части. Затем поверхность орудия была заполирована. Острым резцом на ней нанесен геометрический орнамент. Одна длинная боковая грань обточена под прямым углом, центральная часть другой – под острым, с тыльной стороны. Длина сохранившейся части орудия 13,5 см, максимальная ширина 4 см (рис. 77, *4*). Еще один обломок рукояточной части шпателя изготовлен из тонкопластинчатой кости, на конце высверлено отверстие диаметром 3,3 мм. Максимальная ширина сохранившейся части 2,6 см. Предмет сильно заполирован, по длинным сторонам нанесены короткие косые насечки (рис. 77, *1*). Аналогичные предметы из раскопок предыдущих лет были определены В.В.Килейниковым как орудия керамического производства: шпатели для формовки керамики и шпатели-лощила.

Возможно, как шпатель использовалось и изделие из размытого культурного слоя, хотя подобное утверждение основывается только на сходстве орнамента. Типологически это орудие значительно отличатся от остальных шпателей – оно имеет вытянутую подовальную форму и хорошо выраженную рукоять. Длина предмета около 8 см, максимальная ширина 2,4 см. В поперечном сечении орудие изогнуто. Рукоять обломана, не сохранился и узкий рабочий конец. Внешняя поверхность и края предмета заполированы, на обратной стороне губчатое вещество только срезано, но не заполировано, как на других шпателях. Почти вся внешняя поверхность, за исключением рабочего конца, покрыта сложным геометрическим орнаментом в виде лабиринта с отдельными заштрихованными участками (рис. 77, *2*).

Струги для волососгонки и мездрения шкур. Сделаны из ребер животных, на которых слегка приострялась внутренняя кромка. На одном струге, кроме следов от каменного скобеля, которым оформлялось рабочее лезвие, сохранился выгравированный резчиком орнамент в виде цепочки заштрихованных треугольников (рис. 78, *2*).

Тупики. Выполняли те же функции, что и струги, но в отличие от них были двуручными орудиями и изготавливались из крупных лопаток. В 1996 году найдены только обломки тупиков. На одном из них, на стороне, противоположной рабочей кромке, резцом проведены три глубокие параллельные линии, а по четвертой был произведен облом лишней части лопатки (рис. 78, *3*).

Проколки. Представлены различными типами. Одна изготовлена из скола трубчатой кости, в сечении подтреугольная, обоюдоострая, длина 8,5

см (рис. 79, *1*). Другая проколка с орнаментом на рукоятке в виде четырех параллельных линий выполнена из крупной птичьей кости. Длина 7,8 см (рис. 79, *2*). Еще две проколки представлены обломками. Одна из них, овальная в сечении, слегка изогнута (рис. 79, *3*), а на другой, округлой в сечении, имеется плоская грань (рис. 79, *4*).

Обломки изделий с орнаментом. Два обломка, очевидно, происходят от шпателей. Их внешняя заполированная поверхность украшена тонкой гравировкой (рис. 80, *3, 4*). Полоса орнамента из зигзагов и треугольников нанесена на обломок расколотой трубчатой кости (рис. 80, *1*). Из подобных костей изготовлялись долотовидные орудия различного функционального назначения. Обломок узкой пластины украшен тремя параллельными линиями и короткими насечками (рис. 80, *2*). Еще на двух осколках кости выгравировано по несколько линий без какой-либо системы.

Лопаточка. Имеет подпрямоугольную форму, концы обломаны. Почти вся поверхность одной плоскости имеет ярко выраженную потертость (рис. 78, *1*).

Пронизки. Выполнены из трубчатых птичьих костей. Длина пронизок от 3,3 до 6 см (рис. 79, *5-12*). Самая крупная пронизка разделена на две равные половины линией, выгравированной по всей окружности (рис. 79, *8*).

Подвески. Впервые встречена орнаментированная подвеска из тонкопластинчатой кости каплевидной формы. Украшение равномерно заполировано, на лицевой стороне резцом нанесен по диагонали ряд параллельных линий; еще один штрих пересекает их (рис. 80, *5*). Другая подвеска изготовлена из обломка шпателя для формовки керамики. Шпатель был украшен по периметру короткими насечками и рядами таких же насечек по лицевой плоскости. В верхней части с лицевой и тыльной сторон сделано два глубоких пропила, заменявших отверстие (рис. 80, *6*). В размытой части культурного слоя найдена подвеска из зуба животного с кольцевым пропилом на корневой части (рис. 80, *7*).

Орудия со сверлинами. Найдены два обломка в размытой части культурного слоя. Изготовлены из обрезков рога первобытного быка. Одно орудие, более лучшей сохранности, функционально может быть определено (по аналогии с известными ранее) как разбильник для уплотнения и мягчения кожи. Его длина около 11 см, диаметр сверлины 22-26 мм. Сверлина разделяет орудие на две неравные части. Торец на короткой части орудия срезан под углом. На верхней грани длинной части орудия имеется заполированная плоскость подтреугольной формы. На торцах хорошо выражены следы забитости. Внутри канала рога сохранилось губчатое вещество (рис. 76, *1*). От второго орудия сохранился скол боковой плоскости с частью торца, срезанного под тупым углом, и сверлины диаметром около 23 мм.

Тесловидные орудия. Представлены обломками. Выполнены из расколотых крупных трубчатых костей. Как было установлено ранее, аналогичные типологически единые орудия применялись для различных работ в керамическом и кожевенном производствах.

Метаподии с отверстиями. Отверстия с неровными краями выбиты с лицевой или тыльной стороны. Больше никаких следов обработки или сработанности не отмечено.

Отходы производства представлены отпиленными головками трубчатых костей; обломками крупных костей с пропилами, по которым производился разлом; обрезками тонкопластинчатой кости с глубокой гравировкой резцом по краю отделяемой части.

Кроме того, в культурном слое найдены три подвески из створок ископаемой раковины Pectunculus (рис. 80, *8-10*).

Сделанная ранее характеристика материального комплекса слоя 2 А (Юдин А.И., 1995, с. 4 - 6) основывалась в значительной мере на материалах, происходивших с многослойного участка памятника. Для получения максимально объективной картины при анализе учитывались находки из квадратов, где была четко выражена стратиграфия, и не учитывались предметы, обнаруженные на границах залегания слоев. Раскопки 1996 года подтвердили правильность выбранной методики анализа материалов многослойной стоянки и внесли лишь незначительные коррективы в общую картину.

Технико-типологические характеристики керамики полностью соответствуют параметрам слоя 2 А, установленным предыдущими раскопками. Небольшое количество керамики в раскопе 1996 года не позволяет сделать статистически достоверные выводы, тем не менее, можно отметить, что количественное распределение сосудов по группам соответствует выявленному ранее: максимальное количество во второй группе (из них приблизительно каждый третий сосуд – с внутренним наплывом по венчику), несколько меньшее – в первой и минимальное – в третьей (не считая четвертой группы). Керамика четвертой группы (небольшие чашевидные сосуды с округлым дном) в раскопе 1996 года не обнаружена. Но по предыдущим раскопкам известно всего пять таких сосудов: по два в слоях 2 А и 2 Б и один в нижнем слое.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе техники нанесения орнамента и орнаментальных композиций. В предыдущих раскопках почти 3/4 сосудов были украшены техникой отступающего накола, среди керамики 1996 года эта техника также является доминирующей. Наиболее часто встречались орнаментальные композиции, включающие такие элементы, как линия, зигзаг, шеврон.

Сравнение комплекса каменных предметов с материалами предыдущих раскопок стоянки пока зывает наличие одной категории находок, не встреченной в слое 2 А ранее. Это низкие сегменты с ретушью по дуге. Остальные показатели совпадают практически полностью: преимущественное использование галечного кремня и пластинчатой техники расщепления кремня; идентичные средние параметры ширины ножевидных пластин; количественные показатели распределения орудий по категориям (наибольшее количество орудий – скребки различных типов на пластинах, затем – скребки на отщепах, ножевидные пластины и т.д.) и даже процент трапеций с подработанными торцами среди общего количества трапеций со струганной спинкой.

За исключением орнаментированных подвесок, все остальные категории костяных предметов встречались ранее в слое 2 А. Необходимо отметить, что именно для этого слоя характерны тщательно орнаментированные изделия.

В целом раскопки 1996 года на однослойном участке памятника подтвердили сделанные ранее выводы о характере и уровне развития материальной культуры населения стоянки, оставившего слой 2 А на финальном этапе неолита степного Заволжья.

6. Погребения на территории стоянки

При раскопках Варфоломеевской стоянки исследованы первые неолитические погребения в степном Поволжье. Наблюдения за стратиграфией в процессе раскопок показали, что все захоронения относятся ко времени существования стоянки. Все они залегали в культурном слое (или перекрыты им) на разной глубине. Никакой закономерности в расположении погребений проследить не удалось. Всего найдено шесть погребений, два из них парные.

Погребение 1. Обнаружено на глубине 1,4-1,5 м от поверхности, в культурном слое, заполнявшем котлован жилища (кв. 15) (рис. 3). Включает два разновременных захоронения. Более древний скелет ориентирован черепом на юг, к реке. Умерший положен на грудь, левая рука согнута в локте и прижата к туловищу, правая рука также согнута и положена перпендикулярно к телу. Поясной и тазобедренный отделы уничтожены при захоронении второго погребенного. Берцовые кости ног лежат на правой стороне. Череп и плечевая часть второго скелета находятся в области таза и бедер нижнего (рис. 81, *4*). Погребенный лежал на правом боку, головой ориентирован на восток-северо-восток и сильно скорчен – колени на 10-14 см не достигают нижней челюсти. Руки слегка согнуты и вытянуты перед лицом. Оба скелета залегают приблизительно на одном уровне. Сопровождающего инвентаря нет.

Погребение 2. Совершено в культурном слое на глубине 1 м (кв. 2). Разрушено водохранилищем. Установлено, что умерший лежал головой на юг, на правом боку, сильно скорченно (пятки касаются таза). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и положена на плече. С западной стороны погребения, на краю берегового обрыва, зачищены еще две кости человека, вероятно, остатки еще одного захоронения, уничтоженного водохранилищем (рис. 81, *1*).

Погребение 3. Обнаружено на глубине 1,9 м от поверхности (кв. 8 и 9). При сооружении могилы был зацеплен край земляночного котлована, в результате чего в материке читался округлый северо-восточный угол могильной ямы. Скелет лежал вытянуто, на спине, черепом на юго-запад, правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута и положена на поясницу. От материка погребение отделяют 7-14 см культурного слоя. На лобной части черепа и между бедренными костями (ближе к тазу) найдено по створке речных раковин Unio. На височной части черепа и на груди обнаружено несколько мелких бусин из створок таких же раковин. Аналогичные бусы часто встречаются в культурном слое (рис. 81, *3*).

Слева от скелета, между северной стенкой могильной ямы и берцовыми костями левой ноги расчищен слой охры до 5 см толщиной, подтрапециевидной формы в плане. Связь охры с погребением несомненна, поскольку в культурном слое охра в таком количестве нигде не встречена. Под стопой левой ноги обнаружены два меловых камня, окатанных, а возможно, и обработанных. Вероятно, с погребением можно связать развал придонной части сосуда, залегавший в 20 см южнее локтя правой руки погребенного. Сосуд плоскодонный, имеет примесь толченой раковины в глине и в отличие от другой керамики стоянки очень слабый обжиг. Именно это обстоятельство, а также наличие на дне сосуда мелкодробленых костей животных и рыбьих позвонков, позволяет предполагать связь сосуда с погребением.

Погребение было совершено в пределах котлована жилища, относящегося к горизонту 2 А, которое к моменту захоронения уже не функционировало.

Погребение 4. Обнаружено в полуметре к западу от погребения 1 и залегало на 10-30 см глубже его. Погребение парное, но в отличие от погребения 1, одновременное. Западный скелет лежит на спине, вытянуто. Ноги – по линии север-юг, туловище отклонено на северо-запад. Руки протянуты вдоль туловища, кисть левой положена под таз. Плечевая кость правой руки имеет следы прижизненной травмы, в результате которой в средней части образовался нарост и значительно уменьшилась ее естественная длина.

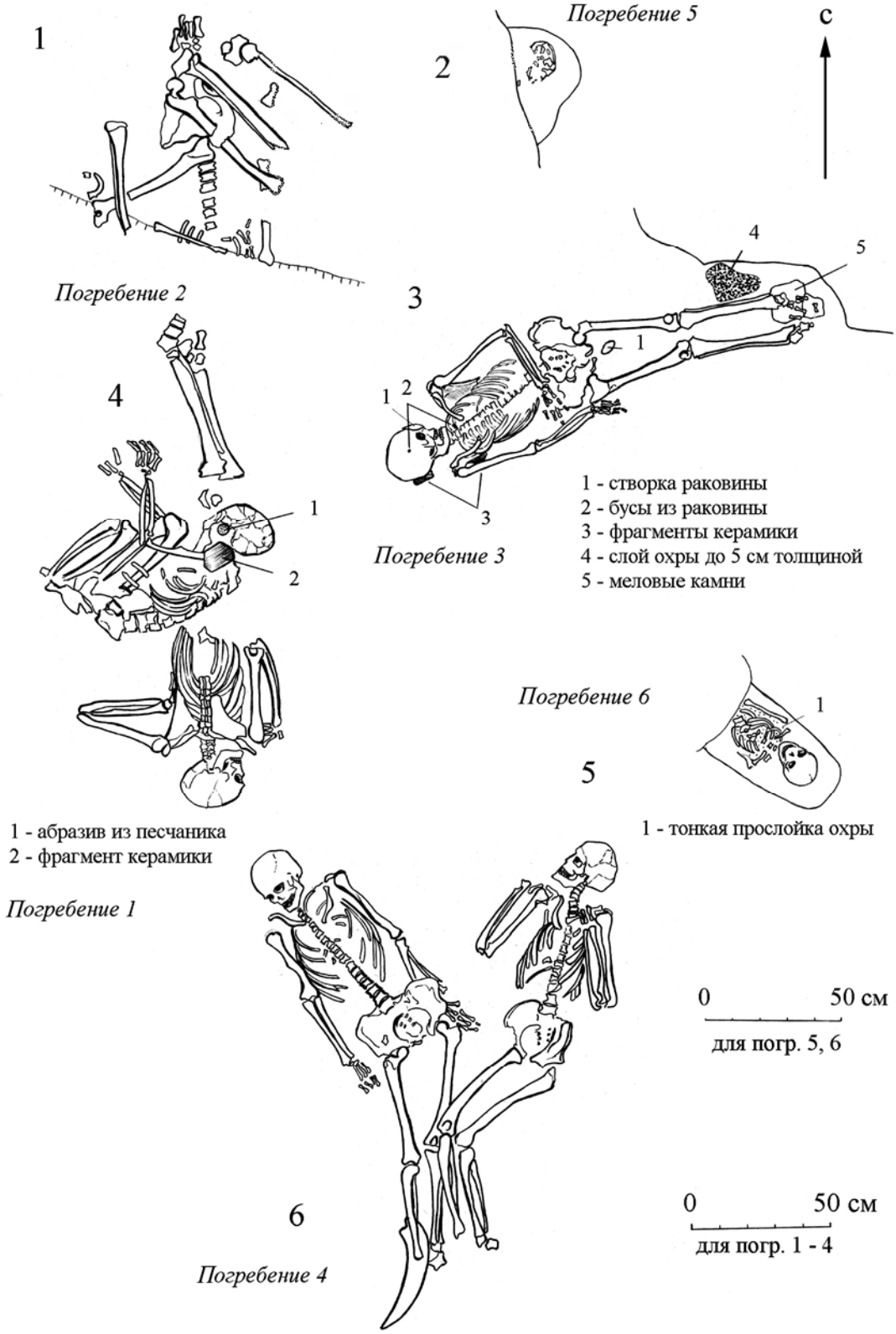

Рис. 81. Варфоломеевка. Погребения на территории Варфоломеевской стоянки

Восточный скелет также лежит на спине. Таз и ноги немного развернуты вправо, в сторону западного скелета. Руки согнуты в локтях, а кисти рук положены на плечи. Ориентирован погребенный на северо-северо-восток, ноги слегка согнуты и коленями перекрывает ноги западного скелета (рис. 81, *6*). Берцовые кости ног западного скелета перекрывали крупный рог первобытного быка. Связь его с погребением не исключена, но маловероятна, так как рога первобытного быка часто встречаются на всей исследованной площади стоянки, особенно в нижнем слое.

Погребение совершено в культурном слое 1, на 15-20 см выше материкового дна жилища. Над погребением культурный слой не превышал 15-30 см, а затем перекрывался мощной суглинистой прослойкой (до 0,5 м). Подобные вклинивания суглинистых прослоек отмечены в нескольких местах стоянки. В юго-восточной части раскопа, где обнаружено четыре погребения из шести, нижний и средний слой визуально можно расчленить только с помощью таких прослоек. В случае с погребением 4 суглинистая прослойка, перекрывающая значительную площадь, нигде не прорезана и покрыта метровым культурным слоем.

Погребение 5 (детское). Обнаружено в западной части раскопа. На этом участке памятника верхний, 2 Б и нижний слои выклиниваются, а толщина оставшегося культурного слоя 2 А в некоторых местах не превышает 0,3-0,5 м. При сооружении могильной ямы восточная ее часть попала на материковый край котлована жилища, в результате чего прослеживается часть могильной ямы с округлыми углами. Большая часть могильной ямы находилась в культурном слое и не читалась. Глубина ямы 35 см от поверхности и 7 см от верхнего уровня материка. Сохранность костей плохая, они перемешаны грызунами и поза погребенного не устанавливается. Судя по остаткам черепа, ребенок лежал на левом боку, головой на северо-восток (рис. 81, *2*).

Погребение 6 (детское). Погребение еще в древности было повреждено крупной столбовой ямой, но большая часть могильной ямы осталась целой. Это единственное погребение, которое прорезает материковый пол жилища. Оно перекрыто культурным слоем, а затем суглинистой прослойкой. Могильная яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Она сужалась от центра к краям, углы слегка закруглены. Дно могилы понижалось к центру как в поперечном, так и в продольном сечениях. Могильная яма заглублена в материк на 8-19 см, максимальная ширина в центральной части 0,3 м, длина около 0,7 м. От дна могилы до поверхности – 1,3 м. Ребенок лежал на спине, головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль туловища. На дне могилы под костями сохранился тонкий слой охры (рис. 81, *5*).

Стратиграфические данные и наблюдения за характером культурных отложений подтверждают, что погребения синхронны стоянке. Анализ инвентаря, найденного в погребении 3, приводит к тому же выводу. Бусы из створки раковины Unio, лежавшие на черепе и груди скелета, являются массовой категорией находок в культурном слое стоянки. Так же часто в слое встречаются и целые створки этих раковин. Из мелового камня, идентичного тому, который находился в ногах скелета, изготовлена одна из булав. Охра, толстым слоем заполнявшая пространство между левой ногой и стенкой могилы, постоянно встречается при исследовании стоянки.

Обращает на себя внимание отсутствие единой позы и ориентировки погребенных. Умершие лежали на спине, на груди, на правом боку скорченно. Отмечены следующие ориентировки: южная (в двух случаях), юго-западная, юго-восточная (в трех случаях) и северо-западная. Подобная картина наблюдается и на других неолитических памятниках сопредельных регионов, но там "нестандартные" погребения составляют незначительный процент от захоронений с единым обрядом (Белановская Т.Д., 1972, с. 267-268; Синюк А.Т., 1986, с. 122-123; Хреков А.А., 2001, с. 3-21). Устойчивый комплекс находок на Варфоломеевской и Орловской стоянках однозначно указывает на то, что орловская культура имела вполне сложившийся облик, чему должен соответствовать устойчивый обряд погребения. Но выявить доминирующий обряд среди варфоломеевских захоронений пока невозможно ввиду их малочисленности. Такие сильные различия можно объяснить разновременностью погребений, поскольку стоянка существовала длительное время. На памятнике выделяются четыре культурных горизонта, отложившихся последовательно, поэтому имеет смысл попытаться связать с ними найденные погребения.

Древнейшим следует считать погребение 4, залегавшее в нижнем культурном слое и перекрытое суглинистой прослойкой, разделявшей слои 3 и 2 Б. Следовательно, данное погребение могло быть совершено только в первый период существования стоянки. Детское погребение 6, перекрытое слоем 2 Б и прослойкой, разделявшей горизонты 2 Б и 2 А, не может быть позднее слоя 2 Б. Нижний скелет погребения 1 частично прорезал прослойку, разделявшую слои 2 А и 2 Б. Вероятнее всего отнести время его погребения к слою 2 А. Верхний скелет погребения, скорее всего, относится к финалу существования стоянки. С верхним слоем следует синхронизировать также скорченное погребение 2 и детское погребение 5. Погребение 3 совершенно в заполнении землянки слоя 2 А, следовательно, оно может относиться или к финалу горизонта 2 А, или уже к верхнему слою. Комплекс немногочисленного погребального инвентаря этого погребения не включает датирующих вещей.

Следует отметить, что на финальной стадии существования стоянки практиковались два обря-

да захоронения: вытянуто на спине и скорченно на боку.

Безынвентарность или почти полное отсутствие инвентаря – еще одна характерная особенность погребений стоянки. Аналогичная картина наблюдается не только среди неолитических могильников сопредельных территорий (Белановская Т.Д., 1972, с. 262-265; Синюк А.Т., 1986, с. 122-123), но и на памятниках отдаленных регионов. В этом плане интересны выводы В.А. Алекшина о том, что бедные, безынвентарные погребения Среднеазиатского, Иранского и Малоазийского регионов, бессистемно расположенные на территории поселений, характерны для периода архаической экономики производящего типа (Алекшин В.А., 1986, с. 52-54, 151-152). Население Варфоломеевской стоянки находилось на первом этапе становления производящей экономики, о чем будет сказано ниже. Поэтому безынвентарность погребений и их неупорядоченное расположение на площади стоянки в какой-то мере можно отнести на счет общих стадиальных закономерностей социального развития периода становления производящего хозяйства.

7. Неолитическое искусство населения Варфоломеевской стоянки

Искусство первобытного времени всегда привлекало внимание исследователей, так как является едва ли не единственным и основным источником при реконструкции духовного мира древнего человека. Ограниченность источниковедческой базы оставляет в этом вопросе многочисленные лакуны как в территориальном, так и хронологическом плане.

Неолитическое искусство населения степного Поволжья стало известным после исследования Варфоломеевской стоянки. Искусство неолитического времени – совершенно новая тема для региона. Проблемы первобытного искусства населения степного Поволжья никогда ранее не рассматривались, а немногочисленные исследования по этому вопросу начинаются с эпохи бронзы (Формозов А.А., 1966; Отрощенко В.В., 1974). Находки Варфоломеевской стоянки позволяют увидеть истоки искусства раннеэнеолитических памятников региона, а также проследить некоторые общие тенденции в развитии искусства от палеолита до энеолита.

На стоянке обнаружены следующие образцы неолитического искусства: мелкая антропоморфная и зооморфная пластика; орнаментированные орудия труда из кости и камня; костяные поделки и украшения; украшения из ископаемых раковин; керамика с изысканным геометрическим орнаментом.

Если исходить из общепринятого определения, что декоративно-прикладное искусство – это создание художественных изделий, имеющих практическое назначение, а также художественная обработка утилитарных предметов, то несомненно, что перечисленные находки относятся к декоративно-прикладному искусству неолитической эпохи.

Искусство палеолита, мезолита и позднего каменного века обычно рассматривается, несмотря на большой хронологический отрезок, как непрерывное поступательное развитие человеческой культуры. Но в силу сохранности материалов и специфики техники изобразительного искусства в разные эпохи, произвести сравнения между разными этапами развития часто практически невозможно – аналогов, например, Каповой пещере в Заволжье нет и не будет. Но есть один универсальный материал – кость, который использовался во все эпохи и дает возможность производить сопоставления и проследить развитие искусства на протяжении всего каменного века. Подавляющее количество предметов декоративно-прикладного искусства Варфоломеевской стоянки приходится на изделия из кости, поэтому целесообразно обратить основное внимание на искусство обработки и орнаментации кости как наиболее характерном и ярком явлении на памятнике.

Изделия с орнаментом есть во всех группах костяных предметов, но распределены они неравномерно. Среди орудий домашних производств орнаментом покрыты практически все шпатели для обработки керамики. Среди орудий кожевенного производства орнамент изредка встречается на стругах для волососгонки, в двух случаях на – проколках и по одному разу на тупике, лощиле и разбильнике. Из немногочисленных (5 экз.) орудий 2-го класса орнаментировано рядом неглубоких ямок охотничье острие. Наиболее многочисленны и разнообразны орнаменты среди изделий 3-го класса. В первую очередь это многочисленные пластины со сложным геометрическим орнаментом. Часть из них типологически не отличается от шпателей для обработки керамики, но следов от работы на них не обнаружено, а на одной сохранились две симметричные нарезки по граням, показывающие, что пластина использовалась как подвеска. Все пластины подвергнуты тщательной предварительной обработке, особенно поверхности, на которые наносился орнамент.

В целом процент орнаментированных изделий по классам следующий: I класс – чуть меньше 10 %; II класс – из пяти предметов украшен один, или 20%; III класс – 33%, то есть каждый третий предмет.

Коллекция предметов искусства была существенно пополнена при раскопках стоянки в 1996

году, когда исследовался участок стоянки со слоем 2А, наиболее насыщенный находками (Юдин А.И., 1997, с. 16-40).

Всего сейчас насчитывается 73 костяных предмета, которые показывают уровень развития обработки кости у населения Варфоломеевской стоянки в среднем и позднем неолите (табл. 1) и которые можно отнести к предметам искусства.

Орудия домашних производств (класс I) представлены тремя группами. Первая группа – орудия кожевенного производства.

1, 2. Тупики для волососгонки и мездрения шкур из крупных лопаток. Это наиболее многочисленная категория орудий, насчитывающая более 60 экземпляров. Обломок одного из них имеет насечки, распределенные на гранях орудия группами по 11 штук; вдоль края другого нанесены три параллельные линии[1].

3-5. Струги для волососгонки и мездрения. Для двух орудий использовались фрагменты ребер без предварительной обработки. На гранях одного струга нанесены тройные короткие насечки, на другом выгравирован орнамент в виде цепочки заштрихованных треугольников. Внешняя поверхность обломка микроструга на пластине из ребра украшена четырьмя параллельными линиями и короткими насечками.

6. Лощило на обломке расколотой трубчатой кости. На внешней поверхности кремневым резцом нанесена пиктограмма (?).

7. На одном из восьми найденных разбильников для уплотнения и мягчения кожи, изготовленных из коротких отрезков (6-11 см) рогов первобытного быка, нанесены серии из 4-6 коротких насечек.

8, 9. Орнаментированы всего две проколки из 52 экземпляров. На одной – нанесен бессистемный орнамент, на рукоятке другой – четыре параллельных линии.

10. Скребок для мездрения. Вдоль длинных сторон плоского, трапециевидной формы, орудия прочерчены одна и три линии.

Вторая группа орудий домашних производств – орудия керамического производства. На предметах этой группы встречены наиболее сложные орнаментальные композиции. Орнаментированы (большая часть) формовочные шпатели и полифункциональные шпатели-лощила. Другие орудия этой группы (штампы, шпатели-штампы и лощила) не украшались.

11-18. Формовочные шпатели сделаны из тонкопластинчатых костей и имеют стандартную форму – на рукоятке высверлено отверстие, по длинным сторонам и широкому торцу нанесены короткие насечки каменной пилкой, в одном случае – глубокие пропилы. Другая часть шпателей имеет сложный геометрический орнамент, в одном случае – двусторонний.

Одно из орудий типологически отличается от остальных шпателей – оно имеет вытянутую подовальную форму и хорошо выраженную рукоять. Вся внешняя поверхность, за исключением рабочего конца, покрыта сложным геометрическим орнаментом (рис. 65, *9*).

19-23. Шпатели-лощила от формовочных отличаются только своей полифункциональностью. Все они богато орнаментированы, за исключением шпателя-лощила из ребра с тройными короткими насечками по граням.

Третья группа орудий домашних производств – землекопные орудия.

Из 19 землекопных орудий орнамент есть только на одном колышке, который применялся для растягивания шкур на земле – тройные короткие насечки (рис. 65, *9*).

Класс II включает орудия присваивающих производств: 3 гарпуна (орудия рыболовства) и 2 острия (орудия охоты). Одно острие имеет 39 круглых просверленных углублений (рис. 65, *8*).

В класс III объединены бытовые и культовые предметы. В группе 1 – посредники (оправы, муфты, рукояти) – орнаментированных орудий нет. Группа 2 включает 27 орнаментированных украшений и поделок.

26-29. Подвески. Они имеют отверстия или нарезки для подвешивания. Только одна из них, каплевидной формы, была сразу изготовлена как украшение (рис. 80, *5*), остальные, скорее всего, обломки формовочных шпателей для керамики. Во всяком случае, типологически и по характеру орнаментации они ничем не отличаются от керамических орудий, но не имеют следов микроизноса, которые, скорее всего, были утрачены в процессе вторичного использования. Среди костяных предметов Варфоломеевской стоянки есть еще много видов подвесок: стержни с отверстием, двумя выступами и круговым пропилом; зубы лошади, коровы, оленя с отверстиями и круговыми пропилами; передние зубы лошади с насечками (от 1 до 13) на внутренней стороне коренной части, но все они не имеют орнамента, хотя также являются украшениями и использовались вместе с орнаментированными подвесками.

31, 32. Пронизки. Для пронизок использовалась тонкая трубчатая кость. Торцы обрабатывались абразивом, поверхность – скобелем. Из найденных 19 пронизок 2 орнаментированы. Одна из них украшена 14 круговыми пропилами, другая разделена на две равные половины линией, выгравированной по всей окружности.

30, 33-39. Пластины и фрагменты пластин с геометрическим орнаментом. Сложный геометрический орнамент нанесен резцами и резчиками в технике гравировки, чаще всего, с обеих сторон. По морфологическим признакам фрагменты пластин идентичны шпателям и лощилам по керамике, орнаментальные композиции включают те же элементы.

[1] Порядковый номер изделия соответствуют номеру в табл. 14, в которой также указан номер рисунка.

40-45. Пластины с линейным орнаментом. Представлены обломками узких (0,9-1,9 см) и тонких пластин, изогнутых в продольном сечении.

46-51. Орнаментированные кости. Орнамент нанесен на обломки трубчатых костей и фрагменты ребер без предварительной подработки поверхности.

Третья группа включает предметы, отнесенные к культовым.

52-62. Антропоморфные предметы. К этому типу изделий отнесено 7 путовых костей лошади с орнаментом и обработкой поверхности и 4 заготовки, которые по ряду морфологических признаков признаны схематичными изображениями сидящих женщин.

63-65. Зооморфные предметы. Представлены фигурками лошадок на тонкопластинчатых костях.

Кроме того, обнаружены еще 3 обломка ребер с сериями коротких насечек и обломок пластины с линейным орнаментом от предметов неопределенного назначения. Такова классификация костяных изделий по функциональному назначению предметов, из которой прослеживаются некоторые закономерности в распределении типов орнаментов в зависимости от назначения предмета. Как видно из анализа табл. 14, все костяные предметы декоративно-прикладного искусства распределяются на три неравные по количеству группы: орудия и изделия, украшенные различным по сложности орнаментом; антропоморфные статуэтки; фигурки лошадей.

Для получения наиболее полной картины распространения орнаментов на костяных предметах целесообразно произвести еще одну классификацию, но теперь по типам орнаментов, вне зависимости от функций изделий. Распределение различных типов орнаментов по категориям предметов представлено в табл. 15.

Прослеживаются определенные закономерности в распределении орнаментов по категориям находок. Все орнаментальные композиции составлены из 10 элементов и их вариантов.

Проанализируем находки, начиная с простейших орнаментов.

1. Простейший орнамент – короткие насечки, выполненные резцом или пилкой. Серии насечек наносились группами от 3 (чаще всего) до 11 штук на следующие орудия: разбильник (рис. 72, *2*), струг для волососгонки (72, *1*), колышек (рис. 65, *9*), тупик (рис. 58, *5*). Такими же насечками, но не разбитыми на группы, украшались антропоморфные статуэтки, пластины с линейным орнаментом, шпатели со сложным геометрическим орнаментом, где эти насечки выступают в качестве дополнительных элементов к основному орнаменту. Как основной элемент насечки применялись только при украшении шпателей для формовки керамики, где они наносились по всему периметру (рис. 63, *3, 4*; 71, *5-7*).

2. Простой линейный орнамент есть практически на всех категориях находок. Встречаются предметы, украшенные одной или серией поперечных линий или продольными линиями – на тонких длинных пластинах, на шпателе-лощиле для керамики, на подвеске. В нескольких случаях параллельные линии дополнены короткими насечками (рис. 60, *2*; 61, *1*), а в одном случае – зигзагом (рис. 66, *6*). Одной-двумя параллельными линиями украшались и оборотные стороны некоторых изделий. На двух предметах параллельные линии, вероятно, имеют технологическое происхождение: это параллельные краю предметов линии на трапециевидном скребке для мездрения шкур и обломке тупика. По таким глубоким линиям, как установлено трасологическими исследованиями, производилось обламывание лишней части заготовки при изготовлении орудия.

3. Лабиринт. Простейший лабиринт украшает пластины с линейным орнаментом с “лицевой” стороны (рис. 71, *1, 2, 4*). В принципе все более сложные геометрические орнаменты с зигзагом и меандром также образуют лабиринт.

4. Зигзаг украшает предметы только в сочетании с другими элементами, выступая в качестве разделителя орнаментальных зон на пластинах, шпателях, в одном случае зигзаг встречен на антропоморфной статуэтке.

5. Треугольник также встречается как элемент сложных геометрических композиций. Только в одном случае композиция полностью составлена из треугольников: на плоской грани одного из скребков-стругов, выполненного на крупном ребре, выгравированы четыре треугольника, образующие цепочку и заполненные сеткой (рис. 78, *2*).

6. Лабиринт-меандр – основной элемент сложных геометрических композиций, дополненных практически всеми остальными элементами орнамента (рис. 70, *1-6*). Это наиболее интересный и выразительный элемент орнамента, определяющий оригинальную стилистику большей части орнаментированных предметов. Композиции с лабиринтом-меандром подробно будут рассмотрены ниже, поскольку именно они, как представляется, выделяют Варфоломеевскую стоянку в самостоятельный культурный очаг.

7. Прямоугольник. Используется в качестве ограничителя, рамки для орнаментальных композиций. В одном случае, возможно, это условный и схематизированный сюжетный рисунок (рис. 66, *3)*. Таких рисунков встречено немного (рис. 72, *4*; 77, *4*), и определить смысловую нагрузку этих композиций при незначительной выборке пока весьма трудно.

8, 9. Штриховка и сетка – заполняют углы композиций и внутреннее пространство геометрических фигур.

10. Ямки. Два предмета украшены неглубокими просверленными ямками. Один из них – обломок какого-то орудия, вторично использовавшегося в качестве украшения-подвески. На его узком

отверстии одна из ямок просверлена насквозь. По граням подвеска также дополнительно украшена короткими тройными насечками (рис. 71, *9*). Аналогичными ямками (39 шт.) украшено охотничье острие по всей его длине.

11. Бессистемный орнамент нанесен на проколку (рис. 62, *11*) и два костяных осколка; хаотические линии без какой-либо системы не являются собственно орнаментом.

Четвертый-девятый орнаментальный элементы нанесены преимущественно на шпатели, пластины и кости с орнаментом.

Первая группа. Орудия и изделия, украшенные орнаментом. Наиболее выразительным и интересным орнаментом покрыты пластины, которые были предназначены для обработки керамики или просто являлись подвесками. Орнамент на орудиях и подвесках не различается. В качестве подвесок, скорее всего, вторично использовались керамические орудия труда с орнаментом. Все пластины-подвески с орнаментом сильно залощены и, вероятно, трасологические следы были попросту уничтожены. Относительно целых форм встречено всего 3-4, остальные представлены крупными фрагментами или обломками (всего от 16 предметов). Изготавливались пластины-подвески из надкостицы крупных трубчатых костей или тонкопластинчатой кости лопаток и черепов животных.

При небольшом количестве элементов, составляющих орнамент, неолитические мастера Варфоломеевской стоянки составляли сложные геометрические композиции и выработали свой выразительный стиль. В основе этого стиля лежит элемент, который можно назвать “лабиринт-меандр”.

Первоначальной основой этого орнамента, скорее всего, является простейший лабиринт, нанесенный на узкие пластины. Линии этого лабиринта прямые, в виде сложенной ленты (рис. 71, *1, 4*). Затем внутри одного витка прямая лента извивается в виде зигзага (рис. 66, *3*; 72, *3*) или эти отрезки, повторившись несколько раз, располагаются под прямым углом друг к другу (рис. 70, *5*). В наиболее сложных вариантах эти ленты-лабиринты вписаны в треугольники или разнообразные по контуру меандры (рис. 63, 6; 70, *1, 2, 6*; 77, *3*). Углы композиций, образованные изгибами ленты лабиринта, заполнены штриховкой, а в одном случае кость удалена, в результате чего орнамент приобрел рельефный характер (рис. 66, *2*).

Элементы орнамента ритмично повторяются, имеют одинаковые размеры, хорошо вписываются в осевую линию, образованную зигзагом. Большая часть изделий имеет двустороннюю орнаментацию, такую же богатую или упрощенную. Орнамент плотно покрывает поверхность изделий, нанесен уверенной рукой, и хотя не встречено двух одинаковых предметов, при первом же взгляде на изделия отмечается их стилистическое единство. Более того, можно даже говорить о вполне сложившейся школе, традиции, являющейся оригинальной и пока не находящей аналогий в ближайших культурах позднего неолита и раннего энеолита.

На одном предмете орнамент больше похож на пиктограмму, хотя и составлен из обычных элементов, но здесь отсутствует их ритмическая упорядоченность, характеризующая собственно орнамент. В этом изображении можно усмотреть какое-то фантастическое существо с небольшой головой и тремя парами конечностей (рис. 77, *2*). Если сопоставить это изображение с чрезвычайно стилизованными женскими статуэтками, которые рассматриваются далее, то данное предположение вполне правомерно.

Весьма интересна гравировка на лощиле по коже, которую, возможно, следует относить к пиктограммам (рис. 60, *3*). Л-образный элемент композиции – часть более сложного меандра, а вытянутый элемент с раздваивающимися концами вообще встречен один раз, как и женский знак (аналогичные распространены в палеолитическом искусстве) в центре композиции. Вполне возможно, что именно в этой композиции содержится ключ к пониманию смысловой нагрузки всех сложных варфоломеевских орнаментов.

Отдельные элементы варфоломеевских композиций встречаются в синхронных памятниках, но в таком сочетании аналогий нет. Судя по вариабельности однотипных орнаментов, в основе которых всегда лежит лабиринт-меандр, здесь сложилась своя художественная традиция украшения кости, которая практически не пересекалась с художественной традицией орнаментации керамики.

На керамике Варфоломеевской стоянки, также отличающейся ярко выраженным своеобразием, сложным геометризмом и разнообразием композиций, встречаются только отдельные близкие элементы орнамента: штриховка, зигзаг, сюжеты с использованием треугольника.

Орнаменты на керамике несколько различаются в зависимости от техники нанесения (наколом или прочерком), но в данном случае нас интересуют только орнаментальные композиции.

Всего насчитывается более двух десятков орнаментальных композиций на керамике, но часть из них выполнена отдельными крупными наколами, ямочными вдавлениями и выпуклыми жемчужинами, которые технологически сложно повторить на кости. Композиции составлены из немногочисленных геометрических элементов. В первую очередь это линия и зигзаг, образующие треугольники, “соты”, ромбы. Но геометрические фигуры встречаются и как самостоятельные элементы вместе с прямоугольниками, многоугольниками. Распространены также шеврон, плетенка, косая штриховка, сетка, правда, совершенно отсутствует меандр. Близкий набор элементов орна-

мента, тем не менее, дает совершенно разные композиции на керамике и кости. Несмотря на большую пластичность сырой глины, по которой наносился орнамент, гравировка по кости зачастую превосходит по сложности самые вычурные орнаменты на керамике.

Получается, что разный материал определял различия орнаментальных композиций. Разнообразная стилистика в искусстве одной культуры отмечалась и ранее (Формозов А.А., 1966, с. 5-7), и материалы Варфоломеевской стоянки еще раз подтверждают это.

Кроме того, есть и еще один фактор, который мог оказать определенное влияние на выбор композиций орнамента. Как известно, производство лепной керамики в древних обществах являлось женской прерогативой. Орудия из кости, скорее всего, изготавливались исключительно мужчинами, учитывая, что обработка кости требует значительных физических усилий по сравнению с мягкой и пластичной глиной. Вероятно, это также сказывалось на разнице орнаментов при гравировке кости и украшении керамики в рамках одного памятника.

Как уже было отмечено, аналогии варфоломеевским орнаментированным изделиям из кости в других синхронных или стадиально близких культурах немногочисленны и прослеживаются в самых общих чертах. Можно даже сказать, что аналогии имеются не столько, собственно, в орнаментах, а сколько в самом факте наличия орнаментированных предметов. В кругу родственных культур Поволжья и Подонья обнаруживаются совпадения в категориях находок из кости, но нет ничего подобного в отношении их орнаментального оформления. Встречаются только простейшие элементы орнамента, например: серия пронизок с насечками и оправа для вкладыша с крестовидными и V-образными знаками на стоянке Каир-Шак III в Северном Прикаспии (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989, с. 41-43); грифельные кости лошади с насечками на Ивановской стоянке в лесостепном Волго-Уральском междуречье (Моргунова Н.Л., 1995, с. 131-132). Правда, на последней стоянке есть один предмет с заштрихованными треугольниками. Несколько разнообразнее украшены костяные изделия в Ракушечном Яру на Нижнем Дону: нарезки, прямые линии, ямки (Белановская Т.Д., 1983).

Из более дальних степных аналогий следует отметить костяную пластину с орнаментом с острова Сурского (Неолит…, 1996, с. 43, рис. 8, *11*). Какое-то отдаленное сходство обнаруживается в орнаменте костяных браслетов из могильника Васильевка 2 (Телегин Д.Я., 1991, с. 45).

Если еще более расширить поиск в территориальных и хронологических рамках и посмотреть аналогии в неолите и энеолите лесной зоны, то получается следующая картина. На стоянке Сахтыш II льяловской культуры найден плоский костяной “жезл” с орнаментом. Морфологически он близок в варфоломеевским шпателям; орнамент на нем составлен из тех же элементов, что и на шпателях – зигзаг, ромб, сетка. Но образуют эти элементы совершенно другую композицию (Искусство…, 1992, с. 80-81, рис. 106). Схожий с варфоломеевским принцип размещения орнамента наблюдается на одной из костяных пластин волосовской культуры (Искусство…, 1992, с. 105, рис. 141). Отдаленные параллели варфоломеевскому орнаменту известны даже далеко на севере, на стоянке Кузнечиха в г. Архангельске, где найден обломок сосновой дощечки с геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской (Искусство…, 1992, с. 66, рис. 85, *2*).

Истоки сложного геометрического, и в первую очередь меандрового, орнамента следует искать в предшествующее время. Во всяком случае, ближайшие аналогии варфоломеевским меандрам обнаруживаются только среди находок Мезинской стоянки. Сразу следует отметить, что орнаментированные костяные изделия Мезинской стоянки тоже “выпадают” из характерного для палеолитического времени искусства (Бибикова В.И., 1965, с. 5). Возникновение мезинских меандров достаточно убедительно связывается с наблюдательностью первобытного гравера, который, постоянно сталкиваясь с естественным узором на срезе бивня мамонта, сумел переработать его в новую орнаментальную схему. Вопрос о первооснове варфоломеевского лабиринта-меандра пока остается открытым. Искать его истоки в чрезвычайно извилистых степных реках из-за того, что в большинстве своем они протекают в широтном направлении представляется чересчур упрощенным и прямолинейным, несмотря на то, что и сам термин «меандр» возник от имени извилистой реки Б. Мендерес в Турции, которую древние греки называли Меандр. Попытаться связать варфоломеевский меандр с образом змеи? Но подобный “змеиный” орнамент характерен для земледельческих народов, где он символизирует ход времени и смену времен года (Рыбаков Б.А., 1965, с. 44-45). Для населения Варфоломеевской стоянки, которое занималось охотой, и где зарождающееся производящее хозяйство было связано исключительно с животноводством, такое объяснение также не подходит.

Некоторое сходство прослеживается с более поздними орнаментами на трипольской посуде, например в композициях из лабиринта-меандра Варфоломеевки и “обегающей спиралью”, спирально-солнечным орнаментом трипольских сосудов, связываемым с идеей Времени (Рыбаков Б.А., 1965, с. 42-43). Но на варфоломеевских орнаментах нет солярных знаков, а только меандр, который можно сопоставлять со спиралью, причем меандр нельзя соотнести с траекторией движения солнца, так как его направление гораздо более сложное. Вряд ли в данном случае спиральные

орнаменты земледельцев-трипольцев и меандры охотников и скотоводов Варфоломеевской стоянки будут наполнены одинаковым смыслом.

Можно предположить, что подобный орнамент не имеет местных корней и употреблялся традиционно, с незапамятных времен. Возможно, это тот случай, когда сложившаяся схема орнамента просто передавалась из поколения в поколение. В этом плане характерен пример, который приводится для орнаментов на русских вышивках XIX века: "…вышивальщицы лишь бессознательно повторяли старые узоры, так как уже не могли объяснить их содержания. Эстетическое начало давно заслонило собой архаичный смысл" (Рыбаков Б.А., 1987, с. 460).

Подобное отношение к восприятию неолитического орнамента характерно и для современного человека, но в неолитическое время в орнамент, вероятно, еще вкладывался какой-то смысл. Это видно по избирательности нанесения орнамента – только на те орудия, с помощью которых изготавливались предметы, которые впоследствии орнаментировались сами, то есть орнаментированные шпатели – для керамики, которая затем покрывалась орнаментом. Орнаментирована часть орудий для обработки кожи, следовательно, и она, возможно, покрывалась каким-то орнаментом.

Но, с другой стороны, не исключена вероятность автохтонного происхождения этого оригинального орнамента. Об этом может свидетельствовать тот факт, что на костяных предметах нижнего слоя встречен простейший орнамент, сложный геометрический появляется в слое 2Б, а максимальное количество находок, украшенных лабиринтом-меандром, обнаружено в слое 2А (финальный неолит). Простейший вариант орнамента – лабиринт, заполняющий все орнаментальное поле. Затем орнаментальное поле делится на зоны геометрическими фигурами, в которые вписывается лабиринт. Далее лабиринт, ограниченный формой фигуры – треугольника или ромба, – изгибается и принимает вид меандра. По сравнению с палеолитическим меандром фигуры намного вычурнее. Самые сложные композиции дополняются сеткой или штриховкой, заполняющей углы элементов орнамента. По мнению Н.Н.Гуриной, пышный расцвет изобразительного искусства у населения Кольского полуострова в конце неолита – начале раннего металла был вызван ростом экономического благосостояния в связи с переходом к морским промыслам (Гурина Н.Н., 1986, с. 8). На Варфоломеевской стоянке наблюдается аналогичная картина. Расцвет искусства приходится на поздний неолит (слой 2А) – время складывания производящего хозяйства. Это был наиболее теплый и влажный период неолитического времени, а в культурном слое встречено максимальное количество костей лошади и других животных.

Приведенные аналогии показывают, что подобия и прототипы для орнаментов Варфоломеевской стоянки пока обнаруживаются в большей степени не только за пределами круга родственных культур, но и за пределами хронологических рамок неолита. В целом же орнаменты на костяных изделиях Варфоломеевской стоянки являются совершенно оригинальным явлением и пока не находят полных повторений на других памятниках неолитической эпохи.

При всех вариациях отчетливо наблюдается сложение единого канона орнаментации определенного вида изделий – пластин, которые использовались в процессе производства керамики, а вторично – в качестве украшений.

О существовании устойчивой традиции и сложившихся приемах орнаментации кости говорит еще одна интересная категория изделий, которые, очевидно, следует считать ученическими работами.

В отличие от пластин с орнаментом и шпателей-лощил, где орнамент наносился на предварительно подготовленное изделие (изготовление пластины из костяной заготовки, придание нужной формы, обработка поверхности скобелем и абразивом), "ученические" работы выполнялись на случайных обломках расколотых трубчатых костей и ребер без предварительной подготовки поверхности (рис. 66, *4*; 72, *4*; 80, *1*). Линии нанесены неумело и неуверенно, в некоторых случаях резец срывался, оставляя следы за пределами намеченных сюжетов (рис. 66, *4*). Элементы орнамента выстраиваются в узнаваемые композиции на описанных выше пластинах, но здесь нет продуманной ритмичности, на всех изделиях орнамент не завершен, а только произведена его разметка. В то же время эти предметы не могут считаться незаконченными, так как техника гравировки по кости исключает предварительную разметку непосредственно резцом и не допускает каких-либо исправлений, то есть перед нами не заготовки будущих изделий, а именно ученические наброски, тренировка гравера в овладении неподатливым материалом, требующим хорошего глазомера и уверенной опытной руки.

Вторая группа. Антропоморфная скульптура. Представлена мелкой пластикой из путовых костей лошади. В отличие от пластин с орнаментом антропоморфная скульптура не является локальной особенностью позднего неолита Заволжья. Аналогичные находки встречаются в степной и лесостепной зоне Евразии на неолитических стоянках (Ракушечный Яр на Нижнем Дону, Виловатовская стоянка на р. Самаре), а также энеолитических памятниках Заволжья (Алтата) и Северного Казахстана (Ботай и Кожай I). Долгое время назначение этих предметов оставалось неясным, и только после изучения варфоломеевской серии с несколько большей детализацией изображений (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993) мы можем говорить о том, что это стилизованные статуэтки, схематично изображающие женщину.

Всего обнаружено 7 антропоморфных статуэток (рис. 67, *1, 2*; 68, *1-3*; 69, *1-2*) и 4 заготовки (рис. 69, *3-5*). В качестве исходной заготовки использовалась путовая кость лошади. Если ее рассматривать, расположив узкую (нижнюю) часть вверх, то наблюдается определенное сходство с женским торсом за счет естественной формы кости. Для усиления этого сходства поверхность заготовки тщательно обрабатывалась скобелем и абразивом, удалялись неровности и бугорки; в четырех случаях на тыльной стороне, в ее более широкой части, глубокими пропилами выделены "ножки" (рис. 67, *2, 3*; 68, *2, 3*). С тыльной же стороны одной заготовки при соскабливании и выравнивании были оставлены бугорки, имитирующие женскую грудь (рис. 67, *2*). На шести статуэтках абразивом сформована легкая огранка по спинкам фигурок. Таким образом, вырезанные “ножки”, грудь, огранка спины и естественные обводы кости делают в статуэтках вполне узнаваемой, хотя и сильно схематичной, фигуру сидящей женщины.

После пластической обработки и полировки на поверхность статуэток кремневыми пилками наносился орнамент: горизонтальные линии в средней и нижней части изделия, короткие насечки по естественным и сформованным граням. Относительно композиций на других костяных предметах Варфоломеевской стоянки орнаментация статуэток предельно лаконична, использованы самые простейшие элементы орнамента. Причем, при некоторых вариациях, расположение орнамента на всех статуэтках подчинено строгой закономерности. Во всех случаях статуэтка разделена в центральной части пояском из 1-4 линий, который опоясывает фигуру по всему периметру или нанесен только с лицевой стороны. Второй поясок выгравирован по краю нижнего основания статуэток. Этим поясом очерчиваются и отделяются ноги от туловища. В двух случаях, под нижним поясом, с задней и боковых сторон статуэтки дополнительно нанесены зигзаг и полоса коротких вертикальных линий. Вершины еще двух статуэток украшены прямыми и волнистыми линиями (рис. 67, *2*; 68, *3*).

На боковых сторонах и гранях по спинке почти всех статуэток сделаны короткие пропилы-насечки. Насечки нанесены группами от 5 до 18 штук. Небольшое количество скульптурок не позволяет пока сделать выводы о характере смысловой нагрузки количества насечек в группах. На двух статуэтках отсутствуют ножки или грудь, но идентичность орнамента не оставляет сомнений в их типологической принадлежности к группе схематичных антропоморфных скульптур. Следовательно, вполне возможно рассматривать и “заготовки” с Варфоломеевской стоянки, а также обнаруженные на других неолитических памятниках обработанные путовые кости с каким-либо орнаментом как символические изображения женщин.

Подтверждением правильности интерпретации варфоломеевских статуэток как изображений женщин являются аналогичные изделия верхнепалеолитического времени. Статуэтка сидящего человека, вырезанная из метакарпальной кости мамонта, известна на позднепалеолитической стоянке Авдеево, где тело фигурки также передает естественная форма кости (Гвоздовер М.Д., 1950, с. 27). На малой антропоморфной скульптуре костенковско-авдеевских памятников выявлена устойчивая связь между типом фигурки и ее орнаментацией. Причем схема расположения орнамента была единой для реалистических и схематических изображений (Гвоздовер М.Д., 1985а, с. 9-22; Она же, 1985б, с. 37-38). Л.А. Яковлева проанализировала расположение орнамента на женской статуэтке из позднепалеолитической стоянки Елисеевичи и на метаподиях, фалангах, трубчатых костях, найденных там же, и доказала, что эти орнаментированные предметы также связаны с образом женщины (Яковлева Л.А., 1985, с. 43).

Антропоморфные стилизованные скульптурки из Варфоломеевки имеют двухчастное построение, что всегда подчеркивается рядами горизонтальных линий в средней части статуэтки, и это, вероятно, является культурной особенностью. В степной зоне Юго-Востока Европы по аналогичному принципу орнаментирована путовая кость лошади из Ракушечного Яра (Белановская Т.Д., 1983, с. 161, рис. 1, *15*). Антропоморфный характер статуэтки не вызывает сомнений, так как композиционно она полностью вписывается в варфоломеевские стандарты: разделена пояском в средней части, верхние и боковые грани покрыты рядами насечек. Такое сходство явно не случайно, так как в орловской и ракушечноярской культурах наблюдаются значительные параллели и по другим признакам (Юдин А.И, 1998, с. 28-29). Очевиден также антропоморфный характер орнаментированной метаподии оленя, найденной в Ракушечном Яру. Определяющим признаком в этом случае выступает женский знак, появляющийся в искусстве антропоморфной пластики уже в начале верхнего палеолита (Столяр А.Д, 1972).

Статуэтка с Ивановской стоянки, другого территориально и культурно близкого к Варфоломеевке памятника, украшена по спинке вертикальной цепочкой ромбов (Васильев И.Б. и др., 1980, с. 185). Такого орнамента нет на варфоломеевских скульптурках, но идентичные элементы часто встречаются на керамике.

Отличия антропоморфных статуэток на названных выше энеолитических памятниках за Уралом проявляются только в системе нанесения орнамента. Здесь применяется такой же принцип имитации женской фигурки путем подбора естественной кости соответствующей формы, что требовало минимального вмешательства древнего скульптора. При сравнении с наиболее представительной серией антропоморфных статуэток с поселения Ботай (Даниленко Т.А., 1985) сразу заметно, что для лицевой стороны скульптуры, как и на

Варфоломеевке, выбрана тыльная сторона путовой кости. Здесь нанесен наиболее пышный орнамент и, в одном случае, женский знак. В расположении орнамента не применяется двухчастная композиционная схема, характерная для статуэток Варфоломеевской стоянки.

Аналогичная картина наблюдается и на статуэтках из костей лошади, кулана и сайги терсекского памятника Кожай I (Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997, с. 62, 68-69). В отличие от ботайских на них нанесен более простой орнамент, но он также не укладывается в варфоломеевскую схему. Несколько путовых костей украшены только по верхнему краю.

Возможно, более упрощенная орнаментация (в палеолите антропоморфная скульптура развивалась по пути усиления схематизации) является хронологическим признаком, однако на находках Варфоломеевской стоянки эволюционный характер антропоморфной пластики не подтверждается. Материалы стоянки отражают функционирование орловской неолитической культуры на протяжении всего V тыс. до н.э. и по ним хорошо прослеживается эволюция в керамике, каменных орудиях, меньше – в изделиях из кости. Антропоморфные статуэтки залегали по всей толще неолитического слоя и все они выполнены в едином художественном стиле, сохранившемся на всем протяжении неолита. С другой стороны, на памятниках местного энеолита статуэток варфоломеевского типа нет, известны только путовые кости с сериями насечек в верхней части (стоянка Алтата).

Объединяет поволжские и зауральские предметы мелкой костяной антропоморфной пластики тот факт, что на всех памятниках, где они найдены, или существовал культ лошади и ее кости составляли значительное количество в остеологических материалах (Варфоломеевка), или хозяйство имело развитый коневодческий характер (Ботай). Показателен и сам выбор путовых костей лошади (в большинстве случаев) в качестве исходной заготовки для статуэтки.

Таким образом, в результате анализа серии орнаментированных путовых костей лошади с Варфоломеевской стоянки определено, что они являются стилизованными статуэтками женщины. Аналогичные статуэтки бытовали в степных культурах Евразии и, вероятно, являются отражением женского культа, сложившегося еще в верхнем палеолите. Условный и схематичный принцип изображения женщины в последующие за палеолитом эпохи реализовывался по-разному в зависимости от местных культурных традиций: из рога и камня у лесных охотников, из глины у земледельцев и из путовых костей у первых скотоводов степей Евразии.

Третья группа. Зооморфные предметы. Находки этой группа немногочисленны, но очень выразительны и представляют особый интерес, так как показывают истоки сложения искусства следующего периода – раннего энеолита. Зооморфные предметы – это три фигурки лошадей, выполненные на тонкопластинчатых костях. Самая маленькая фигурка имеет длину 2,8 см и высоту 1,5 см (рис. 67, *5*). Это изображение лошади наиболее схематично по сравнению с другими, но видовая принадлежность не вызывает сомнений. По холке лошади кость срезана под углом таким образом, что обнажившееся губчатое вещество очень удачно имитирует гриву. Также следует обратить внимание на две параллельных линии, прочерченных по морде, передним и задним ногам и брюху. В принципе это можно было бы списать на техническую погрешность, но на второй фигурке лошади совершенно явственно изображена уздечка, и поэтому эти две параллельных линии привлекают к себе внимание.

Вторая фигурка наиболее крупная: длина 6,9 см, высота 3,5 см (рис. 67, *3*). Приблизительно в центральной части просверлено отверстие, а на голове с обеих сторон кремневой пилкой сделаны глубокие пропилы, в том числе и два длинных по шее, и по одному глубокому пропилу по крупу. Скорее всего, этими пропилами обозначена уздечка. Как и у первой фигурки, ноги лошади обозначены весьма условно, хотя общий контур весьма динамичен и выразителен.

От третьей фигурки сохранилась только передняя половина. Здесь короткими насечками обозначена грива и просверлено отверстие для подвешивания. Высота 2,2 см (рис. 67, *4*). Все три фигурки выполнены в одной художественной манере: головы лошадей опущены, они имеют короткие ноги и отвислый живот. Ближайшие аналогии обнаруживаются в раннеэнеолитических могильниках Поволжья: у с.Съезжее на р. Самаре и Липовый Овраг в Хвалынском районе Саратовской области. Фигурки лошадок из Варфоломеевки отличаются от них отсутствием гравировки мелких деталей по сравнению с находками из Липового Оврага и в то же время значительно большей реалистичностью по сравнению с предметами из Съезжинского могильника (Васильев И.Б. и др., 1980, с. 185; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979; Васильев И.Б., 1985, с. 17).

Предметы искусства из других материалов, встреченные на Варфоломеевской стоянке, являются обычными находками на других неолитических и раннеэнеолитических стоянках.

Представляет интерес скипетр, найденный на территории Варфоломеевской стоянки, один из концов которого оформлен в виде головы животного. Скипетр изготовлен из сливного песчаника розовато-коричневого оттенка (цвет за счет примесей гидроокисла железа). Предмет полностью не сохранился (рис. 57).

Длина сохранившейся части – 18,7 см, максимальный диаметр – 6 см. Скульптурное изображение выполнено в условно-реалистической манере. Морда животного вытянутая, приплюснутый

нос напоминает пятачок свиньи (в культурном слое найдено очень незначительное количество костей свиньи, преимущественно в верхнем слое). В нижней части “пятачка” слегка намечены пасть и нижняя челюсть. Глаза обозначены выпуклыми окружностями. На верхнелобовой части, ближе к затылку, выступают небольшие уши, дугообразно опускающиеся к нижней челюсти и подчеркивающие форму головы. С уверенностью назвать вид изображенной особи нельзя, так как скульптура соединяет черты нескольких животных. В частности, передняя часть морды напоминает свинью, а длинные свисающие уши больше всего похожи на собачьи. Поверхность жезла тщательно отполирована. Кроме того, ближе к обломанной части на верхней, нижней и боковых сторонах сделаны четыре плавно заглубленные плоскости, зашлифованные намного сильнее, чем остальная поверхность.

Аналогичные предметы известны на памятниках Восточной Европы еще со второй четверти XIX века по коллекции П.Н.Рыбникова на территории Карелии (Формозов А.А., 1986, с. 183).

Традиция использования подобных жезлов широко распространена и в неолите лесостепной и степной зоны. Они чаще всего известны как случайные находки, например, в Новоорском районе Оренбургской области (Моргунова Н.Л., 1995, с. 172, рис. 76, *2*), но зооморфный скипетр встречен и в культурном слое энеолитического поселения Лебяжинка IV в лесостепном Заволжье (Овчинникова Н.В., 1996, с. 13-14, рис. 1).

Найдены два навершия булав: обломок круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы (рис. 55, *1*)и полностью сохранившаяся булава из мела. В данном случае интерес вызывает последняя. Она залегала на дне жилища слоя 2 А. Находка имеет подтреугольную форму, окончания лучей подчеркнуты двумя круговыми желобками. Сверху, вокруг сверлины также проточена окружность, от которой вершинами вниз опускаются треугольники (рис. 55, *2*).

Традиционно считалось, что искусство степных народов на протяжении длительного времени носило исключительно орнаментальный характер, но мелкая зоо- и антропоморфная костяная пластика Варфоломеевской стоянки и других вышеназванных памятников неолитического времени позволяет предполагать широкое бытование изобразительных видов искусства на материалах, которые не сохранились в культурном слое. Это хорошо видно на примере стоянок лесной зоны, культурные слои которых залегают в болотах и торфяниках с хорошей сохранностью дерева. Без деревянных предметов искусства (скульптурные изображения животных и птиц), найденных там, искусство многих неолитических культур также считалось бы только орнаментальным.

Долгое время чисто орнаментальным считалось и искусство культур степной бронзы. Однако редкие, хотя и схематичные, изображения людей, животных, колесниц на керамике эпохи бронзы (Отрощенко В.В., 1974; Галкин Л.Л., 1977; Кузнецова Л.В., Седова М.С., 1991; Матюхин А.Д., 1992) показывают, что людям того времени не было чуждо изобразительное творчество, но и они, вероятно, прилагали свои силы на недолговечных материалах. Выше уже приводилось логическое предположение по этому вопросу для Варфоломеевской стоянки: если орнаментом покрыты орудия для изготовления керамики, которая в свою очередь орнаментировалась, то, возможно, украшались и изделия из кожи, так как орудия для ее обработки тоже орнаментированы. Далее можно предположить следующее. Орнамент на кости и керамике в пределах одной стоянки различается принципиальным образом, следовательно, и на кожаных предметах он был другим. А может там выполнялись сюжетные рисунки? Ведь есть же некое подобие пиктограмм на нескольких изделиях (рис. 60, *3*; 66, *3*; 77, *2*).

Круг аналогий для искусства Варфоломеевки в целом очерчивается в сопредельных степных культурах неолита-раннего энеолита. За пределами нижневолжского региона особенно явственно общие закономерности прослеживаются с ракушечноярской культурой Нижнего Дона. Это уже упоминавшиеся костяные изделия из Ракушечного Яра (орнаментированные предметы, антропоморфные статуэтки) и костяная фигурка быка из Раздорского I поселения (Кияшко В.Я., 1994, с. 129, рис. 143). Последнее представляется особенно важным, так как к настоящему времени только в орловской и ракушечноярской культурах совместно встречаются антропоморфная и зооморфная пластики. Вероятно, это не случайное совпадение, которое не может быть объяснено стадиальными причинами. Следует предполагать какую-то общую культурную основу или тесные культурные связи (Юдин А.И., 2000, с. 47-49).

Концентрация находок на Варфоломеевской стоянке, возможно, есть зримое свидетельство существования еще одного центра распространения неолитического искусства на территории Восточной Европы, получившего прямое продолжение в энеолитических памятниках последующего времени. Преемственность искусства мелкой пластики и традиционных орнаментов на территории Нижнего Поволжья видна в материалах раннеэнеолитических могильников Съезжее (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979) и Липовый овраг (Васильев И.Б., 1985). Если варфоломеевские фигурки лошадей выполнены в единой стилистической манере, то фигурки с могильников уже делятся на два типа. Один тип представлен изображениями лошадей в более реалистической манере и с большей детализацией по сравнению с варфоломеевскими находками. Другой тип, наоборот, отличается избыточной стилизацией.

Вопрос о преемственности искусства непосредственно связан с более общими вопросами развития культуры. Анализ материалов Варфоломеевской стоянки подтверждает вывод С.В.Ошибкиной о возможном существовании общих закономерностей в развитии искусства всей Евразии (Искусство..., 1999, с. 132). Подтверждением этому может служить бытование костяных фигурок животных в одной стилистической традиции от Балтики до Нижнего Дона. Имеются в виду фигурка лося (Малмута, Латвия, раскопки И.А.Лозе – по А.А.Формозову, 1970, с. 199, рис. 4, 9), скульптурки лошадей из Заволжья и изображение быка из Раздорского I поселения (Кияшко В.Я., 1987, с. 74, рис. 1, *16*).

С.В.Ошибкина также считает, что наблюдаемая специфика для различных культур и регионов носит этнический характер. Применительно к варфоломеевским материалам это также находит подтверждение. Действительно, прямые аналогии обнаруживаются к северу и северо-востоку от Варфоломеевки в материалах волго-уральской культуры, на юге и юго-западе – среди сероглазовских и джангарских памятников и далее, – в ракушечноярской культуре на Нижнем Дону. Именно с этими культурами орловская обнаруживает максимальную степень культурной близости по комплексу археологических признаков (Юдин А.И., 2000, с. 41-56).

Преемственность (основных принципов или идей) искусства от эпохи к эпохе хорошо прослеживается в искусстве малых форм. В палеолите для этого жанра основным сюжетом является изображение женщины и животных (Абрамова З.А., 1970, с. 78). Те же сюжеты, как было показано выше, характеризуют орловскую и ракушечноярскую культуры. Сохраняется и принцип отражения в искусстве наиболее важных сторон жизни. Если в палеолите на стоянках встречается много костей мамонта, то и его изображения доминируют. Аналогично и для Варфоломеевской стоянки – обильное количество костей лошади сопровождается изображениями лошади.

Таким образом, на примере одной относительно небольшой коллекции предметов декоративно-прикладного искусства становится возможным увидеть общую картину для степной зоны Юго-Восточной Европы, так как в культурном слое Варфоломеевской стоянки представлены практически все предметы неолитического искусства этого региона. По единичным предметам декоративно-прикладного искусства на различных памятниках ранее нельзя было предполагать какую-либо целостность в плане эволюции искусства неолитического населения. Варфоломеевская стоянка своей коллекцией не только объединяет эти разные в плане археологических культур памятники, но и выделяется среди них как по общему количеству типов и предметов искусства, так и совершенно оригинальным художественным стилем гравировки кости, который пока не находит аналогий. С учетом коллекции предметов искусства Варфоломеевской стоянки теперь степная зона Юго-Восточной Европы предстает перед нами как единое культурное пространство (в плане искусства) с возможным центром распространения искусства обработки кости из степного Заволжья.

Глава 3. ОРЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, ЕЕ ХРОНОЛОГИЯ И СООТНОШЕНИЕ С КУЛЬТУРАМИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

1. Неолитические памятники степного Поволжья

Уникальность Варфоломеевской стоянки особенно ярко проявляется на фоне остальных неолитических памятников степного Поволжья, которые трудно сравнивать с ней по степени сохранности культурного слоя и составу находок. Тем не менее материалы других стоянок дополняют в некоторых аспектах данные, полученные на Варфоломеевке. В культурном плане и территориально эти памятники, несомненно, составляют единую группу.

Поселение Кумыска. Многослойное поселение Кумыска, содержащее находки неолита, энеолита, средней и поздней бронзы, исследовалось автором в 1985-86 годах (Юдин А.И., 1999, с. 122-137). Поселение расположено на южной окраине с. Кумыска Палласовского района Волгоградской области, на левом берегу р.Торгун (рис. 1, *2*). В настоящее время, в физико-географическом отношении р. Торгун является как бы естественной границей между двумя природно-климатическими зонами – степной и полупустынной. Южнее, вплоть до Каспия, по левому берегу Волги нет ни одного крупного притока.

Раскопками исследовано около 470 кв. м культурного слоя; нижний слой относится к неолитическому времени. Неолитические находки отчленяются от позднейших планиграфически и в меньшей степени стратиграфически. Неолитические материалы залегали вдоль берега реки и перекрывались энеолитическим слоем. В северных квадратах неолитические находки отделялись от энеолитических тонкой (5-10 см) волнистой супесчаной прослойкой. Собственно неолитический пласт редко где имел толщину более 20 см.

Неолитическая керамика немногочисленна и сильно фрагментирована, многие черепки окатаны. В то же время следов окатанности на энеолитической керамике нет. В глине обильная примесь толченой раковины или растительная примесь, придавшая керамике пористость и рыхлость. Венчики двух фрагментов имеют небольшой наплыв-утолщение с внутренней стороны. Срез одного из них гофрирован, а по внутренней стороне прочерчены две параллельные линии. На внутренней стороне другого венчика также заметны следы орнамента. Венчики нескольких сосудов слегка выдавлены наружу и по форме приближаются к энеолитическим воротничковым, залегавшим выше. Орнаментирована керамика рядами разреженного треугольного накола, наколами полуовальной формы, отступающим наколом и прочерком (рис. 82, *1-6*).

Анализ каменных орудий усложняется их перемешанностью с энеолитическими. По аналогии с Варфоломеевским комплексом каменных изделий можно вычленить ряд категорий орудий неолитического времени. Для каменных орудий характерна микролитичность. В качестве сырья использовался однотонный кремень различных цветов. Около 10 % орудий изготовлено из светло-серого кварцита, встречено несколько предметов из полосчатой и сургучной яшмы. Преобладает пластинчатая техника расщепления камня. Нуклеусы для снятия пластин отличаются небольшими (3-5 см) размерами. Всего их 14 экземпляров следующих типов: конические, призматические, плоские со скалыванием пластин с одной стороны, уплощенные со скалыванием по части периметра. На плоских и уплощенных имеются остатки желвачной корки. Все нуклеусы одноплощадочные, два экземпляра со скошенной площадкой, остальные –

прямоплощадочные. Из общей серии выделяются два кварцитовых нуклеуса: конический со скалыванием по двум граням и карандашевидный из светло-желтого кварцита (рис. 82, *7-10*).

Количественно в комплексе доминируют пластины, пластины с ретушью и пластины-вкладыши. Пластины-вкладыши подретушированы по одному краю или двум краям с брюшка, одна имеет приостренный конец. Встречены две типологически ранние пластины с притупленным краем (рис. 82, *12-17, 23*). Найдены 4 трапеции. Три из них средневысокие: одна ретушированa по всему периметру, другая – с торцов и частично по вершине, последняя – только с торцов (рис. 82, *20-22*). Четвертая трапеция высокая, со струганной спинкой (рис. 82, *11*). К неолитическому времени следует отнести и часть скребков на пластинах и отщепах, острия, орудия со скоблевидными выемками, которые не отличаются от энеолитических (рис. 82, *17-19*).

Неолитические находки на поселении Кумыска по всем параметрам совпадают с материалами Варфоломеевки. Это форма венчиков сосудов, прочерченно-накольчатый характер их орнаментации, набор категорий каменных орудий и соотношение кремневых и кварцитовых среди них. Вполне допустимо синхронизировать неолитические находки Кумыски с верхним слоем Варфоломеевки, но ряд предметов имеет и более ранний возраст (пластины с притупленным краем, трапеции).

Одновременно с исследованием Кумыски были проведены разведки по берегам р.Торгун и обнаружено еще несколько памятников с неолитическими материалами.

Стоянка Савинка. Находится в 1,2 км к северо-востоку от с. Савинка, на правом берегу реки (рис. 1, *3*). Часть памятника уничтожена глубокой (до 2 м) выемкой, из которой брали грунт для отсыпки близлежащего вала. По краю западной выемки проведена зачистка обнаженного культурного слоя и там же заложен шурф площадью 4 кв. м. Культурный слой насыщен слабо и достигает метровой толщины. Найдены фрагменты керамики, пластины, нуклеус и кости животных. Большая часть находок собрана на поверхности разрушенного участка. Фрагменты керамики имеют светло-коричневый цвет и обильную примесь толченой раковины в тесте глины. Два фрагмента венчиков имеют прямой срез и орнаментированы горизонтальными прочерками, на внутренней стороне венчиков прочерчен зигзаг (рис. 83, *1*).

Найден 81 каменный предмет, из них 9 – из светло-серого кварцита, остальные из кремня. Техника расщепления камня пластинчатая, на отщепах выполнено всего 4 скребка. Два нуклеуса относятся к разным типам: одноплощадочный призматический для скалывания коротких пластинчатых отщепов и конический с круговым скалыванием пластин (рис. 83, *2, 3*). Из 29 сечений и пластин только 4 имеют ширину 11-15 мм, остальные – 5-9 мм. Орудия на пластинах представлены тремя пластинами-вкладышами с ретушью по брюшку, тремя резцами на углу пластины, скошенным острием, двумя концевыми скребками на пластинах и тремя скребками на укороченных пластинах. Скребки на отщепах имеют округлую форму – два концевых и два с ретушью на 3/4 периметра (рис. 83, *4-19*).

Небольшая выборка материалов стоянки в предварительном плане синхронизируется со слоями 2 Б и 2 А Варфоломеевки.

Между стоянкой Савинка и поселением Кумыска, на левом берегу р.Торгун известно еще два неолитических памятника – Максимовка и Борсы.

Поселение Максимовка расположено напротив села того же названия (рис. 1, *4*). Зачистка обнаженного культурного слоя по берегу реки показала, что культурные напластования составляют 1 м. Сразу под гумусом залегает слой серого суглинка (слой 1) толщиной до 0,3 м, затем такая же прослойка светлого стерильного суглинка, а под ним – слабогумусированный суглинок толщиной 0,2 см (слой 2). Однако при зачистке обнаружены только обломки костей животных. Судя же по подъемному материалу, слой 1 сформировался в позднебронзовое время, слой 2 – в неолитическое. Коллекция каменных изделий небольшая, но по набору категорий и технике вторичной обработки может быть идентифицирована как поздненеолитическая. Найдены: поперечный скол с пластинчатого нуклеуса, 7 сечений пластин, вкладыш с брюшковой ретушью, трапеция со струганной спинкой, концевой скребок на укороченной пластине и 3 отщепа из кремня, сечение пластины, концевой скребок на пластине, скребок на отщепе с ретушью на три четверти периметра и отщеп из кварцита (рис. 83, *20-30*).

Местонахождение Борсы расположено в 2,3 км южнее предыдущего памятника (рис. 1, *5*). Коллекция находок во многом близка материалам Савинки. Найдены следующие предметы из кремня: 17 ножевидных пластин и сечений, 5 пластин с ретушью, 6 скребков на укороченных пластинах, 2 концевых скребка на пластинах (один со скошенным лезвием), 4 концевых скребка на пластинах с подработанными боковыми сторонами, 3 концевых скребка на отщепах и 1 на круглом отщепе с ретушью на 3/4 периметра, 2 нуклевидных обломка, продольный скол нуклеуса с краевой ретушью, косое острие на микропластине, 2 обломка трапеций – низкой и средневысокой, пластина с притупленным краем и 13 отщепов и чешуек. Преобладающая ширина ножевидных пластин – 7-11 мм. Кварцитовые находки представлены двумя сечениями ножевидных пластин, двумя скребками на укороченных пластинах (один со скошенным лезвием), отщепом со скоблевидной выемкой. Мелкие обломки керамики имеют примесь толченой раковины в тесте глины. Данный комплекс может быть синхронизирован со слоем 2 Б Варфоломеевки.

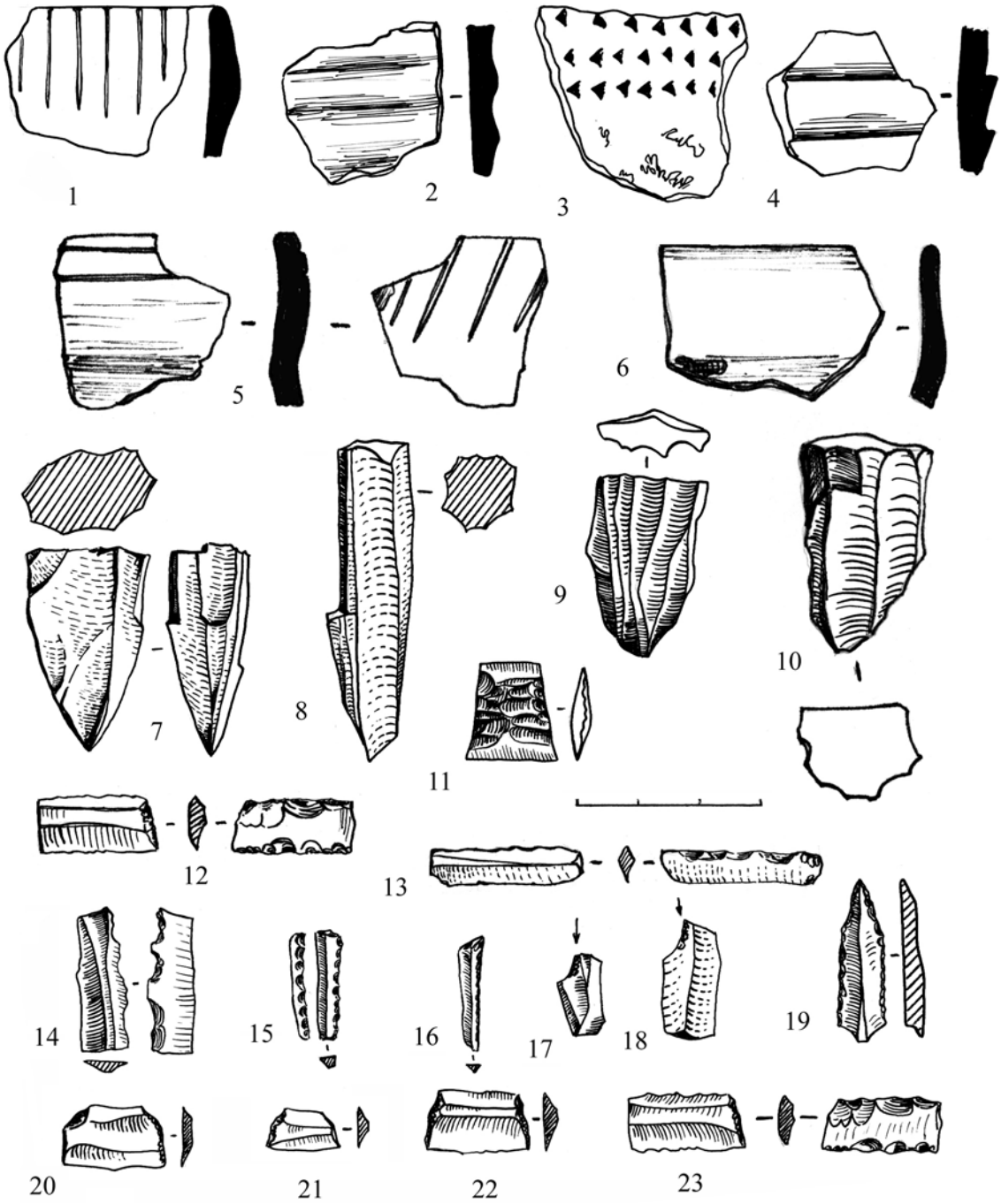

Рис. 82. Находки из нижнего слоя поселения Кумыска на р.Торгун

Выразительная коллекция каменных орудий неолитического времени, полностью соответствующая материалам Варфоломеевской стоянки, получена на **Кушумской стоянке**, которая находится в 3 км к северо-западу от с. Милорадовки Краснопартизанского района Саратовской области.

Памятник расположен у истоков р. Большой Узень (рис. 1, *б*) и вытянут вдоль берега как минимум на 50 м. Культурный слой интенсивно размывается, по руслу реки собрано 1700 пластин и орудий из камня.

В 1981 году В.А.Лопатин заложил на стоянке два шурфа по 16 кв. м (Лопатин В.А, Миронов В.Г., 1983, с. 154-155). Культурный слой залегал сразу под 15-20-сантиметровым слоем гумуса и достигал толщины 1,35 м у берега реки. Наиболее насыщена находками нижняя часть культурного слоя. Верхняя его половина сложена из культурных напластований, перемещенных со склона террасы. Материалы разных эпох залегают совместно, что характерно для подавляющего большинства памятников региона. В шурфах найдено незначительное количество невыразительной керамики с

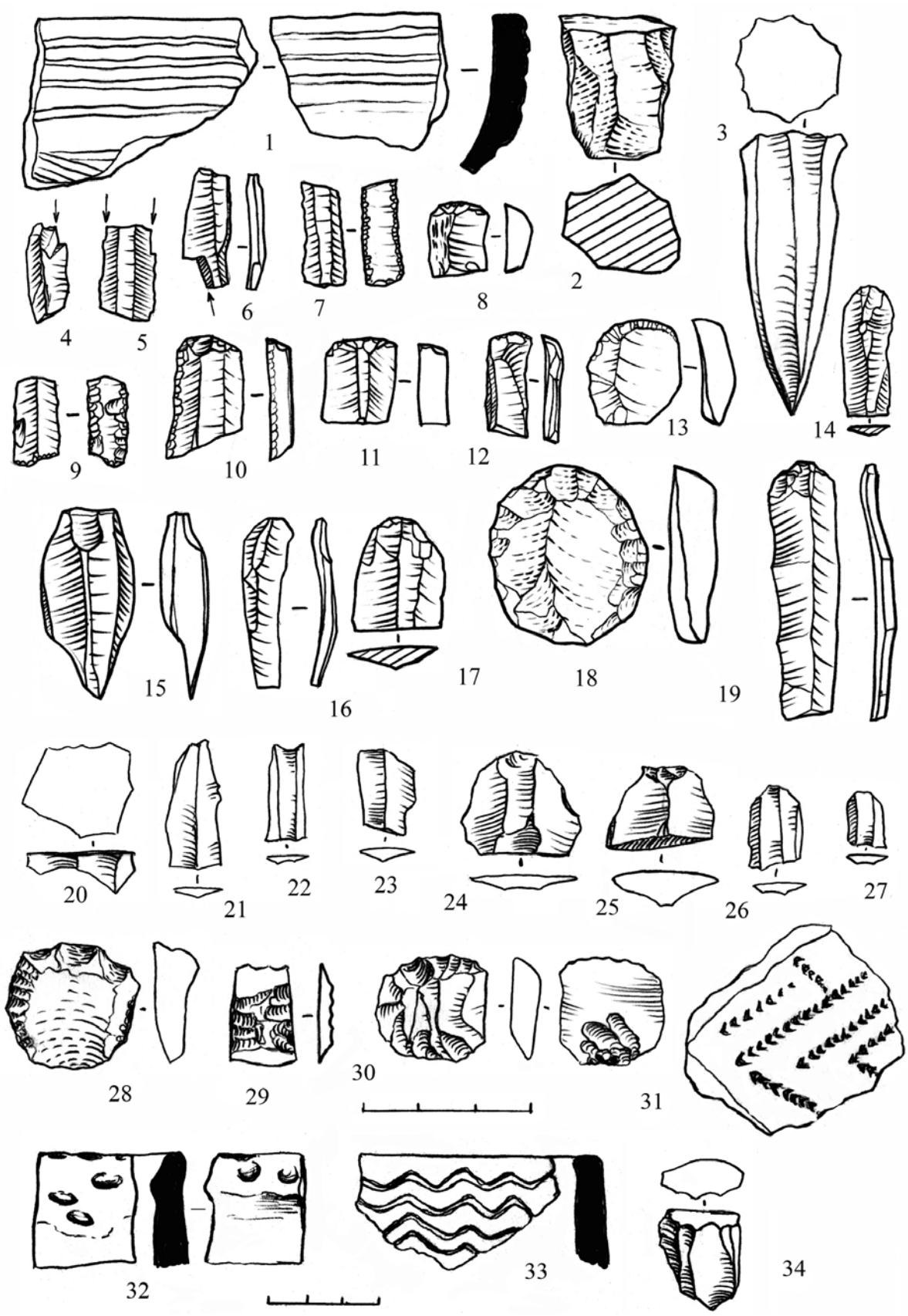

Рис. 83. Находки со стоянок степного Заволжья: *1-19* – Савинка; *20-31* – Максимовка; *32* – Бубенцы; *33-35* – Вавилово

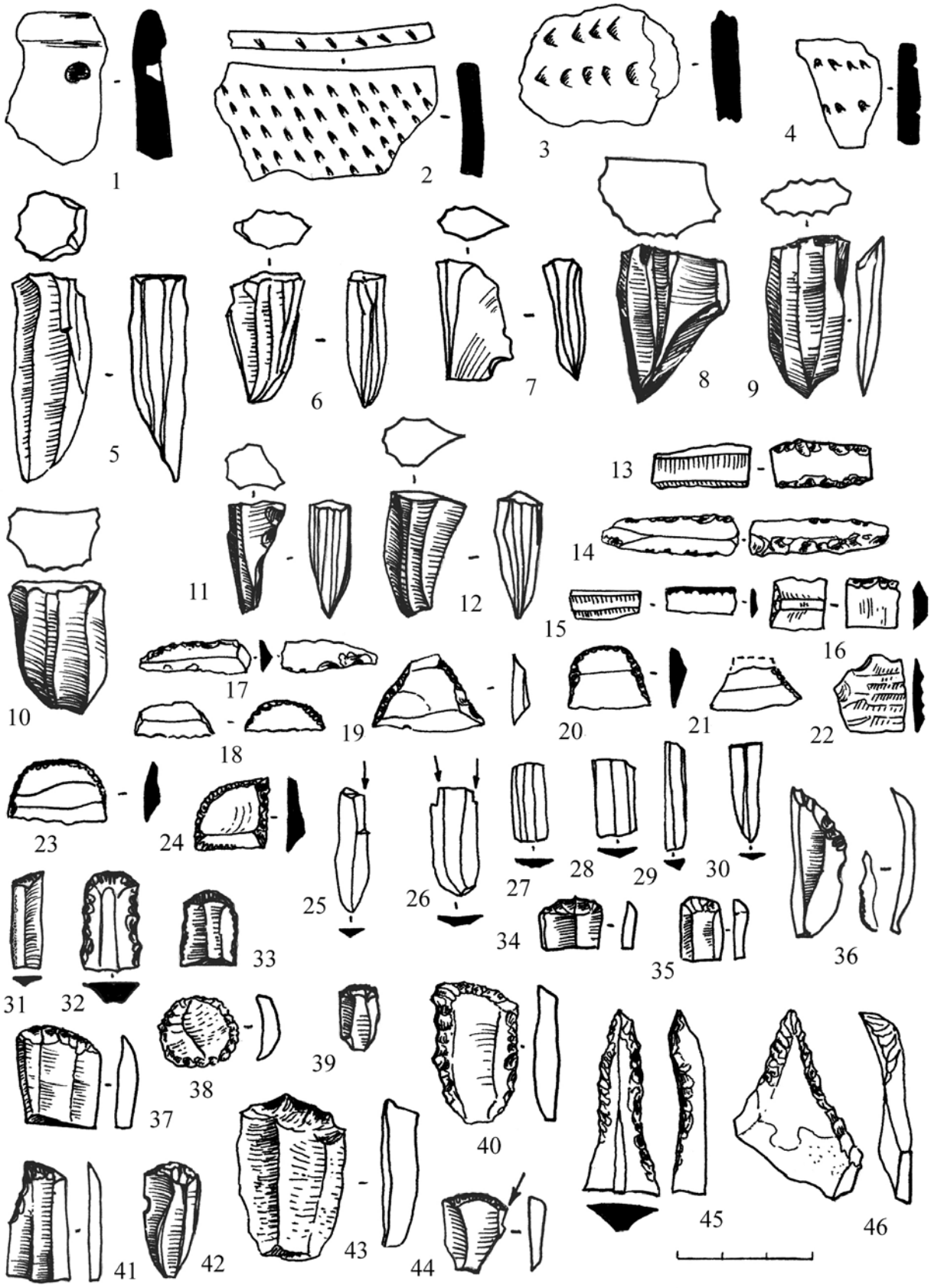

Рис. 84. Кушумская стоянка у истоков р. Большой Узень

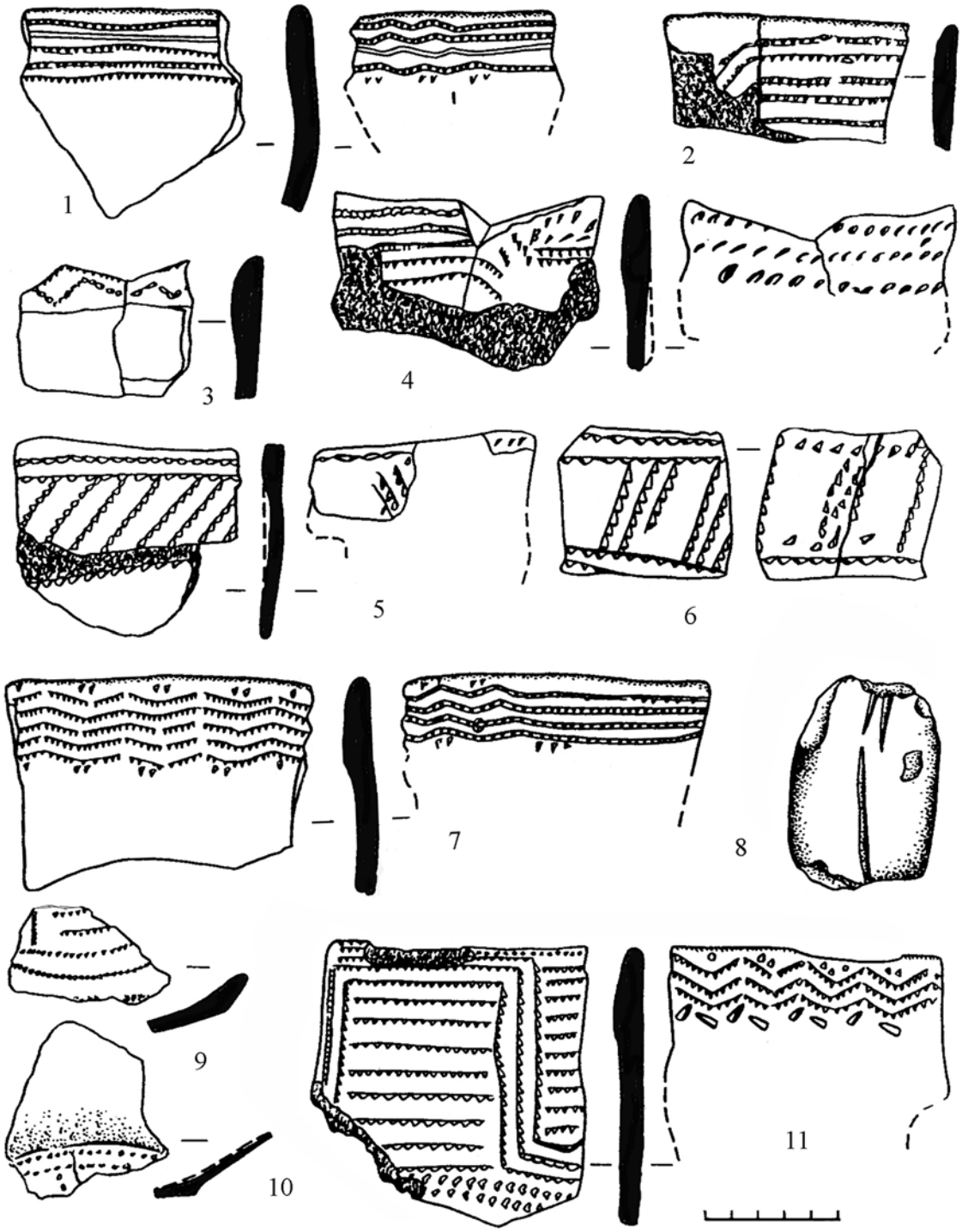

Рис. 85. Керамика стоянки Орловка (по В.И.Мамонтову)

примесью толченой раковины, фрагменты срубных сосудов и разновременные каменные изделия, аналогичные подъемному материалу.

Материалы памятника опубликованы (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 192-204), поэтому остановимся на самых характерных категориях орудий неолитического времени. Керамика очень фрагментарна, обломки сосудов с накольчатой орнаментацией включают обильную примесь толченой раковины. Венчик одного прямостенного сосуда, кроме наклонных рядов узкой треугольной лопаточки, украшен такими же наколами по срезу насечками (рис. 84, *1-4*).

К неолитическому времени мы можем отнести ряд категорий орудий, типологические признаки которых соответствуют параметрам других неолитических памятников региона. В первую очередь это геометрические микролиты и пластины-вкладыши.

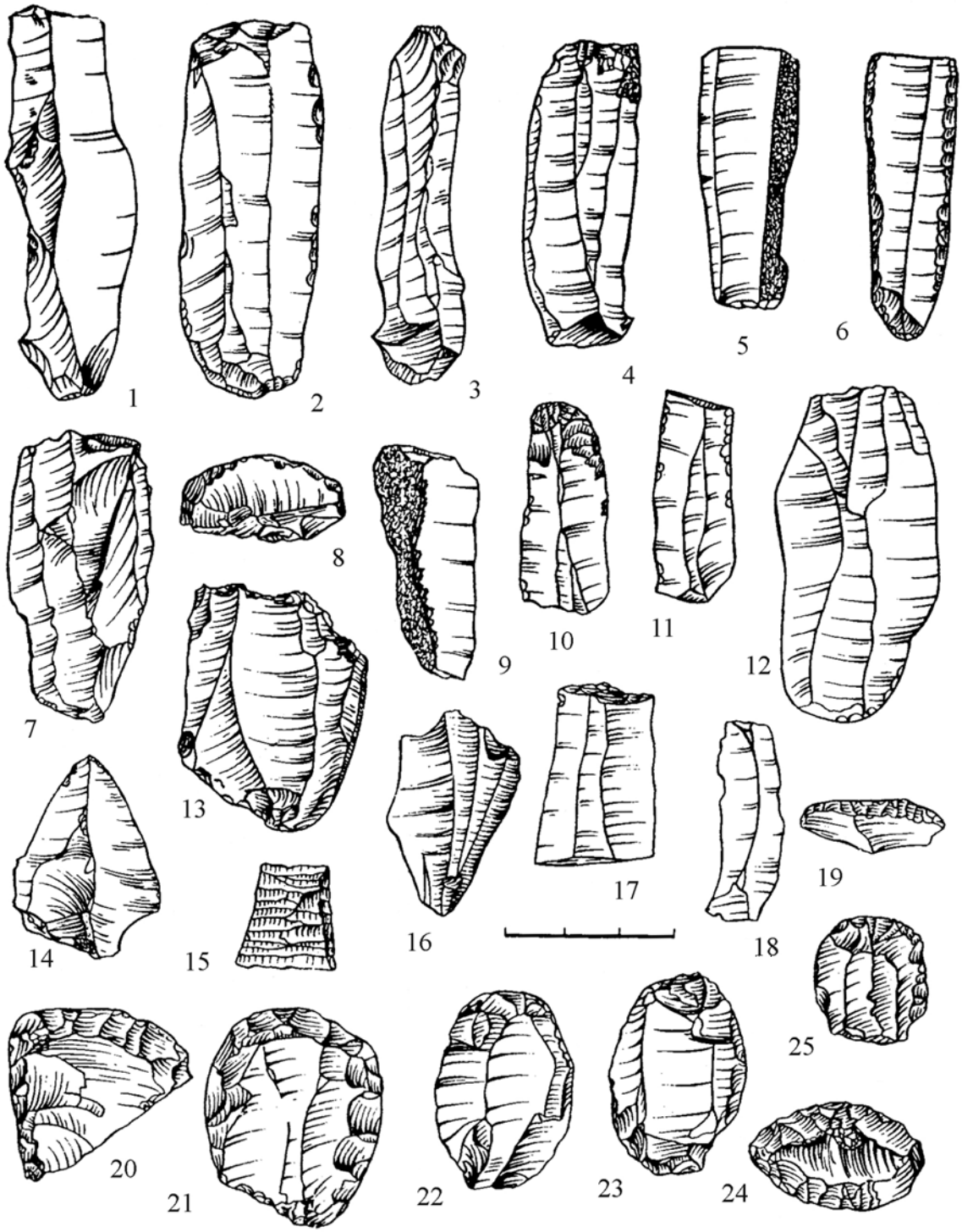

Рис. 86. Каменный инвентарь стоянки Орловка (по В.И.Мамонтову)

Они представлены 46 предметами (рис. 84, *5-46*). Это 7 трапеций: 3 средневысокие с двумя обработанными гранями, 2 со струганной спинкой и по одной сегментовидной и низкой. Найдено 5 сегментов, 3 из них обработаны крутой краевой ретушью по дуге только со стороны спинки, один – с брюшка и один – с обеих сторон. Обнаружен микролит, не находящий аналогий. Это половина сегмента, обработанная ретушью со всех сторон. Пластины-вкладыши (28 экз.) выполнены на ножевидных пластинах шириной 6-12 мм, имеют длину от 12 до 30 мм. Три пластины дополнительно подработаны с торцевой стороны. Полные аналогии на Варфоломеевской стоянке находят нуклеусы: конические, призматические, торцовые, плоские и уплощенные. В целом среди материалов Кушумской стоянки по типологическим признакам вычленяется полный комплекс орудий, характерный

для Варфоломеевки: сегменты, трапеции, все виды скребков, ножи на пластинах с односторонней обработкой, острия и т.д. (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, рис. 1, *5*; 2, *28-31*; 4, *1-23*; 5, *1-32*).

Стоянка Бубенцы. Еще один пункт с находками неолитического времени известен на левом берегу бессточной р. Мерекень, протекающей по Волго-Уральскому водоразделу (рис. 1, *7*). Стоянка находится в 2 км к западу от с. Бубенцы в Дергачевском районе Саратовской области. Культурный слой вытянут узкой полосой вдоль берега и подвергается интенсивному размыву. Мощность слоя 0,8 м. Небольшой шурф показал, что слой переотложен и содержит материалы нескольких эпох. К неолитическому времени относятся несколько пластин и отщепов из кремня и кварцита и фрагмент неолитической керамики. В тесте глины – обильная примесь толченой раковины. Фрагмент орнаментирован треугольным наколом, образующим горизонтальную елочку (рис. 83, *31*).

Крайним восточным пунктом с накольчатой керамикой является **стоянка Вавилово 2**, открытая Н.М. Маловым в 1986 году на правом берегу р.Деркул (Малов Н.М., 1988, с. 4), в 1 км к югу от с. Вавилово Каменского района Уральской области республики Казахстан (рис. 1, *8*). Материалы, полученные на стоянке, разновременны; неолитические находки выделяются типологически. Это конический, призматический и плоский нуклеусы, ножевидные пластины и вкладыши, сегменты, концевые скребки на пластинах, в том числе со скошенными лезвиями. Керамика представлена венчиком от двух сосудов (рис. 83, *32-34*). Один из них имеет небольшой наплыв по внутренней стороне и украшен овальными оттисками. Другой имеет прямой срез и орнаментирован горизонтальными рядами прочерченного зигзага. Материалы стоянки можно синхронизировать со слоем 2 Б Варфоломеевки. Самой южной точкой в Заволжье, где обнаружена керамика, аналогичная Варфоломеевской из слоя 2 А, является **стоянка Рахинка** в Среднеахтубинском районе Волгоградской области (рис. 1, *9*) (Еремин В.И., 1977, с. 86-87, рис. 1, *10*).

Представленные выше памятники далеко не равнозначны по степени исследованности и объему информации, полученной на них. Но с их помощью очерчивается район распространения памятников, аналогичных в культурном плане Варфоломеевке. Ряд памятников, идентичных в культурном плане Варфоломеевской стоянке или в достаточной степени близких, находится в степной зоне Волго-Донья.

В первую очередь это **стоянка Орловка**, исследованная В.И.Мамонтовым в Городищенском районе Волгоградской области (рис. 1, *10*).

Материалы стоянки опубликованы (Мамонтов В.И., 1974, с. 254-258), поэтому ограничимся сравнительным анализом с находками на Варфоломеевской стоянке. Анализ небольшой, но очень выразительной орловской коллекции показывает совпадение по всем признакам с материалами слоя 2 А Варфоломеевки. Полное соответствие обнаруживается в керамике (рис. 85, *1-7, 9-11*). Совпадают характер обжига, состав примесей, форма сосудов и их орнаментация. Самая яркая черта второй группы керамики слоя 2 А Варфоломеевки – широкий наплыв с внутренней стороны венчика, покрытый орнаментом, есть почти на всех орловских сосудах. Орнамент наносился в верхней трети сосуда, он выполнен отступающим наколом в сочетании с крупными редкими наколами. Орнаментальные элементы и композиции, представленные здесь, наиболее часто встречаются на варфоломеевской посуде. Это горизонтальные линии, многократно повторяющийся зигзаг, треугольный и прямоугольные шевроны. После первого года исследования Варфоломеевки было отмечено только одно различие в керамическом комплексе с Орловкой – отсутствие орнаментированных донышек. Но в последующие годы сосуды с орнаментированными днищами были обнаружены на Варфоломеевской стоянке в слое 2 А.

Аналогичен и комплекс каменных орудий. Характерна пластинчатая техника расщепления камня и микролитичность орудий. Края пластин неровные, на многих есть остатки желвачной корки. Нуклеусы одноплощадочные, с прямой и скошенной площадками, конические. Наиболее многочисленные орудия – скребки различных типов. Найдены две трапеции со струганной спинкой и грузило из песчаника с пазами для веревки (рис. 85, *8*; 86, *1-14*). Комплекс каменных орудий по всем признакам также укладывается в культурно-хронологические рамки горизонта 2 А Варфоломеевки.

Кремневый подтреугольный наконечник стрелы, опубликованный вместе с остальными орловскими находками, по записи Волгоградского музея краеведения происходит не из культурного слоя стоянки, а из сборов в окрестностях. Если учесть, что там же найдена керамика энеолитического облика, то более правомерно связать этот наконечник с ней, а не с неолитическим комплексом, так как наконечники стрел такого типа пока неизвестны ни на одном неолитическом памятнике Нижнего Поволжья.

В плане сходства отметим также наличие в культурном слое Орловки речных раковин и комочков охры. Остеологический анализ показал присутствие доместицированной фауны на стоянке. Прослежено прямоугольное жилище полуземляночного типа длиной 6 м и глубиной 0,6 м с ровным полом, очажным пятном толщиной 10 см, столбовыми ямками и выходом длиной примерно 2 м.

Еще одна неолитическая стоянка была обнаружена В.И. Ереминым в нижнем течении р. Чир, в 0,5 км к северу от хут. Лагутина Чернышковского района Волгоградской области. Материалы **Ла-**

гутинской стоянки также опубликованы (Наумов И.Н., 1990, с. 30-34), поэтому ниже приводится их краткая суммарная характеристика опять же в сравнении с варфоломеевскими.

Керамика стоянки сильно фрагментирована, целые формы не восстанавливаются. Венчики прямые или слегка отогнутые, днища уплощенные. Раковинная примесь отмечена всего у двух фрагментов, в остальных обильная растительная примесь с небольшим количеством мелкозернистого песка. Орнамент выполнен подтреугольными наколами, полулунными вдавлениями и гладким штампом, образующим наклонные и горизонтальные линии.

Каменный инвентарь (177 экз.) представлен орудиями из светло- и темно-серого кремня; из кварцита встречены лишь одиночные отщепы. Техника расщепления камня – пластинчатая, преобладают орудия небольших размеров. Единственный нуклеус имеет подпризматическую форму и косую площадку. Коллекция включает ножевидные пластины, концевые скребки, острие, трапеции (в том числе со струганной спинкой), сегмент с частично двусторонней ретушью по дуге, скребки на отщепах, отщепы (треть из них с желвачной коркой).

Технико-типологические признаки керамики (накольчатый орнамент, толстостенность сосудов, примесь раковины, уплощенность днищ), набор категорий каменных орудий позволяют рассматривать Лагутинскую стоянку в кругу памятников, близких к Варфоломеевке. Автор публикации совершенно справедливо считает, что Лагутинская стоянка предшествует во времени Орловской. Весь облик каменного инвентаря и, собственно, сочетание трапеций, трапеций со струганной спинкой и сегмента указывают на синхронность Лагутинской стоянки слою 2 Б Варфоломеевки.

В степном Волго-Донье известен еще один пункт, содержащий материалы, сопоставимые с варфоломеевскими – **Пятиморская стоянка**, исследованная В.И.Мамонтовым (Мамонтов В.И., 1969, с. 103-105). Культурный слой стоянки размыт водами Цимлянского водохранилища и содержал разновременные находки, что практически исключило возможность комплексного рассмотрения керамики и каменных орудий. Неолитическая керамика Пятиморской стоянки имеет обильную примесь толченой раковины. Сосуды прямостенные или слегка профилированные. Орнаментированы они прочерком, наколом и отступающим наколом. Орнаментальные композиции совпадают с наиболее распространенными на Варфоломеевке – горизонтальные линии и зигзаг, прочерк в сочетании с редким и крупным наколом, сотовый орнамент. У одного сосуда срез венчика волнистый, у другого – с насечками. В.И. Мамонтов сравнивал керамику Пятиморской стоянки с неолитическими коплексами Челябинской области, так же как и керамический комплекс Орловской стоянки. Более близкие аналогии в то время были еще неизвестны. Сопоставлять тогда между собой Пятиморскую и Орловскую стоянки было затруднительно ввиду их разновременности (что отразилось на облике керамики) и относительно небольшой выборки. После открытия Варфоломеевской стоянки появилась возможность сопоставления с ее коллекцией, в результате чего можно признать эти две стоянки однокультурными.

Небольшое количество керамики на Пятиморской стоянке и отсутствие сопровождающего комплекса каменных орудий усложняют определение ее точного хронологического положения, но, несомненно, предшествование пятиморской керамики орловской. Наиболее вероятное время ее существования – слой 2 Б Варфоломеевки.

Таким образом, даже эти немногочисленные коллекции степной зоны Волго-Донья показывают, что в неолитическое время существовала культурная близость между населением этого региона и степного Заволжья.

2. Орловская неолитическая культура

Все перечисленные выше неолитические памятники степного Поволжья обладают рядом общих культуроопределяющих черт – накольчато-прочерченная керамика с плоскими днищами и примесью толченой раковины в тесте глины, устойчивый набор каменных орудий. Есть данные о характере жилых построек, погребальном обряде и типе хозяйства, то есть сведения об основных компонентах, составляющих археологическую культуру. В определении археологической культуры мы придерживаемся традиционной точки зрения, когда "под археологической культурой следует понимать реально существующую устойчивую совокупность объектов материальной культуры, определенным образом ограниченную во времени и пространстве" (Массон В.М., 1991, с. 6). Подобное определение культуры, на наш взгляд, более всего отвечает целям и задачам первоначальной систематизации археологических материалов.

Устойчивая совокупность культурных признаков в материалах неолитических памятников степного Поволжья, с одной стороны, и своеобразный характер материальных комплексов, с другой, позволяют объединить эти памятники в самостоятельную археологическую культуру, новую культуру следует назвать орловской – по первому исследованному памятнику, тем более, что в литературе уже закрепились термины "керамика орловского типа" и "памятники типа Орловки".

Объединить неолитические памятники степного Поволжья в рамках орловской культуры было предложено автором сразу после первого года исследования Варфоломеевской стоянки (Юдин А.И., 1988, с. 167-170). Материалы, полученные в последующие годы, позволяют дать более подробную характеристику орловской культуре.

Территория распространения памятников орловской культуры – это степная зона Волго-Уральского междуречья и степное Правобережье Волги. Опорный памятник для характеристики культуры – Варфоломеевская стоянка. Кроме нее в Заволжье к настоящему времени известен еще ряд памятников с орловскими материалами: Кушумская стоянка в верховьях р. Б.Узень, поселения Кумыска и Максимовка, стоянка Савинка, местонахождение Борсы (все – на р.Торгун), поселение Бубенцы на р. Мерекень, стоянка Вавилово 2 на р.Деркул и стоянка Рахинка на р. Ахтуба. В степном Правобережье – это стоянка Орловка. Достаточно близки к орловским материалы стоянок Лагутинская и Пятиморская.

Регион исследован крайне неравномерно, поэтому очертить границы распространения орловской культуры лучше всего по памятникам неолитических культур сопредельных областей. На севере территория культуры, вероятно, будет ограничена памятниками лесостепной волго-уральской (по Н.Л. Моргуновой) или средневолжской (по И.Б.Васильеву и А.А. Выборнову) культуры. Географически эта граница будет проходить где-то по водоразделу р. Самары и рек Большой и Малый Иргизы. На юге границей распространения орловской культуры будут служить памятники сероглазовской культуры в Северном Прикаспии – это нижнее течение Узеней, южнее которых начинаются пески. Судя по разведкам на р.Деркул, на востоке орловские памятники доходят до р. Урал, а на западе естественной границей является Волга, так как степной зоне Заволжья на Правобережье соответствует лесостепь с иным культурным кругом памятников.

Границы очерченного региона приблизительно совпадают с границами природно-климатических зон – лесостепи на севере и полупустыни на юге. Крайние юго-западные памятники орловской культуры обнаружены на Правобережье Волги, но опять же в степной зоне. Заволжские и правобережные памятники, которые находятся много южнее, не выглядят территориально разомкнутыми, так как их соединяет узкая полоса степной зоны по левому берегу Волги – Приволжская песчаная гряда. Здесь на дюнах еще в 10-20-е годы прошлого века Ф.Б. Баллодом, П.Д. Рау и Т.М. Минаевой были собраны выразительные коллекции кремневых орудий (Кочетное, Краснополье, Красный Яр) (Минаева Т.М., 1929, с. 3-27). По составу сырья, технике расщепления и вторичной обработке, набору категорий эти орудия вполне сопоставимы с варфоломеевскими. На песчаной гряде Левобережья расположена и стоянка Рахинка.

Материальные комплексы памятников орловской культуры характеризуются рядом общих черт. Керамика представлена четырьмя основными формами: прямостенные сосуды с широким открытым устьем, сосуды с прикрытым устьем, слабопрофилированные сосуды, небольшие чашевидные сосуды. Вся керамика плоскодонна, за исключением чашевидных сосудов. В тесте глины сосудов раковинная или реже растительная примесь, внешняя поверхность очень часто слегка подлощена. Орнамент выполнялся прочерком или наколом. Украшалась верхняя часть сосуда, но встречаются и полностью орнаментированные формы. Основная масса керамики украшена треугольным наколом в отступающей манере. Орнамент геометричен; орнаментальные композиции составлены из горизонтальных линий, зигзага, треугольников, прямоугольников, сот, шевронов.

Кремневые орудия отличаются микролитичностью. Основной заготовкой являлась небольшая пластина, обычно не имевшая правильной огранки. Преобладают уплощенные, плоские и конические нуклеусы. Основные категории орудий: скребки различных типов, острия, ножи на пластинах, вкладыши. Геометрические микролиты включают сегменты с одно- или двусторонней ретушью по дуге, трапеции и трапеции со струганной спинкой. Состав материальных комплексов изменялся во времени. Даже из этой суммарной характеристики культуры видна ее несомненная принадлежность к кругу неолитических культур с плоскодонной керамикой и накольчато-прочерченным орнаментом – сероглазовской и джангарской. На основании многих общих элементов материальных комплексов и единой генетической подосновы предложено объединять их в нижневолжскую (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 16-19) или североприкаспийскую (Кольцов П.М., 1990 а, с. 67-69) культурно-историческую область. Общая генетическая подоснова и культурные контакты дают основание говорить даже не об области, а о культурно-исторической общности (Юдин А.И., 2003б, с. 33-36). Детальное сравнение общего и разного с культурами этой общности будет проведено ниже, сейчас же нам важна констатация факта культурной близости, так как пока не известны орловские памятники раннего времени и сложно определить подоснову сложения культуры.

3. Истоки сложения неолита степного Поволжья

История каменного века в Заволжье прослеживается с позднемустьерского времени. Древнейшим памятником каменного века степного Заволжья является стоянка Непряхино.

Стоянка расположена в Озинском районе, в 2 км к северу от с. Непряхино, на правом берегу р.Б.Чалыкла (в 1 км к востоку от современного русла), на краю возвышенности Непряхинский Сырт. Памятник возник у выходов на поверхность мощного пласта сливного песчаника (кварцита в археологической терминологии). С 1990 года на памятнике проводятся охранные раскопки. Ими установлено, что здесь добывался камень, являвшийся основным сырьем для орудий труда человека на протяжении десятков тысяч лет, вплоть до появления первого металла. Культурные напластования достигают трех метров в центральной части памятника и распространяются приблизительно на 1 квадратный километр, то есть это один из крупнейших памятников палеолитического времени. Суммируя данные, полученные в результате палинологического и палеомагнитного анализа, и основываясь на технико-типологических особенностях каменных изделий, исследователь памятника А.П.Захариков пришел к выводу, что нижняя свита слоев сформировалась в переходный период от финального мустье к верхнему палеолиту (Захариков А.П., 1997, с. 120-121). В данном случае интерес представляет тот факт, что пласт кварцита разрабатывался и во все последующие эпохи.

В пойме р. Б.Чалыкла, под Непряхинским Сыртом обнаружено большое количество находок неолитического и энеолитического облика. Заложенный здесь шурф показал наличие переотложенного культурного слоя с находками палеолитического облика и энеолитическими предметами, в том числе фрагмент керамики с примесью толченой раковины в тесте глины. Все находки в районе Непряхино указывают, что наиболее активно месторождение эксплуатировалось в палеолите и энеолите. Это подтверждается составом каменного сырья на памятниках этих эпох. Кварцит из месторождений в районе Непряхино встречен практически на всех степных заволжских памятниках неолита-энеолита. Правда, в нижнем слое Варфоломеевки количество кварцита минимально, вероятно, из-за его крупнозернистости, что затрудняло получение микропластин, являвшихся основной заготовкой для орудий. Скорее всего, и в мезолите местные источники кварцита продолжали использоваться, но в меньшей мере.

Еще один памятник каменного века, предшествующий неолитическим, известен на севере саратовского Заволжья, в Перелюбском районе. Он пока не исследовался широкими раскопками, но имеющаяся небольшая коллекция находок представляет несомненный интерес. Это стоянка Журавли, которая находится на обрывистом правом берегу р. Сухой Камелик (приток р. Сестра, бассейн р. Б.Иргиз) и занимает небольшой мыс, образованный берегом реки и устьем балки Редькин Дол, в 6 км к юго-востоку от с. Журавли (Юдин А.И., 1999а, с. 25-30). Поверхность памятника задернована. Мыс немного размывается рекой во время весенних половодий, но на стоянке хорошо сохранился культурный слой, содержащий каменный инвентарь.

Для установления хронологии и культурной принадлежности стоянки было заложено два шурфа общей площадью около 10 кв. м. Шурфовка показала следующую стратиграфию.

1. Гумус. Гумусный слой черного цвета с дерновиной в верхней части достигает толщины 30 см.

2. Прослойка светло-желтого суглинка толщиной 8 - 10 см. Контакт с верхним и подстилающим слоями плавный.

3. Темно-серый, сильно гумусированный суглинок толщиной 40 см.

4. Слабовыраженная (толщина не более 5 см) прослойка светло-желтого суглинка. Верхний и нижний контакты плавные.

5. Светло-серый комковатый суглинок с белыми карбонатными вкраплениями. Толщина слоя – до 30 см.

6. Слой 5 постепенно переходит в светло-желтую материковую глину.

Культурные остатки содержал слой 3: темно-серый гумусированный суглинок. Находки представлены в основном отходами кремнеобработки. Кроме того, обнаружены два сильно минерализованных обломка костей животных. Находки равномерно залегали по всей площади шурфа. Нижняя половина культурного слоя насыщена отщепами сильнее. Отмечена одна закономерность – чем ниже, тем крупнее средние размеры отщепов.

Категории и количество находок представлены в табл. 16. Как видно из приведенной таблицы, больше всего встречено находок из кремневой корки. И даже 6 предметов из кремня (темно-серый, полупрозрачный кремень) по большей части состоят из той же кремневой корки. Предметы из окаменелого дерева имеют светло-коричневую

полосчатую раскраску и, судя по цвету, все они происходят с одного нуклеуса.

1. Сколы подправки нуклеусов представлены тремя “таблетками” и одним продольным сколом. “Таблетки” – поперечные сколы выравнивания ударных площадок пластинчатых нуклеусов. Все находки – из белой кремневой корки. Скалывание пластин – круговое, негативы скалывания показывают, что снимали узкие (шириной не более 1 см) микропластины (рис. 87, *2-4*). Продольный скол снят с нуклеуса, предназначенного для получения более крупных ножевидных пластин – ширина негативов до 1,4 см (рис. 87, *1*).

2. Пластины найдены всего в количестве 12 экз.(рис. 87, *4, 5, 7, 9*). Одно из двух сечений пластин сильно изогнуто в продольном направлении (рис. 87, *13*). Две другие пластины сохранились полностью – микропластина (рис. 87, *10*) и крупная реберчатая пластина шириной 3 см и длиной 16 см (рис. 87, *14*).

3. Отщепы пластинчатые. Имеют достаточно крупные размеры – 5-6 см длиной и одну или две грани на спинке (рис. 87*, 8, 11*).

4, 5, 6. Отщепы крупные, средние и мелкие. К крупным отнесены отщепы, один из параметров которых превышает 4 см; к средним – отщепы длиной от 2,5 до 4 см; к мелким – длиной менее 2,5 см, а также небольшие сколы, чешуйки. Чаще всего отщепы имеют подовальную форму. На кромках нескольких крупных отщепов есть микроретушь, образовавшаяся при работе (рис. 87, *12, 15, 16-18*).

7. Проколка. Единственный предмет из всей коллекции со вторичной обработкой. Проколка выполнена на пластинчатом отщепе. Притупляющей ретушью обработана одна грань со спинки и обе грани с брюшка (рис. 87, *7*).

На некоторых каменных предметах сохранились следы красной охры. Все без исключения каменные находки имеют острые и тонкие кромки, что свидетельствует о залегании культурного слоя in situ.

О хронологии и культурной принадлежности стоянки пока трудно сказать что-либо определенное. Во всяком случае, ни на одном памятнике Заволжья неолитического и энеолитического времени нет аналогичной стратиграфической картины, так как культурный слой обычно залегает сразу под дерном, если же перекрыт балластным слоем, то материалы всегда имеют явственные следы переотложенности. В данном случае технические характеристики обнаруженных кремневых материалов полностью исключают вариант их механического перемещения.

В культурных слоях памятников неолитического и энеолитического времени Заволжья большая часть находок в слое – это обломки костей животных. В культурном слое рассматриваемой стоянки встречено всего несколько обломков костей животных, к тому же сильно минерализованных. Также обращает на себя внимание полное отсутствие керамики. Все это предполагает более ранний, чем неолитический, возраст стояки.

К настоящему времени это практически единственный пункт с исключительно каменным инвентарем в степном Волго-Уральском междуречье среди нескольких десятков стоянок и местонахождений нео-энеолитического времени (Юдин А.И., 1989, с. 55 - 66). Памятники более ранних эпох здесь пока неизвестны. Ближайший памятники с культурным слоем палеолитического времени к северу – Постников овраг (Кузнецова Л.В, Скупова Т.Ю., 1987, с. 5 - 11) в г. Самаре (граница с лесостепью), к югу – стоянка Непряхино в Озинском районе Саратовской области на границе с полупустыней.

Мы пока не располагаем достоверно раннемезолитическими комплексами в Заволжье, но один памятник этого времени исследовался на правом берегу Волги, на севере Волгоградской области. Мезолитический слой многослойной стоянки Ураков Бугор по геологическим и палеопочвенным анализам относится ко времени начала голоцена. Для нижней части слоя получена радиоуглеродная дата: 10480+680 л.н. (ЛЕ 4819). Орудийный набор мезолитического времени немногочислен. Для изготовления каменных изделий использовался в основном местный кварцит и кремень (94% и 6% соответственно для всех находок из камня). Среди нуклеусов и орудий процент кремневых значительно выше: 60% скребков и скребел на отщепах, 27% пластин, 22% нуклеусов для снятия пластин (Дремов И.И., 2001, с. 124-127, рис. 3-6). Стоит отметить, что все нуклеусы одноплощадочные, с одно- или двусторонним скалыванием. Геометрические микролиты отсутствуют, так же как и вторичная обработка на пластинах.

Многослойная стоянка Ураков Бугор дает уже более определенные сведения о возможном характере заволжского мезолита, но отсутствие близких территориальных аналогий и значительный хронологический разрыв с неолитическими памятниками пока мало проясняет вопрос об истоках сложения орловской культуры.

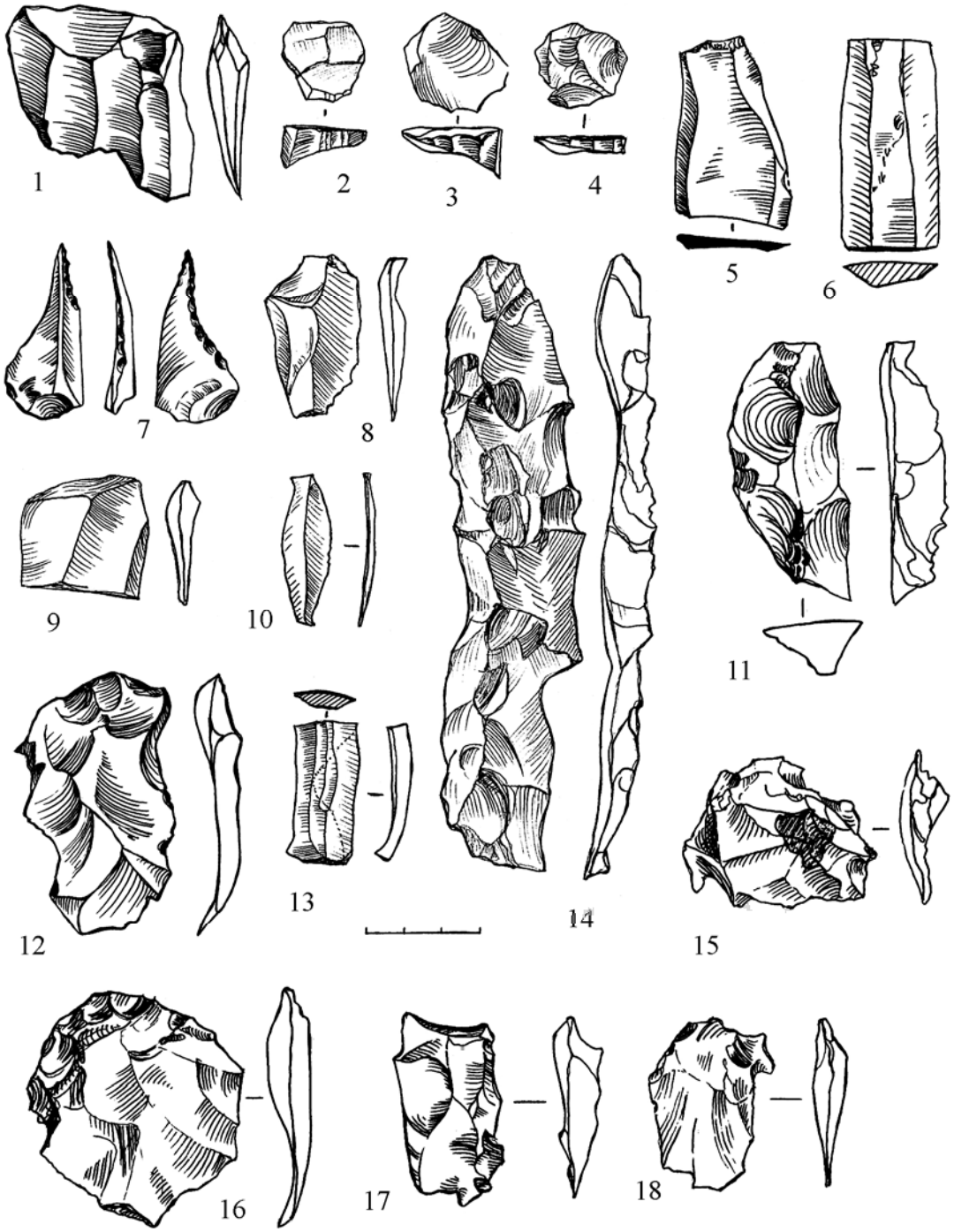

Рис. 87. Каменные изделия стоянки Журавли на р.Сухой Камелик

Мезолитические стоянки в степном Заволжье практически не исследовались и составить цельное представление о характере местного мезолита невозможно. Единственный мезолитический памятник, исследованный небольшим раскопом (20 кв. м.), содержит разновременные напластования. Это стоянка Новотулка-2 в Питерском районе Саратовской области, на левом берегу р.М.Узень. Верхний слой (0,4 м) содержал кварцитовые орудия и отщепы и невыразительную керамику эпохи неолита и бронзы. Нижний слой (0,9 м) включал мезолитические кремневые изделия (Мельник В.И., 1979, с. 92-93; Галкин Л.Л. и др., 1979, с. 162). Комплекс мезолитических находок включает конический прямоплощадочный нуклеус, пластины и сечения, отщепы, сегмент и высокую трапецию с глубокими боковыми выемками. В качестве сырья использовался галечный кремень темных и

серых тонов, многие предметы имеют на поверхности остатки желвачной корки.

Наличие в комплексе трапеции с боковыми выемками можно истолковать двояко. С одной стороны, подобные орудия широко распространены к северу от Заволжья в материалах усть-камской мезолитической культуры (Косменко М.Г., 1977, с. 94-100) и являются датирующими для позднего мезолита, а с другой – трапеции с боковыми выемками известны в чохской мезолитической культуре Северного Кавказа (Амирханов Х.А., 1987). По характеру сырья, технике расщепления и микролитичности каменных изделий Новотулки можно отметить самую общую близость с каменными находками из нижнего слоя Варфоломеевской стоянки. Но при этом следует учитывать хронологический разрыв между Варфоломеевкой и Новотулкой, а также незначительную выборку с последней.

Типологически возможно вычленить ряд предметов с мезолитическими традициями обработки среди находок Кушумской стоянки в верховьях р. Большой Узень: сечения микропластин, уплощенные нуклеусы со скалыванием по части периметра, некоторые формы геометрических микролитов, пластины с подработкой продольной и поперечной сторон, наконечник стрелы (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 192-206, рис. 2, *7-12*; 4, *1-5*; 5; 8, *22*). Комплекс каменных орудий Кушумской стоянки относится к неолиту и энеолиту и включает почти 1700 пластин и орудий из кварцита (~ 66%), кремня (~ 30%) и яшмы (~ 3,5%). На материалах Кушумской стоянки хорошо прослеживается сохранение основных приемов расщепления камня и вторичной обработки полученных заготовок на протяжении неолита и энеолита. Но достоверно связать указанные ранние категории с мезолитическим временем пока нельзя, так как обнаруженные и прошурфованные участки культурного слоя переотложены и включают разновременные находки вплоть до поздней бронзы включительно.

Как видно из приведенного описания, собственно заволжские материалы, предшествующие по времени неолиту, немногочисленны и не позволяют увидеть истоки орловской культуры.

Более определенные истоки можно обнаружить в мезолите Северного и Северо-Западного Прикаспия, памятники которого изучены значительно полнее.

Орудия мезолитического облика, типологически вычленяющиеся из коллекций названных выше дюнных стоянок Заволжья, – низкие и средневысокие сегменты, трапеции, острия, концевые скребки различных типов по своему облику и технике вторичной обработки аналогичны комплексам сероглазовской мезолитической культуры Северного Прикаспия, что неоднократно отмечалось исследователями еще до выделения и характеристики указанной культуры. На сходство прикаспийских и нижневолжских комплексов указывал И.В.Синицын (1960б, с. 139-145). О южной направленности культурных связей населения Нижнего Поволжья, оставившего памятники с микролитическим инвентарем, неоднократно писали А.А. Формозов, аргументируя это также наличием обсидиана кавказского происхождения на Терновском городище Правобережья (Формозов А.А., 1953, с. 170-172; Он же, 1977, с. 72), и Н.Д. Праслов (1971, с. 107). Масштабные полевые исследования в Северном Прикаспии привели к качественно новому уровню осмысления материалов позднего каменного века, что позволило утверждать о генетической связи сероглазовских стоянок с последующими неолитическими (Козин Е.В., Комаров А.М., 1989, с. 6-18).

Южнее степного Заволжья, в полупустынной зоне северного Прикаспия в настоящее время известны две группы мезолитических памятников: жекалганская и истайская. Жекалганская группа выделяется в самостоятельную культуру, истайская – в культурную группу, а все мезолитические памятники объединяются в рамках единой индустриальной традиции – сероглазовской. Жекалганская группа памятников имеет более ранний возраст, но какое-то время обе культурные группы сосуществуют. В целом существование обеих групп укладывается в VIII-VI тыс. до н.э. (развитой и поздний мезолит кругокаспийской области), а их происхождение предположительно связывается с кавказско-переднеазиатской областью, т.к. автохтонное происхождение исключено в силу отсутствия в Северном Прикаспии по палеогеографическим причинам памятников более раннего времени (Комаров А.М., 2000, с. 15-19).

Среди категорий каменного инвентаря обеих мезолитических групп прослеживаются некоторые параллели с орудиями нижнего слоя Варфоломеевской стоянки, Кушумской стоянки и поселения Кумыска. С жекалганской группой названные памятники сближаются по таким критериям, как состав каменного сырья, высокая степень микропластинчатости, преобладание орудий на пластинах, наличие однотипных уплощенных нуклеусов и низких сегментов с односторонней обработкой дуги (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991, рис. 3, *1-5, 48*), которые хорошо представлены на всем протяжении орловской культуры. На орловских памятниках нет ярко выраженных параллелограммов, но есть пластины-вкладыши с характерной уплощающей ретушью с брюшковой стороны (рис. 52, *6*).

При сравнении технико-типологических признаков намного больше совпадений обнаруживается с мезолитическими памятниками истайской культурной группы (Горащук И.В., Комаров А.М., 1998, рис. 2; 3, *1-30*). В первую очередь это аналогии среди геометрических микролитов: сегментов с одно- и двусторонней обработкой дуги, низких и средневысоких трапеций, а также концевых скреб-

ков на пластинах и отщепах с прямым или скошенным рабочим краем, различных острий и проколок (рис. 52, *4-46;* 53, *1-5*).

Обнаружение перечисленных аналогий вполне объяснимо. По данным А.М. Комарова истайские комплексы многокомпонентны по своему происхождению; часть памятников относится к позднему мезолиту и хронологически смыкается с неолитом (Комаров А.М., 2000, с. 16-17).

Ранний неолит Северного Прикаспия формировался на двойной субстрактной основе – жекалганской и истайской при преобладающей роли последней. Вполне возможно, что и неолит Заволжья также формировался на местной мезолитической основе и имеет автохтонное происхождение. Подтверждением этому могут служить не только отмеченные прикаспийские мезолитические реминисценции в каменном инвентаре орловских памятников, но и обнаружение самарскими археологами истайских материалов в северной части Прикаспийского региона, в низовьях Узеней, приблизительно в 200 км юго-восточнее Варфоломеевской стоянки. Мезолитические комплексы стоянок Сарайдин I, III, Миндали III, IV включают ряд категорий каменных предметов, имеющихся и в нижнем слое Варфоломеевки. Это уже упоминавшиеся сегменты с односторонней и двусторонней обработкой, симметричные трапеции, выемчатые скобели, сечения пластин с брюшковой ретушью, уплощенно-конический нуклеус, острия (Ластовский А.А., Комаров А.М., 1988, с. 44; Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991, с. 14, рис. 5, *1-30*).

Разумеется, наблюдаемое сходство каменных индустриий мезолитических памятников Северного Прикаспия и орловских степного Заволжья имеет самый общий порядок, но следует учитывать большую разницу во времени между жекалганскими и истайскими памятниками, с одной стороны, и орловскими, с другой. Однако если сравнить самые ранние неолитические находки Заволжья с более северными мезолитическими материалами, то сразу становится видна южная культурная направленность заволжских памятников. Например, на стоянке Чекалино II на р. Сок в Самарском Заволжье (Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1997, с. 3-13) орудийный набор отличается большим удельным весом пластин и микролитоидностью. Здесь встречаются категории изделий, идентичные южным: нуклеусы со скалыванием с трех четвертей или половины окружности, пластинчатые скребки с подработкой боковых краев. Но в то же время полностью отсутствуют геометрические микролиты, столь характерные для позднего мезолита и неолита степи, обеднен орудийный набор, отсутствует “сероглазовская” ретушь. По мнению авторов, материалы Чекалино II свидетельствуют о северной ориентации культурных связей населения стоянки. В дальнейшем аналогичные стоянки южной части Среднего Поволжья были определены как памятники пластинчатого технокомплекса и соотнесены с романовской мезолитической культурой Южного Приуралья (История…, 2000, с. 101). В целом, по мнению А.В. Комарова, многокомпонентная мезолитическая культура лесостепного Поволжья развивалась самостоятельно относительно более южных регионов, хотя на территории Самарской области и встречен комплекс (стоянка Нижняя Сызрань), связанный своим происхождением с Северным Прикаспием (История…, 2000, с. 92-93).

Для неолита Северо-Западного Прикаспия, как и Северного Прикаспия, также отмечается местная мезолитическая подоснова на основании сопоставления каменных орудий стоянки Харба со стоянкой Ту-Бузгу-Худук I и нижним слоем Джангара, где продолжают бытовать сегменты, трапеции, пластины-вкладыши, а микролитоидность и пластинчатость являются одними из основных технологических признаков (Кольцов П.М., 1988, с. 178, 180; Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991, с. 26-27). Генетическое родство орловских и джангарских памятников несомненно, что также позволяет проводить определенные параллели между поздними мезолитическими каменными изделиями Северо-Западного Прикаспия и неолитическими находками на памятниках степного Заволжья. Это стандартный набор орудий (в первую очередь, геометрические микролиты), встречаемый на всех памятниках нижневолжской области и уже неоднократно перечисляемый в этой работе.

Проецируя все известные к настоящему времени данные о развитии мезо-неолитического населения Северного и Северо-Западного Прикаспия на немногочисленные материалы степного Поволжья и учитывая их принадлежность к одной культурно-исторической общности (по крайней мере, с начала V тыс. до н.э. об этом можно говорить с полной уверенностью), возможно предполагать автохтонность орловской культуры и ее сложение на базе местного мезолита. Распространение южных геометрических микролитов вплоть до низовьев р. Самары, где уже существовало автохтонное мезолитическое население, оставившее памятники типа Постников Овраг (История…, 2000, с. 107-109), также свидетельствует в пользу того, что в мезолитическое время степная зона Заволжья входила в сферу сероглазовского технокомплекса, который лег в основу орловскокой технологии обработки камня. В целом данный вопрос окончательно может быть решен только после обнаружения и достаточно полного исследования мезолитических и ранненеолитических памятников в степной зоне Поволжья.

4. Хронология памятников орловской культуры

Хронологические рамки орловской культуры определяются на основании типологического сопоставления с памятниками прилегающих территорий, данных радиоуглеродного и палинологического анализов. Датировка облегчается возможностью синхронизации орловских памятников с близкородственными культурами Северного и Северо-Западного Прикаспия по ряду признаков стадиального характера.

Ранние орловские памятники пока неизвестны. Хронологические этапы среднего и позднего неолита выделены на материалах стратифицированной Варфоломеевской стоянки. В предварительной публикации материалов Варфоломеевки они рассматривались суммарно, так как первые квадраты раскопа закладывались вдоль берега водохранилища, где верхний слой был смыт, а нижний – почти полностью уничтожен котлованами землянок слоя 2 А. Получилось, что комплекс оказался представленным в основной части находками из двух средних слоев и это создавало впечатление достаточно позднего возраста в рамках неолитической эпохи (Юдин А.И., 1988, с. 142-172).

Средний неолит. К этому времени относятся нижний слой Варфоломеевки и часть материалов Кушумской стоянки. При сравнении коллекции находок нижнего слоя Варфоломеевки с материалами сопредельных территорий сразу отмечается сходство с двумя нижними слоями (3 и 2) стоянки Джангар в Северо-Западном Прикаспии. Это сходство проявляется не только по таким общим для нижневолжского региона признакам, как плоскодонность керамики, примесь ракушки, накольчато-прочерченная орнаментация, микролитичность и пластинчатость изделий из камня, но и более частным, свидетельствующим о синхронности материалов двух памятников.

Сравнительный анализ керамических комплексов показывает, что на обоих памятниках выделяются четыре основных типа или группы керамики, совпадающих по форме (рис. 88; 89). Керамика нижних слоев Джангара украшена 24 типами орнаментальных композиций, керамика 3-го слоя Варфоломеевки насчитывает 26 основных композиций. Из них 15 полностью тождественны. Еще 6 композиций, близких к джангарским (по большей части с включениями шевронов), появляются на Варфоломеевке в слое 2 Б. Сразу следует оговориться, что подобное совпадение технико-типологических признаков керамики в верхних слоях обоих памятников уже не отмечается, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об общей культурной подоснове и дальнейшем самостоятельном развитии.

Кремневые комплексы нижних слоев Варфоломеевки и Джангара не столь тождественны. Единство наблюдается в тех категориях изделий, которые являются хронологическими индикаторами и имеют широкое распространение в степных неолитических культурах. Это сегменты с лицевой и двусторонней ретушью и трапеции с боковой подработкой граней; других микролитов на Варфоломеевке в нижнем слое нет. В целом набор категорий орудий совпадает, но на Варфоломеевке отсутствуют наконечники стрел, прямоугольные микролиты, пластины с выделенной головкой. Несколько различается и характер вторичной обработки (Кольцов П.М., 1988, с. 66-86).

В плане сопоставления еще следует отметить костяную пластинку с отверстием из 3-го слоя Джангара (Кольцов П.М., 1987, с. 293, рис. 29, *6*). Аналогичные пластины на Варфоломеевке определены как орудия керамического производства (рис. 63, *3, 4*). Все эти данные вполне убедительно позволяют говорить о синхронности нижнего слоя Варфоломеевки с нижними горизонтами Джангара. Причем, керамический комплекс совпадает по большему количеству признаков с 3-м слоем Джангара.

По ряду общих типологических признаков в керамическом комплексе нижний слой Варфоломеевки может быть синхронизирован с памятниками каиршакского типа в Северном Прикаспии (Выборнов А.А., Козин Е.В., 1988, с. 92-105; Васильев И.В., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. с. 18-46; Козин Е.В., 1990, с. 24-25; Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 8-11). В целом каиршакская керамика характеризуется рядом общих признаков, характерных для неолитических культур Нижней Волги: плоскодонность, раковинная примесь в тесте глины, накольчато-прочерченная орнаментация (рис. 89).

Сопоставление каиршакской и варфоломеевской керамики показало следующее. На опорном памятнике Каир-Шак III прочерком орнаментировано 14 % керамики, сочетанием прочерка с наколом – 71 %. По этому показателю керамика Варфоломеевки более сопоставима с каиршакской, чем с джангарской. На Варфоломеевке 33 % керамики с прочерком и 15 % с сочетанием прочерка и накола, еще на 2,5 % сосудов прочерк выступает дополнительным элементом к накольчатому орнаменту, тогда как в 3-м слое Джангара нет сосудов, орнаментированных только прочерком, а сочетающие прочерк и отдельный накол составляют 30 % (Кольцов П.М., 1987, с. 123). Наблюдаются параллели в орнаментальных композициях: совпадают все 4 про-

стые композиции каиршакской посуды и очень близки 4 из 7 сложных (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989, с. 23-28), различаясь не композиционными элементами, а техникой их выполнения – на Каир-Шак III предпочтение отдавалось прочерку с одиночными наколами, на Варфоломеевке – накол в отступающей манере, но встречаются почти идентичные композиции и с прочерком. Часть керамики на обеих стоянках имеет орнамент и насечки по срезу венчиков. Наблюдается сходство в формах сосудов: баночных открытых и прикрытых, слабопрофилированных. В коллекции нижнего слоя Варфоломеевки нет сильно профилированных горшков с отогнутым венчиком, но несколько таких сосудов появляются в слое 2 Б, а в нижнем есть миниатюрный сосудик биконической формы (рис. 8, *6*). Показательно наличие сосудов, близких к ладьевидным, на сравниваемых памятниках.

При имеющихся различиях в коллекциях каменных изделий можно отметить и черты сходства – пластинчатость, микролитичность, преобладание скребков различных типов над остальными категориями орудий: 31 % на Каир-Шаке и 70,5 % на Варфоломеевке. На втором месте на обеих стоянках по количеству стоят геометрические микролиты, но в Варфоломеевском комплексе отсутствуют треугольники.

Костяная оправа для вкладышей, пронизки с насечками, тупики из лопаток животных стоянки Каир-Шак III находят почти полные аналогии на Варфоломеевке.

По результатам сравнительного анализа памятников можно сделать вывод, что комплексы двух памятников сосуществовали на определенном хронологическом отрезке и имеют единую культурную подоснову. На основе статистической обработки коллекций Е.В. Козин также отмечает значительное сходство между каиршакской и варфоломеевской керамикой (Козин Е.В., 1990, с. 25).

Два нижних слоя Джангара отнесены П.М. Кольцовым к среднему этапу неолита и датированы им на основании аналогий с накольчатой керамикой Ивановской и Виловатовской стоянок Среднего Поволжья, прочерченно-накольчатой керамикой каиршакских памятников и других стоянок сопредельных регионов в пределах V тыс. до н.э. (Кольцов П.М., 1990, с. 38-40). Принципиально не отличается и круг аналогий, приводимых для каиршакских памятников, и все исследователи синхронизируют каиршакские стоянки с нижними слоями Джангара.

Две из трех радиоуглеродных дат стоянки Каир-Шак III определяют время существования стоянки в пределах первой четверти V тыс. до н.э.: 6950+-100 л.н. (ГИН 5905) и 6720+-80 л.н. (ГИН 5927) (Козин Е.В., 2002, с. 13). Дата, полученная по углю из основания нижнего слоя Варфоломеевки, также указывает на начало V тыс. до н.э.: 6980+-200 лет назад (ГИН 6546). Синхронность Каир-Шака III и нижнего слоя Варфоломеевки также подтверждается совпадением состава палинологических комплексов (по данным Е.А.Спиридоновой).

Основываясь на синхронизации нижнего слоя Варфоломеевки со стоянками Каир-Шак III и Джангар (3 и 2 слои) и учитывая радиоуглеродное определение для нижнего слоя и две более поздние даты слоя 2 Б Варфоломеевки, средненеолитический этап орловской культуры можно в предварительном плане датировать в пределах первой половины V тыс. до н.э. без учета калибровки радиоуглеродной даты. Калиброванные даты намного удревняют время среднего неолита. Для Варфоломеевки это 5801+-172 л. до н.э., а для стоянки Каир-Шак III – 5722+-161 и 5579+-69 л. до н.э. или первая половина – вторая четверть VI тыс. до н.э.

Поздний неолит. На Варфоломеевской стоянке представлен двумя хронологическими горизонтами, соотносимыми с литологическими слоями 2 Б и 2 А.

Первый этап позднего неолита: слой 2 Б Варфоломеевки, материалы стоянок Вавилово 2, Лагутинская, местонахождение Борсы.

Керамический комплекс претерпевает некоторые изменения. Как и в среднем неолите, максимальное количество керамики относится ко второй группе сосудов (с прикрытым устьем) –приблизительно 53 %. Часть этой керамики имеет утолщенный венчик, а на 5 % сосудов появляется наплыв по внутренней стороне венчика. Есть сосуды с орнаментированными донышками. До 40 % уменьшается количество посуды, орнаментированной прочерком и сочетанием прочерка с наколом. В орнаментации керамики обнаружено 7 новых композиций, а 2 перестают использоваться.

В комплексе каменных орудий появляются трапеции со струганной спинкой без подработки боковых сторон.

Технико-типологические характеристики материального комплекса слоя 2 Б Варфоломеевки обнаруживают максимальное совпадение с материалами верхнего Джангара. Из 31-й орнаментальной композиции керамики слоя 2 Б и 12 композиций Джангара оказываются одинаковыми 10.

Две оставшиеся композиции Джангара включают гребенчатый штамп, которого нет на Варфоломеевке. Аналогичны формы сосудов, особенно показательно наличие на обоих памятниках керамики с внутренним наплывом, но наплыв пока еще не выражен столь ярко, как в последующее время.

Есть ряд различий, не позволяющих полностью синхронизировать верхний слой Джангара и слой 2 Б Варфоломеевки. Это уже упоминавшаяся

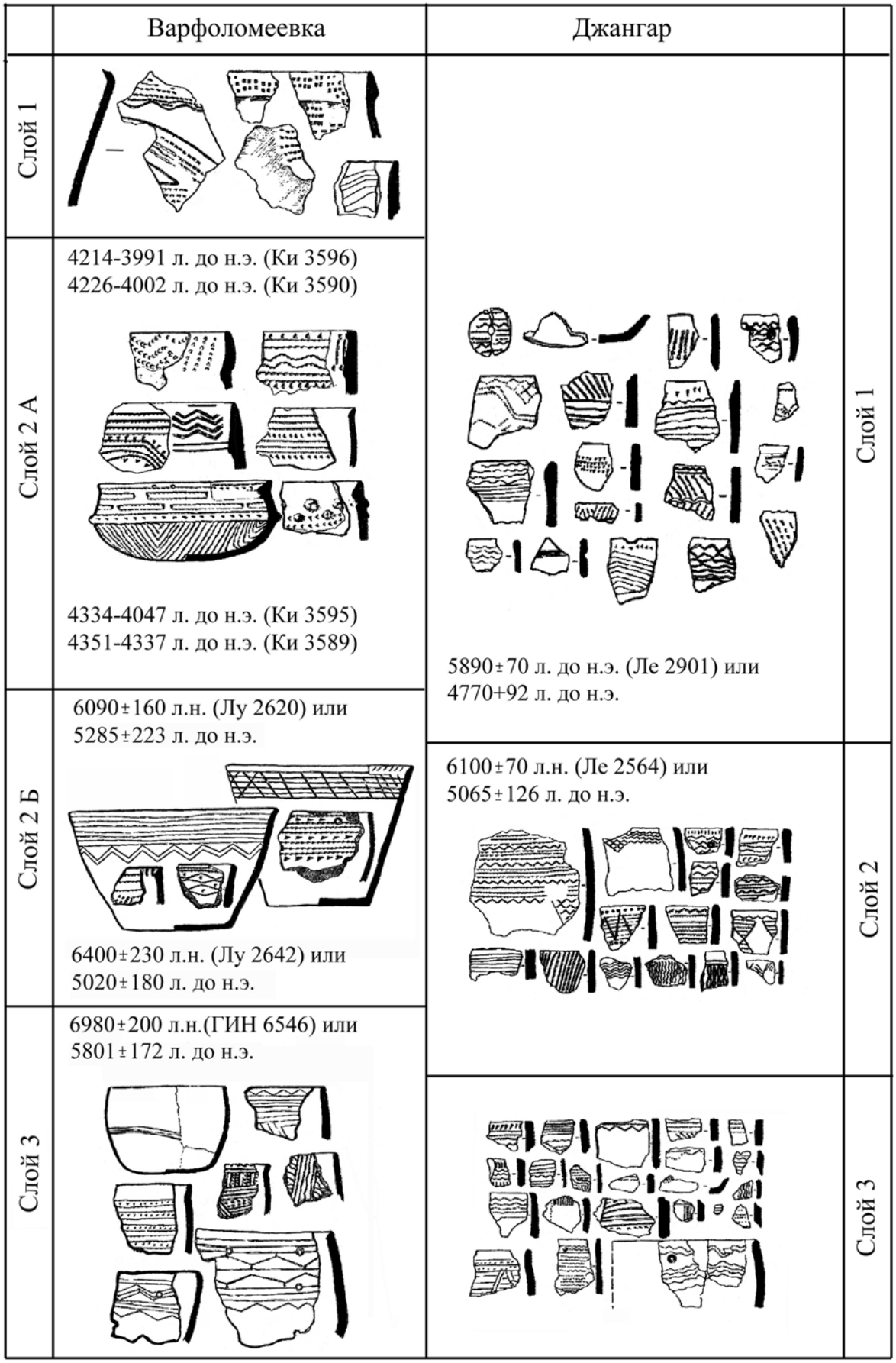

Рис. 88. Стратиграфическое соотношение культурных слоев Варфоломеевки и Джангара

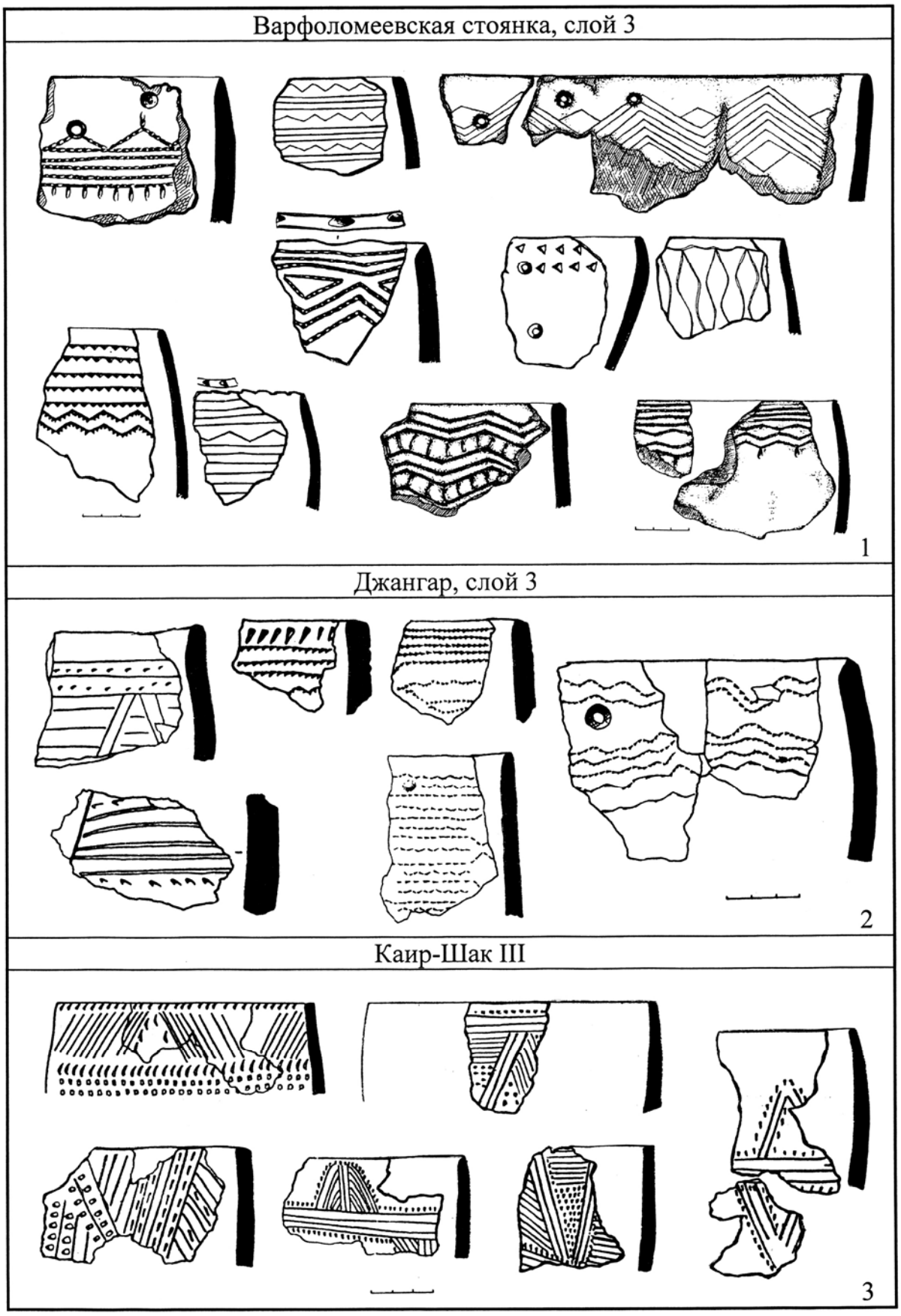

Рис. 89. Керамика среднего неолита памятников Нижнего Поволжья: *1* – Варфоломеевская стоянка, нижний слой; *2* – Джангар, нижний слой; *3* – Каир-Шак III

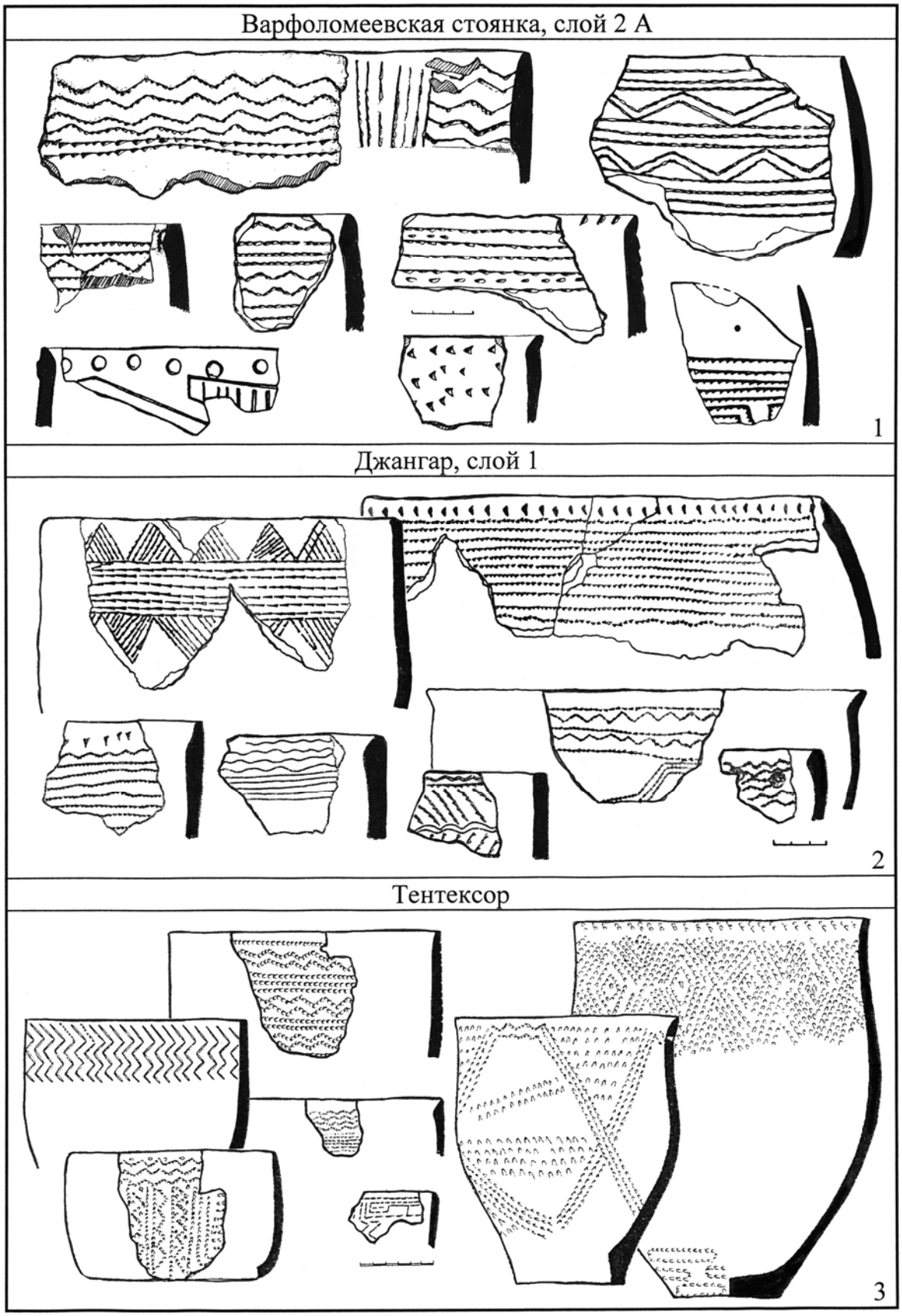

Рис. 90. Керамика позднего неолита памятников Нижнего Поволжья: *1* – Варфоломеевка, слой 2 А; *2* – Джангар, верхний слой; *3* – Тентексор

гребенчатая керамика на Джангаре, где она, правда, не превышает 1,85 % от общего количества, и встреченные там же каменные наконечники стрел с двусторонней обработкой плоской ретушью, бытование которых в степном Заволжье начинается с раннеэнеолитического времени.

Две радиоуглеродные даты для слоя 2 Б указывают на вторую половину V тыс. до н.э.: Лу - 2620 - 6090+-160; Лу - 2642 - 6400+-230. Анализ керамики и каменных орудий слоя 2 Б Варфоломеевки показал типологическую близость их большей части материалам слоя 2 Джангара, и некоторые образцы керамики находят близкие аналогии уже в верхнем слое Джангара. В свою очередь, находки из второго слоя Джангара по типологическим признакам сопоставимы также с двумя слоями Варфоломеевки: слоем 3 и 2 А.

При синхронизации стратифицированных памятников, находящихся на значительном расстоянии друг от друга и претерпевающих самостоятельное культурное развитие, маловероятно полное соответствие хронологических горизонтов. Нам представляется, что синхронизация 2 Б Варфоломеевки с Джангаром будет выглядеть следующим образом: слой 2 Б Варфоломеевки частично синхронен слою 2 на Джангаре и частично верхнему слою (рис. 88). Это подтверждается и радиоуглеродной датой слоя 2 Джангара: 6100+-70 (Ле 2564), калиброванное значение которой (5065+-126 л. до.н.э.) близко к нижней дате слоя 2Б Варфоломеевки.

Второй этап позднего неолита. Представлен слоем 2 А Варфоломеевки, стоянками Орловка и Рахинка. Выше уже сказано о полной тождественности этих материалов. Изменения, произошедшие в керамическом комплексе, выразились в резком увеличении вариантов форм сосудов и приемов их орнаментации. Увеличивается с 5 до 32 % количество сосудов второй группы с внутренним наплывом по венчику. Такая керамика составляет 20 % от общего количества в слое. По характеру профилировки наплывы распределяются на 6 типов. Три четверти керамики орнаментировано наколами различных форм. Количество орнаментальных композиций повышается до 39 (табл. 7).

Основные перемены в технике обработки камня связаны с незначительным увеличением размеров заготовок и орудий. Геометрические микролиты представлены в основном трапециями со струганной спинкой, сегменты единичны. Появляются асимметричные трапеции, трапеции с дополнительной подработкой боковых сторон, с почти параллельными боковыми сторонами.

С этим слоем связана наиболее интенсивная хозяйственная деятельность населения стоянки, проявившаяся в активном строительстве жилищ, расширении площади памятника и усилении насыщенности культурных отложений артефактами. Впервые встречен металлический предмет, описанный выше (рис. 55, *4*), и отмечено начало формирования производящего хозяйства. В это время происходит складывание основных черт материального комплекса прикаспийской энеолитической культуры, но пока еще нет ни гребенчатой керамики, ни наконечников стрел с двухсторонней обработкой.

Для слоя 2 А получена серия из четырех дат:

5430+-60 л. н. (Ки 3589) или 4351-4237 л. до н.э.;
5270+-50 л. н. (Ки 3590) или 4226-4002 л. до н.э.;
5390+-60 л. н. (Ки 3595) или 4334-4047 л. до н.э.;
5220+-50 л. н. (Ки 3596) или 4214-3991 л. до н.э.

Причем образец 3590 (уголь) взят с участка памятника, где залегал только слой 2 А. Таким образом, материалы слоя 2 А хорошо укладываются в хронологическую шкалу финального степного неолита Поволжья и датируются третьей четвертью V тыс. до н.э. – рубежом V-IV тыс. до н.э. Калиброванное значение даты верхнего слоя Джангара – 4770+-92 л. до н.э. (Ле 2901) – указывает на более раннее прекращение функционирования Джангара, что хорошо иллюстрируется материальным комплексом, в котором отсутствуют позднейшие черты неолита, отмеченные в слое 2А Варфоломеевки.

Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1986) также хорошо синхронизируется со слоем 2 А Варфоломеевки, как по материалам, так и по радиоуглеродной дате – 5550+-150 л.н. (ГИН 6177) или 4326+-165 л. до н.э., что совпадает с нижней датой слоя 2 А. Это убедительно подтверждается материалами обоих памятников. Несмотря на ряд несомненных аналогий в керамике, поздние черты в оформлении венчиков керамики Тентексора, как и на Джангаре, не успели проявиться (рис. 90).

Переходный нео-энеолитический период. Представлен верхним слоем Варфоломеевки и неолитическими материалами поселения Кумыска.

В верхнем слое Варфоломеевки появляется керамика, позволяющая говорить о начале складывания керамического комплекса прикаспийской энеолитической культуры. Причем это не механическая примесь инокультурной керамики, определяющая лишь сосуществование двух культур, а органическое сочетание новых признаков со старыми.

Вся керамика с примесью раковины, внешняя поверхность подлощена, на внутренней имеются следы сглаживания. Наплывы по внутренней стороне венчика уменьшаются, а в одном случае от наплыва остался только орнамент. Появляется воротничковое оформление венчиков, часть «воротничков» выражена слабо. Гребенчатый штамп украшает фрагменты венчиков от 4-х сосудов. На двух он сочетается с наколом, а еще на одном гребенчатые отпечатки периодически протаскивались или наносились в отступающей технике.

Кварцитовые орудия составляют 15 % против 1,7-3 % в нижних слоях. Появляются крупные кварцитовые орудия, характерные уже для энеолитического времени (рис. 56, *9, 14*), а на поверхности найден обломок кварцитового наконечника стрелы с выемчатым основанием и сплошной двусторонней ретушью, единственный на памятнике. Укрупняются трапеции со струганной спинкой (рис. 56, *10*).

Судя по малой мощности слоя, распространению его на незначительном участке памятника, отсутствию следов жилищных построек на вскрытом участке и слабой насыщенности находками, вероятно, нео-энеолитический период занимал незначительный отрезок времени.

Учитывая, что хронологические рамки прикаспийской культуры определяются в пределах первой половины IV тыс. до н.э., следует относить заключительный этап функционирования стоянки к рубежу V-IV тыс. – началу IV тыс. до н.э.

5. Место орловской культуры в системе неолита Юго-Восточной Европы. Культурные контакты и связи

В неолитическую эпоху на территории Нижнего Поволжья сформировалась культурная общность, включающая орловскую, джангарскую и сероглазовскую культуры. Общность получила название нижневолжской. Культуры ее составляющие характеризуются плоскодонной накольчато-прочерченной керамикой и комплексом пластинчатых каменных орудий с геометрическими микролитами (Юдин А.И., 2003).

Родство этих культур основано на единстве происхождения, близком хозяйственном укладе и постоянных контактах населения, которое было вынуждено периодически перемещаться в пределах региона в силу нестабильных природно-климатических условий в южной части Нижнего Поволжья.

Границы этой общности охватывают степную зону Нижнего Поволжья, полупустынные и пустынные регионы, прилегающие к северному побережью Каспийского моря (Северный и Северо-Западный Прикаспий), а также, возможно, и часть степного Волго-Донья.

Три культуры нижневолжской общности – сероглазовская, орловская и джангарская – имеют свои региональные особенности и в то же время составляют единый блок с комплексом присущих только ему культурных особенностей, выделяющих его из аналогичных образований окружающих регионов.

Вероятно, в силу расположения в более благоприятном природно-климатическом поясе орловское население сыграло определяющую роль в развитии нижневолжской культурной общности, просуществовало до конца неолитической эпохи и послужило субстратом при формировании раннеэнеолитических культур мариупольского круга.

В пределах нижневолжской области наиболее существенное качественное совпадение материальных комплексов отмечается для орловской и джангарской культур, в первую очередь среди находок на основных памятниках – стоянках Варфоломеевка и Джангар.

Выше были рассмотрены общие черты, позволившие провести синхронизацию культурных комплексов. Теперь остановимся на отличиях, в силу которых предпочтительнее изучать орловские и джангарские памятники в рамках самостоятельных культур.

Регионы, занимаемые двумя культурами, вероятнее всего, будут смыкаться на границе степи и полупустыни в узком коридоре Волго-Донского междуречья. Памятники орловской культуры расположены в степной зоне, джангарской – в полупустынной. Ландшафтно-климатические условия определяют культурно-хозяйственный уклад населения, и не случайно в Саратовском Правобережье, в лесостепной зоне орловские памятники не обнаружены, они располагаются южнее, в степях Волгоградского Правобережья. Природные различия обусловили комплексный охотничье-рыболовецкий тип хозяйства орловской культуры в среднем неолите и переход к началам производящего в позднем, тогда как в джангарской культуре ведущей отраслью хозяйства оставалась охота на сайгу. Максимальные различия в культуроопределяющих признаках приходятся как раз на период перехода от присваивающего хозяйства к производящему.

Типолого-сравнительный анализ керамических комплексов Варфоломеевки и Джангара выявил, что ведущей формой посуды на всех четырех этапах Варфоломеевки являлась керамика второй группы (с прикрытым устьем), в результате эволюции которой вначале на внутренней стороне венчика возник наплыв, а затем – воротничок на внешней. На Джангаре основной формой являлись прямостенные сосуды, численно преобладающие во всех слоях. Количество слабопрофилированной керамики на Варфоломеевке увеличивается от 12 % в нижнем слое до 24 % в верхнем; на Джангаре – от 16 % в нижнем до 41 % в верхнем. На Варфо-

ломеевке встречены сосуды, не имеющие аналогов в Джангаре – с плоским овальным дном; с ребром по тулову; с высоким отогнутым венчиком.

Керамика, орнаментированная только прочерком, в нижнем слое Джангара отсутствует, на Варфоломеевке она составляет 33 %. В остальных слоях Джангара керамики с прочерком – 35 и 35 %, на Варфоломеевке – 28 и 12 %.

Орнаментальные композиции Варфоломеевки отличаются сложными геометрическими построениями, включающими, кроме элементов общих для двух стоянок, ряд фигур, совершенно неизвестных на Джангаре: прямоугольники, шестиугольники, косую сетку, плетенку, особый вид сотового орнамента. Сложный геометрический орнамент характерен для всех слоев Варфоломеевки, начиная с нижнего, где им украшено 35 % керамики. Вполне возможно подобрать в нижних слоях Варфоломеевки десяток-другой фрагментов с несложным орнаментом, аналогичным джангарскому, но это не исчерпает всего содержания Варфоломеевки, а лишь отразит меньшую часть комплекса.

Сравнение комплексов по горизонтам показывает, что в своем развитии керамика подвержена как общим закономерностям (одновременное появление наплыва на венчике), так и частным, присущим только одному памятнику.

Анализ каменных изделий выявил те же закономерности. С одной стороны, это наличие в нижних слоях сегментов и трапеций, одновременное появление трапеций со струганной спинкой, что позволяет провести синхронизацию двух стоянок. Но, с другой стороны, и здесь заметны существенные различия: для двух нижних слоев Варфоломеевки трапеции единичны, а в двух верхних доминируют трапеции со струганной спинкой, тогда как в верхнем слое Джангара сегменты сосуществуют с трапециями. Единственная джангарская трапеция со струганной спинкой и такая же трапеция со стоянки Ту-Бузгу-Худук 2 мало похожи на варфоломеевские по характеру нанесения сострругивающей ретуши и ее расположению (Кольцов П.М., 1990, с. 31, рис. 3, 21, 23).

Наиболее характерные нуклеусы Варфоломеевки – плоские и уплощенные. На Джангаре встречен всего один уплощенный нуклеус, все остальные – других типов. Ряд категорий орудий полностью отсутствует в Варфоломеевке – все четыре типа наконечников стрел, пластины с выделенной головкой, прямоугольники, топорики с двусторонней оббивкой. Список можно продолжить, но различия заключаются не только в наборе категорий, а и в характере вторичной обработки, что гораздо существеннее. В частности, на Варфоломеевке почти не применялась техника двусторонней оббивки, встречная и противолежащая ретушь; подработка острий с брюшка ограничивалась двумя-тремя фасетками ретуши на рабочем конце, тогда как на джангарских брюшковая ретушь нанесена по одной или двум сторонам, что является отличительной особенностью комплекса.

В целом сравнительный анализ основных признаков приводит к выводу, что Варфоломеевка и Джангар, вероятнее всего, имеют единую культурообразующую основу, но к моменту своего возникновения в среднем неолите они представляли уже две ветви некогда единого культурного процесса, развивающиеся самостоятельно и на каждом новом этапе увеличивающие различия в материальном комплексе.

Объяснить несоответствие комплексов Джангара и Варфоломеевки только локальными различиями нельзя – правобережная стоянка Орловка расположена как минимум в два раза ближе к Джангару, чем к Варфоломеевке, но обнаруживает полную повторяемость признаков с последней.

Исследователь Джангара П.М. Кольцов также рассматривает Джангар и Варфоломеевку в рамках самостоятельных культур (Кольцов П.М., 1990, с. 68, 69). С другой стороны, орловская и джангарская культуры столь близки, что при изменении критериев сходства и различия становится возможным говорить о локальных вариантах или даже одной культуре. Для получения более определенной картины необходимо исследовать серию памятников в каждой из культур, с тем чтобы иметь возможность проверить выводы, сделанные на реперных памятниках – Джангаре и Варфоломеевке.

Рассматривая неолитические памятники (средневолжской или волго-уральской культуры развитого периода) к северу от нижневолжской культурной области, сразу обращаешь внимание на преобладание традиции гребенчатой орнаментации керамики. Но среди нее встречается группа накольчатой, которая по своему облику практически полностью соответствует орловской (рис. 91, *3*). Среди материалов волго-уральской культуры значительную долю составляет накольчатая керамика, проблема происхождения которой неоднократно рассматривалась в литературе. Эта керамика поразительно напоминает орловскую, что позволяет предполагать два варианта ее происхождения: это результат тесных культурных контактов или итог прямых миграций южного степного населения.

Проведенное сравнение комплексов орловской неолитической культуры степной зоны Нижнего Поволжья с материалами сопредельных территорий показывает, что эта культура представляет одно из звеньев цепочки неолитических степных культур Юго-Восточной Европы. С культурами нижневолжской общности (сероглазовской и джангарской) орловская, несомненно, находилась в генетическом родстве. Сходство материальных признаков с культурами более отдаленных регионов, возможно, объясняется единым типом хозяйства и сходными природными условиями, но не исключаются и прямые контакты с пограничными

культурами. В силу периодического ухудшения климата, делавшего невозможным проживание населения в южной, прикаспийской части Нижнего Поволжья и вызывавшего их миграцию (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998, с. 66-83), неолитические племена региона объективно были вынуждены вступать в контакты. Следы этих контактов хорошо отражены в керамике Варфоломеевской стоянки, местоположение которой оказалось пригодным для жизни даже во время природных катаклизмов: в нижнем слое выделяется керамика, имеющая комплекс каиршакских признаков, а в верхнем слое – тентексорских. В свою очередь, избыток населения, вероятно, способствовал периодическому перемещению его в более северные районы, в лесостепную зону Волго-Уралья. Представляется вполне возможным говорить о прямой миграции орловского населения, что нашло выражение в комплексах накольчатой керамики волго-уральской культуры в Заволжье.

Что же подтверждает процесс миграции? Сравнивая неолитические памятники волго-уральской культуры развитого и позднего периода с орловскими, сразу обращаешь внимание на преобладание традиции гребенчатой орнаментации керамики в волго-уральских комплексах, а группа накольчатой керамики по технико-типологическим признакам практически полностью соответствует орловской. Это относится к орнаментам, технике их нанесения, примесям в глине, характеру оформления внешней поверхности и срезов венчиков (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 27, рис. 31; 32; 39; Моргунова Н.Л., 1995, с. 57, рис. 7; 11; 12). Наиболее ярко эти проявления отмечаются во II группе керамики Ивановского поселения и Виловатовской стоянки. Исключение составляет один характерный признак лесостепного неолита, совершенно неизвестный в степи – пояски жемчужных вдавлений под венчиком, но остальные признаки чисто орловские. Значительное сходство наблюдается и с частью керамики I группы (елшанской) Ивановского поселения. Это касается фрагментов с прочерченной “сетчатой” орнаментацией со слабой профилировкой и насечками по срезу венчика. На эталонном орловском памятнике – Варфоломеевской стоянке - слоя раннего неолита нет, но керамика, сопоставимая по части признаков с елшанской, встречается в нижнем слое.

При такой идентичности в керамике, несомненно, не только существование контактов, но и прямых миграций степного населения в лесостепную зону. Ранее высказывалось мнение, что южные импульсы исходили от каиршакского и тентексорского населения Северного Прикаспия, ракушечноярской культуры Нижнего Дона, неолитических племен Калмыкии и степного Заволжья (Моргунова Н.Л., 1995, с. 49-52; Она же, 1997, с. 11). После исследования Варфоломеевской стоянки, становится несомненным, что появление накольчато-прочерченной керамики в лесостепи следует связывать, в первую очередь, с орловской культурой степного Заволжья, непосредственно граничащей с волго-уральской. Необходимо подчеркнуть, что волго-уральская накольчатая керамика и орловская более похожи между собой, чем орловская с родственными каиршакской и тентексорской, и это тоже свидетельствует о непосредственной миграции орловского населения в лесостепь. Некоторые параллели орловским и волго-уральским материалам можно провести и по другим категориям инвентаря (каменные орудия на пластинах, небольшое количество геометрических микролитов, несколько категорий изделий из кости). Совпадения здесь менее показательны, что естественно, так как речь идет все же о самостоятельных культурах со своим набором культуроопределяющих признаков.

Практически до конца неолита связи двух культур – орловской и волго-уральской – оставались однонаправленными: с юга на север. Никаких лесостепных влияний до эпохи позднего неолита–раннего энеолита в степи не отмечено. Совершенно обратная картина наблюдается в раннем энеолите, когда в заволжской степи происходит резкая смена накольчатой керамики гребенчатой, причем теперь уже степная керамика по орнаментации идентична поздней гребенчатой волго-уральской. Все это показывает, что в неолитическую эпоху периодически происходило активное перемещение степного, а в раннем энеолите и лесостепного населения, отразившееся в характере керамики существовавших здесь культур.

По мере продвижения к северу орловский импульс на облике керамики отражается все меньше, постепенно затухая. Если в керамике лесостепи южные элементы видны отчетливо, то в керамике памятников юга лесной зоны они угадываются уже в самых общих чертах. Например, комплексы с накольчатой керамикой Марийского Поволжья можно сопоставить с орловскими только по нескольким признакам: форма сосудов, плоскодонность, орнаментация днищ, растительная и раковинная примесь и простейшие композиции орнаментов. Для подобной керамики поселения Отарское VI ранее предлагался круг аналогий в направлении вниз по Волге, вплоть до Северного Прикаспия (Габяшев Р.С., Никитин В.В., Николаев В.В, 1992, с. 29-30). Затем истоки плоскодонной накольчатой керамики лесной зоны Среднего Поволжья стали усматриваться на Среднем Дону (Никитин В.В., 1996, с. 107, 111).

А.В.Вискалин также видит наиболее близкие параллели накольчатой керамики Волго-Камья к западу и юго-западу от Среднего Поволжья, а роль нижневолжского импульса незначительна – в ослабленном виде он достигает только юга лесостепи (виловатовская группа керамики) (Вискалин А.В., 1999, с. 16-17).

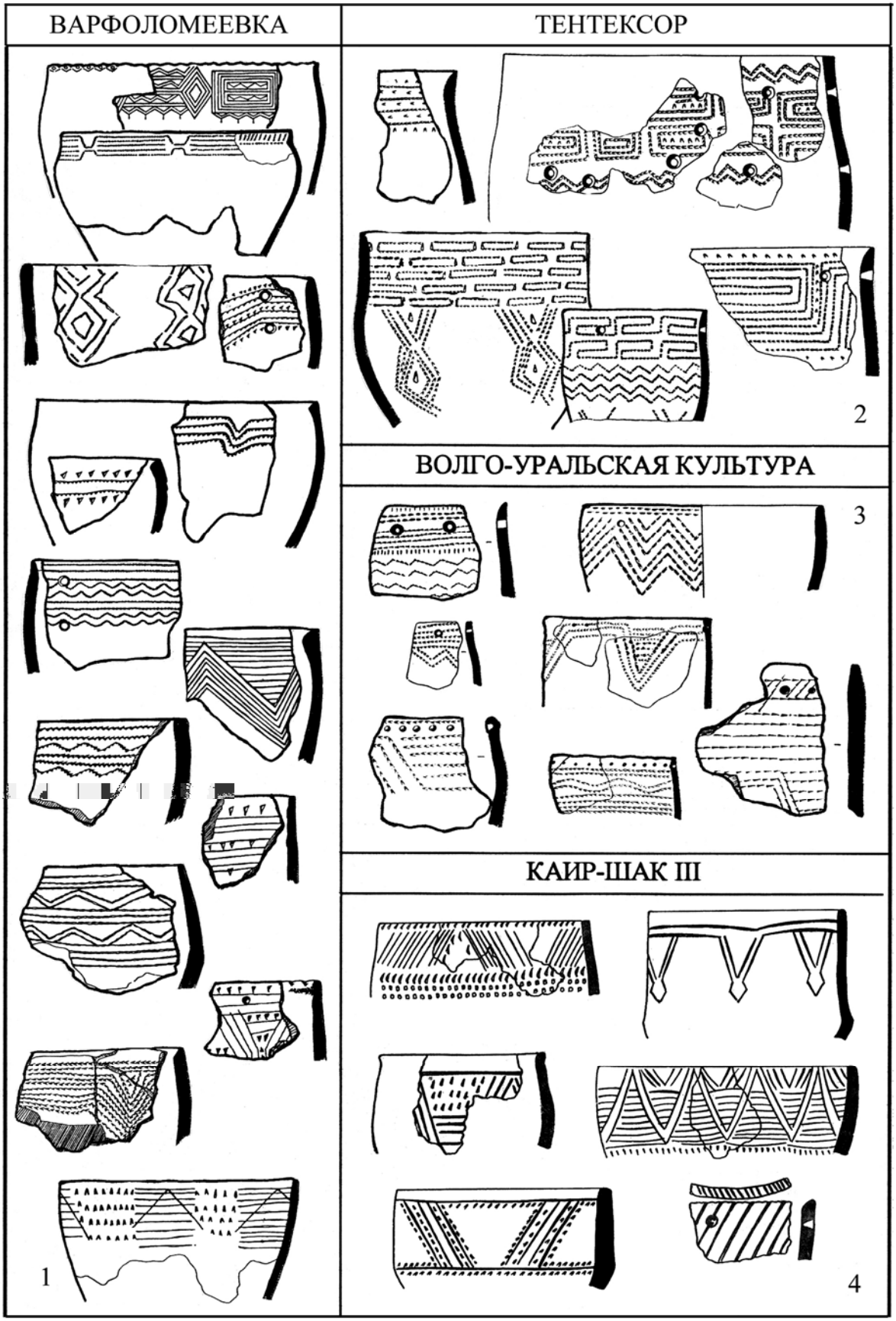

Рис. 91. Образцы керамики неолитических памятников Среднего и Нижнего Поволжья

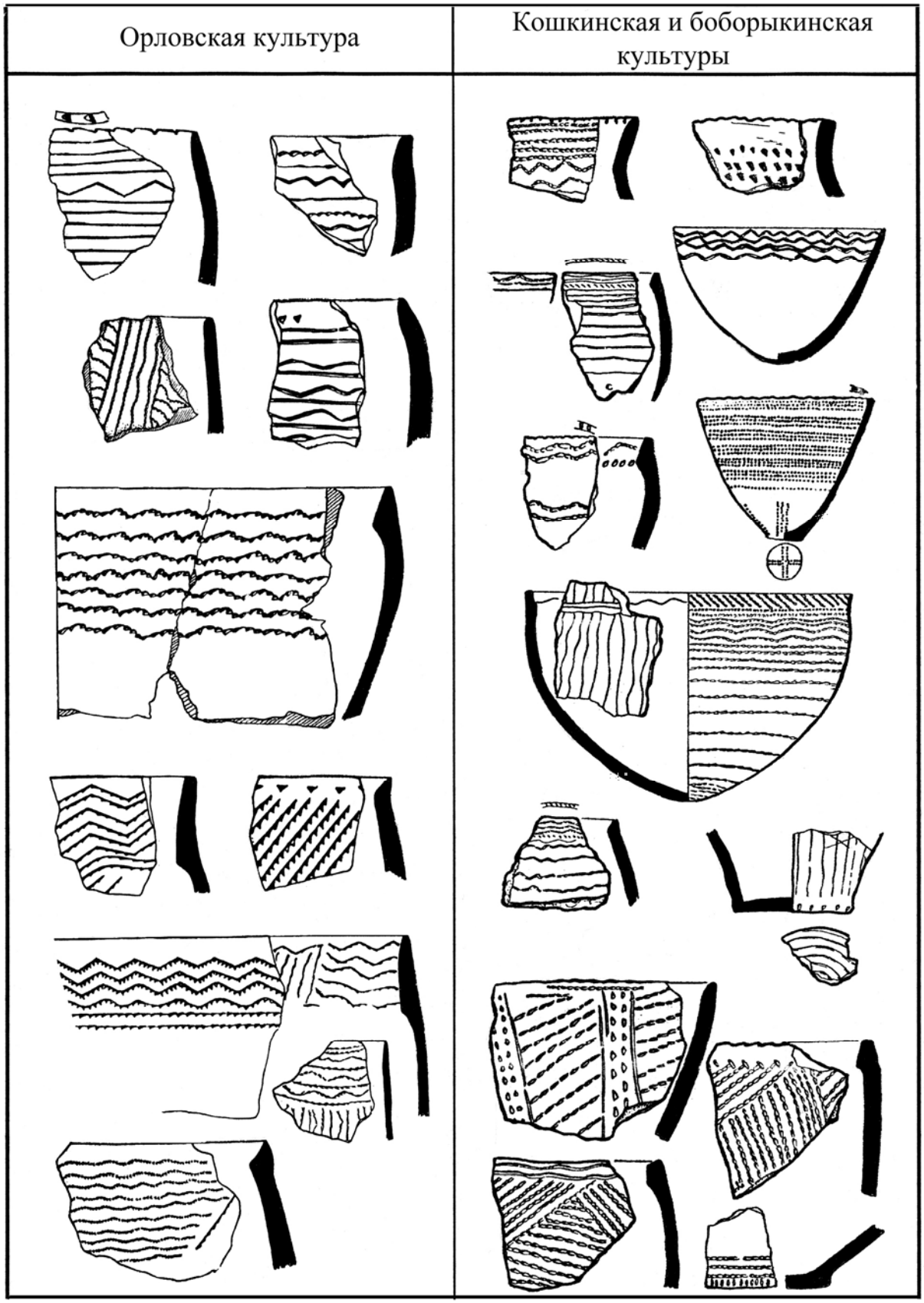

Рис. 92. Образцы керамики орловской, кошкинской и боборыкинской культур

Но если мы видим столь яркое воздействие орловской керамической традиции в лесостепи Поволжья, то следует предполагать появление накольчатой керамики в лесной зоне в результате контактов именно со своими соседями. Опосредованное воздействие орловских племен через население лесостепи, естественно, привело к появлению только некоторых южных черт. Правда, одна из них – плоскодонность – очень показательна, так как совершенно не характерна для керамики среднедонской культуры. Рассматриваемая накольчатая керамика Средней Волги датируется первой половиной IV тыс. до н.э., что хорошо согласуется с хронологией степного неолита. Именно в начале этого тысячелетия поздняя орловская культура начинает трансформироваться в раннеэнеолитическую прикаспийскую, а усилившиеся контакты с северным лесостепным населением привели к появлению гребенчатой керамики (Юдин А.И., 1998, с. 87-105).

Население волго-уральской (средневолжской) культуры, вероятнее всего, также явилось культурным посредником по передаче степных традиций в Зауралье. Только этим можно объяснить ряд параллелей, обнаруживаемых в кошкинской и боборыкинской культурах. Еще К.В. Сальников в начале 60-х гг. первым отметил немногочисленные тогда нижневолжские аналогии для неолита Зауралья. При первой публикации материалов Орловски В.И. Мамонтов отметил их сходство с находками на южноуральской стоянке Чебаркуль II (Мамонтов В.И., 1974, с. 258). По мере изучения неолита Нижней Волги расширялась и база для сравнений. Исследования стоянки Джангар в Калмыкии (Кольцов П.М., 1984) показали наличие аналогий в памятниках боборыкинской культуры (Ковалева В.Т., 1989, с. 56).

При сопоставлении степных поволжских материалов с кошкинскими и боборыкинскими из Зауралья наблюдается следующая картина. В орловской и кошкинской керамике имеется ряд общих черт, но полного тождества комплексов не наблюдается: орловские сосуды практически все плоскодонны, среди кошкинских преобладают остродонные и отсутствуют профилированные горшковидные; внутренние наплывы на орловских разнообразны по форме, на кошкинских – только одного вида, но есть воротнички, которые в Нижнем Поволжье появляются в раннеэнеолитическое время; для орловских характерен бордюрный орнамент (только маленькие сосуды могут быть украшены полностью) и совсем мало орнаментированных днищ, кошкинские с неполной орнаментацией встречаются изредка и все днища украшены. Техника нанесения орнамента совпадает – прочерченно-накольчатая при отсутствии гребенки и преобладании накола, но некоторые орловские орнаментальные композиции отличаются сложным геометризмом, кошкинские по сравнению с ними в целом выглядят обедненными (рис. 92).

Еще больше “степных” параллелей наблюдается при сопоставлении с боборыкинской культурой, вплоть до совпадения некалиброванных дат Ташково I (5490+60 л.н., Ле 1535) и поздненеолитического слоя 2А Варфоломеевки (5430+60 л.н., Ки 3589). Калиброванное значение последней даты - 4351-4337 л. до н.э. Еще три даты слоя 2А доводят время его существования до начала IV тыс.

В боборыкинской керамике появляются профилированные формы, бордюрный орнамент из сложных геометрических фигур, но при этом, как и в орловской керамике, большая часть композиций составлена из горизонтальных линий и зигзага (Ковалева В.Т., 1989, с. 79, рис. 15, *3, 4, 10, 12*). Привлекает внимание пластинчатая техника расщепления камня, наличие трапеций, высокая степень его утилизации – вторичное использование орудий, использование отщепов без подработки – эти черты характерны и для орловских памятников. Можно назвать и более общие признаки, например находки каменных и глиняных “утюжков” с орнаментом в обеих культурах (рис. 40, *7*; 55, *3*; 76, *3, 4*), общие элементы в конструкции жилищ.

Подобный комплекс совпадающих признаков нельзя объяснить только стадиальностью в развитии, а заставляет предполагать какие-то периодические, на протяжении среднего и позднего неолита, культурные контакты, если не путем прямой инфильтрации населения, то опосредованно. В данном случае на роль такого культурного посредника, как уже говорилось, хорошо подходит население лесостепной волго-уральской культуры, где наиболее отчетливо ощущаются прямые контакты с южными соседями – орловскими племенами. Аналогичные процессы контактов и взаимопроникновений давно отмечены для лесных районов Зауралья, Приуралья и Поволжья, откуда протягивается цепочка культур с накольчатой керамикой к среднедонской культуре и культурам днепро-донецкой общности. Впрочем, ряд исследователей не исключает и прямую инфильтрацию населения Северного Прикаспия в Среднее Зауралье (Ковалева В.Т., 1999, с. 25-27; Косинская Л.Л., 1999, с. 27-28).

К подобным выводам пришел А.Ф.Шорин, анализируя проблемы культурогенеза энеолитического населения Урала. Он отметил наличие несомненно близких черт в погребальной обрядности населения Среднеазиатского междуречья, лесостепного Поволжья и лесного Зауралья в раннеолитическую эпоху. На основании этого сходства предполагается общая генетическая подоснова или активные контакты населения этих регионов в каменном веке (Шорин А.Ф., 1999, с. 53). В нашем случае это особенно интересно, так как выше уже отмечалось сложение мариупольского (прикаспийского) погребального обряда в недрах орловской неолитической культуры. А.Ф.Шорин отмечет несомненное и постоянное проникновение прочерченно-накольчатой техники орнаментации

керамики в течение неолита и энеолита на восточные склоны Южного Зауралья из южных степных регионов, в том числе из Северного Прикаспия. Итогом этого проникновения была трансформация местной гребенчатой традиции орнаментации керамики и сложение культурно-исторической области гребенчатого геометризма в позднем энеолите (Шорин А.Ф., 1999, с. 59, 77, 81, 82).

Следует отметить еще одно интересное сопоставление с керамикой козловской культуры Зауралья. Исследователи отмечают автохтонное происхождение этой культуры. Козловская керамика имеет наплыв с внутренней стороны венчика (в том числе орнаментированный) и украшена прочерченно-накольчатым орнаментом (Ковалева В.Т., 1989, с. 21-25). Аналогичные признаки являются определяющими и для орловской керамики. Показательно и совпадение эволюции техники нанесения орнамента: прочерк – накол – гребенка. Если принять дату кошкинских памятников – первая половина V тыс. до н.э., то следует заметить, что для орловской керамики этого времени наплыв еще не характерен, а гребенчатая орнаментация появляется вообще в начале IV тыс. до н.э., уже на энеолитических памятниках. Следовательно, эти аналогии можно отнести на счет стадиальности в развитии неолитических культур или на контакты с населением каких-то других регионов.

Правобережная лесостепь отделяется от ареала орловской культуры только Волгой, но сразу заметна совершенно иная культурная ориентация. Необходимо заметить, что лесостепное Волго-Донское междуречье в неолитическом плане совершенно не исследовано и все известные памятники неолита относятся к бассейну верховьев Хопра, левого притока Дона. Здесь, в северо-западных районах Саратовской области и юго-восточных Тамбовской, отчетливо видно развитие неолитических памятников под явным среднедонским влиянием и племен с гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой на позднем этапе. Накольчатая керамика имеет ряд общих признаков с орловской – это характер постановки наколов, сочетание техники отступающего накола с разреженными наколами, использование “плетеных” орнаментов, изредка встречаются плоские днища. Но все же неолитическая керамика бассейна Хопра значительно отличается от степной. Например, на стоянке Шапкино 2 (левый берег р.Ворона) она плотная, тонкостенная, без раковинной примеси, на обратной стороне имеет негативы от наколов и у нее другой характер оформления венчиков (Хреков А.А., 1992, с. 10, 11, рис. 5, *1- 6*).

Композиционные построения на ряде фрагментов керамики многослойного поселения Шапкино VI (Хреков А.А., Юдин А.И., 2003) (рис. 1, *19*) являются характерной принадлежностью южной, степной орловской культуры Поволжья (особенно шеврон) (Юдин А.И., 1998а, с. 89-96, рис. 4-6), хотя по таким технологическим показателям, как состав теста, качество обжига, толщина стенок, общего практически ничего нет. Изредка встречаются фрагменты, украшенные узким подовальным наколом в отступающей манере, что также обычно для поздней неолитической керамики Нижней Волги, и ранее уже отмечалась возможность формирования местного накольчатого комплекса под воздействием восточных и юго-восточных культур (Хреков А.А., 1990, с. 28).

Накольчатая керамика лесостепного Прихоперья, с одной стороны, обладает рядом устойчивых технико-типологических признаков, а с другой – несет в себе следы контактов или культурной диффузии с населением сопредельных областей (иногда достаточно удаленных), в том числе, вероятно, и с племенами степного Заволжья.

Керамика этого времени по всем параметрам соответствует среднедонской, но окраинное положение шапкинских памятников относительно других памятников наложило отпечаток на ее облик. В частности, это уже называвшаяся плоскодонность нескольких сосудов, плотная постановка отступающего накола, композиционные построения орнамента с включением зигзага и шеврона. Все эти признаки характерны для двух степных неолитических культур, одна из которых – орловская – граничит со среднедонским памятниками с юго-восточной стороны, а другая – ракушечноярская – с южной. Эти две культуры близки между собой по многим признакам (Юдин А.И., 1998б, с. 28-29; Он же, 2000а, с. 47-48), и вряд ли возможно определить, с какой из них вступало в культурные контакты шапкинское население, но степная направленность этих контактов несомненна.

В плане культурных контактов интересно рассмотреть еще одну культурную группу керамики со стоянки Шапкино VI. Это фрагменты с прочерченной орнаментацией. Аналогичная керамика на Среднем Дону выделена в дронихинский тип по эпонимному памятнику (Синюк А.Т., 1986, с. 106-108). Шапкинская керамика по многим параметрам может также относиться к дронихинскому типу, но ряд ее признаков совершенно не характерен для дронихинской. Общее заключается в появлении профилированных форм сосудов и плоскодонности, в сходных орнаментальных композициях и способе их нанесения, в эпизодической встречаемости глубокого резного орнамента в сочетании с мелкой гребенкой на одном сосуде.

Но при этом сразу бросаются в глаза и явственные различия: отсутствуют ряды ямок под венчиком, и только изредка они обозначены оттисками короткого гребенчатого штампа или наколами, различаются зоноразделители, толщина резных линий.

Но самое яркое отличие от дронихинской отмечено на небольшой группе керамики, составляющей приблизительно 13 % от керамики с резным орнаментом. Эта керамика, в дополнение к резным линиям, также украшена зигзагом, волной

(иногда сдвоенной), рядами короткого трехзубого штампа и наколами различной формы, которые не являются делителями орнаментальных зон и могут располагаться под венчиком, на тулове или в придонной части.

По мнению А.Т. Синюка, керамика типа Дронихи имеет достаточно поздний возраст и является результатом контактов населения рыбно-озерской культуры с остатками племен пережиточно неолитической среднедонской культуры (Синюк А.Т., 1986, с. 151). Керамика, которую А.Т. Синюк признает дронихинской, встречена на поселениях Староанненском и Козлиновском (Синюк А.Т., 1986, с. 139) в Волго-Донском междуречье. В целом комплексы Козлиновского поселения имеют более раннюю дату, чем дронихинская керамика, и здесь тоже имеются фрагменты резной керамики с включением зигзага (Еремин В.И., 1989, с. 83, рис. 9, *15*), что, очевидно, отражает процесс контакта со степными культурами, для которых зигзаг являлся едва ли не основным элементом орнамента на протяжении нео-энеолитической эпохи (рис. 88-90). Наличие двух групп керамики дронихинского типа позволяет предположить, что не вся она является пережиточно неолитической и какая-то ее часть имеет более ранний возраст.

Керамика дронихинского типа, как уже упоминалось ранее, относится А.Т.Синюком к пережиточно неолитической и датируется второй половиной III тыс. до н.э. Пока неизвестны памятники с четкой стратификацией, которая могла бы определить положение данной керамики, но ее процентное распределение в шапкинском культурном слое, когда более 80% фрагментов найдено в двух нижних раскопочных пластах, позволяет предполагать более ранний, чем пережиточно неолитический, возраст какой-то части сосудов с резным и прочерченным орнаментом. Во всяком случае, происхождение ряда признаков подобной керамики может быть связано только со степными неолитическими традициями. Имеются в виду зигзаг, сочетание зигзага и накола, резной линии и накола, которые не характерны для собственно дронихинской керамики, но встречены на шапкинской. Вероятнее всего, такая орнаментация есть результат контактов с неолитическими культурами степи, которые уже на рубеже V-IV тыс. до н.э. прекратили свое существование и сменились энеолитическими культурами мариупольского круга.

Поселение Шапкино VI занимает пограничное положение, где к северу от него находится область культур ямочно-гребенчатой керамики, к востоку – гребенчатой, к западу и юго-западу – среднедонская с накольчатой керамикой, а к югу и юго-востоку – нижневолжская общность культур с плоскодонной накольчатой и накольчато-прочерченной керамикой. На протяжении двух эпох отчетливо видны следы культурного взаимодействия населения лесного и степного миров, что определило облик значительной части керамических комплексов.

Керамика стоянки отражает контакты с сопредельными областями, в разное время только менялась их направленность. В целом результат этих контактов во всех случаях приводил к двум вариантам культурной трансформации. В энеолитическую эпоху происходит сплав разнокультурных традиций и появление новых культурных типов. Наиболее яркий пример – керамика мариупольского круга (Хреков А.А., 1996, 64-77, рис. 2, *1-10*; 3, *10-4*; 4, *1-13*; 5, *7, 8, 10-12*), которая, несомненно, претендует на самостоятельный культурный статус. В неолитическую эпоху все ограничивается появлением новых элементов в керамике под воздействием соседей без кардинальных изменений в общем облике керамического комплекса. В качестве примера можно указать на элементы орнаментации накольчатой керамики, имеющие, несомненно, южный, степной характер.

Севернее, в Верхнем Посурье, наблюдается аналогичная картина. Накольчатая керамика, также встречаемая совместно с гребенчатой и ямочно-гребенчатой (к примеру, на стоянке Подлесное VII), имеет ряд существенных различий: наколы чаще всего поставлены редко, композиции орнаментов просты, почти не встречается прочерк. Сходство обнаруживается самого общего порядка: в некоторых орнаментах и формах сосудов (Ставицкий В.В., 1997, с. 16, рис. 2, *1*; Он же, 1998, рис. 1, *12*; 2, *3, 4*; 3, *8, 10*). В.В. Ставицкий отмечает, что на развитие местного неолита оказали влияние как среднедонская, так и средневолжская культуры (Ставицкий В.В., 1998, с. 40-48; Он же, 1999а, с. 174-177; Он же, 1999б, с. 12). В появлении накольчатой керамики в междуречье Суры и Мокши В.П. Третьяков и А.А. Выборнов предполагают определенную роль лесостепных и степных культур и проводят сравнения с неолитическими памятниками Среднего Дона. Совпадения с орловской культурой можно увидеть в каких-то самых общих чертах в накольчатой керамике стоянок Потодеево, Имерка I-А, Имерка X (Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988, с. 38-39, рис. 1; 4; 13).

Южнее, в Волгоградской области, на р.Бузулук (донской бассейн) исследовались два неолитических поселения – Староанненское и Козлиновское (Еремин В.И., 1988, с. 71 - 89) (рис. 1, *17, 18*). На Староанненском, содержащем смешанный комплекс неолитической керамики, хорошо выражены черты среднедонского неолита (остродонность, разреженный накол, композиции орнамента), а на Козлиновском, которое, вероятно, несколько моложе, достаточно ярко отразилось соседство со степью и орловским населением. Рассмотрим накольчатую керамику, не останавливаясь на небольшой серии ямочно-гребенчатой, гребенчатой и прорезной. В целом керамика значительно отличается от орловской – она лучшего обжига, более тонкостенна, глубоко вдавленный

орнамент проявляется на внутренней стороне стенки. Но около трети сосудов имеют, хотя и небольшую, примесь толченой ракушки в глине; орнаменты накольчатой керамики, наряду с простыми композициями (ряды горизонтальных или наклонных линий), включают и типично орловские – шевроны, сочетание зигзага и линии, сочетание отступающего накола и крупных разреженных наколов (Еремин В.И., 1988, рис. 9, *1-3, 9*; Наумов И.Н., 1992, рис. 3, *8*). Причем именно эта керамика имеет примесь ракушки. Сосуды находят аналогии в керамике из слоя 2 А Варфоломеевки. О позднеолитическом возрасте Козлиновской стоянки говорят также трапеции со струганной спинкой среди каменных орудий и фрагмент венчика с воротничковым утолщением, накольчатым орнаментом и прочерченной волнистой линией (Юдин А.И., 2000а, с. 46, рис. 5, *1*), характерной уже для керамики раннего энеолита мариупольской культурной области.

Более сложно сказать что-либо определенное о контактах орловских племен с населением к юго-востоку от степного Заволжья (Уральская обл.), так как в неолитическом отношении этот регион практически не исследован, но появление новых данных о плоскодонной прочерченно-накольчатой керамике в Казахстане (оюклинские, токсанбайские памятники) указывает на существование каких-то связей населения каспийско-аральского междуморья с племенами нижневолжской культурной общности (Астафьев А.Е., 1996, с. 30 - 45; Самашев З.С. и др., 1998, с. 86 - 99). Но в данном случае, естественно, речь должна идти о контактах именно со всей общностью, а не только с одной орловской культурой.

Поиск аналогий орловской культуре за пределами нижневолжской культурно-исторической области показал наибольшее сходство с ракушечноярской культурой Нижнего Дона, где керамические комплексы с накольчатой орнаментацией, как и на Волге, представлены в наиболее чистом виде. Материалы двух самых выразительных памятников Нижнего Дона – Ракушечного Яра (сл. VI-IV) и Раздорского I (сл. I -III) (Кияшко В.Я., 1994) – при подробном сравнении с комплексами Варфоломеевки обнаруживают множество аналогий.

Многослойное поселение Ракушечный Яр всегда привлекало внимание исследователей, но, к сожалению, автор раскопок Т.А. Белановская не сразу ввела в научный оборот интереснейшую керамическую коллекцию (Белановская Т.А., 1972, 1978, 1983а, 1983б). После дополнительных исследований стоянки в 1975 году Д.Я. Телегиным и уточнения стратиграфической колонки, стало возможным проводить сравнения керамических комплексов с другими памятниками (Телегін Д.Я., 1981, с. 7 - 13).

По материалам раскопок Д.Я.Телегин говорит о трех этапах ракушечноярской культуры, существование которой отражают нижние слои поселения – с 6 по 3б. Слой 3б содержит уже керамику мариупольской культурной области, генетически связанной с предшествующей неолитической (Неолит..., 1966, с. 59-62). В целом время существования и этапы развития орловской и ракушечноярской культур совпадают, что подтверждает и серия радиоуглеродных дат (рис. 93).

Перейдем к рассмотрению общего и разного в материалах Ракушечного Яра (слои 6 - 4) и Варфоломеевки (слои 3, 2А и 2Б). В первую очередь произведем сравнение керамики. Сразу необходимо указать на накольчатый и отступающе-накольчатый характер техники орнаментации керамики, плоскодонность, бордюрный характер и геометризм орнамента, наличие примеси толченой ракушки в тесте. Интересно, что на обоих памятниках встречены сосуды с плоскими овальными днищами.

Эволюция форм сосудов и техники орнаментации подвержены одинаковым закономерностям, в результате которых появляется воротничковая керамика мариупольского типа. При всех существующих различиях (остродонность некоторых сосудов, преобладание растительной примеси, очень редкое использование прочерка при орнаментации в ракушечноярском комплексе) керамика обоих памятников, несомненно, принадлежит к одной культурной традиции и это хорошо видно при сопоставлении с кругом более северных, лесостепных культур, например среднедонской или волго-уральской.

Техника обработки камня в неолитическую эпоху более универсальна и в силу этого не может являться надежным ориентиром при культурных сопоставлениях, но все же стоит отметить такие общие черты, как микролитичность кремня, пластинчатую технику расщепления, трапеции со струганной спинкой и отсутствие наконечников стрел с двусторонней обработкой.

Ракушечный Яр и Варфоломеевка также отличаются широким использованием кости для изготовления орудий и поделок. Здесь показательны аналогии среди орнаментированных предметов, особенно лощил и подвесок. Как и в Ракушечном Яру, на Варфоломеевке использовался орнамент в виде рядов глубоких ямок. Ими украшены подвеска (рис. 71, *9*) и охотничье острие (рис. 65, *8*), типологически близкое двум орнаментированным игловидным наконечникам Ракушечного Яра (Белановская Т.Д., 1983а, рис. 1, *17, 18*). Максимальные аналогии прослеживаются с орнаментированными лощилами и подвесками. В Ракушечном Яру они представлены предметами удлиненно-овальной формы с орнаментом в виде нескольких поперечных или диагональных линий и групп коротких насечек (Белановская Т.Д., 1983а,

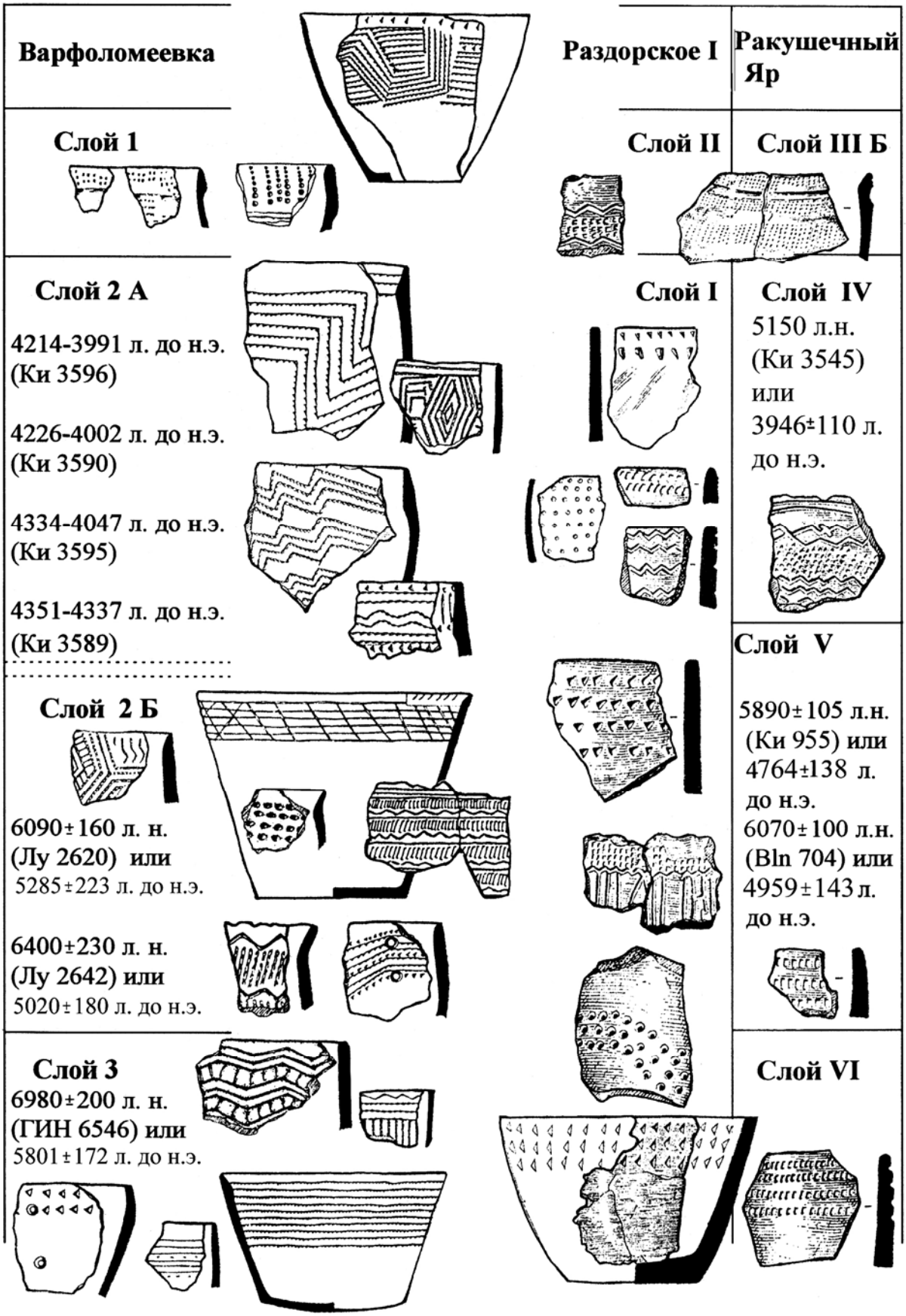

Рис. 93. Стратиграфическое соотношение культурных слоев Варфоломеевки и памятников ракушечноярской культуры

рис. 1, *5, 6*; 2, *5, 19*; Кияшко В.Я., 1994, рис. 43, *9, 14*). Только на Варфоломеевке аналогичные изделия типологически более разнообразны и зачастую украшены сложным геометрическим орнаментом.

Есть определенные аналогии и в традициях домостроительства. На Ракушечном Яру отмечены остатки наземных жилищ подпрямоугольной формы со столбовыми конструкциями и глиняной обмазкой (Белановская Т.Д., 1983б, с. 5-10). Полуземлянки Варфоломеевки также имели подпрямоугольную форму и при их сооружении использовалась глиняная обмазка, а возможно, и сырцовый кирпич в нижней части стен.

Достаточно близок и погребальный обряд, практиковавшийся населением сравниваемых памятников (если рассматривать на Ракушечном Яру погребения, достоверно связанные с поселением): захоронения совершались на территории стоянок, они практически безынвентарны, отсутствует устоявшийся погребальный обряд – встречены как вытянутые, так и скорченные погребения. В Ракушечном Яру это скорченное на боку погр. 2 с южной ориентировкой; скорченное на спине с северной ориентировкой погр. 3; вытянутое погр. 6 с северной ориентировкой (Белановская Т.Д., 1972, рис. 1, *2, 3, 5*). В Варфоломеевке это вытянутое погр. 3 с западной ориентировкой и два скорченных: погр. 1 (верхний скелет) на правом боку с восточной ориентировкой и погр. 2 на спине с южной ориентировкой (рис. 81, *1, 3, 4*).

Проведем также сравнение с еще одним эталонным памятником Нижнего Дона – стоянкой Раздорская I. Сопоставляя первый слой Раздорского поселения с неолитическими материалами Варфоломеевки, мы также видим комплекс общих черт: плоскодонность керамики, накольчатый орнамент, микролитичность кремня и пластинчатая техника его расщепления, наличие трапеций со струганной спинкой (Кияшко В.Я., 1994, с. 26-27). Естественно, что наблюдаются и различия. На Раздорском I намного больше керамики с растительной примесью, тогда как для орловской все же характерна ракушечная. Кроме того, шиподонный сосуд, поднятый из воды на Раздорах, все же представляется слишком ранним относительно остального инвентаря первого слоя (Кияшко В.Я., 1994, рис. 4, *1*).

Второй слой Раздорского также обнаруживает значительное сходство с орловскими материалами (слой 1 Варфоломеевки, переходный неоэнеолитический период, нач. IV тыс. до н.э.). Это – обильная примесь ракушки в тесте глины, форма сосудов, наплыв по венчику, техника нанесения орнамента и даже его расположение. Аналогичны и совпадения в каменных орудиях: та же самая пластинчатая техника расщепления камня, преобладание пластин средней величины (от 1 до 2,4 см шириной, то есть крупнее, чем на предыдущих этапах), односторонняя обработка и отсутствие типологически выраженных наконечников стрел. Показательны параллели в изделиях и орудиях из кости: подвески из зубов, пластины из клыков кабана, фигурки животных, орнаментированные путовые кости лошади (Кияшко В.Я., 1994, рис. 9; 43, *1-4, 10, 13*).

При реконструкции процесса формирования раннего, мариупольского облика энеолита степного Поволжья и Подонья материалы верхних (1 и 2А) слоев Варфоломеевки, отражающие этот процесс, хорошо дополняются находкамаи из трех нижних слоев Раздорской I.

На рубеже V-IV тыс. до н.э. в степи Нижней Волги начинает проникать северное лесостепное население и приносит с собой традицию гребенчатой орнаментации керамики. В результате происходит трансформация орловской культуры в раннеэнеолитическую прикаспийскую (Юдин А.И., 1998, с. 83-105). Теоретически в процессе энеолитизации орловкого населения участвовали и хвалынские племена, но пока это участие отражается только в появлении медного предмета и костей овцы в слое 2 А Варфоломеевки. Аналогичные процессы происходили и в Подонье, но, возможно, северное влияние там стало ощущаться раньше, что отразилось в более раннем появлении гребенчатого орнамента на керамике. Культурная преемственность между первым и вторым слоями Раздорского и между четвертым и третьим слоями Ракушечного Яра неоднократно подвергалась сомнению, но вполне возможно использовать по аналогии модель развития, прослеженную на более многочисленных материалах Поволжья, и также допустить генетическую преемственность между ракушечноярским и мариупольским населением Нижнего Дона.

Контакты и связи орловского населения можно разделить на несколько уровней. Первый уровень – это взаимодействие с родственными культурами нижневолжской общности. Второй уровень – это контакты с неолитическим населением степи за пределами нижневолжской культурной области, в частности с ракушечноярской культурой Нижнего Подонья. Естественно, что отмеченные черты сходства орловской и ракушечноярской культур в определенной мере напрямую связаны с одинаковой экологической нишей, занимаемой ими, и это приводило к сходным типам хозяйства, орудий и предметов обихода. Тем не менее совпадение столь большого количества культурных признаков (в керамике, технике обработки камня, погребальном обряде, костяных орудиях и поделках) позволяет предполагать контакты и взаимовлияния на протяжении неолитической эпохи. Не случайно эти культуры одновременно сменяются также близкими по своему облику прикаспийской и нижнедонской в раннем энеолите.

Совершенно иной характер носил третий уровень связей с северными, лесостепными племенами. Скорее всего, это была прямая инфильтрация орловского населения, что и нашло выраже-

ние в комплексах накольчатой керамики волго-уральской культуры (например, Ивановская и Виловатовская стоянки) в Заволжье и Козлиновского поселения на Правобережье. На финальном этапе неолитической эпохи отмечается обратный процесс, проникновение северного населения в степь, принесшего с собой традицию гребенчатой орнаментации керамики.

В целом орловская культура Нижнего Поволжья – это самая северная степная культура с традицией накольчато-прочерченной керамики. Орловский культурный импульс проникал далеко на север и северо-восток, в среду лесостепных и лесных племен, а сама орловская культура долгое время оставалась невосприимчивой к лесостепным культурным традициям. Но, с другой стороны, орловское население активно контактировало с населением нижневолжской общности на юге и более отдаленными регионами в западном и юго-восточном направлениях. Культурно-хронологические комплексы Варфоломеевской стоянки показывают наличие широких связей на всем протяжении неолита, в результате которых постоянно происходил культурный обмен и заимствования. Это уже упоминавшаяся керамики южного облика, сосуды ладьевидной формы, а также орудия и изделия из шокшинского кварцито-песчаника, нефрита и мела. На позднем этапе культуры отмечено появление изделий из меди, вероятно древнейших в Поволжье, и костей домашней овцы, что, несомненно, явилось отражением активных контактов с инокультурным населением.

6. Хозяйство населения орловской культуры

О хозяйственной деятельности населения орловской культуры степного Поволжья можно получить представление, опираясь на материалы Варфоломеевской стоянки. Комплексное исследование стоянки показало, что основой экономического уклада являлись охота и рыболовство на развитом этапе и первом этапе позднего неолита орловской культуры. На втором этапе позднего неолита (приблизительно с середины V тыс. до н.э.) и переходном нео-энеолитическом периоде начинается формирование производящего хозяйства – животноводства.

Характер неолитического хозяйства установлен по результатам палеоостеологических определений, выполненных И.Е. Кузьминой и А.К. Каспаровым (Санкт-Петербург), и трасологического анализа костяных и каменных орудий, произведенного В.В.Килейниковым (Воронеж). Данные, полученные в результате обработки материалов нижнего (средний неолит) и 2 Б (1 этап позднего неолита) слоев, показали, что в это время хозяйство носило комплексный присваивающий характер, сочетающий рыболовство и охоту на копытных, мелких хищников и птицу, в основном водоплавающую (табл. 17).

Основу хозяйства населения составляла охота на травоядных. Культурные напластования стоянки, хозяйственные ямы и котлованы жилищ насыщены костями животных. Подавляющее большинство костных остатков принадлежат степным стадным животным. В нижнем слое определены следующие кости животных: лошади (31 % от общего числа копытных), сайги (29 %), тура или бизона (20 %), кулана (17 %) и благородного оленя (3 %). Была распространена охота на птицу: уток, гусей, крякв, нырков, чирков, а также тетеревов и белую куропатку. Определены кости собаки, волка, лисы, корсака и барсука. Полный список перечисленных видов животных и птиц отмечен только в нижнем слое, в дальнейшем он резко сокращается, вероятно, из-за сформировавшейся специализации в охоте на копытных животных. Анализ табл. 17 показывает, что в позднем неолите начиная со слоя 2 Б уменьшается количество костей водоплавающих птиц, несмотря на то, что формирование слоя 2 А приходилось на время влажного климатического оптимума голоцена.

Из оружия сохранились охотничьи острия (кинжалы) из кости (рис. 65, *8*). Несмотря на ведущую роль охоты в хозяйстве населения, на памятнике нет ни одного наконечника стрел или дротиков. Для каменной индустрии орловской культуры характерна микролитичность. Основной заготовкой для орудий служила пластина из мелкого галечного кремня. Крупные орудия (скребла, ножи) единичны, как и изделия с краевой двусторонней обработкой. Вероятно, для охоты на стадных животных (тур, лошадь, сайга, кулан) широко применялись загонные методы, а для охоты на мелкую дичь и птицу – лук. В качестве наконечников стрел использовались трапеции (преимущественно со струганной спинкой), встречаемые во всех слоях. Древки стрел обрабатывались абразивными плитками из песчаника с округлыми в сечении бороздками, также являющихся обычными находками на стоянке.

Другим важным направлением хозяйства было рыболовство. О занятии древнего населения рыболовством свидетельствуют многие факты. В первую очередь, это место расположения стоянки – она вытянута вдоль лимана в том месте, где он впадал в реку, то есть в месте, наиболее удачном для ловли рыбы. Целая сеть таких лиманов покрывает плоское степное междуречье Большого и Малого Узеней. В настоящее время, при континентальном и засушливом климате подзоны северной полупустыни, водосброс в лиманах происходит только во время паводка, хотя они не пересыхают

все лето, а в неолитическую эпоху обводненность была еще больше, о чем свидетельствует старичное озерцо (по данным Ю.А.Лаврушина), находившееся прямо в центре стоянки. Найдены рыболовные костяные гарпуны (рис. 65, *5, 7*), каменные грузила с выточенными перекрещивающимися бороздками, в одном случае с отверстием. Во всех культурных слоях, кроме верхнего, встречены жаберные щитки, челюсти и позвонки рыб различного размера. О массовом лове рыбы свидетельствуют хорошо сохранившиеся прослойки слежавшейся рыбьей чешуи на различных уровнях культурного слоя, в том числе на дне нескольких хозяйственных ям, где они достигали нескольких сантиметров толщины.

На протяжении всего существования стоянки не изменялся характер домашних производств, связанных с обработкой шкур и изготовлением керамики, что определено по функциональной классификации орудий, подвергшихся трасологическому анализу. Большое количество сырья – шкур животных – вызвало появление широкого спектра специализированных костяных орудий для обработки кожи. Это струги, скребки и тупики для волососгонки и мездрения шкур, скребки-лощила для мездрения и мягчения кожи, разбильники для уплотнения и мягчения кожи (рис. 58, *1-5*; 59-61), ножи, 5 видов проколок (рис. 62, *1-14*), а также колышки, с помощью которых растягивали на земле шкуры для просушки (рис. 65, *9*).

В керамическом производстве также широко применялись специализированные орудия труда: лощила, шпатели, шпатели-лощила, штампы для нанесения накольчатого орнамента из клыка кабана, штампы из расколотых ребер и тонкопластинчатой кости (рис. 63; 64).

Как и в других неолитических культурах сопредельных регионов, у орловского населения существовало собирательство, но насколько можно судить по материалам Варфоломеевки, оно не играло существенной роли в хозяйстве. Найдено всего несколько скоплений створок раковин Unio, что совершенно несопоставимо с многочисленными костищами во всех слоях и несколько обломков панцирей черепах, промысел которых также относится исследователями к собирательству. Встречены абразивные плитки и песты, с помощью которых могли растираться дикие злаки. Никаких данных о земледелии не получено. Промывка многочисленных углисто-золистых заполнений очагов и хозяйственных ям не выявила остатков злаков, а в орудийном наборе нет крупных и массивных орудий труда, с помощью которых было бы возможно обрабатывать местные тяжелые суглинистые почвы.

Культурные отложения стоянки, достигающие в центральной части памятника 2,2 м мощности, показывают, что население не испытывало нужды в мясной пище. Нередки находки отчлененных голов с шейными позвонками и конечностей крупного рогатого скота и лошадей, залегавших в культурном слое в естественном сочленении, то есть избыток мясной пищи позволял не утилизировать тушу целиком.

Экологическая емкость более северных, лесостепных районов позволяла населению практиковать исключительно присваивающий тип экономики в неолитическое время (Синюк А.Т., 1986, с. 156), но возможности степной зоны намного ограниченнее. Тем не менее, несмотря на периодическую смену климата, состав фауны показывает, что климатические условия благоприятствовали проживанию здесь даже тех видов, которые хотя и встречаются в степи, но более характерны для лесостепной зоны, – это тур или первобытный бык, белая куропатка. Более того, пищевые ресурсы степи позволили существовать поселению на протяжении сотен лет, что уже само по себе заставляет предполагать еще какой-то иной источник пополнения продовольствия, которым могло являться производящее хозяйство – скотоводство.

И действительно, на этапе 2 А состав фаунистических остатков изменяется (табл. 17). Основой хозяйства продолжают оставаться рыболовство и охота на копытных: кулана (34,5 %), лошадь (23,5 %), сайгу (21 %), тура или бизона (14 %). Также определены кости собаки, волка, кабана и лисы. Встречены кости утки, гуся и тетерева. В этом же слое определены кости овцы (1 особь), что фиксирует начало перехода к производящему хозяйству. Появляются кости, определенные И.Е.Кузьминой как “корова или мелкий тур” (7 %), то есть идет измельчение стада, характерное для начала одомашнивания. Тур или первобытный бык, истребленный в Европе к XVI веку, явился родоначальником европейских пород крупного рогатого скота. Пока нет полностью подтвержденных научных данных о доместикации лошади, но отношение к ней у населения стоянки было неординарным.

Процесс приручения лошади, которая в дальнейшем стала играть ведущую роль в хозяйстве степных народов, и поиск возможных регионов доместикации всегда привлекали внимание исследователей. Проблема доместикации лошади дискутируется давно и, как это всегда бывает в таких случаях, единого мнения у исследователей пока не сложилось.

Существует несколько точек зрения о доместикации лошади в лесостепной и степной зонах Волго-Уральского региона.

В Среднем Поволжье и Южном Приуралье А.Г.Петренко отмечает следующую картину: кости тура чрезвычайно редки; крупный рогатый скот, овца и коза были заимствованы от населения Среднего Востока, а самые ранние находки костей домашних животных зафиксированы "в районах Южного Предуралья, близкого к районам Оренбургских степей – возможному потенциальному месту одомашнивания диких лошадей" (Петренко А.Г., 1992, с. 86).

Однако в данном случае достоверно можно констатировать наличие домашней лошади только с раннеэнеолитического времени, так как на Ивановской стоянке в Оренбургской области «имелось значительное перемещение разновременных материалов по слоям» (Моргунова Н.Л., 1988, с. 106), и близкая картина наблюдалась на Виловатовской стоянке, где в песчаном культурном слое толщиной 40-60 см совместно встречены материалы от раннего неолита до позднего энеолита (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 22), и полученная картина хозяйства населения, по данным остеологии, носила суммарный характер для всего периода неолита-энеолита (Моргунова Н.Л., 1995, с. 82, 84).

Не случайно для районов Южного Приуралья Н.Л.Моргунова только допускает возможность постепенной доместикации дикой лошади, которая одновременно оставалась объектом охоты, но в то же время отмечает, что надежные данные о значительном уровне доместикации лошади в неолитическое время отсутствуют (Моргунова Н.Л., 1995, с. 84).

Напротив, Г.Н.Матюшин, а вслед за ним и И.Н.Наумов утверждают, что именно в Южном Приуралье в неолитическую эпоху лошадь уже была приручена, и отсюда началось ее распространение на запад, в лесостепь и степи Юго-Восточной Европы (Матюшин Г.Н., 1992, с. 25; Наумов И.Н., 2002, с. 48-49).

А.Г.Петренко пишет, что домашняя лошадь прочно и давно вошла в быт населения, оставившего Хвалынский энеолитический могильник и синхронную ему Виловатовскую стоянку. Морфологические исследования на основании промеров пястных костей лошади привели её к выводу о том, что виловатовские лошади отличались как от тарпана, так и лошади Пржевальского, и проявляют сходство с лошадьми из срубных курганов и поселений Среднего Поволжья (Петренко А.Г., 2000, с. 14-20).

На эпонимном памятнике орловской культуры – стоянке Орловка на Правобережье Волги – палеозоологические определения проводились В.И.Цалкиным. По сведениям В.И. Мамонтова, известно, что там определены кости домашней лошади, возможно, домашнего быка, а также собаки и сайги (Мамонтов В.И., 1974).

В южной части Волго-Уралья, в Северном Прикаспии констатируется возможный факт наличия домашней лошади на поздненеолитической стоянке Тентексор (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995). Однако И.Е.Кузьмина, на работу которой ссылаются И.В.Иванов и И.Б.Васильев, пишет, что домашние животные появились в Северном Прикаспии только во второй половине IV тыс. до н.э. (Кузьмина И.Е., 1988, с. 182).

П.А.Косинцев и А.И.Варов вообще не включают лошадь из неолитических памятников Волго-Уралья в состав домашних животных, так как нет надежных морфологических признаков, позволяющих различать костные остатки диких и домашних лошадей. В отличие от тура и кабана, у которых отмечается уменьшение размеров в процессе доместикации, у лошади этот признак не отмечен. Поэтому предлагается рассматривать вопрос о доместикации лошади в культурно-историческом контексте каждого конкретного памятника (Косинцев П.А., Варов А.И., 1996, с. 29).

К западу от ареала орловской культуры, в Днепро-Донском междуречье, по мнению Н.С.Котовой, доместикация широкопалой лошади началась в междуречье Дона и Днепра приблизительно в начале V тыс. до н.э., хотя достоверно домашняя лошадь известна там с середины IV тыс. до н.э. (Котова Н.С., 1999).

А.Т.Синюк, рассматривая хозяйство населения среднедонской неолитической культуры, определяет ее экономику в своей основе как присваивающую, а специализированное коневодческое направление в скотоводстве появляется в лесостепном Подонье у энеолитического населения во второй половине IV тыс. до н.э. (Синюк А.Т., 1986, с. 154, 158).

Таким образом, к вопросу о месте и времени доместикации лошади большинство исследователей относятся довольно осторожно, но сходятся во мнении об автохтонности этого процесса в пределах (или разных регионах) степной и лесостепной зон Юго-Восточной Европы.

Варфоломеевская же стоянка как раз и интересна в свете упоминавшегося культурно-исторического контекста, так как именно здесь обнаружены факты, позволяющие говорить о начале доместикации лошади в неолитическое время. Обратить внимание на исторический контекст залегания древних остатков лошади и посмотреть как они соотносятся с другими находками стоит уже и потому, что здесь есть возможность проследить этот процесс на протяжении среднего и позднего неолита по хронологическим горизонтам одной культуры.

Что в данном случае мы можем понимать под культурно-историческим контекстом? В первую очередь это наличие определенного количества костных останков лошади, пригодных для остеологического анализа. Затем, несомненно, мы должны располагать данными о наличии производящего хозяйства. В-третьих, доместикация лошади могла принципиально изменить хозяйственно-культурный тип населения, что должно вызывать постепенные изменения в идеологических представлениях. Подобные изменения не всегда фиксируются археологически, но в данном случае это отразилось в сооружении особых жертвенников и изготовлении костяных амулетов в форме лошади.

Проиллюстрируем вышесказанное конкретными материалами Варфоломеевской стоянки.

Культурные слои Варфоломеевской стоянки чрезвычайно сильно насыщены костными остан-

ками животных, птиц и рыб, процентное соотношение которых изменялось по мере формирования производящего хозяйства. Значительную часть остеологической коллекции составляют кости лошади. Количество определенных особей колеблется по слоям от 32% до 14% относительно костных останков всех копытных, причем последняя цифра относится к верхнему слою.

Уменьшение количества костей лошади сопровождается увеличением останков овцы и коровы или мелкого тура. Таким образом, два первых условия, косвенно указывающих на возможность начала процесса доместикации (кости лошади и производящее хозяйство) на стоянке наличествуют.

На стоянке также отмечено свыше дюжины жертвенников, основу которых составляли костные останки животных. Ниже приводится их краткая характеристика по слоям залегания, начиная с нижнего.

Слой 3, нижний.

1. В кв. 75, 81, 83 на дне крупного жилища зачищено углубление овальной формы, вытянутое с запада на восток, размерами 5 х 4 м. Относительно дна жилища оно заглублено на 14-20 см с восточной стороны и до 0,7 м с западной стороны.

Заполнение углубления отличалось от подстилающего материка только небольшой примесью очень мелких угольков и наличием крупных костей животных. Охры на дне этого углубления не было в отличие от окружающих его участков дна жилища. В северо-восточной части углубления зафиксированы три столбовые ямки, которые, скорее всего, относятся к строительной деятельности в вышележащем слое.

Кости животных в двух скоплениях залегали на 9-12 см выше дна, в 1 м друг от друга. В западном скоплении это позвонки в естественном сочленении, ребра и лопатки, уложенные кучкой, и рог тура. Судя по размерам, остальные кости также принадлежали ему. Восточное скопление содержало 7 шейных позвонков тура в естественном сочленении, уложенных по линии запад – восток, а южнее их покоился перевернутый череп тура с рогами (рис. 94, *1*).

2. В кв. 96, в нижнем культурном слое обнаружено небольшое скопление зубов лошади, которое включало 15 передних зубов лошади и 1 моляр.

Слой 2 Б.

3. В кв.90 найдено скопление передних зубов лошади. Тридцать два зуба были уложены компактной кучкой.

4. В кв. 81 зачищен слой створок раковин Unio, плотно уложенных в виде подовального пятна (1,45 х 0,45 м), вытянутого с запада на восток. По восточному краю слой перекрывался крупными позвонками животных в естественном сочленении. По южной границе слоя раковин лежал череп барана (?). По всей площади раковины подстилались прослойкой золы и белого органического тлена, а в юго-восточной части – прослойкой охры (рис. 94, *2*). Еще две прослойки охры до 0,5 см толщиной находились к югу от скопления раковин, также под скоплениями костей животных.

Нижняя часть слоя 2А.

5, 6. В кв. 96, в слое 70-80 от дневной поверхности компактной кучкой залегали 58 передних зубов лошади.

В этом же квадрате и слое, в 1 м юго-юго-восточнее найден развал сосуда и скопление передних зубов лошади. Стратиграфически находки также относятся к нижнему уровню слоя 2А. Кости залегали компактной кучкой и были обнаружены еще до начала раскопок – часть их была обнажена в обрывистом берегу. Комплекс включал 401 передний зуб лошади, 3 альчика барана и 1 альчик крупного животного.

Шесть зубов имели насечки, выполненные кремневой пилкой, по внутренней стороне коренной части: на двух зубах – по одной насечке; на остальных – 6, 7, 9 и 12. Среди зубов лошади был обнаружен развал керамического сосуда.

Тесто глины сосуда включает большое количество мелкотолченой раковины, обжиг неравномерный, внешняя поверхность слегка подлощена. Плоскодонный прямостенный сосуд имеет вертикальные пропорции, венчик косо срезан внутрь. Под венчиком по сырой глине были оформлены две противолежащие пары отверстий.

Орнамент почти полностью выполнен прочерком и включает: горизонтальную линию, зигзаг, треугольник, шеврон и ромб. В качестве дополнительного элемента орнамента встречаются отдельные подтреугольные наколы, выполненные тем же инструментом, что и прочерченные линии. Орнамент покрывает две трети сосуда, что довольно редко встречается на керамике Варфоломеевской стоянки. Размеры сосуда: высота 23,8 см, диаметр по венчику 16,5 см, диаметр дна – 10,3 см (рис. 24).

Слой 2А.

7. Медное изделие и скопление зубов лошади. Найдены в кв. 55. Как и в предыдущем случае, лошадиные резцы были уложены плотной и компактной кучкой. При ее разборе был обнаружен медный предмет в виде тонкой (до 3 мм) пластины подпрямоугольной формы, длиной 6,3 см и шириной 4,3 см.

Один ее конец имеет полукруглую форму, на краю другого просверлены два сквозных отверстия диаметром 3 мм (рис. 55, *4*). Пластина залегала в центре кучки из передних зубов лошади и была перекрыта ими со всех сторон. Количество зубов приближается к четыремстам, два десятка из них имеют по несколько пропилов с внутренней стороны корневой части.

8, 9. Обработанные рога животного. Найдены на дне ямы, в подбое (рис. 95, *1*), в кв. 34. Яма была сооружена под порогом прохода из одной

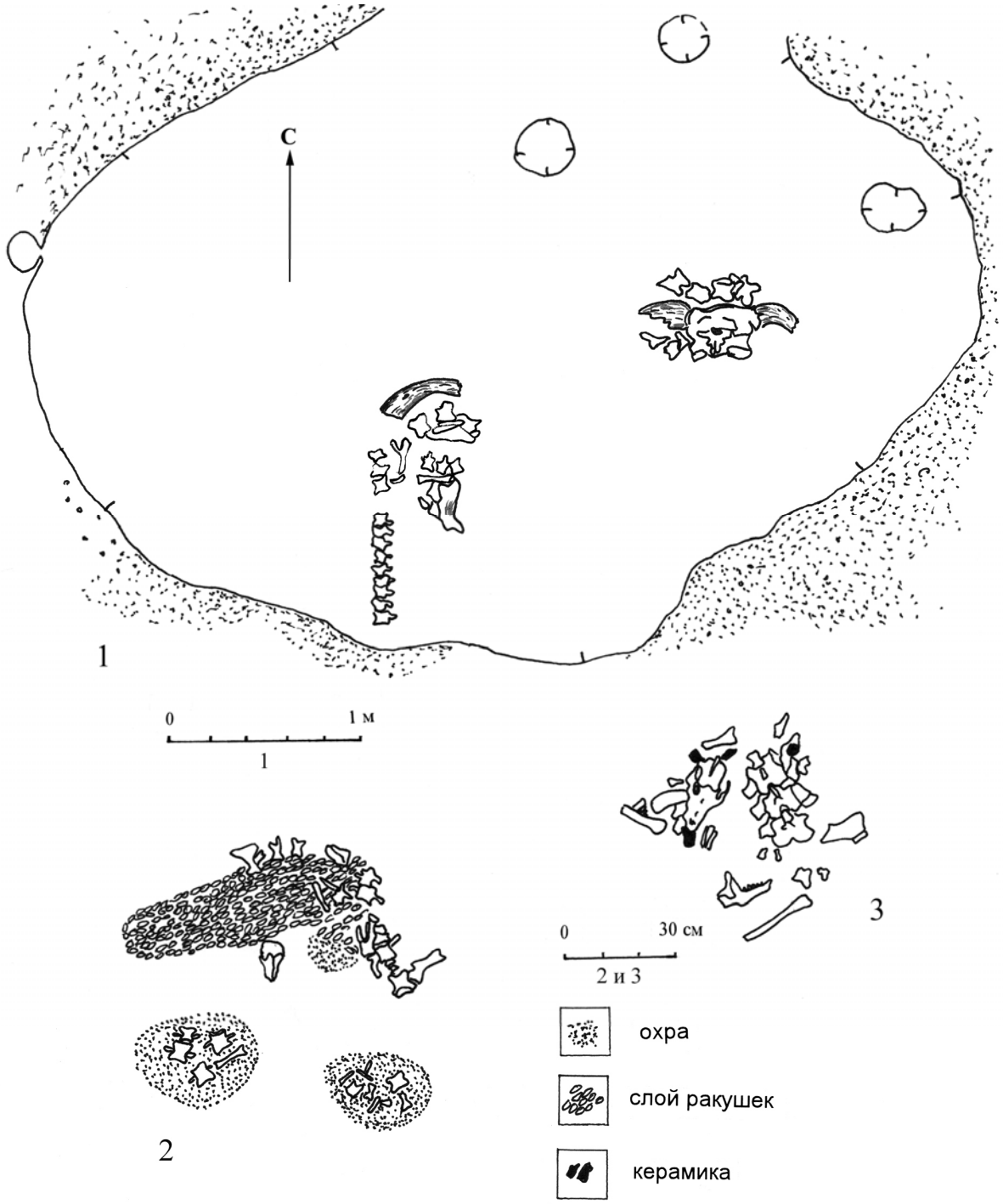

Рис. 94. Жертвенники из костей животных в культурном слое Варфоломеевской стоянки: *1* – нижний слой; *2* – слой 2 Б; *3* – слой 2 А

камеры жилища в другую, расположенную на более высоком уровне. Находка представляет из себя два отростка рога благородного оленя (?), надпиленных и отломанных от общего ствола. Кончики отростков обточены и заполированы.

В одном метре к востоку, под стенкой котлована жилища, была сооружена еще одна яма, состав находок которой указывает на ее ритуальный характер. Яма расположена на границе квадратов 29 и 37. Глубина ямы – 16-24 см от уровня материкового дна котлована. Северный край ямы ограничен невысокой стенкой котлована жилища, которая слегка зависает над ямой (рис. 95, *2, 2 а*). Заполнение ямы не отличалось от культурного

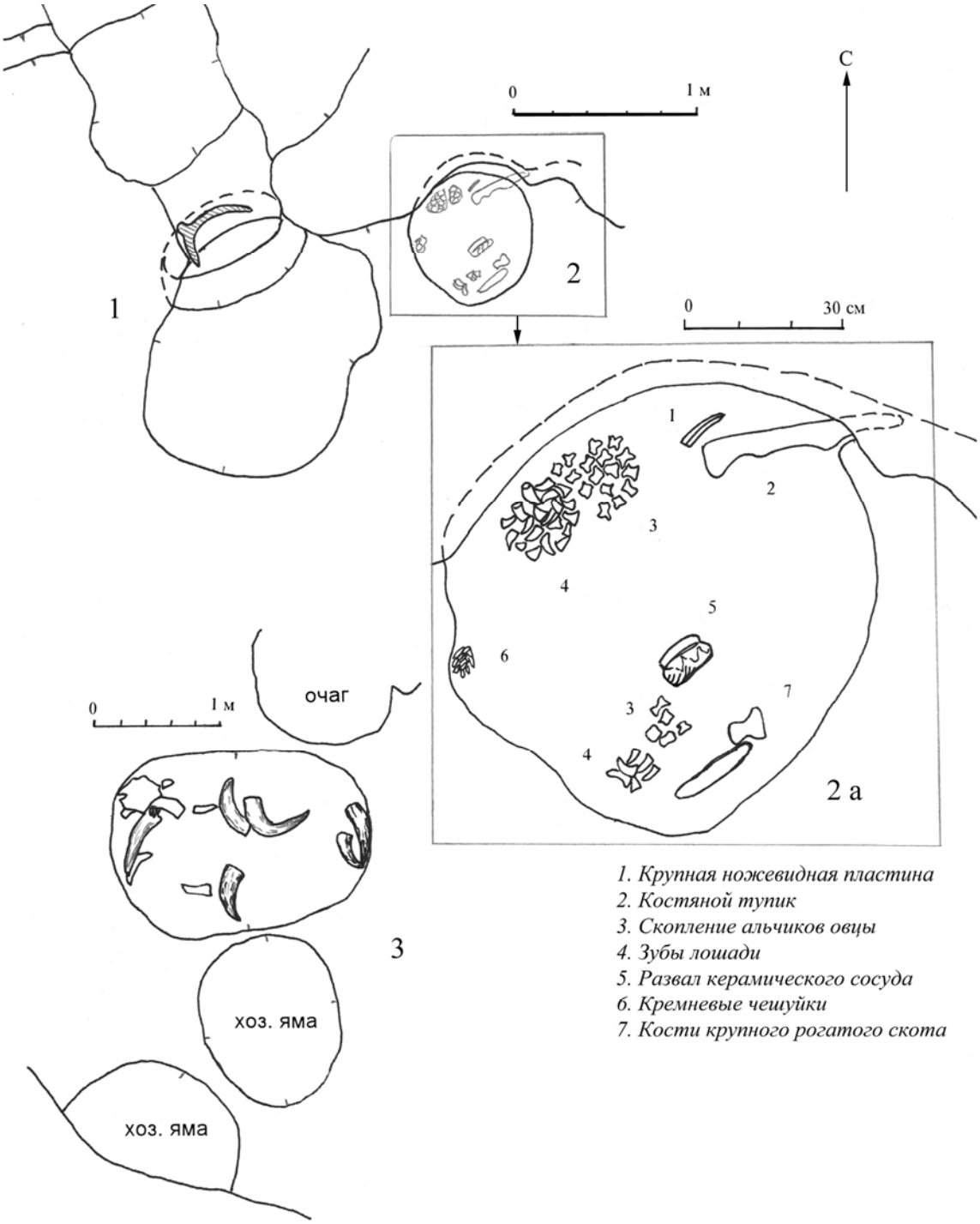

Рис. 95. Жертвенники из костей животных в слое 2 А Варфоломеевской стоянки

слоя и содержало большое количество мелких обломков костей животных, среди которых были обнаружены следующие предметы:

– ножевидная пластина из серого кремня;

– крупный костяной тупик для мездрения и волососгонки шкур. Изготовлен из лопатки лошади. Гребень лопатки аккуратно срезан, с узкого конца оформлена небольшая рукоять. Вдоль одной стороны вырезано и заострено рабочее лезвие;

– свыше двух десятков мелких кремневых чешуек у западного края ямы;

– развал сосуда почти в центре ямы. Форма сосуда для памятника уникальна. Он представляет из себя низкую круглодонную чашу, покрытую орнаментом по всей внешней поверхности и срезу венчика. Утолщенный венчик имеет валикообразную форму, еще один валик проходит по тулову, в месте его максимального расширения. Несмотря

на уникальную форму сосуда, орнамент на нем выполнен треугольной лопаточкой в технике отступающего накола, и элементы композиции ничем не выделяются из общей массы. В тесте глины – примесь толченой ракушки. Диаметр по венчику 15 см, высота 5,3 см (рис. 34, *4*);

– альчики (овца?) и передние зубы лошади. Основная их часть была сложена компактной кучкой в северо-западной части ямы. Несколько альчиков и зубов лежало в южной части ямы. Здесь же находились альчик крупного животного и пластина из большой трубчатой кости, один конец которой был грубо обработан. Часть лошадиных зубов имела короткие насечки с внутренней стороны основания.

Кроме того, в яме обнаружены кремневые изделия: 4 нуклеуса, 5 скребков на пластинах и 6 – на отщепах, 7 ножевидных пластин, 2 острия, 1 трапеция со струганной спинкой и отщепы.

10. В кв. 14 выявлена яма, на дне которой находилось 6 крупных рогов тура, фрагменты черепа и нескольких ребер. Судя по размерам, кости черепа и ребра также принадлежали туру (рис. 95, *3*). Яма подовальной формы с плоским дном и размерами 2 х 1,4 м была заглублена в материк на 0,15-0,3 м. Заполнение ямы не отличалось от вышележащего культурного слоя 2А. Возможно, это хозяйственная яма, но ни одна из хозяйственных ям, в большом количестве встреченных на стоянке, не содержала исключительно кости тура. Севернее находился крупный очаг, а к югу – две хозяйственные ямы. Одна из них наполовину была размыта водохранилищем, вторая имела полусферическое дно и достигала полуметра глубины. В отличие от других хозяйственных ям, заполнение которых ничем не отличалось от культурного слоя, здесь встречено много рыбьей чешуи.

11. В кв. 60 и 62 зачищены в естественном сочленении шейные отделы и части черепов коровы и лошади, уложенные в форме буквы Г .

12. В кв. 53 на глубине 1-1,2 м от дневной поверхности, в культурном слое, встречено скопление ножных костей крупного рогатого скота и лошади в виде овального пятна (1,7 х 0,7 м), вытянутого с севера на юг. Значительная часть этих костей залегала в естественном сочленении.

13. Скопление костей в кв. 66, в раскопочных пластах 100-110 и 110-120. Три крупных позвонка залегали в естественном сочленении. Рядом с позвонками, на том же уровне, был положен на кучу более мелких костей (в т.ч. и зубы лошади) череп собаки (рис. 94, *3*).

14. В кв. 42 на глубине 0,15 м от дневной поверхности обнаружено скопление передних зубов лошади и мелких альчиков (овца?), сложенных компактной кучкой.

Анализ жертвенников показывает, что они содержали в большинстве случаев костные останки трех видов животных: лошади, тура и овцы. Эти три вида в эпоху энеолита будут основными в стаде домашних животных. Относительно костей овцы никаких вопросов не возникает и, поскольку ее дикие предки в степях Юго-Восточной Европы не обитали, все исследователи придерживаются точки зрения об ее переднеазиатском происхождении. Кости тура встречаются, начиная с нижнего слоя Варфоломеевской стоянки, а для слоя 2 А отмечено наличие костей мелкого тура или коровы (определения И.Е.Кузьминой), что, вероятно, указывает на процесс доместикации коровы в заволжских степях.

Нетрудно заметить особое отношение древних обитателей стоянки к лошади. Из 14 комплексов, которые с разной степенью вероятности можно относить к жертвенникам, кости и зубы лошади встречены в 10. А количество зубов, достигающее четырех сотен в жертвенном комплексе, несомненно, говорит об их целенаправленном сборе. Представляется, что медная пластина, находка для позднего неолита (вторая половина V тыс. до н.э.) явно неординарная, не случайно была обложена именно лошадиными зубами.

Особое отношение к лошади подтверждается и находками зооморфных подвесок-амулетов, подробно описанных выше (рис. 67, *3-5*). Стоит только еще раз подчеркнуть, что на двух из них, скорее всего, изображена уздечка.

Таким образом, суммируя все полученные факты, можно констатировать, что древнее население Варфоломеевской стоянки явно выделяло лошадь, вплоть до возможного существования ее культа, что нашло отражение в первую очередь в жертвенниках из лошадиных зубов.

Причем этот культ связан с лошадью не как с основным объектом охоты – количество костей кулана и сайги превышает в слое 2 А лошадиные, – а как с животным, игравшим наибольшую роль в хозяйстве или жизнеобеспечении коллектива. Представляется, что такое отношение вполне правомерно именно на ранних стадиях доместикации лошади.

О возможности отнести к этому времени начало одомашнивания лошади свидетельствует развитый коневодческий характер хозяйства раннеэнеолитических культур мариупольской культурно-исторической области: самарской в Поволжье (Васильев И.Б., 1981, с. 66-71) и нижнедонской в Подонье (Синюк А.Т., 1986, с. 158). О факте длительного знакомства населения хвалынской энеолитической культуры с домашними животными, в том числе и лошадью, уже говорилось выше.

Высказанное мнение о распространении домашней лошади с юга лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья на территорию степного Поволжья и Нижнего Подонья никак не подтверждается археологически. Наоборот, факты свидетельствуют о том, что население лесостепного Среднего Поволжья испытывало постоянное культурное воздействие со стороны степных племен Нижнего Поволжья, не испытывавших никакого

обратного культурного воздействия вплоть до раннего энеолита.

Если признать факт доместикации лошади в степном Заволжье на протяжении среднего и позднего неолита, то нет никаких оснований сомневаться в протекании аналогичных процессов и в других регионах Юго-Восточной Европы – местах обитания дикой лошади и населения с началами производящего хозяйства.

О начале перехода к производящему хозяйству имеется еще два косвенных свидетельства – находка навершия булавы подтреугольной формы и обломка круглой булавы. Появление каменных наверший булав связывается В.Н. Даниленко именно с переходом к производящему хозяйству и началом господства патриархальных отношений (Даниленко В.Н., 1974, с. 104). Еще одно свидетельство – это безынвентарность погребений, бессистемно расположенных на территории стоянки. По наблюдениям В.А.Алёкшина, именно такие погребения соответствуют архаическому периоду хозяйства производящего типа (Алёкшин В.А., 1986, с. 52-54, 151-152).

П.А.Косинцев и А.И. Варов, как и другие исследователи, считают, что животноводство в Волго-Уральский регион проникло южным путем (крупный и мелкий рогатый скот) из Средней Азии, а в Поволжье – с запада. Однако представляется, что население орловской культуры начинает заниматься животноводством также под влиянием с юга. Во-первых, на протяжении среднего и позднего неолита отмечены тесные культурные контакты населения орловской и волго-уральской культур (Юдин А.И., 2000, с. 44-45), а во-вторых, раннеэнеолитическая прикаспийская культура, степной аналог самарской энеолитической культуры, сформировалась на основе и в недрах орловской культуры. Отсюда напрашивается вполне логичный вывод, что если самарские племена получили основы животноводства из южных регионов, то это будет относиться и к прикаспийским племенам, которые с ними соседствуют, и в культурном плане в последнее время их иногда рассматривают как единое культурное образование (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995, с. 161).

Охота остается ведущей отраслью хозяйства и в переходной нео-энеолитический период (верхний слой Варфоломеевки). Но фиксируется увеличение количества особей овцы относительно диких животных – 3 особи, или 10 %. Остальные распределяются следующим образом: кулан 38 %, сайга 17 %, тур и лошадь – по 14 %, корова или мелкий тур 7 %. Также определены кости собаки, волка и корсака.

Пока нельзя сделать однозначных выводов по результатам остеологического анализа о степени развития производящего хозяйства, поскольку обработано не более 5 % коллекции. Примечательно, что увеличение количества особей овцы в верхнем слое совпадает с исчезновением остатков всех птиц, кабана, благородного оленя, барсука, то есть они перестают быть объектом охоты в связи с переориентацией хозяйственной деятельности населения в раннем энеолите, совпавшей с начавшейся аридизацией климата.

7. О хронологическом соотношении орловской и прикаспийской раннеэнеолитической культуры

Исследования последних лет показывают, что ранний энеолит степного Заволжья сложился преимущественно на местной основе. Территория распространения неолитических памятников орловской культуры совпадает с ареалом самых северных стоянок прикаспийской раннеэнеолитической культуры.

Прикаспийская культура выделена и кратко охарактеризована А.Н. Мелентьевым по материалам сборов на дюнных стоянках Северного Прикаспия (Мелентьев А.Н., 1976). Характеристика прикаспийской культуры дополнена и конкретизирована в результате многолетних работ самарских археологов в том же регионе (Васильев И.Б., 1981; Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985). Материалы прикаспийской культуры включают профилированную плоскодонную керамику с воротничковым оформлением венчиков и орнаментом из прочерченных лент, меандров и лопастей, заполненных оттисками гребенки. Каменные изделия представлены крупными пластинами с ретушью, остриями на пластинах и продольных сколах, скребками, наконечниками стрел с двусторонней обработкой.

Лесостепной аналог прикаспийской культуры – самарская культура – стала известна после исследования могильника у с. Съезжее на р. Самаре (Васильев И.В., Матвеева Г.И., 1979). Кроме этого могильника, материалы самарской культуры получены на ряде стоянок лесостепного Заволжья, что позволило выделить два этапа в существовании культуры (Моргунова Н.Л., 1984).

Хронологические рамки самарской и прикаспийской культур – первая половина IV тыс. до н.э. Зона контакта этих двух культур не устанавливалась, так как к моменту их выделения территория между ними – степное Заволжье – практически не

была исследована. Сейчас уже видно, что Заволжье входило в ареал прикаспийской культуры, что подтверждается материалами обнаруженных здесь памятников.

Находки на заволжских стоянках прикаспийской культуры, входящей в мариупольскую культурно-историческую область (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 27-39), позволяют дополнить ее характеристику.

Материалы прикаспийской культуры получены автором при исследовании следующих памятников: Орошаемое, Резвое, Передовое, Кумыска (Юдин А.И., 1999б) и Варфоломеевка (Юдин А.И., 1986, с. 44-50). Аналогичные стоянки исследовались В.А. Лопатиным (Озинки 1 и 2) (Лопатин В.А., 1989, с. 135-146) и Н.М. Маловым (Кузнецово 1) (Малов Н.М., 1986, 1988). Прикаспийские материалы также известны на Скатовском поселении (Синицын И.В., 1959, с. 176-177), на Кушумской стоянке (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 192-205) и на ряде стоянок, еще не подвергавшихся раскопкам, но среди подъемного материала которых широко представлены пластинчатые кварцитовые макроорудия в сочетании с небольшими предметами из кремня (Новостепное, Еремеевка 1 и 2, Чалыкла 1, Титово, группа памятников по р. Деркул). Коллекции последних немногочисленны, но указывают на ареал культуры. Материалы этих заволжских памятников с кварцито-кремневой индустрией и воротничковой керамикой по всем технико-типологическим показателям составляют единую культурную группу и аналогичны памятникам прикаспийской культуры в сопредельном регионе – зоне пустынь и полупустынь Северного Прикаспия.

Восемь из перечисленных выше прикаспийских стоянок степного Заволжья имеют сохранившийся культурный слой; два из них однослойные (Орошаемое и Озинки 2), а еще на двух энеолитические находки легко отделяются от позднейших (Резвое, Озинки 1). Эти четыре опорных памятника вместе с материалами остальных заволжских стоянок позволяют охарактеризовать материальные комплексы прикаспийского населения (Юдин А.И., 1994, с. 82-83).

Керамика по всем признакам идентична керамике более южных районов. В тесте глины обязательна примесь толченой раковины. Внешняя поверхность сосудов очень часто подлощена, на внутренней – следы сглаживания гребенчатым штампом. Цвет внешней поверхности – от краснокирпичного до черного. Большинство сосудов имеют воротничковый наплыв на венчике, который выражен в различной степени, и иногда внутренний желобок или ребро. Сосуды небольших размеров – округлодонные, крупные – полностью не реконструируются, но по всем морфологическим признакам они аналогичны керамике Северного Прикаспия и, вероятно, также были плоскодонные. Орнаментирована керамика сочетанием прочерка и гребенки, реже встречаются треугольные или полукруглые разреженные наколы. Воротничковый наплыв почти всегда подчеркнут вертикальными или наклонными отпечатками зубчатого штампа, на туловище преобладает горизонтальное расположение орнамента. Характерны двойные прочерки, расстояние между которыми заполнялось оттисками зубатого штампа. Ленты такого орнамента образуют сложные фигуры.

Керамический комплекс включает и безворотничковые сосуды, у которых венчик только слегка отогнут наружу. Принадлежность этих сосудов к одному комплексу подтверждается идентичностью орнаментов.

Для каменных изделий преимущественно использовался кварцит, но полного вытеснения кремня не произошло. Если в верхнем слое Варфоломеевки, где фиксируется появление прикаспийской керамики, доля кварцитовых изделий не превышает 15 %, то на собственно прикаспийских стоянках она варьирует от 50 до 85 %. Доминирует кварцит серых тонов, изредка встречается красноватых и желтоватых оттенков. Кремень разнообразен, но преобладает желвачный местного происхождения.

Основная техника расщепления камня – пластинчатая. Пластинчатые нуклеусы представлены коническими и призматическими типами с прямыми площадками. Кварцитовые нуклеусы – с круговым скалыванием, среди кремневых есть плоские с односторонним скалыванием или двух-трехсторонние. Почти все нуклеусы имеют одну площадку, только среди призматических кварцитовых встречаются двухплощадочные.

Характерная особенность комплексов каменных орудий – сочетание микро- и макротехники. Микротехника использовалась при получении кремневых пластин преобладающей шириной 5-6 мм, макротехника – для изготовления кварцитовых пластин и сколов, достигающих в некоторых случаях 45-55 мм ширины. Соответственно различается и длина пластин – до 4-5 см кремневые и до 15 см кварцитовые. Поскольку большая часть орудий выполнялась на пластинах, то эта разница в размерах сохранялась и среди орудий, выполненных из разного сырья: мелкие кремневые и крупные кварцитовые. Несмотря на это, типологически орудия составляют единый комплекс. Основу комплекса составляют орудия на пластинах шириной 11-15 мм.

Наиболее характерные категории орудий: ножевидные пластины и крупные продольные сколы с притупляющей краевой ретушью, скребки различных типов на пластинах, продольных сколах и отщепах, ножи на пластинах и отщепах подовальной формы (в том числе двустороннеобработанные), наконечники стрел листовидные и ромбовидные с усеченным или выемчатым основанием, наконечники стрел подтреугольной формы. Характерны небольшие пластины-вкладыши с

брюшковой ретушью и крупные орудия скоблящережущего типа. В культурном слое также встречены бусины из створок речной раковины, абразивные плитки из песчаника и мелкие комочки охры.

Для населения прикаспийской культуры степного Заволжья характерны долговременные поселения, толщина культурного слоя на стоянках достигает 1,4 м. На всех стоянках найдены многочисленные кости животных. Так как в верхнем слое Варфоломеевки определена домашняя фауна, то вполне правомерно предполагать существование производящего хозяйства и на более поздних прикаспийских памятниках. Наличие костей домашних животных зафиксировано и на стоянках самарской культуры (Моргунова Н.Л., 1986, с. 12-14).

На трех стоянках (Кумыска, Озинки 2, Скатовка) встречена керамика с оттисками веревочки, что подтверждает возможность разделения памятников прикаспийской культуры на два хронологических этапа, подобно самарской культуре. Часть керамики на этих памятниках по орнаментации и форме близка поздней самарской, но это не противоречит отнесению их к прикаспийскому кругу, так как родственность двух культур настолько очевидна, что существует мнение о необходимости их рассмотрения в рамках одного культурного образования.

Если детально рассмотреть основные признаки мариупольской культурно-исторической области, куда входит прикаспийская культура, то можно увидеть, что начало их формирования относится ко времени слоя 2 А Варфоломеевской стоянки. Выделенные основные признаки памятников мариупольской области в равной степени относятся и к стоянкам прикаспийской культуры степного Заволжья, несмотря на то, что многие из этих признаков непосредственно на памятниках указанного региона не встречены, ввиду их небольшой исследованности. И.Б.Васильев и А.Т.Синюк отмечают восемь признаков раннеэнеолитических культур мариупольской области (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 31). Рассмотрим их в указанной последовательности применительно к материалам двух верхних слоев Варфоломеевки. Разумеется, мы не обнаружим полного тождества, но имеющиеся параллели весьма показательны в плане преемственности между орловскими и прикаспийскими материалами.

1. "Воротничковые сосуды с преобладанием плоскодонных форм".

Самый ранний сосуд с воротничком и еще сохранившимся внутренним наплывом найден в слое 2 А (рис. 31, *7*). Практически вся керамика верхних слоев плоскодонна, за исключением двух чаш.

Сопоставляя прикаспийскую керамику с поздней неолитической, можно отметить ряд общих признаков: примесь толченой раковины в тесте глины, подлощенность внешней поверхности и расчесы по внутренней, орнаментация днищ. В верхнем слое увеличивается до 24% количество профилированной керамики, тогда как в нижних слоях она составляла 5-12%. В связи с увеличением размеров сосудов в позднем неолите появляется внутренний наплыв по венчику, который затем трансформируется в воротничок с внешней стороны. Меньше прослеживается преемственность в орнаментации, но 12 % керамики верхнего слоя Варфоломеевки имеет в качестве одного из орнаментальных элементов волнистую линию, часто встречаемую на энеолитических сосудах.

В нижнем слое найден гребенчатый штамп на створке раковины (рис. 73, *17*), но использовался он, по данным трасологического анализа, исключительно для выравнивания стенок сосудов. В слое 2А ребро на тулове одного сосуда подчеркнуто коротким четырехзубым штампом (рис. 23, *1*), в верхнем слое гребенкой уже орнаментировано четыре сосуда (рис. 43, *1-4*). Интересно, что на одном из них оттиски гребенки «протаскивались» по поверхности, как бы имитируя технику отступающего накола. С другой стороны, на воротничковом сосуде с поселения Орошаемое плотно поставленный накол почти неотличим от гребенчатого штампа (Юдин А.И., 1998, с. 100, рис. 8).

Здесь же, на трех прикаспийских сосудах «гребенка» сочетается с наколом (Юдин А.И., 1986, с. 42, рис. 3, *1,4*), а на стоянках Же-Калган и Истай в Северном Прикаспии имеются воротничковые сосуды с накольчатым орнаментом (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. с. 70-71).

2. "Специфический комплекс украшений, включающий прямоугольные пластины из клыков кабана, бусы, раковинные пронизки, подвески из зубов оленя, изображения животных из костяных пластин и др."

Все эти украшения почти в полном наборе находят близкие аналогии в слое 2 А. Это: две плоские пластины из эмали клыков кабана, обработанные каменным скобелем и абразивом (рис. 73, *22*), бусы из створки раковины Unio диаметром 6-9 мм (рис. 73, *1-6*), подвески из зубов лошади, оленя и других животных с пропиленными бороздками или высверленными отверстиями (рис. 73, *18-21*), подвески из створок морских раковин Pectunculus (рис. 73, *7-12*), пронизки из раковин моллюсков Dentalium и трубчатых птичьих костей (рис. 73, *13-16*).

3. "Наличие крупных ножевидных пластин".

Специфика заволжских прикаспийских памятников проявляется в широком использовании кварцита в качестве сырья при изготовлении каменных орудий. Выше уже отмечалось, что происходит постепенное увеличение кремневых ножевидных пластин Варфоломеевки от нижнего слоя к верхнему (соответственно и орудий), а в верхнем слое появляются сечения крупных кварцитовых пластин и орудия на них, ширина которых достигает 35 мм (рис. 56, *10*). Происходит увеличение

высоты трапеций со струганной спинкой до 23-27 мм (рис. 56, *10, 15-16*). В верхнем слое орудия из кварцита составляют 15%, тогда как в остальных – не более 2-3%. Комплексы каменных орудий прикаспийских памятников Заволжья всегда включают микролитические орудия из кремня и крупные орудия на кварцитовых пластинах. Типологически кремневые и кварцитовые орудия едины, различаясь только размерами. В свою очередь, кремневые орудия (за исключением двусторонних форм), идентичны неолитическим.

4. "Крупные и мелкие каменные тесла и долота".

Из шлифованных орудий в слое 2А найдено: тесло из молочно-белого кремня высотой более 7 см (рис. 54, *18*), тесло из зеленого нефрита трапециевидной формы высотой 2,7 см (рис. 54, *19*), обломок плоского "утюжка" из светло-зеленой породы (рис. 55, *3*), навершие булавы из мела (рис. 55, *2*). Навершие булавы имеет подтреугольную форму, значительно отличаясь от крестовидной булавы Мариупольского могильника (Макаренко М., 1933, с. 61, рис. 11; с. 78, рис. 38), но окончания лучей уже отделены двумя круговыми желобками. Обломок еще одной круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы найден в размытой части стоянки (рис. 55, *1*).

Единственная находка фрагмента каменной булавы на сопредельных территориях известна на поздненеолитической стоянке Тентексор (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1986, с. 22, рис. 12), широкое бытование подобных предметов начинается в последующие эпохи.

Признаки 5-7 характеризуют погребальный обряд мариупольской культурно-исторической области. Все поздненеолитические погребения степного Заволжья обнаружены при исследовании Варфоломеевской стоянки. Захоронения еще не вынесены за пределы поселения и не образуют компактного могильника, отсутствует единый погребальный обряд. Тем не менее некоторые параллели все же прослеживаются.

5. "Грунтовые коллективные могильники с обрядом вытянутых погребений и жертвенниками".

С двумя верхними слоями стоянки можно синхронизировать четыре погребения. Два из них скорченные, на правом боку, один умерший положен вытянуто на спине, поза одного погребенного (ребенка) не установлена. Бедный погребальный инвентарь сопровождает только вытянутое погребение (№3) – несколько бусин из створки речной раковины, две створки раковины Unio, два меловых камня под ступнями и пласт красной охры у ног. Таким образом, существовали два погребальных обряда, жертвенников рядом с погребениями нет.

6. "Отсутствие керамики при костяках и наличие ее на жертвенных площадках".

Погребения керамикой не сопровождались, жертвенные площадки (если они существовали) проследить в культурном слое, насыщенном артефактами, практически невозможно. Правда, рядом с погребением 3 был обнаружен развал сосуда с костями животных и рыб. В отличие от остальной керамики стоянки сосуд имел чрезвычайно слабый обжиг, что в какой-то мере может указывать на его ритуальный характер. В двух случаях жертвенники включали развалы неолитических сосудов, но они не могут быть связаны с погребениями в силу планиграфического и стратиграфического расположения.

7. "Жертвенники с костями лошадей".

На мариупольских могильниках они включают, кроме черепов и костей лошади, керамику и другие вещи и непосредственно связаны с погребениями. На стоянке жертвенники (в данном случае название чисто условное) в слое 2А никакой связи с захоронениями не обнаруживают, они устраивались в толще культурного слоя. «Жертвенники» представляют из себя плотно уложенные кучки передних резцов лошади – от нескольких десятков до нескольких сотен. Часть резцов имеет от 1 до 13 коротких пропилов, выполненных кремневой пилкой с внутренней стороны корня. В одном случае в центре такого жертвенника находился развал неолитического сосуда (рис. 24), а в другом – медная пластина прямоугольной формы с овальным концом. Предмет был обложен несколькими слоями зубов, что полностью исключает его случайное попадание в культурный слой.

8. "Украшения из золота и чистой меди балканского происхождения".

В слое 2 А обнаружен медный предмет, описанный выше. Он имеет два сквозных отверстия и, вероятно, использовался в качестве подвески или в культовых целях (рис. 55, *4*). Во всяком случае ни на одном костяном изделии следов обработки металлическими орудиями пока не обнаружено.

К восьми признакам мариупольских памятников, названных И.Б. Васильевым и А.Т. Синюком, следует добавить еще два для прикаспийских памятников Заволжья. Это широкое распространение гребенчатой орнаментации керамики и появление двустороннеобработанных каменных орудий (ножи, разнообразные наконечники стрел и дротиков). И только эти два признака нашли очень малое отражение в материальных комплексах местного неолита. Остальные же мариупольские традиции, как видно из приведенного сравнения, начинают формироваться уже в позднем неолите. Причем большинство из них — в слое 2 А, где еще нет воротничковой и гребенчатой керамики прикаспийского облика и каменных орудий с двусторонней обработкой.

Своеобразный облик керамики из слоя 2А и находка там металлического изделия создали впечатление об относительно позднем возрасте материалов из этого горизонта. Подобные материалы

предлагалось синхронизировать с памятниками мариупольского типа (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 44-45). В данном случае появление металлического предмета не сопровождалось какими-либо принципиальными изменениями в хозяйстве или материальном облике орловской культуры, что еще раз подтвердило «возможность спорадического проникновения извне медных изделий в материалы неолитических культур» (Синюк А.Т., 1988, с. 8). Слой 2А перекрыт верхним слоем с гребенчатой керамикой, причем вполне архаичной, сохраняющей традиции накольчатой техники орнаментации. Именно гребенчатую керамику следует считать индикатором энеолитического времени в Заволжье. Необходимо подчеркнуть, что воротничковые сосуды с гребенчатой орнаментацией из верхнего слоя не выглядят там инокультурными, а являются итогом развития орловской керамики. Внутренний наплыв трансформируется в воротничок, происходит смена накольчатой техники орнаментации на гребенчатую. Близкая картина наблюдается на Джангаре, где гребенчатая керамика верхней части первого слоя формировалась на основе неолитической (Кольцов П.М., 1988, с. 86-87). При всех изменениях внешнего облика керамики технология ее изготовления остается неизменной – сохраняются те же примеси в тесте глины, способы формовки и обработки поверхности, качество обжига.

Энеолитические инновации – гребенчатая традиция орнаментации керамики, двусторонне обработанные каменные орудия, кварцито-кремневые комплексы орудий – непременно нашли бы отражение в материалах слоя 2А в случае его синхронности с мариупольскими памятниками.

Но гребенчатая керамика и большее количество кварцитовых изделий отмечены только в верхнем слое. С этим же слоем следует связывать обломок кварцитового наконечника стрелы, найденного на поверхности стоянки, являющегося единственной двусторонней формой среди материалов памятника.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Можно предполагать автохтонность прикаспийских племен, поскольку маловероятно наследование пришельцами культурных традиций в таком объеме, как это прослеживается между орловской и прикаспийской культурами.

2. Обнаруженные параллели в материальном облике двух культур нельзя объяснить сосуществованием на определенном хронологическом отрезке и взаимовлиянием раннего прикаспийского и позднего орловского населения. Накольчатая и воротничковая гребенчатая керамика сосуществуют очень непродолжительное время в начале IV тыс. до н.э., что фиксируется маломощным и слабонасыщенным верхним слоем Варфоломеевки.

3. Культурогенез прикаспийской культуры происходил на основе поздних орловских памятников, но под влиянием лесостепного населения, что отразилось в смене накольчатой керамики гребенчатой и появлении каменных орудий с двусторонней обработкой.

Это не отрицает возможности непосредственного проникновения носителей гребенчатой керамики и новых типов каменных орудий в степное Заволжье, что подтверждается рядом своеобразных энеолитических памятников алтатинского типа, в керамическом комплексе которых имеется гребенчатая керамика северного облика (Юдин А.И., 1989 б; Черкасова Е.В., 1992).

Традиции гребенчатой орнаментации керамики и широкое использование кварцитовых двустороннеобработанных орудий, хотя и были подготовлены предшествующим развитием материальной культуры (что наблюдается при анализе хронологических горизонтов Варфоломеевки), только с началом энеолита стали характеризовать прикаспийскую культуру Заволжья. Резкая смена накольчатой керамики гребенчатой и появление кварцито-кремневой индустрии в Нижнем Поволжье отмечалась всеми исследователями. Причем на сопредельных территориях среди культур с накольчатой керамикой переход гребенчатой традиции происходит в достаточной степени постепенно и отмечается повсеместно в поздненеолитическое время.

На раннем этапе среднедонской неолитической культуры встречаются единичные фрагменты гребенчатой керамики, а на Черкасской стоянке отмечено 5 % гребенчатой, хотя и "фиксируется безраздельное господство накольчатой керамики" (Синюк А.Т., 1986, с. 62, 80-81). Более широкое распространение гребенчатый штамп получает на втором этапе существования культуры в связи с приходом населения с ямочно-гребенчатой керамикой (Синюк А.Т., 1986, с. 136-142).

На поселении Раздорское 1 на Нижнем Дону гребенчатый штамп и шагающая гребенка появляются в поздненеолитическом слое (II), а в третьем слое с воротничковой керамикой зубчатый штамп доминирует над наколом (Кияшко В.Я., 1987, с. 73-75).

Даже на наиболее близком в культурном плане к Варфоломеевке памятнике – стоянке Джангар в верхнем слое, не содержавшем воротничковой керамики, отмечено 1,85 % гребенчатой (Кольцов П.М., 1988, с. 85-86).

Постепенность не фиксируется только в пределах Нижнего Поволжья, в зонах степи, полупустыни и пустыни. Здесь отмечается столь резкий переход к использованию гребенчатого штампа при орнаментации керамики и доминированию кварцитовой индустрии. Следовательно, можно предположить, что именно на этой территории в наиболее ярком виде проявился процесс заимствования инноваций с сопредельных территорий. И если регион, откуда пришли традиции гребенчатой орнаментации и двусторонней обработки камня,

не вызывает сомнений – лесостепное Среднее Поволжье, активные связи с которым явственно прослеживаются в неолитическую эпоху, то более сложным остается вопрос о конкретном механизме заимствований, о том, кто являлся носителем этих инноваций.

Формирование прикаспийской энеолитической культуры на основе орловской и, судя по ее территории, поздней сероглазовской происходило одновременно с появлением на этой же территории памятников энеолитической культурной ориентации: хвалынской культуры и алтатинского типа. Подтверждением этой полилинейности в культурном развитии являются древнейшая находка медного изделия на Варфоломеевской стоянке в поздненеолитическом слое 2 А. Аналогичная картина характерна для других степных регионов. Параллельное развитие неолитических и энеолитических памятников на Украине на протяжениии продолжительного отрезка времени (приблизительно от середины VI – до начала III тыс. до н.э.) предложено называть нео-энеолитической эпохой (Телегин Д.Я. и др., 2001, с. 125-130). Сейчас уже очевидно, что такой подход вполне оправдан для неолитических и раннеэнеолитических памятников Нижнего Поволжья.

Для неолитического времени сопредельного с Поволжьем региона – Подонья уже в середине 80-х годов прошлого века было обосновано параллельное существование памятников, которые мы относим к разным эпохам, и введены такие понятия, как “пережиточнонеолитическая” и “пережиточноэнеолитическая” культуры для лесостепного Подонья (Синюк А.Т., 1986). Впрочем, и само понятие “археологическая культура” достаточно условно, что особенно хорошо видно на примере неолитических культур Нижней Волги, когда одни и те же памятники объединяются в археологические культуры по-разному: джангарско-варфоломеевская, каиршак-тентексорская, каиршакско-орловская, орловская, джангарская, сероглазовская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование Варфоломеевской стоянки принципиальным образом изменило представления о неолитической эпохе степного Поволжья. Степное Поволжье до недавнего времени практически не было представлено эталонными памятниками, что выделяло его из сопредельных территорий, изученных более полно. Это затрудняло реконструкцию исторических процессов в степях Юго-Восточной Европы. Нижнее Поволжье в силу географического расположения всегда являлось территорией, через которую в Восточную Европу распространялись культурные инновации с Кавказа, Передней и Центральной Азии. На всем протяжении каменного века транзитной территорией в Нижнем Поволжье могла являться только степная зона, так как южнее, в прикаспийских песках, из-за сложных палеоклиматических условий отсутствовала непрерывная линия культурного развития на протяжении мезолита – ранней бронзы.

Варфоломеевская стоянка, включающая находки большей части неолитической эпохи, послужила основой для культурной характеристики степного неолита и сделала возможным использование немногочисленных и разрозненных комплексов с большого количества стоянок и местонахождений, информационные осколки которых ранее не складывались в единую картину.

Сопоставление с Варфоломеевкой показало, что даже немногочисленные коллекции таких стоянок, как Бубенцы или Савинка, а также материалы с многочисленных дюнных стоянок вдоль левого берега Волги (Минаева Т.М., 1929) и местонахождений в Заволжье (Юдин А.И., 1989а) вполне могут быть использованы при исторических реконструкциях и определении ойкумены неолитических культур. Выделение ведущих категорий каменного инвентаря в хронологических слоях Варфоломеевки сделало возможным определение хронологического положения памятников, не содержавших выразительной керамики.

Изучение неолитических памятников показало, что культурные процессы в степном Поволжье протекали в неразрывной связи с культурно-историческим развитием нижневолжской области, а также лесостепи и степи Юго-Восточной Европы. Особенность географического положения степного Заволжья – самой северной степной провинции в Восточной Европе – способствовала тесным культурным взаимосвязям орловского населения с племенами лесостепи. С культурами степного круга орловская культура связана общим происхождением.

В результате проведенных комплексных исследований обосновано существование орловской неолитической культуры. Материальная культура орловского населения отличается неповторимыми и самобытными чертами, особенно отчетливо проявившимися в формах и орнаментике прочерченно-накольчатой керамики. С другой стороны, орловская культура обнаруживает много общего с памятниками джангарской и сероглазовской культур и составляет с ними нижневолжскую культурную общность. Предполагается автохтонность культуры и единая культурная подоснова для культур нижневолжской общности.

Орловскую культуру предложено называть по первому из исследованных памятников – стоянке Орловка, керамика которой тождественна варфоломеевской, несмотря на то, что расстояние между двумя стоянками только по прямой составляет как минимум 200 километров.

Орловская культура существовала более тысячи лет. Ранний ее этап неизвестен и может быть реконструирован чисто гипотетически, по аналогии с немногочисленными материалами типа Кугат и Ту-Бузгу-Худук на юге Поволжья.

Опорный памятник орловской культуры – Варфоломеевская стоянка начинает функционировать в среднем неолите. Многослойная стоянка располагалась на берегу лимана и ее культурные горизонты приурочены к отложениям регрессивных фаз его развития, что позволило соотнести литологические слои с хронологическими периодами неолита. Правомерность подобного соотношения подтвердилась типологическим анализом материальных комплексов каждого культурного слоя и

комплексом естественно-научных определений – радиоуглеродными датировками, гранулометрическим анализом литологических слоев, термограммами глинистой фракции, палинологическими анализами (по данным А.В. Шадрухина, Е.А. Спиридоновой и Ю.А. Лаврушина).

Датировка этих литологических слоев определила хронологию стоянки, и на основании сравнительно-типологического анализа установлено время существования ряда других степных неолитических памятников. По результатам спорово-пыльцевого анализа определено, что светлые суглинистые прослойки, разделявшие культурные горизонты, сформировались в менее благоприятных, сухих и холодных периодах голоцена, а очередное заселение территории стоянки совпадало с формированием почв. Хронологическая колонка орловской культуры выглядит следующим образом.

Средний неолит. Материалы этого периода представлены нижним культурным слоем Варфоломеевской стоянки. Нижний слой синхронизируется с каиршакскими памятниками сероглазовской культуры в Северном Прикаспии, а также с третьим и частично со вторым слоями стоянки Джангар в Северо-Западном Прикаспии (рис. 88; 89). Абсолютная некалиброванная дата (по углю в основании культурного слоя) –первая четверть V тыс. до н.э., в калиброванном значении это первая половина VI тыс. до н.э. Комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство имеет исключительно присваивающий характер. Климат теплее, чем в плейстоцене, но сравнительно сухой и прохладный.

Поздний неолит.

1-й этап. Представлен горизонтом 2 Б Варфоломеевки, материалами стоянок Вавилово 2 в Заволжье и Лагутинской на Правобережье. Синхронизируется с частью материалов второго слоя и нижней половиной первого слоя стоянки Джангар (рис. 88). Датировка этапа – третья четверть V тыс. до н.э., калибровка указывает на конец VI тыс. до н.э. Также следует учитывать серию радиоуглеродных калиброванных определений для вышележащего слоя 2 А, укладывающихся в последнюю треть V тыс. до н.э. Климат сухой и теплый. О сухости климата наряду со спорово-пыльцевым анализом свидетельствует появление доломита в пелитовой фракции. Примесь пыльцы широколиственных пород говорит о более теплом климате по сравнению со временем формирования нижнего слоя.

2-й этап. Представлен материалами слоя 2 А Варфоломеевки, стоянок Орловка и Рахинка. Климатический оптимум голоцена, когда происходит формирование разнотравных степей. Время расцвета культуры, появления доместицированной фауны, первого проникновения металла и начала складывания материального комплекса прикаспийской энеолитической культуры. Синхронизируется с верхней половиной первого слоя стоянки Джангар и стоянкой Тентексор в Прикаспии. Время существования – последняя четверть V тыс. до н.э. Серия калиброванных радиоуглеродных дат показывает хронологический отрезок от 4351 до 3991 лет до н.э. В слое 2 А Варфоломеевки, по данным А.В. Шадрухина, установлена палеомагнитная аномалия Же-Калган, которая сопоставляется с эпизодом Желтоморское II (около 6 тыс. лет назад), что хорошо соотносится с радиокарбонными определениями.

Переходный нео-энеолитический период. Представлен верхним слоем Варфоломеевки и материалами нижнего слоя поселения Кумыска. Начало аридизации климата. Впервые появляется гребенчатая орнаментация керамики и воротничковые венчики сосудов. Окончательное сложение прикаспийской энеолитической культуры мариупольской области. Первая четверть IV тыс. до н.э.

Картографирование памятников орловской культуры показало, что они локализуются в степной зоне Волго-Уральского междуречья и в степном Правобережье Волги, где они граничат с памятниками джангарской культуры. На протяжении среднего и позднего неолита орловская культура оказывала влияние на население южных районов лесостепного Заволжья, что отразилось на форме и орнаментации керамики. Хозяйство населения орловской культуры – комплексное присваивающее; на последнем этапе неолита отмечено появление домашней овцы, а возможно, и лошади.

Пока это самое раннее свидетельство возникновения производящего хозяйства на территории Нижнего Поволжья. Об этом говорят не только остеологические определения, но и ряд косвенных факторов. Показательно несомненное существование культа лошади, проявившееся в изготовлении подвесок в форме лошади и устройстве "жертвенников" из зубов лошади. Исчезновение костей водоплавающей птицы в верхнем слое может свидетельствовать не только об аридизации климата, но и о хозяйственной переориентации населения на рубеже неолита и энеолита, подтверждением чему является увеличение количества костных остатков овцы.

На существование производящего хозяйства в позднем неолите указывают несколько фактов стадиального характера: поздненеолитические погребения еще не вынесены за пределы стоянки и практически безынвентарны, что характерно для этапа становления производящего хозяйства; находки булав свидетельствуют о переходе к патриархальным отношениям, что уже предполагает существование производящего хозяйства. Главным же аргументом существования производящего хозяйства в позднем неолите Заволжья является развитый коневодческий характер раннеэнеолитических культур Среднего и Нижнего Поволжья.

Основы материального комплекса прикаспийской культуры степного Заволжья сложились на последнем этапе неолитической эпохи, что хорошо прослеживается по находкам в слое 2 А Вар-

фоломеевской стоянки. Основные инновации в прикаспийской культуре – гребенчатая орнаментация керамики и двустороннеобработанные каменные орудия – следует скорее всего связывать с культурным воздействием более северного лесостепного населения. Прикаспийская культура в Заволжье представлена только поселенческими памятниками с культурным слоем до 1 м и более. Технико-типологические характеристики керамики и каменных изделий идентичны материалам прикаспийских памятников Северного Прикаспия.

Таким образом, к концу неолитической эпохи у населения орловской культуры сложилось комплексное присваивающее хозяйство, на основе которого зародилось производящее хозяйство – скотоводство; здесь произошло первое знакомство неолитического нижневолжского населения с металлом. Все это выделяет орловскую культуру среди других неолитических культур нижневолжской общности.

Пока остается недостаточно изученным ранний неолит Нижнего Поволжья, который в перспективе может многое прояснить в процессе становления неолитических культур Восточной Европы, так как в силу своего географического положения Нижнее Поволжье является транзитным пунктом распространения достижений древнейших земледельческо-скотоводческих очагов через территорию Кавказа и Восточного Прикаспия. Хорошо прослеживается влияние Кавказа в процессе становления мезолитических культур южной половины Нижнего Поволжья, которые затем легли в основу раннего неолита региона. Вероятно, как уже было сказано, и само знакомство с керамикой шло под воздействием кавказского импульса через население Нижнего Дона или напрямую.

Орловская культура сыграла определяющую роль в формировании средневолжской (волго-уральской) неолитической культуры, в керамике и пластинчатой части комплексов каменных орудий отчетливо видно южное культурное воздействие (рис. 91).

Пока остается не совсем ясно соотношение хвалынских, алтатинских и поздних орловских племен. Материальных свидетельств в виде керамических импортов или технологических заимствований в коллекциях исследованных памятников пока нет. Синхронизация проводится только по данным радиокарбонных определений. Предполагается, что пришлые скотоводческие энеолитические племена занимали разные хозяйственные ниши с поздним неолитическим населением.

Культурное наследие орловского населения проявилось в формах, составе теста, способах орнаментации раннеэнеолитической керамики. Технико-типологические показатели каменных комплексов энеолитического времени также сложились в недрах местного неолита, где на позднем этапе отмечается общее увеличение параметров первичных заготовок, постепенное увеличение доли кварцитового сырья. Неолитическое наследие проявилось также в сохранении традиций художественной обработки кости. Зарождение прикаспийской культуры в северной части Нижнего Поволжья было подготовлено всем предыдущим развитием местного поздненеолитического населения, культурные достижения которого легли в основу прикаспийской энеолитической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., 1970. Палеолитическое искусство // МИА. № 166.

Алекшин В.А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.

Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.

Астафьев А.Е., 1996. Памятники тюлузской культуры на полуострове Мангышлак // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара. Вып. 1.

Астафьев А.Е., 2001. Стоянка Коскудук 1 – первый опорный энеолитический памятник полуострова Мангышлак (предварительное сообщение) // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. Оренбург.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия //Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Белановская Т.Д., 1972. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // Л. МИА. № 185.

Белановская Т.Д., 1978. Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр // КСИА. № 153.

Белановская Т.Д., 1983а. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.

Белановская Т.Д., 1983б. Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д.

Бибикова В.И., 1965. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // СА. № 1.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев.

Васильев И.Б., 1985. Могильник мариупольского времени на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы //Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев.

Васильев И.Б. и др., 1980. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1986. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии //Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак III //Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991. Мезолит Северного Прикаспия (итоги и задачи изучения). Свердловск-Самара.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с. Съезжее на реке Самаре // СА. № 4.

Васильев И.Б., Синюк А.Т.,1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев.

Васильев Ю.М., 1961. Антропоген Южного Заволжья // Тр. ГИН. М. Вып. 49.

Вискалин А.В., 1999. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск.

Воробьев В.Б., 1987. Разведки на Узенях // АО - 1985. М.

Выборнов А.А., 1997. Спорные вопросы в изучении неолита Нижнего Поволжья // Исторические исследования. Самара.
Выборнов А.А., 2000. О сероглазовской культуре // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов.
Выборнов А.А., Козин Е.В., 1988. Неолитическая стоянка Каиршак 1 в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е., 1950. Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. Вып. 31.
Габяшев Р.С., Никитин В.В., Николаев В.В., 1992. Отарское VI поселение // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.
Галкин Л.Л., 1977. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА. № 3.
Галкин Л.Л. и др., 1979. Раскопки на р. М. Узень в Саратовском Заволжье //АО - 1978. М.
Гвоздовер М.Д., 1950. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году // КСИИМК. Вып. 31.
Гвоздовер М.Д., 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА. № 39.
Гвоздовер М.Д., 1985а. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // СА. № 1.
Гвоздовер М.Д., 1985б. Орнамент на изделиях костенковской культуры // Советская антропология. № 1.
Горащук И.В., Комаров А.М., 1998. Мезолитические охотники юга Волго-Уральского междуречья //Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
Гурина Н.Н., 1986. Некоторые образцы изобразительного искусства древних племен Кольского полуострова // КСИА. № 185.
Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.
Даниленко Т.А., 1985. Костяной инвентарь поселения Ботай //Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
Дремов И.И., 2001. Ураков Бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов. Вып. 4.
Еремин В.И., 1976. Отчет о работе Волгоградского отряда Степной неолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1975 году. Волгоград. Архив ИА РАН. Р-1, 5861.
Еремин В.И., 1977. Стоянки предъямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья //Историко-краеведческие записки. Волгоград. Вып. 7.
Еремин В.И., 1989. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
Зацковский Б.В., 1913. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века // Тр.СУАК, 1913. Вып. 30.
Захариков А.П., 1997. Многослойная стоянка Непряхино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988. Новые данные о хозяйственной деятельности поселения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос.Петровка 2) //Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
Иванов И.В., 1983. Изменение природных условий степной зоны в голоцене //Изв. АН СССР. Сер. Географическая. № 2.
Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
Искусство…, 1992. Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.
История…, 2000. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара.
Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до н.э. Кустанай.
Килейников В.В., 1985. Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.
Килейников В.В., 1989. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы //Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
Килейников В.В, Юдин А.И., 1993. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Саратов. Вып. 1.
Кияшко В.Я., 1987. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. № 192.
Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Азов. Вып. 3.
Ковалева В.Т., 1999. К.В.Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. Челябинск.

Ковалева И.Ф., Морковина В.И., 1987. Неолитическое поселение Турова Гора в Приорелье //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
Козин Е.В., Комаров А.М., 1989. Памятник ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
Козин Е.В., 1990. О культурном своеобразии памятников неолита Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. конф. Куйбышев.
Козин Е.В., 2002. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск.
Кольцов П.М., 1984. Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.
Кольцов П.М., 1987. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Дис. ... канд. ист. наук. М. Архив ИА РАН. Р-2, 2321.
Кольцов П.М., 1987а. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Кольцов П.М., 1988. Неолитическое поселение Джангар //Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
Кольцов П.М., 1989. Ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук 1 в Северо-Западном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
Кольцов П.М., 1990. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия //Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
Кольцов П.М., 1990а. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия //Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
Комаров А.М., 2000. Мезолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск.
Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1997. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Самара. Вып. 2.
Косинская Л.Л., 1999. Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. Челябинск.
Косинцев П.А., Варов А.И., 1996. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара.
Косменко М.Г., 1977. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. № 149.
Котова Н.С., 1999. Материалы к проблеме доместикации лошади // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.
Кузнецова Л.В., Седова М.С., 1991. Курганный могильник срубной культуры у с.Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. № 3.
Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю., 1987. Постников овраг – археологический памятник эпох камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
Кузьмина И.Е., 1988. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене //Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
Ластовский А.А., Комаров А.М., 1988. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев р. Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
Лесостепь…, 1956. Лесостепь и степь Русской равнины. М.
Лопатин В.А., Миронов В.Г., 1983. Работы Заволжского отряда // АО - 1981. М.
Лопатин В.А., 1989. Стоянка Озинки 2 в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
Макаренко М., 1933. Маріюпільский могильник. Київ.
Малов Н.М., 1986. Отчет об археологических разведках, произведенных в Каменском районе Уральской области в 1986 году. Саратов. Архив НИАЛ СГУ.
Малов Н.М., 1988. Отчет об археологических исследованиях на р.Деркул за 1988 г. Саратов. Архив НИАЛ СГУ.
Мамонтов В.И., 1969. Подъемный материал с Пятиморской стоянки // КСИА. Вып. 115.
Мамонтов В.И., 1974. Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА. № 4.
Массон В.М., 1971. Поселение Джейтун // МИА. № 180.
Массон В.М., 1991. Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Л.
Матюхин А.Д., 1992. Исследование курганов у с.Большая Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 2.
Матюшин Г.Н., 1968. О нижневолжских микролитах // СА. № 2.
Матюшин Г.Н., 1992. Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизации // Древности: Тр. РАО. М. Вып. 3.
Матюшин Г.Н., 1996. Неолит Южного Урала. М.
Мелентьев А.Н., 1975. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. Вып. 141.

Мелентьев А.Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
Мелентьев А.Н., 1978. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // КСИА. Вып. 153.
Мельник В.И., 1979. Отчет первого Питерского отряда Волго-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках и разведках, произведенных в 1978 году. М. Архив ИА РАН. Р - 1, 7299.
Минаева Т.М., 1929. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Тр. НВОК. Саратов. Вып. 36, ч. 1.
Моргунова Н.Л., 1980. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
Моргунова Н.Л., 1984а. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: Дис. ... канд.ист.наук: 07.00.06. М.
Моргунова Н.Л., 1984б. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры //Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.
Моргунова Н.Л., 1986. Хозяйство населения волго-уральской и самарской культур // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. конф. Оренбург.
Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
Наумов И.Н., 1990. Неолитическая стоянка Лагутинская на р. Чир // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 1.
Наумов И.Н., 1992. Поселение позднего неолита-энеолита на реке Бузулук // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 2.
Наумов И.Н., 2002. Экологические факторы формирования и развития в поволжско-нижнедонских степях неолитической культурно-хозяйственной общности // Вопросы краеведения. Волгоград. Вып. 7.
Неолит…, 1996. *Неолит* Северной Евразии. М.
Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // Тр. МАЭ. Йошкар-Ола. Т. IV.
Овчинникова Н.В., 1996. Хронология и периодизация энеолитических поселений в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века: Материалы междунар. науч. конф. Волгоград.
Отрощенко В.В., 1974. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. № 4.
Петренко А.Г., 1992. Проблемы истории животноводства на востоке европейской части СССР // Древности: Тр.РАО. М. Вып. 3.
Петренко А.Г., 2000. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань.
Поликарпович К.М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.
Попова Т.Б., 1960. Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково // МИА. М. № 78.
Праслов Н.Д., 1971. Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. Вып. 126.
Пряхин А.Д., Килейников В.В., 1986. Хозяйство жителей Мосоловского поселения эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) //Археологические памятники эпохи средней бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
Рыбаков Б.А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. № 4.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
Рыков П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов.
Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991. Каменные орудия Кушумской стоянки // СА. № 4.
Самашев З.С., Ермолаева А.Е., Тепловодская Т.М., Галкин Л.Л., 1998. Токсанбай – памятник протогородской цивилизации Казахстана (предварительное сообщение) // Изв. акад. гум. наук РК. № 1.
Синицын И.В., 1946. Отчет об археологических работах в Саратовской области летом 1945 г. Саратов. Архив ИА РАН. Р-1. № 9.
Синицын И.В., 1950. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) //КСИИМК. Вып. 32.
Синицын И.В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда: 1951-1953 // МИА. М. № 60.
Синицын И.В., 1960 а. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ. Саратов. Т. 68.
Синицын И.В., 1960 б. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // Тр. СОМК. Саратов. Вып. 3.
Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1.
Ставицкий В.В., 1997. Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой // Историко-археологические изыскания. Самара. Вып. 2.
Ставицкий В.В., 1998. Некоторые итоги охранных исследований в Посурье Пензенской неолитической

экспедиции // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.
Ставицкий В.В., 1999а. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза.
Ставицкий В.В., 1999б. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск.
Столяр А.Д., 1972. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // МИА. № 185.
Телегин Д.Я., 1978. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. Киев.
Телегін Д.Я., 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжжя //Археологія. Вип. 36.
Телегин Д.Я., 1988. Области культур эпохи неолита юга европейской части СССР, их хронология и периодизация //Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск.
Телегин Д.Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев.
Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В., 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск.
Третьяков В.П., 1974. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. № 1.
Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев.
Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
Формозов А.А., 1953. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита // СЭ. № 1.
Формозов А.А., 1966. Памятники первобытного искусства. М.
Формозов А.А., 1970. Искусство эпохи мезолита и неолита // МИА. № 166.
Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.
Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.
Хреков А.А., 1990. Археологические памятники лесостепного Прихоперья с микролитическим инвентарем и накольчатой керамикой // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. конф. Куйбышев.
Хреков А.А., 1992. Ранненеолитические стоянки лесостепного Прихоперья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып 3.
Хреков А.А., 1996. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.
Хреков А.А., 2001. Неолитические погребения стоянки Рассказань-III // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов. Вып. 4.
Хреков А.А., Юдин А.И., 2003. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологи Поволжья. Самара. Вып. 3.
Черкасова Е.В., 1992. Петропавловская энеолитическая стоянка в Саратовском Заволжье //Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 3.
Шабанов М.А., 1959. О степной провинции сыртовой равнины Заволжья // Научн. докл. высш. шк. Геолого-географические науки. М. № 1.
Шабанов М.А., 1964. Заволжская степная провинция и ее подзоны // Степи Нижнего Поволжья. Саратов.
Шорин А.Ф., 1999. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург.
Юго-Восток…, 1971. Юго-Восток Европейской части СССР. М.
Юдин А.И., 1986. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
Юдин А.И., 1988. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
Юдин А.И., 1989а. Древнейшие поселенческие памятники степного Заволжья //Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 1.
Юдин А.И., 1989б. Энеолитическое поселение Пшеничное на р.Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
Юдин А.И., 1991. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки //Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 2.
Юдин А.И., 1994. Памятники прикаспийской культуры степного Заволжья // Краеведческие чтения (доклады и сообщения IV - VI чтений). Саратов.
Юдин А.И., 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Юдин А.И.,1997. Исследования Варфоломеевской стоянки в 1996 году (к характеристике материального

комплекса слоя 2А) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
Юдин А.И., 1998а. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
Юдин А.И., 1998б. Общие тенденции в развитии культур неолита степного Поволжья и Нижнего Дона // Проблемы археологии юго-восточной Европы: Тез. докл. Ростов н/Д.
Юдин А.И., 1999а. Разведки и раскопки в Саратовском Поволжье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.
Юдин А.И. 1999б. Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.
Юдин А.И., 1999в. Искусство населения Степного Поволжья в неолитическое время // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова: Тез. докл. М.
Юдин А.И., 2000а. Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 3.
Юдин А.И., 2000б. Жилые постройки Варфоломеевской стоянки // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
Юдин А.И., 2003а. Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки // РА. № 4.
Юдин А.И., 2003б. Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Гос. Ист. музее: Тез. докл. конф. М.
Яковлева Л.А., 1985. Позднепалеолитические схематические статуэтки женщин территории Поднепровья // Первобытная археология. Киев.
Anthony D.W., Brown D.R., 1991. The origins of horseback riding // Antiquity. Vol. 65. № 246.
Vasiliev I., Vybornov A., 1998. The neolithic of the North Caspian Sea Area. Samara.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия.
ГИН	– Геологический институт РАН.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
НВОК	– Нижне-Волжское общество краеведения.
НИАЛ СГУ	– Научно-исследовательская археологическая лаборатория Саратовского государственного университета.
РА	– Российская археология.
РАО	– Российское археологическое общество
РК	– Республика Казахстан
СА	– Советская археология.
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения.
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия.
СЭ	– Советская этнография.
УЗ СГУ	– Ученые записки Саратовского государственного университета.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Таблица 1

Распределение групп керамики Варфоломеевской стоянки по слоям

Группа	Слой			
	1 верхний	2А	2 Б	3 нижний
1 - прямостенные	12	80	60	23
2 – с прикрытым устьем	12	152	66	42
2 Н – с прикрытым устьем и внутренним наплывом	9	70	5	-
3 − слабопрофилированные	6	49	7	9
4 − чашевидные	-	2	2	1
Всего	39	353	140	75

Таблица 2

Керамика Варфоломеевской стоянки. Соотношение формы сосудов и техники нанесения орнамента

Группа	Техника нанесения орнамента																					
	Слой 1 (верхний)						Слой 2 А						Слой 2 Б					Слой 3 (нижний)				
	г	н	нп	пн	п	б/о	н	нп	пн	п	д	б/о	н	нп	пн	п	б/о	н	нп	пн	п	б/о
1	--	4	-	2	6	-	55	-	5	15	2	3	26	1	7	24	2	9	2	2	10	-
2	-	8	-	1	1	1	103	6	13	22	5	4	39	1	7	15	3	21	-	8	12	1
2Н	4	5	-	-	1	-	67	-	2	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	-	3	-	3	-	-	34	1	8	5	-	1	5	1	-	-	1	5	-	1	2	1
4	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-
Всего	4	20	-	6	8	1	259	7	28	43	7	8	76	3	14	40	7	35	2	11	25	2

Примечание. г – гребенчатая, н – накольчатая, нп – накольчато-прочерченная, пн – прочерченно-накольчатая, п – прочерченная, д – другая, б/о – без орнамента.

Таблица 3

Керамика Варфоломеевской стоянки. Распределение орнамента на внутренней стороне венчика и распространение венчиков с насечками и гофрированностью

Группа	С внутренним орнаментом				С насечками и гофрированные			
	слои				слои			
	1 верхний	2 А	2 Б	3 нижний	1 верхний	2 А	2 Б	3 нижний
1	-	3	-	-	-	7	8	5
2	1	3	1	-	-	8	10	7
2Н	2	51	3	-	-	3	1	-
3	-	9	-	-	-	8	-	-
Всего	3	66	4	-	-	26	19	12

Таблица 4

Варфоломеевская стоянка. Орнаменты керамики

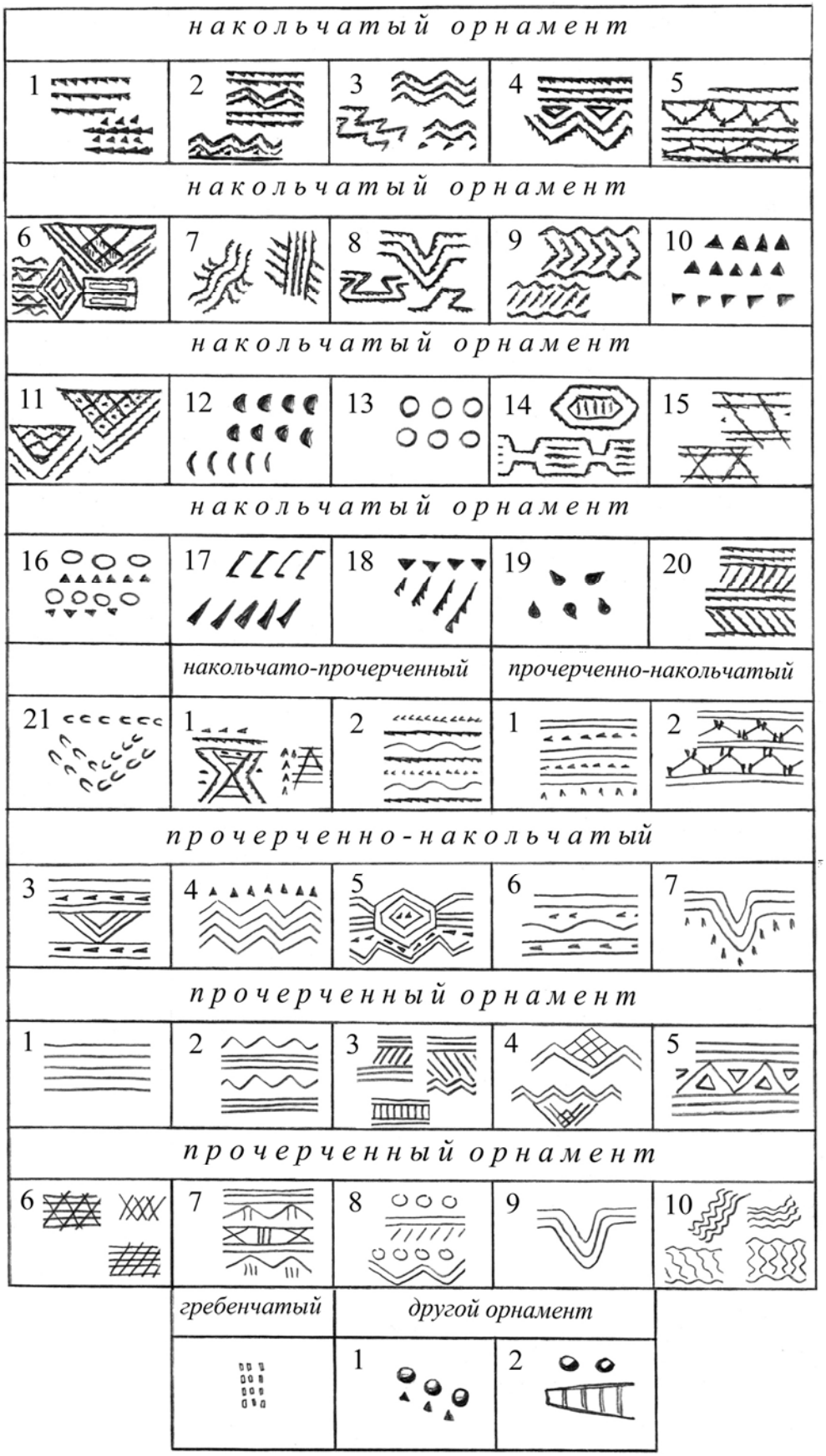

Таблица 5

Варфоломеевка. Керамика нижнего (3) слоя. Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																										б/о
	прочерченный										прочерченно-накольчатый			нп	накольчатый												
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*1*	*2*	*3*	*1*	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*10*	*11*	*13*	*14*	*17*	
1	-	2	-	-	2	-	3	2	-	1	1	-	1	1	1	1	1	-	1	2	1	-	-	2	-	-	-
2	2	2	1	1	1	3	-	-	-	2	-	5	3	-	3	2	1	3	3	3	-	2	2	1	-	1	1
3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-	-	3	-	-	-	-	1	-	1
4	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	2	6	1	1	3	3	3	2	-	3	1	5	4	3	5	3	2	3	4	8	1	2	2	3	1	1	2

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 2.

Таблица 6

Варфоломеевка. Керамика слоя 2 Б. Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																													б/о
	прочерченный								прочерченно-накольчатый						нп	накольчатый														
	1	*2*	*3*	*5*	*6*	*7*	*8*	*10*	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*7*	*1*	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*19*	*20*	
1	1	9	4	-	5	3	1	1	1	1	2	1	1	1	1	6	3	3	-	1	-	-	6	1	1	-	2	-	1	2	2
2	2	6	-	1	4	2	1	-	-	3	3	-	1	-	1	3	6	8	6	-	2	1	5	2	2	4	-	-	-	-	3
2Н	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	1
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Всего	3	15	4	1	9	5	2	1	1	4	5	1	2	1	3	9	10	14	6	2	2	1	12	3	3	4	4	1	3	2	7

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 2.

Таблица 7

Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А. Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																			
	прочерченный									прочерченно-накольчатый.							нак.-пр.		другой		б/о
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*9*	*10*	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*1*	*2*	*1*	*2*	
1	1	4	2	2	1	-	3	3	2	2	2	-	-	-	-	1	-	-	2	-	3
2	-	10	1	2	1	2	2	-	-	1	1	5	1	2	3	-	3	3	2	2	4
2Н	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	1	2	-	1	-	-	1	-	-	-	1	7	-	-	-	-	1	-	-	-	1
4	-	1	-	-	-	-	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	2	17	3	5	2	2	6	3	2	3	6	12	1	2	3	1	4	3	4	-	8

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																			
	накольчатый																			
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*	*16*	*17*	*18*	*20*	*21*
1	19	6	5	2	1	2	1	2	–	3	–	3	1	–	–	1	1	–	–	3
2	17	16	14	2	3	1	6	12	–	11	1	5	1	1	–	3	1	1	–	2
2Н	14	16	11	1	1	1	–	17	1	2	1	1	–	1	4		–	–	–	–
3	4	9	6	–	–	–	2	2	1	4	–	2	–	2	–	–	1	1	–	1
4	-	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Всего	54	47	36	5	5	4	9	33	2	20	2	11	2	4	5	4	3	2	3	8

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 2.

Таблица 8

Варфоломеевка. Керамика слоя 1 (верхнего). Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																	
	прочерченный					прочерченно-накольчатый			гре-бен-чатый	б/о	накольчатый							
	1	*2*	*3*	*4*	*9*	*1*	*2*	*6*			*1*	*2*	*3*	*7*	*8*	*9*	*10*	*21*
1	4	-	1	-	1	-	-	2	-	-	-	1	-	1	1	-	-	1
2	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	3	1	-	-	1	-	3	-
2Н	-	1	-	-	-	-	-	-	4	-	1	2	1	-	-	1	-	-
3	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	2	-	-	-	-	1	-	-
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	4	1	1	1	1	1	2	3	4	1	6	4	1	1	2	2	3	1

Таблица 9

Каменные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки

№ п/п	Категория изделий	Всего	По слоям стратифицированных квадратов			
			1	2А	2Б	3
1	Нуклеусы для снятия пластин	49 (1)	2	3	3	5
2	Нуклеусы для снятия отщепов	23/2 (1)	3	5	1/1	3
3	Нуклевидные обломки	7	1	1	-	-
4	Поперечные сколы с нуклеусов	21/1	1	1	3	1
5	Продольные сколы с нуклеусов	125/1	2	9/2	7	-
6	Ножевидные пластины	668/21	8/1	69/6	68/1	39/2
7	Отщепы	1750/63	31/9	311/12	150/4	113/3
8	Галька	10	2	3	2	-
9	Трапеции (струганная спинка/не струганная спинка)	79/3	3	12	9	/2
10	Сегменты	19	-	-	5	11
11	Пластины-вкладыши	12/1	-	-	-	4/1
12	Ножевидные пластины с ретушью	441/9	1	38	25/1	13
13	Скребки на пластинах концевые	174/4	1/2	19	14	19/1
14	Скребки на пластинах с боковой ретушью	396/5	3	27/1	23/1	13
15	Скребки на укороченных пластинах	499/7	14/1	71/2	59/2	48/1
16	Скребки на отщепах	780/11(2)	11	82	84	54/1
17	Ножи на пластинах	44/1	1	23/1	12	1
18	Ножи на отщепах	30/2 (1)	-	6/1	5	1
19	Скобели	49/2	/1	5	8	4
20	Острия	68/1	2	8	11	5/1
21	Отщепы с ретушью	156/4	1/1	24/1	18	5/1
22	Резцы	5	-	1	1	-
23	Отбойники	9/6	-	/1	/1	1
24	Скребки высокой формы	7	1	1	1	2
25	Скребла	4	-	1	1	-
26	Долотовидные орудия	4	-	-	-	-
27	Утюжки	2	-	-	-	1
28	Тесла	8	-	2	3	1
29	Абразивы и др. некремневые изделия	52	2	4	7	2

Примечание. В числителе – орудия и изделия из кремня, в знаменателе – из кварцита, в скобках – яшмовидные породы.

Таблица 10

Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки (1987-1990 гг.)

Класс	Группа	Тип и его номер		Количество по слоям		
				1	2А и 2Б	3
1. Орудия домашних производств	1. Орудия кожевенного производства	1	Тупики	2	41	14
		2	Скребки	-	12	4
		3	Скребки-лощила	-	2	1
		4	Скребки-струги	-	1	1
		5	Струги	-	4	5
		6	Лощила	-	1	4
		7	Разбильники	-	4	4
		8	Проколки	1	37	10
		9	Ножи	1	2	1
		10	Орудие для растягивания ремней	-	-	1
	2. Орудия керамического производства	1	Шпатели	-	6	1
		2	Шпатели-лощила	-	6	2
		3	Шпатель-штамп	-	-	1
		4	Лощила	-	1	1
		5	Штампы	1	8	3
	3. Землекопные орудия	1	Копалки	-	6	4
		2	Совки	-	1	1
		3	Колышки	-	2	5
2. Орудия присваивающих производств	1. Орудия рыболовства	1	Гарпуны	-	3	-
	2. Орудия охоты	1	Острия	-	1	1
3. Бытовые и культовые предметы	1. Посредники	1	Оправы	-	2	3
		2	Муфты	-	2	-
		3	Рукоятки	-	1	1
	2. Украшения и поделки	1	Подвески	1	7	1
		2	Пронизки	1	9	1
		3	Пластины с орнаментом	-	6	-
		4	Кости с орнаментом	-	4	-
		5	Пластины с линейным орнаментом	-	7	-
		6	Пластины остроконечные	-	5	5
		7	Пластины из клыков кабана	-	2	-
	3. Культовые предметы	1	Антропоморфные	-	7	-
		2	Зооморфные	-	3	-

Таблица 11

Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А из раскопа 1996 г.

Группа	Количество	
	Всего	Венчик волнистый или с насечками
1. Банки с открытым устьем	7	-
2. Банки с прикрытым устьем	10	2
2 Н. Банки с прикрытым устьем и внутренним наплывом	4	1
3. Профилированные сосуды	4	2

Таблица 12

Варфоломеевка. Каменный инвентарь слоя 2 А из раскопа 1996 г.

№ п/п	Категория	Количество
	Продукты первичного расщепления	
1	Нуклеусы для снятия пластин	1
2	Нуклевидные обломки и сколы	5
3	Ножевидные пластины	74/3
4	Отщепы, чешуйки, сколы	113
	Предметы со вторичной обработкой	
5	Трапеции со струганной спинкой	12
6	Сегменты	3
7	Пластины с ретушью	37
8	Концевые скребки на пластинах	13/1
9	Скребки на укороченных пластинах	35
10	Скребки на отщепах	38
11	Отщепы с ретушью	11
12	Скобели	3
13	Резцы	3
14	Абразивы	2
15	Отбойники	1
16	Утюжок	1
17	Грузило	1

Примечание. В числителе – изделия из кремня, в знаменателе – из кварцита.

Таблица 13

Варфоломеевская стоянка. Костяные орудия и изделия из раскопа 1996 г. и размытого культурного слоя

№ п/п	Орудия и изделия из кости	Из раскопа	Из размытого культурного слоя
1	Шпатели для формовки керамики	3	1
2	Струги	2	1
3	Тупики	4	2
4	Проколки	4	-
5	Обломки изделий с орнаментом	3	3
6	Лопаточка	1	-
7	Пронизки	8	-
8	Подвески	2	1
9	Орудия со сверлинами	-	2
10	Тесловидные орудия	-	2
11	Метаподии с отверстиями	2	1
12	Отходы производства	8	2

Таблица 14

Предметы искусства Варфоломеевской стоянки

Орудия и изделия из кости					
Класс	Группа	№ п/п	Тип	Орнамент и характерные особенности и номера элементов орнамента (по табл. 15)	№ рисунка
I. Орудия домашних производств	1.Орудия кожевенного пр-ва	1	Тупик	Группы по 11 насечек	58, *5*
		2	—″—	Линейный	78, *3*
		3	Струг для волососгонки на ребре	Группы по 3 насечки	60, *1*
		4	Струг для волососгонки на пластине	Продольные линии с поперечными насечками.	60, *2*
		5	Струг для волососгонки на ребре	Треугольники, заполненные сеткой	78, *2*
		6	Лощило для кожи	Пиктограмма	60, *3*
		7	Разбильник	Насечки	72, *2*
		8	Проколка	Линейный	79, 2
		9	—″—	Бессистемный	62, *11*
		10	Скребок для мездрения	Линейный	-
	2.Орудия керамического пр-ва	11	Шпатель	Насечки	63, *3*
		12	—″—	—″—	63, *4*
		13	—″—	—″—	77, *1*
		14	4 обломка шпателей (?)	—″—	71, *5-7,10*
		15	Шпатель с отверстием	Сложный геометрический - 4, 5, 6 , 8	63, *6*
		16	Шпатель	Сложный геометрический – 4, 6, 8	77, 3
		17	—″—	Геометрический – 1, 2, 7	77, *4*
		18	—″—	Сложный геометрический – 5, 6, 8, 9	77, *2*
		19	Шпатель-лощило	Сложный геометрический – 4, 6, 8, 9	64, *3*
		20	—″—	Линейный	64, *4*
		21	—″—	Лабиринт-меандр	70, *2*
		22	—″—	Сложный геометрический – 4-6, 9	72, 3
		23	Шпатель-лощило на ребре	Насечки	64, *10*
	3*	24	Землекопное орудие – колышек	Группы по три насечки	65, *9*
II**	2***	25	Охотничье острие	Ямки	65, *8*
III. Бытовые и культовые пр.	2. Украшения и поделки	26	Подвеска	Линейный	80, *5*
		27	Подвеска (обломок шпателя?)	Насечки	80, *6*
		28	Подвеска (вторичное использование)	Ямки	71, *9*
		29	Подвеска	Сложный геометрический – 5, 6, 8	70, *1*
		30	Подвеска с орнаментом	—″—	70, *6*
		31	Пронизка	Линейный	66, *1*
		32	—″—	—″—	79, *8*
		Пластины с геометрическим орнаментом			
		33	Пластина с орнаментом	Лабиринт-меандр	66, *2*
		34	—″—	Сложный геометрический – 6-9	66, *3*
		35	—″—	Сложный геометрический – 6, 8	70, *3*

Класс	Группа	№ п/п	Тип	Орнамент и характерные особенности	№ рисунка
III. Бытовые и культовые предметы	2. Украшения и поделки	36	Пластина с орнаментом	Лабиринт-меандр	70, *5*
		37	—″—	Геометрический – 6, 8	70, *4*
		38	—″—	Геометрический - 8	80, *3*
		39	—″—	Геометрический - 9	80, *4*
		Пластины с линейным орнаментом			
		40	Пластина с отверстием	Линейный, лабиринт	71, *1*
		41	Пластина	—″—	71, *4*
		42	—″—	Линейный, насечки	80, *2*
		43	—″—	—″—	61, *1*
		44	—″—	Линейный, зигзаг	71, *2*
		45	Пластина остроконечная	—″—	66, *6*
		Обломки необработанных костей с орнаментом			
		46	Кость с орнаментом	Имитация лабиринта	66, *4*
		47	—″—	Имитация лабиринта, прямоугольник	72, *4*
		48	—″—	Линейный, прямоугольник	71, *11*
		49	—″—	Элемент меандра	-
		50	—″—	Геометрический – 2, 4, 5, 8, 9	80, *1*
		51	Две кости с орнаментом	Бессистемный	-
	3. Культовые предметы	Антропоморфные статуэтки			
		52	Антропоморфная 1	Линейный, насечки, “грудь”	67, *2*
		53	—″— 2	Линейный, насечки, “ножки”	67, *1*
		54	—″— 3	—″—	68, *2*
		55	—″— 4	Линейный, насечки, зигзаг	68, *1*
		56	—″— 5	Линейный, насечки, “ножки”	69, *2*
		57	—″— 6	—″—	68, *3*
		58	—″— 7	Линейный, насечки	69, *1*
		59	Заготовка 1	Насечки	69, *3*
		60	—″— 2	Грубо намечен поясок	69, *4*
		61	—″— 3	Насечки, с отверстием	69, *5*
		62	—″— 4	Поверхность обработана скобелем	-
		Зооморфные			
		63	Фигурка лошадки		67, *5*
		64	—″—	Имитация узды (?), отверстие	67, *3*
		65	—″—	С отверстием	67, *4*
Неопределенные обломки					
		66	Обломок ребра	Насечки	71, *8*
		67	—″—	—″—	71, *3*
		68	—″—	—″—	72, *1*
		69	Обломок пластины	Линейный	-
Предметы из других материалов					
		70	Пест с зооморфной рукоятью		57
		71	Меловая булава		55, *2*

*Землекопное орудие.
** Орудия присваивающих производств.
*** Орудия охоты.

Таблица 15

Распределение элементов орнаментов на орудиях и изделиях из кости Варфоломеевской стоянки

Категория изделий		Элемент орнамента											
		1. Нарезки	2. Линейный	3. Лабиринт	4. Зигзаг	5. Треугольник	6. Лабиринт-меандр	7. Прямоугольник	8. Штриховка	9. Сетка	10.Ямки	11.Бессистемный	Всего изделий
1	Разбильник	1											1
2	Землекопное орудие	1											1
3	Тупики	1	1										2
4	Скребок для мездрения		1										1
5	Пронизки		2										2
6	Подвески		1								1		2
7	Проколки		1									1	2
8	Статуэтки	7	7		1								7
9	Пластины с лин.орнаментом	2	6	2	2								6
10	Струг для волососгонки	2	1			1				1			3
11	Шпатели и шпатели-лощила	11	2		5	6	14	2	11	5			18
12	Кости с орнаментом		2		1	1	3	2	1			2	7
13	Пластины с геометрич. орн-том					1	5	1	5	2			8
14	Охотничье острие										1		1

Таблица 16

Стоянка Журавли. Каменный инвентарь

Категории	Сборы			Слой 3 -40-60			Слой 3 -60-80			Всего
	Материал									
	кр. кор.	кр.	од.	кр. кор.	кр.	од.	кр. кор.	кр.	од.	
1. Сколы подправки нуклеусов	2	-	-	1	-	-	1	-	-	4
2. Пластины	1	-	-	6	-	-	5	-	-	12
3. Отщепы пластинчатые	-	-	-	5	-	-	9	-	-	14
4. Отщепы крупные	-	-	-	1	-	-	11	3	-	15
5. Отщепы средние	11	1	2	16	-	2	14	1	2	49
6. Отщепы мелкие	16	-	1	25	-	3	48	1	-	94
7. Проколка	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего										189

Примечание. кр. кор. – кремневая корка; кр. – кремень; од. – окаменелое дерево.

Таблица 17

Варфоломеевская стоянка. Видовой состав костных остатков

Виды животных и птиц		Слой		
		1	2 А и Б	3
1	Овца	3 (10)	1 (1)	-
2	Корова или мелкий тур	2(7)	5(7)	-
3	Тур	4(14)	10(14)	13(20)
4	Лошадь	4(14)	17(23)	20(31)
5	Кулан	11(38)	25(34)	11(17)
6	Сайга	5(17)	15(21)	19(29)
7	Собака	1	2	1
8	Волк	1	3	1
9	Корсак	-	-	1
10	Лиса	-	1	3
11	Кабан	-	1	-
12	Утка	-	2	4
13	Тетерев	1	-	1
14	Гусь	-	1	2
15	Кряква	-	-	1
16	Нырок	-	-	1
17	Чирок	-	-	1
18	Белая куропатка	-	-	1
19	Олень благородный	-	-	2(3)
20	Барсук	-	-	1

Примечание. Указано минимальное количество особей, в скобках – в процентах от общего количества копытных в слое.

SUMMARY

Neolithic site Varfolomeevka (fig. 1, *1*) - a unique object of archeology on the territory of the Lower Volga region. The materials of this site enable to track cultural development of local population on an extent of more than thousand years - from the middle Neolith up to early Eneolith. Also cultural - chronological positions of known before sites are determined with the help of finds from different layers of Varfolomeevka camp.

The materials of the site are investigated with an application of all accessible natural-science methods. As a result the data about of the age of cultural layers, paleoclimate on all the extent of the site existence, an economy of the population, a technology of domestic manufactures, a funeral ceremony, art were received. Now the site Varfolomeevka is one of the most investigated Neolithic site of the steppe Volga region.

The multi-layer Neolithic site Varfolomeevka is located in the steppe region on the Volga left bank (second half 6th - early 4th millennia BC).

The site Varfolomeevka was found out in 1986. The site is located on the left bank r. M.Uzen, near Novouzensk (fig. 2). The site was excavated in 1987-90 and 1996. In total it is investigated 400 sq. m of a cultural layer along the bank of the river (fig. 2; 3).

Cultural layers of the site Varfolomeevka achieve 2,2 m and are divided into four chronological layers: upper (the first), two middle (2 A and 2 Б) and low (the third) (fig. 4).

In three lower layers (3, 2Б and 2A) the rests of dwellings - rectangular half-dugs-out the dwellings in part driven in to the continent or a cultural layer up to 1 m were investigated. The floor of the dwelling is always covered with a layer of ochre. In the central part of the dwellings there were hearths, driven in to the floor of the dwelling (diameter up to 1,2 m, depth up to 0,4 м) (fig. 5, *1, 2*). Sometimes the hearths had a very complex design (fig. 6). Along the walls deep economic holes (fig. 5, *3 : 7*, 2, *3*) were arranged.

Two walls of one dwelling had burned down and it allowed us to familiarize with a design of the walls in more details. Along the perimeter of the foundation posts and more thin poles were driven in, and then they were interlaced with a cane and coated with clay from two sides. As a result: a layer of the calcinated clay – a layer of ashes with charcoal – a layer of the calcinated clay (fig. 7, *3*) in a cultural layer consistently lay.

In cultural layers of the site the fragments from several thousand vessels (fig. 8-43) which are distributed on 4 basic groups were found out: 1) vessels with direct walls and a wide open mouth (fig. 13); 2) vessels with a covered mouth (fig. 14, *1*); 3) weakly profiled (fig. 17, *5*); 4) like small bowls with a semicircular bottom vessels (fig. 12, 8). Ceramics of the three first groups is flat-bottomed.

A wide set of bone instruments was used for manufacture of ceramics (fig. 64). The overwhelming majority of ceramics has an impurity of a pounded bowl in the paste of clay. The ceramics was decorated by drawn lines and impressed holes, and quantity of impressed holes vessels increases from the lower layer to the top. Accordingly in the lower layers the ceramics of the first and second groups, and in two top – the third group prevails. Some of the vessels have other cultures' shape (fig. 8, *5*; 11, 14; 12, *5*; 20, *3*, *4*).

Fragments of clay vessels were used again for manufacturing of spindle whorls. Round spindle whorls have diameter of 5,5 - 6,5 sm, their edges are broken roughly off and then ground (fig. 40, *1-6*).

At the site 5624 stone subjects (fig. 44-54; 56) were found. The majority of finds (5563 copies) are products of splitting flint and quartzite, 60 subjects are made of other breeds of a stone - sandstones, swept, muded off and crystal breeds.

A blade technics of splitting of a stone is characteristic. About 60 % of instruments are executed on blades. Scrapers, knifes, and geometrical microlits are made on the sections of the blades. In a layer 3 geometrical microlits are submitted by segments of

low forms and trapezes (fig. 45, *5-20*). In a layer 2 Б, all the trapezes already have shaved backing (fig. 48, *4-7, 11, 12*). In a layer 2 A geometrical microlits are submitted by several inexpressive segments and three types of trapezes with a shaved backing (high and middle; with almost parallel lateral faces; asymmetric). About 1/6 of the trapezes of this layer has a retouch on one or two end faces, put on the belly and a fine regional retouch on the bases from a face sheet (fig. 53, *5-23*). In a layer of 1 the segments are not enough and they are inexpressive, and high trapezes with a shaved backing typologically do not differ from trapezes of a layer 2A, but there are large copies which height achieves 23 - 27 mm (fig. 56, *10, 15, 16*).

A club from swept with a carved ornament (fig. 55, *2*) and a fragment of a stone staff with ending as a head of an animal (fig. 57) are of interest.

Quantitative distribution of stone subjects in lithologic layers similarly to ceramics: the maximal number in a layer 2 A, then in layers 2 Б, 3 and 1.

The part of the products representing all chronological column, was subjected to trasological analysis which has showned the absence of rigid dependence between typological attributes and functional assignment of instruments.

On the site it was found more than 300 products made of bones: instruments of domestic manufactures (tanning, ceramic); instruments of appropriating branches of the economy (harpoons, the hunting edges); household (frames for geometrical microlits, sleeves, handles) and cult subjects (fig. 58-72).

In a layer 2 A some cult places were investigated where bones of animals, basically forward teeth of horses (from several tens up to four hundred), had been densely stacked in heapes. In one case among the bones there was a vessel (fig. 24), and in another - a copper plate of the rectangular form with the oval end (fig. 55). The subject was imposed with several layers of the teeth of horses, that completely excludes it's casual hit in a cultural layer. It is the most ancient in the Lower Volga region product made of copper.

On the territory of the site the first are Neolithical burials in the steppe Volga region were investigated. The funeral ceremony is notable absence of a uniform pose. The grave stock is almost completely absent. Burials had been accomplished at various times during the existence of the site (fig. 81).

For the specification of the conclusions about chronological periods of the site Varfolomeevka in 1996 security excavation on a single-layered part were continued. Excavation of 1996 proved the correctness of a chosen technique of the materials analysis of a multilayered site and brought in only insignificant corrective amendments to the general picture.

Typological characteristics of ceramics fully comply with the parameters of the layer 2 A, established by the previous excavation (fig. 74). A small amount of ceramics excavated in 1996 does not allow to draw statistically authentic conclusions, nevertheless, it is possible to note, that quantitative distribution of vessels among groups corresponds revealed earlier: a maximum quantity in the second group (from them approximately each third vessel – with internal inflow on a nimbus), a little bit smaller in the first and minimal in the third (not considering the fourth group). The ceramics of the fourth group in 1996 was not found out. But on the basis of the previous excavation only five such vessels are known: two in pach of the layers 2 A and 2 Б and one in the low layer.

A similar picture is observed in the analysis of technics of drawing of an ornament and ornamental compositions. In the previous excavations almost 3/4 vessels had been decorated with technics of impressed holes, among ceramics of 1996 this technics was also dominating. Most frequently there were the ornamental compositions including such elements, as horizontal line, zigzag, chevron.

Comparison of a complex of stone subjects with the materials of the previous excavations of the site shows presence of one category of the finds which had not been met in a layer 2 A earlier. These are low segments with a retouch along the arch. Other parameters practically completely coincide: primary usage of pebbly flint and lamellar technics of splitting flint; identical average parameters of width plates; quantity indicators of distribution of the instruments among categories (the greatest quantity of instruments – scrapers of various types on plates, then – scrapers on flakes, plates without and with retouch, etc.) and even percent of the trapezes with treated end faces among total quantity of the trapezes with a shaved backing (fig. 75).

With an exception of ornamented brackets, all other categories of bone subjects had been met earlier in a layer 2 A. It is necessary to note, that exactly for this layer carefully ornamented products are characteristic (fig. 77).

As a whole, the excavations of 1996 on a single-layered site confirmed the conclusions made earlier about character and a level of development of a material culture of the population of the site Varfolomeevka which had left a layer 2 A at a final stage of a neolith of a steppe region on the Volga left bank.

Finds from four lithologic layers of the site Varfolomeevka undoubtedly possess some common features that allow to carry them to one (uniform) Neolithic culture. The common features are traced in all categories of the stock during all the existence of the site. The changes occuring in the development of a material complex, allowed to correlate lithologic horizons with chronological stages of Neolithic culture. A new culture received the name of Orlovka culture, in honour of the first investigated monument of such type – the site Orlovka near Volgograd (Mamontov V.I., 1974) (fig. 1, *10;* 85; 86). The territory of distribution of the sites of Orlovka culture is a steppe zone of the Volga-Ural interfluve and a steppe Right bank of the Volga.

The economical activity of the Neolithic Orlovka culture people is reflected in the materials of the Varfolomeevka site. Based on the osteology data and stone and bone tools analysis one may conclude that the economy mainly rested on the hunt of herbivores (wild horse, saiga, aurochs, koulan, red deer). Bird hunt was also popular. Fishing was another important activity. From out of the domestic industries, stated are skin treatment and pottery production. Collecting did not play any significant role then. No data speaking in favour of farming have been obtained. In the period of transition to the neo-eneolithic stage the site shows a greater amount of sheep bones and, at the same time, fewer savage animals' bones. This witnesses economy re-orientation and the beginning of cattle-raising development caused by climatic aridity.

In the course of investigations of the multilayer Neolithic site Varfolomeevka a unique collection of pieces of decorative and applied art made of bone was formed. It includes three groups of objects: tools and other artifacts decorated with ornament of different complexity; stylized statuettes made of horse astragali (Figs. 67, *1, 2*; 68-69); figurines of horses (Figs. 67, 3-5).

Tools and others artifacts are decorated with ornaments formed of 10 basic elements and their variants. Of most interest seems to the composition consisting of "labyrinth-meanders". No close analogies to this motif have been found yet. The analysis of the stylised figurines (7 finished and 4 non-finished specimens) has shown that they are stylised representations of women. Rare examples of similar statuettes have been discovered in the collections of the Neolithic settlements in steppe Eurasia, nevertheless, the meaning of processing and ornamenting astragali remains unclear. The appearance of the bone representations of horse mirrors the changeover to the producing economy in the Late Neolithic.

The camp Varfolomeevka is the only archaeological site in the region where the whole repertoire of the pieces of art discovered at the Neo-Eneolithic sites are represented. The steppe zone of South-Eastern Europe should be considered as united cultural continuity, as early art is concerned, the centre of bone-carving being probably disposed in the steppe region on the Volga left bank.

Orlovka culture existed more than thousand years. Its early stage is unknown and can be reconstructed only hypothetically, by analogy to not numerous materials such as Kugat and Tu-Buzgu-Khuduk in the south of the Volga region.

The basic site of the Orlovka culture - Varfolomeevka site started to function in the medial neolith. Chronological frameworks of the site Varfolomeevka and the Orlovka culture as a whole are determined on the basis of a typological comparison with the sites of the adjacent territories, data of radiocarbon and palynological analyses.

Medial Neolith. Materials of this period are submitted by a bottom cultural layer of the site Varfolomeevka. The bottom layer is synchronized with Kairshak sites of Seroglazovo culture in the North Caspian Sea Area, and also with the third and partly with the second layers of the site Dzangar in Northwest Caspian Sea Area (fig. 88; 89). An absolute not calibrated date (on coal in the basis of a cultural layer) is the first quarter of the V thousand years up to BC (6980 +-200 years ago (ГИН 6546), in the calibrated value it is the first half of the VI thousand years up to BC. A complex hunting - fishing economy has exclusively appropriating character. The climate is warmer, than in Pleistocene, but rather dry and cool.

Late Neolith. ***1-st stage***. It is submitted by a horizon 2 Б of Varfolomeevka, materials of the sites Vavilovo 2 on the Volga Left bank and Laguthinskaya on the Right bank of the Volga. It is synchronized with a part of materials of the second layer and a lower of the half first a layer of the site Dzangar (fig. 88). Dating of a stage – the third quarter of the V thousand years up to BC (6090 +-160 (Lu-2620); 6400 +-230 (Lu-2642), calibration specifies the end of the VI thousand years up to AD. A complex hunting - fishing economy has exclusively appropriating character. The climate is warmer, than in Pleistocene, but rather dry and cool.

2-nd stage. It is submitted by the materials of the layer 2 A of the site Varfolomeevka, the sites Orlovka and Rakhinka. A climatic optimum of holocen when there is a formation of rich in herbs steppes. Time of prospering of culture, occurrence of domesticated faunae, the first penetration of metal and the beginning of a material complex folding of the Precaspian Eneolithic cultures. It is synchronized with the top half of the first a layer of the site Dzangar and the site Tenteksor in Pre-caspian. Time of existence - last quarter of the V thousand years up to BC. A series of calibrated radiocarbon dates shows a chronological period from 4351 till 3991 years up to BC. In the layer 2A site of the Varfolomeevka according to data of A.V.Shadruhin thermomagnetic anomaly Ge-Kalgan is established which is compared to the episode of Jeltomorskoe II (about 6 thousand years ago), that corresponds well with radiocarbon definitions.

Transitive Neolithic-Eneolithic the period. It is submitted by the upper layer of the site Varfolomeevka and the materials of the bottom layer of the settlement Kumyska. It is the beginning of aridization of a climate. Edge ornamentation of ceramics and collar nimbuses of vessels appears for the first time. It is a final addition of Pre-caspian Eneolithic culture of Mariupol area. The first quarter of the IV thousand years up to BC.

The Neolithic time in the Lower Volga is represented not only by Orlovka culture (Yudin A.I., 1995, p. 4-10), but also by Dzangar (Koltchov P.M., 1987) and Seroglazovo (Kozin E.V., 2002, p. 5-18) cultures (fig. 1). These cultures are united in the Lower Volga cultural area or generality.

Three cultures of the Lower Volga a generality – Seroglazovo, Orlovka and Dzangar – have their re-

gional features and at the same time make a uniform block with a complex of the cultural features inherent only to it, allocating it of similar formations of surrounding regions.

Probably, by virtue of an arrangement in more favorable natural-climatic zone the Orlovka population has played a determining role in development of the Lower Volga cultural generality, had existed up to the end Neolithic epoch and had served as a substratum during the formation of early Eneolithic cultures of the Mariupol circle.

The steppe area of the Lower Volga region occupied Orlovka culture. The Orlovka culture was a centre from which steppe cultural traditions were sreading to the North and North-East in the ambience of wood-steppe and forest tribes. There exist analogies with the Orlovka culture in neolithic culturies of the right bank of the Volga, Volga-Kama, Volga-Uralian and Transuralian cultures, (fig. 91; 92).

Tribes of the Orlovka culture also had constant cultural contacts with their southern neighbours who seasonally migrated to the North because of the very fluctuating climate of the North Caspian area. This can be tracked in ceramic complexes (fig. 89; 90), stone and bone tools. There existed trade with some remote areas from which objects made of shoksha sandstone, nephritis, as well as chalk and honey were imported (on the late stage). Constant contacts of the Orlovka culture with other tribes were supported by the unitive scheme of development of the Dzangar (fig. 88), Racushechny Iar cultures in the late neolithic - an early eneolithic epochs (fig. 93).

Научное издание

Юдин Александр Иванович

Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья

Редактор В.А.Трушина
Технический редактор Л.В.Агальцова
Корректор Е.А.Малютина

Подписано в печать 14.05.2004 Формат 60x841/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,25 (25). Уч.-изд. л. 22,3. Тираж 500. Заказ 53

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Отпечатано в типографии ЗАО "ПЦ ИППОЛиТ-99".
Саратов, Б.Казачья, 79/85.